

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2017

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 03 (57) 2017
Часть 1
Март**

Подписано в печать 17.03.2017.
Тираж 900 экз.
Заказ 26177.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АГРАРНОМ ВУЗЕ	6
АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ «ТЭРЧИ» В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ	9
ACTIVITY-AXIOLOGICAL APPROACH AS A PHENOMENON OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF PHYSICAL EDUCATION	11
МОДЕЛИ РУССКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ (ТРКИ-3).....	13
ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ХОККЕЯ С МЯЧОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ	17
ДУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ	19
«РЕПЕРТУАРНЫЙ ТЕСТ РОЛЕВОГО КОНСТРУКТОРА» ДЖ. КЕЛЛИ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	22
О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ ХОККЕЙНЫХ ВРАТАРЕЙ 14-17 ЛЕТ	24
ИССЛЕДОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	27
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ АРМЕЙСКИМ РУКОПАШНЫМ БОЕМ.....	30
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА В ХОДЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИКЕ	32
ОБОСНОВАНИЕ ТРЕБОВАНИЙ РАБОТОДАТЕЛЕЙ К УРОВНЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ.....	40
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ХОРЕОГРАФОВ.....	43
САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	48
ИММИТАЦИОННЫЕ ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКЕ	55
КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИНИЙ И ПОВЕРХНОСТЕЙ ВТОРОГО ПОРЯДКА	57
ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИЕЙ МОЛОДОГО ПЕДАГОГА ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	61
СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБУЧАЮЩЕГО МОДУЛЯ.....	64
МОДУЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	67
К ВОПРОСУ О ДИАГНОСТИКЕ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИКИ К ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	70
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)	72

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

ОРГАННЫЕ ТАБУЛАТУРЫ П. АТТЕНЬЯНА: К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ	75
ВЫСТАВКА «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УБРАНСТВО РУССКИХ ДВОРЦОВ XVIII ВЕКА» В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ 1946 ГОДА: К ВОПРОСУ О ВОЗРОЖДЕНИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИГОРОДАХ ЛЕНИНГРАДА ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	79
ВКЛАД ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТАНОВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКА: ОПЫТ ПРОШЛОГО.....	83
RESTORATION OF THE TOMB OF THE VIRGIN MARY DURING CRUSADES: REARRANGEMENT OR PRESERVATION OF ITS CONSTRUCTION?	86
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ФОРМ В СЦЕНИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ: ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	88

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

ЕВРОПЕЙСКИЙ УРБАНИЗМ МОДЕРНА. РУССКИЙ УРБАНИЗМ ЭПОХИ АМПИР. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	91
--	----

МОТИВ СНА В РОМАНЕ М. ПАВИЧА «ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ»	93
ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ СРЕДЫ НА РЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ..	97
<u>ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY</u>	
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЗДНЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАКАСИИ).....	99
ЗАМЕТКИ О ПОЕЗДКЕ ГОСПОДИНА ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА СТЕПНОГО КРАЯ В 1885 ГОДУ ПО СЕМИРЕЧЕНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	102
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	106
<u>ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY</u>	
ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАРУШЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	111
ИЗУЧЕНИЕ САМООТНОШЕНИЯ У НАРКОЗАВИСИМОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ.....	114
СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ ИЛИ РАЗНООБРАЗИЕ И ИЗМЕНЕНИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА ДВУХ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ	116
ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ.....	122
ВИДЫ ТРЕНИНГОВ КОМАНДООБРАЗОВАНИЯ	125
<u>СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY</u>	
ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ	127
<u>ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGY</u>	
AGRICULTURE OF THE PRIMORYE: AGRARIAN PERIPHERY OR COMPETITIVE SEGMENT FOR INTERNATIONAL COOPERATION IN THE ASIA PACIFIC REGION	130
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	136
<u>ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY</u>	
ОЦЕНКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ.....	138
К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ФЕНОМЕНА ПОСТИДЕОЛОГИИ	140
КАТЕГОРИАЛЬНО-КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ	143
КРИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО РАДИКАЛИЗМА, ТЕОРИЯ ЭЛИТАРИЗМА И ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю.ЭВОЛЫ	145
РЕКЛАМА И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ РАСПАДА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ	147
ФОРМИРОВАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БАЗЫ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	150
ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПОТРЕБНОСТЬ» В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	153
INTEGRATION OF SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND PRODUCTION CLUSTERS: THE PROBLEM OF INTERACTION	156

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY**DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.012>****Андрющенко Е.В.****ORCID: 0000-0002-9725-9072, преподаватель, Брянский государственный аграрный университет
ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АГРАРНОМ ВУЗЕ****Аннотация**

В статье речь идёт об особенностях образовательно-педагогического дискурса в аграрном вузе, который призван создать благоприятные условия для гармоничного развития личности студента. Рассматриваются требования образовательных и профессиональных стандартов, анализируются основные образовательные программы отдельных аграрных вузов, рабочие программы по иностранному языку, их цели, задачи, содержание. Большое внимание уделяется проблеме формирования информационно-коммуникативной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: образовательно-педагогический дискурс, информационно-коммуникативная компетенция, основная образовательная программа, иностранный язык.

Andryushchenok E.V.**ORCID: 0000-0002-9725-9072, lecturer, Bryansk State Agrarian University****THE FEATURES OF THE EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL DISCOURSE IN THE AGRICULTURAL HIGH SCHOOLS****Abstract**

The article discusses the features of the educational and pedagogical discourse in the agricultural high schools, which aims to create favourable conditions for the balanced development of the student's personality. The educational requirements and professional standards have been considered, the main educational programs of some agricultural universities and their working programs in a foreign language, aims, purposes and contents of these programs have been analyzed. Much attention has been paid to arranging conditions for the development of information-communicative competence in the foreign language classroom.

Keywords: educational and pedagogical discourse, information and communicative competence, basic educational program, foreign language.

Изменения, происходящие в мире, и в нашей стране в частности, затрагивают систему отечественного высшего профессионального образования, цель которой заключается в подготовке высококвалифицированных, интеллектуально, культурно и нравственно развитых профессионалов, способных и готовых к саморазвитию и самосовершенствованию на протяжении всей жизни.

Согласно Закону об образовании Российской Федерации (РФ) вузы призваны способствовать всестороннему гармоничному развитию личности студента – бакалавра – магистра, приобретение им в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) знаний, умений, навыков, формирование ряда общекультурных (ОК), общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных компетенций (ПК), жизненно важных и позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере [2].

Обязательным компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля является владение иностранным языком, что представляется важным с точки зрения выполнения Болонских соглашений, способствования социальной и академической мобильности студентов, конкурентоспособности выпускника вуза на рынке труда.

Анализируя ФГОС ВО [6] и ОПОП некоторых отечественных аграрных вузов, в частности инженерно-технологического института Брянского государственного аграрного университета; инженерного института Мичуринского государственного аграрного университета; технологического факультета Российского государственного аграрного университета- МСХА имени К.А. Тимирязева; факультета инженерии и природообустройства Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова; факультета агротехники и энергообеспечения Орловского государственного аграрного университета имени Н.В. Парахина, факультета механизации Кубанского государственного аграрного университета, для направления подготовки 35.03.06 Агроинженерия (уровень бакалавриата) профилей: Технические системы в агробизнесе; Технический сервис в АПК; Технологическое оборудование для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, мы выявили, что изучение предмета «Иностранный язык», как дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла базовой части программы, осуществляется на 1-2 курсах в течение 2-3 семестров при общей трудоёмкости в 6-10 зачётных единиц (ЗЕТ). Следует отметить, что на контактную работу со студентами, которая предусматривает интерактивную форму проведения занятий от 50 до 100%, выделяется 2,5-5 ЗЕТ.

Согласно Примерной программы дисциплины «Иностранный язык для неязыковых вузов и факультетов» (Москва, 2009) и составленных на её основе учебных рабочих программ для студентов направления подготовки «Агроинженерия» (уровень бакалавриата) цель освоения вышеуказанной дисциплины – овладение навыками профессионально ориентированной иноязычной коммуникации.

К задачам относят воспитание толерантности и уважения к духовным ценностям разных стран и народов; развитие когнитивных и исследовательских умений; навыков использования информационно-коммуникативных технологий для поиска и анализа необходимой научно-технической информации из иноязычных источников; развитие информационной культуры; расширение кругозора и повышение общей гуманитарной культуры студентов; повышение уровня учебной автономии, способности к самоорганизации и самообразованию [3].

В результате решения поставленных задач представляется возможным формирование информационно-коммуникативной компетенции, которую отечественные учёные понимают, как:

- способность полноценно общаться на иностранном языке в разнообразных ситуациях (Бим И.Л., Мильруд Р.П., Сафонова В.В., Соловова Е.Н. и др.);
- совокупность знаний и умений в области коммуникации, информационно-коммуникативных технологий, навыков иноязычного дискурса в условиях поликультурного общества (Калмыкова С.В., Смирнова И.Г., Софинская Е.Н., Стрекалова Н.Б. и др.);
- целостную, интегративную, многоуровневую, личностную характеристику специалиста, обладающего комплексом знаний, умений, навыков, личностно-профессиональных качеств, ценностных установок и готового к коммуникативному взаимодействию и обмену личностно и профессионально значимой информацией (Бочарова Л.В., Прилепина А.В. и др.).

Как сложное, многокомпонентное и многоуровневое явление, информационно-коммуникативная компетенция профессионала является показателем его профессионализма, мастерства, конкурентоспособности [1]. Мы полагаем, что информационно-коммуникативная компетенция формируется, развивается и совершенствуется в образовательно-педагогическом дискурсе.

Анализируя работы, связанные с исследованием дискурса, мы выяснили, что многочисленные термины, напр. «образовательно-педагогический дискурс», «учебно-воспитательный дискурс», «дидактический дискурс», «учебный дискурс», «аудиторный дискурс», «учебно-педагогический дискурс», «университетский дискурс» и т.п., употребляются в различных значениях:

- речевое поведение учителя на занятии (Михальская А.К., Остражкова Н.С., Черник В.Б.);
- комплекс текстов, функционирующих в пределах образовательной сферы (Авлова Т.Б., Бариев П.Т., Чубарова О.Э.);
- текст как единица обучения иностранному языку (Беспалова С.В., Богатырёва О.П., Возневич В.А., Столярова Е.В.);
- специализированная клишированная разновидность общения, обусловленная социальными функциями и ролями партнёров (Карасик В.И., Бейлинсон Л.С., Липаев А.П., Ежова Т.В.);
- процесс формирования и интерпретации учебных текстов в коммуникативной ситуации в сфере организованного обучения (Аренова М.Ж., Баранова Н.А., Габидулина А.Р.).

На основании выявленных определений можно утверждать, что образовательно-педагогический дискурс имеет место быть там и тогда, где возникает коммуникативное взаимодействие между преподавателем и студентом с целью передачи опыта, а образование, как комплексная система по приобретению знаний, умений, навыков, ценностей, опыта практической деятельности и компетенции, осуществляется в ситуациях непосредственной работы с учебными текстами, их актуализации и интерпретации, т.е. в учебной аудитории, на лекционном или практическом (семинарском, лабораторном) занятии.

Исходя из позиций онтологического и телеологического подходов, образовательно-педагогический дискурс осуществляется таким образом, что одна группа коммуникантов (преподаватели) передаёт другой группе (студенты) некоторые профессиональные знания, опыт и социокультурные ценности и оценивает её успехи (успехи студентов). К наиболее значимым речевым актам дискурсивной деятельности относят директивы, репрезентативы и декларативы. Отличительными характеристиками образовательно-педагогического дискурса являются оценивание и высокая интеракциональность, т.е. диалогичности. Вопросно-ответная форма используется не только для активизации учебно-познавательной деятельности студентов, но и для лучшего усвоения обучающимися определённых репрезентативов.

Образовательно-педагогический дискурс отличается от других видов дискурса (рекламного, административного, политического и т.п.) тем, что оперирует преимущественно текстами: нарративными, референциальными, панорамными, декларативными, тезисными, что можно объяснить особенностями когнитивной деятельности адресатов и спецификой транслируемого знания. Учебный текст организует действия студентов по поиску решения познавательной задачи: от постановки проблемы до контроля и оценки её реализации, а для этого он должен представлять определённый интерес для студентов и нести дополнительную научно-познавательную информацию.

С этой целью на занятиях по иностранному языку студентам направления подготовки «Агроинженерия» традиционно предлагаются для ознакомления и последующего анализа и обсуждения учебные тексты, непосредственно связанные с будущей профессиональной деятельностью: Устройство двигателя внутреннего сгорания; Сельскохозяйственные машины; Классификация тракторов; Крепления; Автоматизированные системы; Технические характеристики и т.п., а также разговорные темы развивающего характера, напр. Моя родной край; Мои знаменитые земляки; Выдающиеся учёные-изобретатели и т.д.

Работа над текстами в процессе их формирования и интерпретации в коммуникативной ситуации в сфере организованного обучения, т.е. в условиях образовательно-педагогического дискурса, способствует формированию информационно-коммуникативной компетенции, которую мы определяем вслед за Смирновой И.Г. как совокупность знаний основ коммуникации и современных информационно-коммуникативных технологий, навыков дискурса, способностей к межкультурной и межличностной коммуникации в условиях поликультурной среды [5]. К её составным компонентам мы относим способность к коммуникации, обмену профессионально значимой информацией; способность и готовность осуществлять поиск, анализ и применение научно-технической информации в учебно-познавательной и профессиональной деятельности, в т. ч. и на иностранном языке; способность к самоорганизации и самообразованию, что на наш взгляд, полностью соответствует требованиям ФГОС ВО и Профессиональных стандартов, где, кроме специальных технических характеристик квалификации, включены также способности, связанные с гуманитарной стороной трудовой деятельности специалиста сельского хозяйства: умение использовать отечественный и зарубежный опыт; планировать собственную работу и работу подчиненных, взаимодействовать с другими работниками.

В заключении необходимо добавить, что образовательно-педагогический дискурс является тем средством, которое может наилучшим образом обеспечить создание благоприятных условий для личностного становления каждого студента, развития его индивидуальности и самореализации как активного субъекта образования.

Список литературы / References

1. Андрияшенок Е. В. Формирование информационно-коммуникационной компетенции в процессе профессиональной подготовки в вузе / Е. В. Андрияшенок, М. В. Семьшев // Вестник Воронежского института МВД №4. – Воронеж: РИО Воронежского института МВД, 2012. – С. 180-185.
2. Закон об образовании Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).
3. Орлов А. А. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании / А. А. Орлов // Моногр. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого. – 2012. – 120 с.
4. Романов В.А. Психолого-педагогические условия успешности обучения бакалавров в вузе / В.А. Романов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – №8-2 (27). – С. 90-91.
5. Смирнова И. Г. Педагогические условия формирования информационно-коммуникативной компетенции студентов в образовательном процессе вуза : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 : защищена 19.05.11 : утв. 19.09.11 / Смирнова Ирина Григорьевна. – Воронеж, 2011. – 188 с.
6. ФГОС ВО по направлению подготовки 35.03.06 Агроинженерия (уровень бакалавриата), утверждённого приказом Министерства образования и науки РФ от 20 октября 2015 г., №1172 [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/350306> (дата обращения: 01.12.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andryushchenok E. V. Formirovanie informacionno-kommunikacionnoj kompetencii v processe professional'noj podgotovki v vuze [Development of the information and communication competence during the vocational training in high school] / E. V. Andryushchenok, M. V. Semyshev // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD №4 [Bulletin of Voronezh Institute of MIA]. – Voronezh: RIO Voronezhskogo instituta MVD. – 2012. – P. 180–185. [in Russian]
2. Zakon ob obrazovanii Rossijskoj Federacii [Law in Education of the RF]. – URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (accessed: 07.02.2017). [in Russian]
3. Orlov A. A. Kompetentnostnyj podhod v vysshem professional'nom obrazovanii [Competence based approach in higher professional education] / A. A. Orlov // Monograph. – Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo. – 2012. – 120 p. [in Russian]
4. Romanov V. A. Psihologo-pedagogicheskie uslovija uspešnosti obuchenija bakalavrov v vuze [Psychological and pedagogical conditions of successful training bachelors in high school] / V. A. Romanov // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – 2014. – №8-2 (27). – P. 90-91. [in Russian]
5. Smirnova I. G. Pedagogicheskie uslovija formirovaniya informacionno-kommunikativnoj kompetencii studentov v obrazovatel'nom processe vuza [Pedagogical conditions for the development of students' information and communication competence during educational process in high school] : dis. ... of PhD in Pedagogics : 13.00.01. : defense of the thesis 19.05.11 : approved 19.09.11 / Smirnova Irina Grigor'evna. – Voronezh. – 2011. – 188 p. [in Russian]
6. FGOS VO po napravleniju podgotovki 35.03.06 Agriingenerija (uroven' bakalavriata), utverzhdennoe prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 20 oktjabrja 2015 g., №1172 [FSES HE in the field of training 35.03.06 Agriengineering (bachelor's level), approved by the Ministry of Education and Science]. – URL: <http://fgosvo.ru/350306> (accessed: 01.12.2016). [in Russian]

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

ПРИМЕР DOI:

10.18454/IRJ.2015.0001

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.119>Андросова М.И.¹, Афанасьева Л.И.²¹ORCID: 0000-0003-3955-5102, Аспирант, ²ORCID: 0000-0001-5134-4944, Кандидат педагогических наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова**АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ «ТЭРЧИ» В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ****Аннотация**

В статье выделены категории семей «группы риска» и представлен анализ деятельности Центра психолого-педагогической помощи семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию «Тэрчи» г. Якутск. Выделены и описаны направления работы центра – это диагностическое, консультативное, коррекционное, обучающее, досуговое. Представлены данные по работе специалистов центра - психологов, логопеда, социальных педагогов, юриста. Выявлены категории семей, которым оказано социально-педагогическое сопровождение и виды помощи, оказанные специалистами центра.

Ключевые слова: семья, социально-педагогическое сопровождение, трудная жизненная ситуация.

Androsova M.I.¹, Afanasyeva L.I.²¹ORCID: 0000-0003-3955-5102, Postgraduate student, ²ORCID: 0000-0001-6150-6740, PhD in Pedagogy, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov**ANALYSIS OF ACTIVITY OF THE CENTER PSYCHO-PEDAGOGICAL HELP TO FAMILIES OF "TERCHI" IN THE DIFFICULT LIFE SITUATION****Abstract**

The article highlights the category "at risk" families and provide an analysis of the activities of the Center for psycho-pedagogical assistance to families in difficult life situation "Terchi" Yakutsk. The diagnostic, consultative, correcting, teaching, leisure directions of the center are identified and described. The research presents the data on the work of the center professionals - psychologists, speech therapists, social workers, lawyers. The article identifies categories of families, which had a socio and educational support and the types of assistance rendered by experts of the center.

Keywords: family, social and pedagogical maintenance, difficult life situation.

В трудную жизненную ситуацию может попасть любая семья, но благодаря мобилизации внутренних ресурсов (самоорганизации) одни могут самостоятельно справиться со сложившейся ситуацией, а другие нет. Соответственно, в «группу риска» могут быть отнесены неполные семьи, семьи беженцев, вынужденных переселенцев, мигрантов, малообеспеченные семьи, безработные, семьи с детьми-инвалидами, многодетные семьи, неблагополучные семьи [3]. Для данной категории населения характерны такие проблемы, как финансовые, юридические, медицинские, психологические, педагогические, социальные, а также связанные с трудоустройством, ограничением жизнедеятельности. Зачастую в семьях, испытывающих трудности, могут наблюдаться неадекватная самооценка и представление о собственной личности; чувство вины, обиды, незащищенности и беспомощности; социальная дезадаптация; химические аддикции (алкоголизм, табакокурение, наркомания, токсикомания); тревога, агрессивность и гнев; психосоматические нарушения; дисгармония родительно-детских отношений. Таким образом, семью, попавшую в трудную жизненную ситуацию, можно назвать дезадаптированной по причине изменения условий жизнедеятельности и привычные модели поведения и реагирования не подходят [2]. Соответственно необходимо создать условия восстановления нормальной жизнедеятельности семьи посредством социально-педагогического сопровождения.

В рамках нашего научного исследования был создан центр социальной и психолого-педагогической поддержки семей в трудной жизненной ситуации «Тэрчи» в г. Якутске. Специфика нашего региона в том, что из-за сложной экономической ситуации на селе и реструктуризации сельских школ, идет отток населения из сел в города, и, как следствие, возрастает уровень внутренней миграции. В связи с увеличением количества воспитанников и учащихся, за счет детей сельских мигрантов возникает проблема нехватки мест в дошкольных и школьных образовательных учреждениях. Как правило, дети из семей внутренних мигрантов не организованы, и наш центр способствует их занятости, развитию, обучению и своевременной коррекции. Работы с семьями ведется по следующим направлениям – диагностика, обучение, развитие, коррекция, реабилитация, профилактика [1]. При центре функционируют:

- кабинет детского развития для детей дошкольного возраста;
- кабинет психолога;
- кабинет логопеда;
- школа для родителей;
- группа продленного дня для школьников;
- временный приют для семей с детьми;
- кабинет юридической помощи.

Одной из отличительных особенностей центра «Тэрчи» заключается в том, что в то время, когда дети дошкольного возраста занимаются при кабинете детского развития, мамы проходят обучение в школе для родителей. Данная группа развития выступает как альтернатива детскому саду – с детьми занимаются педагог, психолог, логопед, игротехнолог. Учитывая специфику возраста, активно используются игровые технологии не только на занятиях, но и для коррекционной работы с детьми (развитие коммуникативных навыков, снятие зажимов и тревожности, работа с застенчивостью, страхами). Для всестороннего развития и адаптации ребят к городскому социуму, центр организует экскурсии, посещение выставок детского творчества, театров, цирка, зоопарка, участие в конкурсах. Все мероприятия проводятся совместно с родителями, так как в семьях, обратившихся за помощью, наблюдаются нарушения родительно-детских отношений и совместное времяпровождение способствует гармонизации взаимоотношений. В период с 2014 по 2016 г. кабинет детского развития посетило 109 детей.

Также для повышения уровня психолого-педагогической компетентности законных представителей ребенка при центре создана «Школа для родителей». В ней родители проходят обучение у педагогов и психологов. В ходе занятий родители получают информацию о семье, как социальном институте, о психологических особенностях взаимоотношений супругов в браке, о правах и обязанностях родителей, об уходе и присмотре за ребенком, о налаживании режима дня, психологию разных возрастных периодов, о стратегии поведения в конфликтных ситуациях, об организации досуга детей и совместного времяпровождения. Для родителей психолог проводит консультации, беседы, лекции, обучение, тренинги, так как основная часть родителей пассивны в воспитании детей и в основном заботятся только о том, чтобы дети были накормлены. Из-за такой пассивной позиции родителей развитие этих детей отстает от развития сверстников, посещающих детский сад (бедный словарный запас, узкий кругозор, низкий уровень саморегуляции, культуры поведения, проблемы с коммуникацией в связи с билингвизмом и изменившимся социумом). Поэтому упор в работе педагогов и психологов делается на активизации родителей в деле воспитания детей и принятии ответственности за их будущее. Педагоги обучают родителей организации домашнего чтения, семейного досуга, трудового воспитания и многому другому. «Школу для родителей» с 2014г. по 2016г. посетило 164 человека.

Мониторинг посещаемости кабинета психолога показал, что семьи в трудной жизненной ситуации очень нуждаются в психологической помощи. Психологи используют как индивидуальную форму работы (диагностика, консультационная помощь, коррекция), так и групповую (тренинги, арт-терапию). В период с 2014 г. по 2016г. к психологам обратилось 979 человек.

Востребованными остаются услуги логопеда, которого активно посещают дети дошкольного и младшего школьного возраста. Логопед не только «ставит» произношение звуков, но занимается развитием речи в целом совместно с педагогом, воспитателем, а также обучает и консультирует родителей по коррекционной работе с ребенком в домашних условиях. С 2014 года по 2016 год прошел обучение у логопеда 161 ребенок.

В 2015 году назрела необходимость открытия при Центре группы продленного дня для ребят из семей в трудной жизненной ситуации (стесненные жилищные условия, наличие тяжелобольного члена семьи, алкоголизм взрослых, педагогическая запущенность, низкая успеваемость и др.). На сегодняшний день при школах не организуют группы продленного дня для детей из семей «группы риска» из-за перегруженности школ вследствие внутренней миграции и повышения рождаемости в целом.

Наибольшее количество детей было направлено из средних общеобразовательных школ – 59%, по самообращению – 27%, в основном это дети многодетных, малоимущих семей – 61%, дети из неполных семей – 39%. В общей сложности в период с 2015 г. по 2016 г. группу продленного дня посетило 184 ребенка.

Социально-педагогическое сопровождение было оказано 58 семьям, в которых проживает 299 человек и из них 207 это несовершеннолетние дети. Выявили следующие категории семей, обратившихся за помощью:

- полные семьи – 15;
- многодетные семьи – 41;
- малоимущие – 56;
- неполные семьи – 39;
- семьи с ребенком-инвалидом – 5;
- семьи родителей-инвалидов с несовершеннолетними детьми – 5;
- опекуны семьи – 1.

В процессе социально-педагогического сопровождения оказано содействие в трудоустройстве 7 безработных родителей; выделена единовременная материальная помощь; 20 несовершеннолетних детей направлены в детские лагеря отдыха; законные представители прошли обучение в «Школе родителей»; дети дошкольного возраста определены в группу развития, а младшего школьного возраста в группу продленного дня; организована помощь логопеда и психолога.

В целом в центр обратилось 1999 человек, которым была оказана разного вида помощь и организовано социально-педагогическое сопровождение. Благодаря своевременно оказанной помощи и сопровождению восстановилась нормальная жизнедеятельность семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Список литературы / References

1. Андросова М. И. Социально-педагогическое сопровождение семьи в трудной жизненной ситуации / М. И. Андросова, Т. Ю. Ковтун // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. - № 9 (51) – Часть 4. – С. 45-47.
2. Евграфова И. Н. Социально-педагогическая поддержка семьи в трудной жизненной ситуации: Дис... канд. пед. наук: 13.00.02 / Евграфова Ирина Николаевна. – Москва, 2001. – 187 с.
3. Осухова Н. Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. Г. Осухова. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 288 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Androsova M. I. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie sem'i v trudnoj zhiznennoj situacii [Socio-pedagogical support families in difficult situations] / M. I. Androsova, T. Y. Kovtun // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. - 2016. - № 9 (51) Part 4. - P. 45-47. [in Russian]
2. Evgrafova I. N. Social'no-pedagogicheskaja podderzhka sem'i v trudnoj zhiznennoj situacii [Socio-pedagogical support of a family in a difficult situation]: Dis ... PhD in Pedagogy: 13.00.02 / Evgrafova Irina Nicolaevna. - Moscow, 2001. - 187 P. [in Russian]
3. Osuhova N. G. Psihologicheskaja pomoshh' v trudnyh i jekstremal'nyh situacijah: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Psychological assistance in difficult and extreme situations: a textbook for university students] / N. G. Osuhova. - M.: Publishing Center "Academy", 2005. - 288 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.026>

Артемиев А.А.

ORCID: 0000-0003-4169-8583, Кандидат педагогических наук, Доцент, Новокузнецкий филиал-институт Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ФЕНОМЕН СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В статье представлены результаты теоретико-методологического исследования автора, посвященные становлению и развитию сферы физической культуры с эпохи Палеолита до периода Древнего Мира. В процессе исторического анализа, были выявлены предпосылки косвенного участия деятельностно-аксиологического подхода в становлении и дальнейшем развитии физической культуры. В частности, в эпоху Палеолита, под воздействием голода и холода, человек постепенно начинает формировать в себе ценность навыков ведения охоты. Именно в процессе ее человек овладевает жизненно важными и необходимыми умениями. В эпоху мезолита и неолита деятельность человека начинает расширяться и переносит ценностные ориентиры на земледелие и животноводство. В период перехода от первобытнообщинного к классовому обществу возникает эстетический идеал непобедимого, легендарного героя (Геракл, Ахиллес, Прометей и др.). Ведущей направленностью физической подготовки юношей становятся занятия военно-прикладными видами спорта. В заключении сделан вывод о том, что сфера физической культуры и спорта в своей основе содержит закономерности развития личности в процессе деятельности, которая ориентирована на ценности и идеалы определенного периода жизни человека.

Ключевые слова: история физической культуры, ценности и идеалы, деятельностно-аксиологический подход.

Artemyev A.A.

ORCID: 0000-0003-4169-8583, PhD in Pedagogy, assistant professor, Novokuznetsk branch Institute of Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Kemerovo State University»

ACTIVITY-AXIOLOGICAL APPROACH AS A PHENOMENON OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF PHYSICAL EDUCATION

Abstract

The article presents the results of theoretical and methodological research of the author, devoted to the formation and development of the sphere of physical culture from the Paleolithic Age to the period of the Ancient World. In the process of historical analysis, it has been identified preconditions indirect participation of activity-axiological approach in the formation and further development of physical culture. In particular, in the Paleolithic era, under the influence of cold and hunger, man gradually begins to form a value of the skills of hunting. During this process man possessed vital and necessary skills. In an era of Mesolithic and Neolithic human activity begins to expand and carries valuable reference to agriculture and live stock breeding. During the transition from the primitive to a class society there is an aesthetic ideal of invincible, legendary hero (Hercules, Achilles, Prometheus, etc.). Leading orientation of the physical preparation of young men are applied military sports. Finally it concluded that the sphere of physical culture and sports at the root contains patterns of personality development in the normal course of business, which is focused on the values and ideals of a certain period of life.

Keywords: history of physical culture, values and ideals, action-axiological approach.

Introduction

History of physical education and sports has gained a considerable amount of works, that showcase its formation and development from the simplest forms to modern forms of sports activity. Research of the historians such as L. Kuhn, V.V. Stolbov, N.I. Ponomarev, V. Olivova et al., are brought to us information about the characteristics of an area of physical culture and sports in every socio-political formation. In addition, in their works, it is possible to trace the effect on physical culture by various social factors and, on the contrary, the effect of physical training on various aspects of social life. We decided to continue the research in this area from the standpoint of teaching methodology and pedagogy of physical culture and sports.

The purpose of the research - to carry out the theoretical and methodological analysis of the stages of formation and development of physical culture and sports from the perspective of action-axiological approach.

Methods and organization of the research. The theoretical and methodological analysis of scientific and educational literature on the research topic is carried out. The historical parallels of the formation and development of the sphere of physical culture and sport since the Paleolithic Age to the period of the ancient world is described.

The results of the research and discussion. As known, the basis of all educational activities, including the pedagogy of physical culture and sports, should be based on a specific approach, which is, according to V.A. Slavenin, specific relatively independent principle of the specific research methodology of pedagogical science and appropriately served practice [14].

In modern pedagogy there is a quantity of different approaches: axiological, pragmatist (activity), comprehensive, person-centered, humanistic, systemic, and others. Many of the approaches found evidence of its effectiveness in practice [9].

In spite of this, we offer to review the history of genesis of physical culture and sports from a position of activity-axiological approach that will allow us to identify the substantive, procedural unity of activity-oriented and value component of the spheres of life of people at all stages of formation and development of mankind. However, this should be given special attention to all components of the contents of physical culture, which ultimately translate into a particular pedagogical theory, as well as designate main ideas and concepts of socio-economic reality, that will determine the direction of this theory.

Clarify the concept, the content and nature of the activity and axiological approaches in the context of further investigation, we consider it expedient to consider activity-axiological approach as a methodological principle, the implementation of which allows you to create value attitude to physical culture and sport, as a socially important spheres of life of people in the process of individual and group activities.

The first premise of indirect participation of the activity-axiological approach in the development of physical culture and sport can be traced back to the Paleolithic era, when the main source of human existence was hunting. For the purpose of survival and sustenance man - Neanderthal man begins to create weapons of stone, wood and a variety of other subjects. Under the influence of the cold and hunger, man gradually begins to form a value of the skills of hunting. During this process man possessed vital and necessary abilities and skills. This was achieved by means of repeated observations, copying and imitation of movements of animals.

In an era of Mesolithic and Neolithic human activity begins to expand and carries valuable reference to agriculture and live stock breeding. Physical education of that period was related to the training of the younger generation the skills of riding, weightlifting, dancing and some forms of "meditation", which was based on the worship of pagan deities of fertility. Gradually, these, once harmless form of motor activity and life, begin to grow into violent competition between the parties, somewhat similar to modern competition. According to physical culture and sport historians [6, 10, 15], these fights and competitions have given rise to the ceremonial centers of events in Greece, Egypt, South England, Croatia and Sweden. It was connected with the intensification of the struggle for the best fertile land, which in turn gives impetus to the development of military and physical preparation of young men pointing thus to the transfer of values towards the applied military physical preparation.

During this period of transition from the primitive to a class society there is an aesthetic ideal of the invincible, legendary hero (Hercules, Achilles, Prometheus, etc.). The value orientation of physical education, as stated above, is beginning to focus on the employment of young men of applied military sports, such as archery, horse riding, javelin and disc, fight. These types of training were widely used in the original institutions - youth houses which, basically, were analogous to the modern educational institutions [7]. The content of the training programs in these houses was aimed at organizing of various activities that contributed to the formation of values of labor, moral and physical readiness of the younger generation.

In the works of N.P. Novoselov, N.I. Ponomarev, M.D. Orobinsky it is judged that the physical exercises and games began to develop in the primitive communal society based on deep qualitative changes in the industrial and socio-economic sphere and in the thinking of people who, on the basis of axiological systems of each period of social development, were forced develop labor and hunting skills, improve their health during the game. In turn, the game is a view not meaningful productive activity, where the motive is not in its result, but the process itself.

Thus, based on the opinion of L. Kuhn, that the development of physical culture of primitive society two qualitative leaps are guilty, in the course of which, first, a new sphere of human activity contributes to the differentiation of the value of physical exercise, dance moves and game elements to strengthen the body, the development of labor and hunting skills. During the second leap, when the decomposition of primitive society begins, values are transferred to the need for development and the conquest of new lands, the time of institutional standards of physical fitness that have become the means of social subordination and give impetus to the development of the military component of the application sphere of physical culture and sports.

In manner, the above aspects can be seen in the Marxist-Leninist philosophy, in which the law of development of human knowledge lies in moving from appearance to essence, from the outside to the inside. "From living perception to abstract thought, and from this to practice, - wrote V.I. Lenin - this is the dialectical path of the knowledge of the truth, the knowledge of objective reality" [cit. ex 12].

Conclusion. Our research confirms the extended hypothesis that the sphere of physical culture and sports in its core contains patterns of personality development in the normal course of business, which is focused on the values and ideals of a certain period of life. We consider it appropriate to continue our research and review the historical aspects of the formation and development of physical culture and sports through the prism of activity-axiological approach to the modern period in the life of human society.

Список литературы / References

1. Анисимов В. В. Общие основы педагогики: учеб. для вузов / В. В. Анисимов, О. Г. Грохольская, Н. Д. Никандров. – М.: Просвещение, 2007. – 575 с.
2. Артемьев А. А. Исторические параллели развития физической культуры и представлений о здоровье / А. А. Артемьев, И. Л. Левина, В. М. Красилов // Валеология, №1, 2009. – С. 36-41
3. Артемьев А. А. Становление и развитие физкультурно-оздоровительной деятельности в образовании / А. А. Артемьев, И. Л. Левина // Философия образования, №5(62), 2015. – С. 131-140
4. Артемьев А. А. Теоретические и психолого-физиологические основы организации физкультурно-оздоровительной деятельности образовательного учреждения: монография / А. А. Артемьев. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2012. – 195 с.
5. Бальсевич В. К. Непрерывное физкультурное образование / В. К. Бальсевич, Т. И. Попов, Н. И. Санникова // Теория и практика физ. культуры – 2004. – №12. – С. 10-13.
6. Гик Е. Я. Популярная история спорта. – М.: Академия, 2007. - 448 с.
7. Джуринский А. Н. История педагогики древнего и средневекового мира: учебное пособие для высшей школы / А. Н. Джуринский. – М.: Издательство «Совершенство», 1999. – 224 с., ил.
8. Колбанов В. В. Валеология: основные понятия, термины и определения / В. В. Колбанов.- СПб.: Деан, 1998. - 231 с.
9. Краевский В. В. Методология педагогического исследования: пособие для педагога-исследователя / В. В. Краевский.- Самара : Изд-во СамГПИ, 1994. - 165 с.
10. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта: учебник для студентов высших учебных заведений, специализирующихся по учебной дисциплине «Физическая культура» / Л. Кун. - М.: Радуга, 1982. - 400с.
11. Марксистско-ленинская теория познания и обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vospitanievshkole.ru/didaktika-teoriya-obrazovaniya-i-obucheniya/33-marksistsko-leninskaya-teoriya-poznaniya-i-obuchenie.html>
12. Слостенин В. А. Общая педагогика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов М.: ВЛАДОС, 2003. - 256 с.
13. Столбов В. В. История физической культуры и спорта / В.В. Столбов. – М.: Просвещение, 1989. - 288 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anisimov V. V. Obshchie osnovy pedagogiki: ucheb. dlia vuzov [General principles of pedagogy: college textbook] / V. V. Anisimov, O. G. Grokholski, N. D. Nikandrov. - M.: Prosveshchenie, 2007. - 575 p. [in Russian]
2. Artem'ev A. A. Istoricheskie paralleli razvitiya fizicheskoy kul'tury i predstavleniy o zdorov'e [Historical parallels of the development of physical culture and ideas about health] / A. A. Artem'ev, I. L. Levina, V. M. Krasilov // Valeologiya, №1, 2009. - P. 36-41 [in Russian]
3. Artem'ev A. A. Stanovlenie i razvitie fizkul'turno-ozdorovitel'noy deyatel'nosti v obrazovanii [Formation and development of sports and recreational activities in education] / A. A. Artem'ev, I. L. Levina // Filosofiya obrazovaniya, №5(62), 2015. - P. 131-140 [in Russian]
4. Artem'ev A. A. Teoreticheskie i psikhologo-fiziologicheskie osnovy organizatsii fizkul'turno-ozdorovitel'noi deyatel'nosti obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: monografiya [Theoretical and psycho-physiological basis for the organization of sports and recreational activities of the educational institution] - Novokuznetsk: RIO KuzGPA, 2012. - 195 p. [in Russian]
5. Bal'sevich V. K. Nepreryvnoe fizkul'turnoe obrazovanie [Continuous physical education] / V. K. Bal'sevich, T. I. Popov, N. I. Sannikova // Teoriya i praktika fiz. kul'tury - 2004. - №12. - P. 10-13. [in Russian]
6. Gik E. Ia. Populiarnaya istoriya sporta [Popular history of sport] - M.: Akademiya, 2007. - 448 p. [in Russian]
7. Dzhurinskii A. N. Istoriya pedagogiki drevnego i srednevekovogo mira: uchebnoe posobie dlia vysshei shkoly [History of education of ancient and medieval world: study letter for high school] - M.: Izdatel'stvo «Sovershenstvo», 1999. - 224 p. [in Russian]
8. Kolbanov V. V. Valeologiya: osnovnye ponyatiya, terminy i opredeleniya [Valeology: basic concepts, terms and definitions] - St. Petersburg.: Dean, 1998. - 231 p. [in Russian]
9. Kraevskii V. V. Metodologiya pedagogicheskogo issledovaniya: posobie dlia pedagoga-issledovatelya [Methodology of pedagogical research: study letter for the pedagogue-researcher] - Samara.: Izd-vo SamGPI, 1994. - 165 p. [in Russian]
10. Kun L. Vseobshchaya istoriya fizicheskoi kul'tury i sporta: uchebnik dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, spetsializiruiushchikhsya po uchebnoi distsipline «Fizicheskaya kul'tura» [General history of physical culture and sports: study letter for students of higher educational institutions specializing in educational discipline "Physical culture"] - M.: Raduga, 1982. - 400 p. [in Russian]
11. Marksistsko-leninskaya teoriya poznaniya i obuchenie [The Marxist-Leninist theory of knowledge and learning] [Electronic resource]. - URL: <http://www.vospitanievshkole.ru/didaktika-teoriya-obrazovaniya-i-obucheniya/33-marksistsko-leninskaya-teoriya-poznaniya-i-obuchenie.html>. [in Russian]
12. Slastenin V. A. Obshchaya pedagogika: ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii [General pedagogy: study letter for students of higher educational institutions] / V. A. Slastenin, I. F. Isaev, E. N. Shiiyanov - M.: VLADOS, 2003. - 256 p. [in Russian]
13. Stolbov V. V. Istoriya fizicheskoi kul'tury i sporta [History of physical culture and sports]. - M.: Prosveshchenie, 1989. - 288 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.029>Бузальская Е.В.¹, Любимова Н.А.²¹Кандидат педагогических наук, докторант, доцент, ²доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет**МОДЕЛИ РУССКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ (ТРКИ-3)****Аннотация**

Статья посвящена выявлению основных моделей современного академического эссе, которые могут быть использованы при подготовке студентов к сдаче теста по русскому языку ТРКИ-3. Авторами проведено сопоставление структуры моделей русского эссе с моделями англоязычного академического эссе, используемыми при сдаче теста IELTS. Отличия в выборе и последовательности речевых тактик свидетельствуют о необходимости учитывать при типологизации моделей помимо типа речевой стратегии также и концептуальное основание, тип референта, тип модального субъекта и формальную организацию текста.

Ключевые слова: академическое эссе, фрейм, гештальт, сценарий, речевая стратегия.Buzalskaia E.V.¹, Liubimova N.A.²¹PhD in Pedagogy, doctoral student, associate professor, ²PhD in Philology, Professor, Saint Petersburg state University**MODELS OF THE RUSSIAN ACADEMIC ESSAY (TRKI-3)****Abstract**

The article identifies the main models of contemporary Russian academic essays, which may be used in the preparation of students to pass the Russian language test TRKI-3. The authors compared patterns of the Russian academic essays and model English essays, that are studied in preparation for the IELTS test. Difference in the choice of verbal tactics shows the need of considering not only the type of speech strategy, but also the conceptual basis, type of referent, type of modal of the subject and the formal organization of the text.

Keywords: academic essay, frame, gestalt, scenario, speech strategy.**1. Введение**

В современном пространстве культуры сосуществуют два глобальных варианта эссе. Первое отражает состояние общества и культуры, второе показывает уровень владения определенными знаниями и степень сформированности

умений письменной речевой деятельности. Второе производно от первого и носит название академического эссе. Общими характеристиками для двух вариантов являются следующие:

а) интенциональной доминантой эссе является намерение автора передать личный опыт осмысления феноменов окружающей его действительности, открыв перед собеседником специфику последовательности хода субъективной рефлексии;

б) эссе ориентировано на осмысление важнейших концептов («вечных тем»), вследствие чего автор использует функционально-семантические типы речи рассуждение и описание в качестве основных;

в) присутствие сюжетной (событийно-темпоральной) линии в эссе допустимо только в качестве аргумента или иллюстрации к излагаемой точке зрения;

г) с точки зрения стилистики, эссе находится в рамках разговорного стиля речи [6], [1], [13], [2], [9], [5], [10], [7].

Коммуникативное эссе (существующее в пространстве культуры, созданное писателями, публицистами, учеными) отличается от академического структурно (академическое эссе жестко структурировано, тогда как писатели, публицисты, ученые могут ориентироваться только на уникальную специфику хода индивидуальной рефлексии) и функционально. Академическое эссе является условно-коммуникативным речевым жанром, используемым а) для проверки умений иностранных студентов создавать цельные тексты, ориентированные на функционально-тематический тип рассуждения; б) для проверки знаний студентов – носителей языка по определенным специальностям; в) в качестве творческой работы, ориентированной на оригинальность, выразительность и уникальность авторского стиля рефлексии (для студентов литературных институтов) [4], [8], [11], [12], [3].

В процессе обучения русскому языку как иностранному перед преподавателем стоит задача познакомить студентов с речевым жанром эссе, правилами его оформления и сформировать умения создавать тексты согласно канона данного жанра в короткое время, отводимое для выполнения этого задания во время сдачи теста по русскому языку как иностранному третьего уровня (ТРКИ-3). В настоящее время в пособиях, посвященных обучению написанию русского эссе, отсутствует единый перечень моделей и описание структурных элементов, их формирующих. В большинстве случаев учащиеся обращаются за помощью к иноязычным источникам, создавая эссе на русском языке по англоязычным моделям, что представляется не совсем верным. Результаты проведенного исследования показывают, что существуют устойчивые модели русского коммуникативного эссе, которые можно положить в основание системы обучения русскому академическому (учебному) эссе.

Канон эссе, существующий в коммуникативном пространстве, включает в себя три варианта реализации: публицистическое, научно-публицистическое и художественное эссе. Представляется логичным разделить академическое эссе также на три варианта, в связи с целевой и тематической установками: 1) публицистическое эссе, ориентированное на рефлексию относительно глобальных тем (мораль, экология, социальные проблемы и пр.), является основанием для классификации академического эссе, используемого для тестирования иностранных студентов; 2) научно-публицистическое – база для составления перечня моделей эссе, служащих для проверки знаний; 3) художественное эссе является основанием для выявления типичных моделей реализации творческой рефлексии носителей языка.

2. Отбор моделей

Рассмотрим первый вариант как наиболее широко распространенный. Согласно проведенному исследованию, русское публицистическое эссе XX-XXI веков имеет несколько наиболее частотных схем своей реализации. С позиций лингвокогнитивного описания, модель речевого жанра эссе формируется в результате пересечения таких категорий, как: тип концептуального основания структуры: эссе-гештальт, эссе-фрейм или эссе-сценарий; тип речевой стратегии: интерпретация, убеждение, прямая трансляция точки зрения автора; тип референтной отнесенности: дескриптивная (рефлексии подвергаются объекты физического мира и универсальные законы бытия любого социума), или индексальная (рефлексируемыми объектами становятся факты культуры); тип модального субъекта: для эссе это групповой или массовый модальный субъект, поскольку адресация одному человеку, равно как и автоадресация, нарушает канон эссе; формальная организация (эссе как правило имеет нейтральную форму статьи, однако в некоторых случаях может быть выполнено и как имитация путевых заметок, как отчет, открытое письмо, доклад и т.п.).

Применительно к академическому варианту эссе разнообразие сочетаний компонентов может быть сужено. Это связано с тем, что академическое эссе как правило рассчитано на группу преподавателей и тесторов; типичный формат академического эссе ограничен формой статьи; индексальная референтная отнесенность (рассуждение относительно причины существования в конкретном обществе определенных фактов культуры) в тестовых заданиях практически не встречается. В результате отбора в основании классификации моделей этого варианта академического эссе оказываются следующие сочетания значимых компонентов.

Представляется важным также тот факт, что в перечне отсутствует такая модель, как эссе-гештальт-убеждение, что связано с национальной спецификой русского эссе, в котором (исходя из данных, полученных в результате анализа представительной выборки из 400 произведений русскоязычных авторов – писателей, публицистов, ученых) такое сочетание компонентов в публицистическом варианте не является типичным (имеет лишь единичные реализации).

3. Логическая составляющая моделей

Академическое эссе, в основание которого положена рефлексия относительно объектов, структурно представляющих собой гештальт, реализуется по-разному в связи с тем, ориентируется ли автор на стратегию интерпретации (последовательного перечисления и анализа известных всем характеристик) или на трансляцию собственной позиции (анализ избранных характеристик, относительно которых у автора эссе имеется собственное оригинальное мнение). Так, например, рассуждение на тему «город» может быть построено исходя из принципа анализа составляющих, а может быть основано на личном опыте. И в том, и в другом случае, оба автора ориентируются на имеющийся в сознании образ, однако первый использует наиболее частотные ассоциации, тогда как второй «выхватывает» периферийные (производные) элементы, превращая их из частных в отличительные черты и

символы. Так, для концепта-гештальта «город» основными компонентами будут, например, проспект, дом, горожане; периферийными – купола, соль, крыши, падающие балконы, вороны, пенсионеры.

При рассмотрении тактических цепочек реализации стратегий двух типов академического эссе-гештальта оказывается, что первый вариант формирует следующую последовательность типов тактик центрального блока данного речевого жанра (между вступлением и заключением): бытийно-статальное описание – рассуждение-анализ – бытийно-статальное описание – рассуждение-подтверждение – бытийно-статальное описание – рассуждение-обоснование. Второй тип эссе (гештальт с периферийными компонентами в основании) выстраивается несколько иначе: рассуждение-анализ – рассуждение-подтверждение – рассуждение-анализ – рассуждение-обоснование – рассуждение-подтверждение – бытийно-статальное описание – рассуждение-подтверждение – рассуждение-обоснование. Средняя длина цепочки речевых тактик и в том, и в другом случае составляет 6-8 фрагментов. Очевидным представляется повышенная динамичность второго типа эссе-гештальта по сравнению с первым. Вследствие того, что второй тип эссе сложнее, студенты, организующие эссе на периферийных ассоциациях, чаще отходят от темы или не находят пути формулирования заключения для своего эссе. При обучении использованию данной модели необходимо обращать особое внимание учащихся на возможные способы подведения итога (написание Заключения).

Академическое эссе, в основание которого положен фрейм, стратегически может быть не только интерпретацией и трансляцией, но и убеждением. При овладении данной моделью студент должен помнить, что фрейм представляет собой ситуацию взаимодействия двух или более гештальтов, в следствие чего поле рефлексии расширяется, в него попадает рассуждение о способах связи между объектами-участниками ситуации, и именно эта зависимость является центром эссе. Например, если темой является «экология», ситуация включает как минимум два объекта/субъекта конфликта: «человек» и «природа». Здесь также учитывается основная проблематика (стратегия интерпретации) и периферийная (стратегия трансляции); при выборе стратегии убеждения автор, отталкиваясь от существующего положения дел, «диктует» новый порядок взаимодействия.

Средняя длина цепочки речевых тактик для всех трех типов составляет 8 фрагментов. Типичными последовательностями тактик для центральной части являются:

- для фрейма-интерпретации – бытийно-статальное описание – рассуждение-подтверждение – рассуждение-доказательство – рассуждение-обоснование – бытийно-статальное описание – рассуждение-подтверждение;
- для фрейма-трансляции: рассуждение-обоснование – рассуждение-доказательство – бытийно-статальное описание – бытийно-статальное описание – рассуждение-обоснование – рассуждение-подтверждение;
- для фрейма-убеждения: рассуждение-обоснование – бытийно-статальное описание – рассуждение-анализ – рассуждение-анализ – рассуждение-анализ – рассуждение-подтверждение – рассуждение-обоснование.

Эссе, выполненное на основании рассуждения относительно определенного сценария (например, тема «глобальное потепление»), имеет также три стратегических варианта, хотя оно и не столь частотно, как эссе-фрейм. Это связано со сложностью данных моделей: фокус внимания студента должен быть сосредоточен на принципах смены взаимодействия объектов: задача студента проанализировать, как меняется расстановка сил взаимодействующих сторон, и почему это происходит.

Наиболее типичной последовательностью для основной части всех трех типов эссе-сценария является: рассуждение-подтверждение – рассуждение-анализ – рассуждение-анализ – рассуждение-подтверждение – рассуждение-подтверждение – рассуждение-доказательство – рассуждение-анализ – рассуждение-обоснование.

4. Сопоставление выделенных моделей русскоязычного академического эссе с моделями, используемыми при сдаче IELTS.

Письменная часть международного экзамена на владение английским языком так же, как и ТРКИ-3, содержит задание по созданию текста в жанре эссе. Исследователи расходятся в мнении о том, сколько моделей английского академического эссе существует на данный момент. Впервые эта задача была поставлена еще в начале 1900-х годов, когда А. W. Ready, один из преподавателей Оксфордского Университета, готовивший студентов к сдаче письменного экзамена, сформулировал правила написания классического академического эссе в книге «Essays and Essay writing for public examinations», основное внимание уделяя скорее стилю, нежели логике изложения. В частности, в разделе «General rules» он советовал использовать только короткие предложения; писать просто, не рассчитывая на проницательность читателя; раскрывать основную мысль серьезно, с достоинством, но не читать наставлений; избегать юмора, поскольку академическое эссе — не место для легкомысленности, текст должен отдаленно напоминать деловой язык [14]. В настоящее время большинство западных исследователей и составители учебных пособий склоняются к тому, что существует пять моделей: «Advantages and disadvantages essay, Solution essay, Opinion (argument) essay, Agree and disagree essay и Discussion essay» [15], [16], [17].

Представленные модели так же, как и русском академическом эссе, являются трехчастными – состоят из введения (introduction), основной части (body), заключения (conclusion). Все они начинаются с тактики бытийно-статального описания («Background sentence+ some details»). Второй речевой тактикой для эссе Opinion и Agree and disagree является рассуждение-обоснование (expression of opinion), для трех остальных обязательным требованием является restatement – повторение основной идеи, заложенной в задании, другими словами. Заключает Введение клишированная фраза (outline sentence), предупреждающая читателя о переходе к основному содержанию (например, *Both sides will be analysed before a reasoned conclusion is drawn*).

Структура основной части англоязычного академического эссе должна состоять из двух (реже – трех) абзацев, содержащих идентичные цепочки речевых тактик: рассуждение-обоснование – описание-детализировка – рассуждение-подтверждение (приведение примера). Однако в Advantages and disadvantages essay и Discussion essay автор обязан рассмотреть две противоположные точки зрения (начинаются эти два абзаца, как правило, выражениями *On the one side.... On the other side...*), тогда как в трех других эссе (Solution, Opinion, Agree and disagree) студент формирует

решение проблемы при помощи рассуждения о двух (или трех) фактах, подтверждающих одну позицию.

Заключение формируют две речевые тактики: бытийно-статальное описание (суммирование сказанного в одном предложении) и рассуждение-обоснование (для Advantages and disadvantages, Solution, Agree and disagree essays) или рассуждение-анализ (для Discussion, Opinion essays).

Классификация англоязычного академического эссе основана только на принципе определения ведущей речевой стратегии без учета более глубокой когнитивной характеристики речевого жанра – концептуального основания. Следствием этого становится ужесточение структуры, в которой ряд речевых тактик заменены на клише.

Классификация русского академического эссе, предлагаемая в данной статье, содержит восемь основных моделей эссе (табл. 1), описанных в порядке возрастания сложности их реализации. При дальнейшей работе с этим речевым жанром (после сдачи ТРКИ-3) список вариантов может быть расширен за счет варьирования типа модального субъекта, типа референта, формы.

Список литературы / References

1. Баранов В. И., Бочаров А. Г., Суровцев Ю. И. Литературно-художественная критика. Учеб. пособие для вузов по спец. "Журналистика". – М.: Высш. школа, 1982. – 207с.
2. Березкина В. И. Проблема типологии стилового развития эссе как речевого жанра// Прагматика и типология коммуникативных единиц языка: сб. науч. тр. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – С.6-11
3. Бузальская Е. В. Формирование коммуникативной компетенции иностранных студентов творческих специальностей при обучении письменной речи в жанре эссе. Дис. ... пед. наук. Санкт-Петербург, 2010.
4. Гец М.Г. Обучение студентов языкового вуза творческой письменной речи в контексте межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Минск, 2003
5. Горпиняк П. А. Функционально- типологические особенности эссеистики И. Бродского// Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып 28, № 37 (138) 2008. – с. 32-36
6. Дурова О.И. Норвежское эссе 1960-1990-х годов: поэтика, проблематика, гносеологические перспективы жанра: дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2000. – 256с.
7. Зацепин К. Эссе: от философии к литературе //НЛО. — 2010. — № 104. — С. 191–201; Минеева И. Н. Академическое эссе: теория и практика жанра// Филологический класс: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)
8. Зацепин К. А. Эссе как коммуникативная форма: проблемы чтения (на материале современной эссеистики): Автореф. дис. ... канд. фил. Наук. Самара, 2006
9. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. – М. : Флинта Наука, 2008. – 180с.
10. Копаева Е. В. Структурно-композиционные особенности жанра эссе (на материале англоязычных текстов)// Вестник МГЛУ. Выпуск 17 (623) 2011 – с.148-162
11. Конобеев А. В. Обучение письменному иноязычному дискурсу в жанре эссе (на материале младших курсов языкового вуза): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2001
12. Мартынова А. Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозиторного эссе (чз. вуз, 4-5 курсы): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2006
13. Руженцева Н.Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: дис... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2001- 312с.
14. Ready A. W. Essays and Essay Writing for public examinations: London George Bell and sons. – 1900. – 150p.
15. Ryan Th. H. Task 2: How to write at a 9 level. – 2010 – 37p.
16. Tri Nguyen Essay activator: your key to writing success – Pearson Longman – 2014. – 114p.
17. Strunk, W., Jr. and White, E.B. The Elements of Style. – 1999. – 100p.
18. Mike Wattie Task 2: Essay writing. – 2013. – 100p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baranov V. I., Bocharov A. G., Surovcev Ju. I. Literaturno-hudozhestvennaja kritika. Ucheb. posobie dlja vuzov po spec. "Zhurnalistika". [Literary and art criticism. Proc. textbook for universities on spec. "Journalism"]. – М.: Vyssh. shkola, 1982. – 207 p. [in Russian]
2. Berezkina V. I. Problema tipologii stilevogo razvitija jesse kak rechevogo zhanra [The issue of the typology of the stylistic development of the essay as a speech genre] // Pragmatika i tipologija kommunikativnyh edinic jazyka: sb. nauch. tr. [Pragmatics and typology of communicative units of language: SB. nauch. Tr.] – Dnepropetrovsk: DGU, 1989. – S.6-11. [in Russian]
3. Buzal'skaja E. V. Formirovanie kommunikativnoj kompetencii inostrannyh studentov tvorcheskikh special'nostej pri obuchenii pis'mennoj rechi v zhanre jesse. Dis. ... pед. nauk. [Formation of communicative competence of foreign students of creative profession in teaching written speech in the genre of essay. Dis. ... PED. Sciences]. Sankt-Peterburg, 2010. [in Russian]
4. Gec M.G. Obuchenie studentov jazykovogo vuza tvorcheskoi pis'mennoj rechi v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: avtoref. dis. ... kand. pед. nauk. [Teaching students of language school creative writing in the context of intercultural communication: Avtoref. dis. kand. PED. Sciences]. Minsk, 2003 [in Russian]
5. Gorpinjak P. A. Funkcional'no- tipologicheskie osobennosti jesseistiki I. Brodskogo [A functional - typological peculiarities of the essay by Brodsky] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskustvovedenie. Vyp 28, № 37 (138) 2008. [Bulletin of the Chelyabinsk state University. Philology. The history of art. Vol. 28, no. 37 (138) 2008] – P. 32-36 [in Russian]
6. Durova O.I. Norvezhskoe jesse 1960-1990-h godov: pojetika, problematika, gnoseologicheskie perspektivy zhanra: dis. ... dokt. filol. nauk. [Norwegian essays 1960-1990-ies: poetics, perspective, epistemological perspective of the genre: dis. ... doctor. filol. Sciences]. – Krasnodar, 2000. – 256s. [in Russian]

7. Zacepin K. Jesse: ot filosofii k literature [Essay: from philosophy to literature] // NLO [UFO]. – 2010. – № 104. – P. 191–201; Mineeva I. N. Akademicheskoe jesse: teoriya i praktika zhanra [Academic essays: the theory and practice of the genre] // Filologicheskij klass: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet (Ekaterinburg) [Philological class: Ural state pedagogical University (Yekaterinburg)] [in Russian]
8. Zacepin K. A. Jesse kak kommunikativnaja forma: problemy chtenija (na materiale sovremennoj jesseistiki): Avtoref. dis. ... kand. fil. Nauk. [Essay as a communicative form: reading (on the material of contemporary essays): thesis. dis. kand. Phil. Sciences.] Samara, 2006. [in Russian]
9. Kajda L. G. Jesse: stilisticheskij portret. [Essay: stylistic portrait]. – M. : Flinta Nauka, 2008. – 180 p. [in Russian]
10. Kopaeva E. V. Strukturno-kompozicionnye osobennosti zhanra jesse (na materiale anglojazychnyh tekstov) [Structural and compositional features of the genre essays (English texts)] // Vestnik MGLU. Vypusk 17 (623) 2011 [Vestnik of MSLU. Issue 17 (623) 2011] – P. 148–162. [in Russian]
11. Konobeev A. V. Obuchenie pis'mennomu inojazychnomu diskursu v zhanre jesse (na materiale mladshih kursov jazykovogo vuza): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. [Teaching foreign-language written discourse in the genre of the essay (based on the Junior courses language school): abstract. dis. kand. PED. Sciences]. Tambov, 2001. [in Russian]
12. Martynova A. G. Obuchenie akademicheskomu pis'mennomu diskursu v zhanre jekspozitornogo jesse (chz. vuz, 4-5 kursy): Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. [Teaching academic discourse writing in the genre expositing essay (CHZ. University, 4-5 courses): abstract. dis. kand. PED. Sciences]. Tambov, 2006. [in Russian]
13. Ruzhenceva N.B. Pragmaticheskaja i rechevaja organizacija russkogo literaturno-kriticheskogo jesse XX veka: dis... d-ra filol. nauk. [Pragmatic and speech organization of the Russian literary-critical essays XX century: dis... d-RA filol. Sciences] – Ekaterinburg, 2001. – 312 p. [in Russian]
14. Ready A. W. Essays and Essay Writing for public examinations: London George Bell and sons. – 1900. – 150 p.
15. Ryan Th. H. Task 2: How to write at a 9 level. – 2010 – 37 p.
16. Tri Nguyen Essay activator: your key to writing success – Pearson Longman – 2014. – 114 p.
17. Strunk, W., Jr. and White, E.B. The Elements of Style. – 1999. – 100 p.
18. Mike Wattie Task 2: Essay writing. – 2013. – 100 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.129>

Галицын С.В.¹, Зиганшин О.З.², Ткаченко П.А.³, Чилигин Д.В.⁴

¹Доктор педагогических наук, профессор,

²доцент кафедры теории и методика футбола и хоккея, председатель федерации хоккея с мячом г. Хабаровск

³0000-0002-1617-6858, кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента, экономики и права,

⁴кандидат педагогических наук, доцент кафедры биомеханики и технических средств обучения,

Дальневосточная государственная академия физической культуры (ДВГАФК)

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ХОККЕЯ С МЯЧОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация

В данной статье производится подробное описание исторических аспектов развития хоккея с мячом на Дальнем Востоке. В ходе проведенного анализа был рассмотрен дореволюционный период развития хоккея с мячом. Так же в статье уделено внимание массовому развитию хоккея с мячом и проведению первых на Дальнем Востоке соревнований по «дамскому» хоккею. Так же в статье можно проследить географию расположения спортивных сооружений для хоккея с мячом. В заключении статьи изложены выводы по развитию хоккея с мячом на Дальнем Востоке в дореволюционный период.

Ключевые слова: хоккей с мячом, история развития, Дальний Восток, дамский хоккей.

Galitsin S.V.¹, Ziganshin O.Z.², Tkachenko P.A.³, Chiligin D.V.⁴

¹PhD in Pedagogy, professor,

²senior lecturer, department theory and methodology of football and hockey,
president of the federation of bandy in Khabarovsk,

³0000-0002-1617-6858, PhD in Pedagogy, senior lecturer department Management, Economics and Law,

⁴PhD in Pedagogy, senior lecturer, department of biomechanics and technical training,
Far Eastern State Academy of Physical Culture

STUDY OF DEVELOPMENT OF BALL HOCKEY IN FAR EAST

Abstract

The paper presents a detailed description of the historical aspects of the development of a ball hockey in the Far East. The authors analyzed the pre-revolutionary period of the development of a ball hockey. Also the work considers the mass development of a ball hockey and the first hockey competitions among women in the Far East. Also you can trace the geography of the sports facilities for a ball hockey. The conclusion of the article presents the outlook of the development of a ball hockey in the Far East during the pre-revolutionary period.

Keywords: a ball hockey, history of development, Far East, women's hockey.

Интерес к историческим аспектам развития хоккея с мячом, на наш взгляд, обусловлен рядом причин, важнейшей из которых является осознание условий, способствующих массовому развитию данного вида спорта, использование лучших организационных и содержательных сторон в прошлом, для качественного рывка в будущем.

Учитывая, что хоккей с мячом в последнее время стал претендовать на включение его в программу зимних олимпийских игр, особенно актуальными являются исследования, способствующие его развитию как в регионах, имеющих давние традиции, так и в новых.

На русском Дальнем Востоке в дореволюционный период хоккей с мячом в силу ряда причин массовым так и не стал. Стоит отметить, что в то время спорт носил коммерческий характер, и в этой связи занятия спортом были привилегией имущих слоёв населения, массовые же состязания с широким привлечением дальневосточников были редкостью. В этот период осуществлялось заселение региона, активное освоение новых территорий переселенцами, развитие экономики, строительство новых городов и населенных пунктов, чему способствовало открытие в 1899 году Транссибирской железнодорожной магистрали. Приграничное население организовывало самозащиту от бандитизма с китайской территории.

Многие существовавшие в то время спортивные дисциплины были связаны с деятельностью казачества, которое имело свою специфическую систему физической подготовки. В быту практиковались такие упражнения, как конные скачки, владение пашкой, работа с пикой. Именно казаки положили начало снайперскому движению.

Тем не менее, уже на рубеже XIX и XX веков появились сведения об организации первых ледовых дружин и в дальневосточных городах. Так, в 1902 году хоккейные команды были созданы в Благовещенске и Сретенске. К их созданию «приложил руку» приезжавший по делам службы на Дальнем Востоке П.П. Москвин. Тем не менее, регулярных соревнований в Забайкалье по русскому хоккею в дореволюционный период не проводилось (как и в последовавшие 1920-е годы), они ведут своё начало с 1930-х годов.

Первые упоминания об организации хоккейных поединков на льду имеются в региональной прессе того времени. Так, на страницах «Амурской газеты» за 1906 год (№15) было помещено рекламное объявление Комитета общества туристов, адресованное членам общества и всему населению города Благовещенска. Оно сообщало о проведении в субботу 11 февраля 1906 года «Матч-Хоккея». игра была организована на катке комитета, который располагался на углу улиц Большой и Мастерской, начало было назначено на 3 часа дня.

Несколько позже, в конце 1912 года в г. Владивостоке на катке, который находился напротив Адмиральского сада (в районе нынешнего парка Дома офицеров КТОФ) и являлся собственностью местного предпринимателя А.И. Игони, состоялась первая в городе игра в хоккей. Состязались две команды, в каждой из которых было по 7 игроков. На базе того же катка был учреждён первый Владивостокский «Хоккей-клуб», деятельность которого регламентировалась принятым в то же время уставом клуба. Членом клуба мог стать любой желающий, оплатив сравнительно невысокие членские взносы. «Хоккей-клуб» впоследствии сыграл важную роль в развитии хоккея с мячом в Приморье.

Хоккей с мячом пользовался популярностью во Владивостоке, игры привлекали на каток множество зрителей. В 1913 году впервые были организованы и проведены соревнования по хоккею с мячом на первенство Владивостока. Разыгрывались два приза: для взрослых и учащихся. Назывался приз по имени его учредителя – «Кубок А.И. Игони». На участие в соревнованиях было официально заявлено 6 команд: 4 взрослые и 2 молодежные. Среди взрослых команд победителем первого чемпионата стала команда «Хоккей-клуб».

В последующие годы побеждала первая команда гимназистов, а среди младших команд – вторая команда гимназистов, также награжденная призом первого чемпионата, и сохранившая титул сильнейшей в дальнейшем. Стоит отметить, что гимназические команды в то время считались самыми сильными и мастеровитыми из всех мужских команд: старшеклассники – подростки и юноши – обычно «били» взрослых хоккеистов с крупным счетом.

Хоккеем с мячом в дореволюционном Владивостоке наравне с мужчинами увлекались и женщины. Именно на Дальнем Востоке, во Владивостоке, в 1913 году были организованы и проведены первые в России соревнования по «дамскому» хоккею (такова была лексика той эпохи). Матчи среди дамских команд в 1913-1914 годах носили тренировочный характер, а уже в 1915 году в столице Приморья состоялись первые в нашей стране официальные соревнования по хоккею среди женских команд – турнир на приз Е.В. Пановой, учреждённый капитаном Владивостокской дамской команды «Хоккей-клуб» Е.В. Пановой. Согласно регламенту соревнований, имя команды-победителя должно было быть выгравировано на призе, а сам приз подлежал хранению в команде «Хоккей-клуб». Турнир планировался как ежегодный, но, к сожалению, из-за начавшейся Первой мировой войны состоялся только единственный розыгрыш. Продолжительность женских игр составляла два тайма по 45 минут каждый, но, в отличие от игр в хоккей мужских команд, в составах дамских команд играло по 8 человек. Приз был разыгран между двумя командами – «Хоккей-клубом» (состав: Е.В. Панова – капитан команды, Хайфильд, Е. Динсберг, Кукушкина, М. Динсберг, Радеецкая, Тенг, Габурова) и Алексеевской гимназией (состав: Головнина – капитан команды, Голомбик, Тамм, М. Динсберг, Унжакова, В. Панова, Тигфестедт, Накамура.). Судил игры Байдокин. Состоялись две игры – 4 и 18 февраля 1915 года (по новому стилю 17 и 3 марта). В обеих играх уверенную победу одержали хоккеистки Алексеевской гимназии с результатами 10:4 и 8:2 соответственно.

Спортивные игры и забавы на льду в конце XIX- начале XX столетий проводилась во многих городах русского Дальнего Востока. Упомянутый выше каток предпринимателя А.И. Игони площадью 2000 кв. сажен (4200 кв. м) был открыт в 90-х годах XIX века. По воскресениям там играла музыка, вход на каток был платным – 1 рубль, что было достаточно дорого для того времени. Но для учащихся, а также зрителей (не катавшихся) плата за посещение катка была вдвое ниже. Зимой 1910 года на этом льду во Владивостоке был разыгран приз «первого конькобежца города». Рекорды на 500 и 5000 метров равнялись 1 минуте 4,0 секунды и 11 минут 56,6 секунд соответственно. Следующей зимой там впервые показали своё искусство местные фигуристы.

Первые сведения о наличии в Хабаровске публичного катка относятся к 1898 году. В газете «Приамурские Ведомости» (№211 за 1898 год) было опубликовано информационное сообщение: «...на Амуре, против собора (Иннокентьевский собор), устроен ипподром для катания на лошадях и каток для конькобежцев. Сезонная плата за катание на коньках – 3 руб., за один раз – 25 коп. катание на лошадях – по особому приглашению; на катке устроено теплое помещение. В праздничные дни, при небольших морозах, на катке будет играть духовой оркестр музыки...».

В дальнейшем хабаровских любителей поката́ться на коньках соби́рал каток, устраи́вавшийся городскими властями в саду Общества физического развития детей. Горожан к занятиям зимним спортом на свежем воздухе призывали губернская пресса: «...25 ноября открылись каток и горка в саду Общества физического развития детей. Катком и горкой пользуются все за плату: дети и учащиеся по 5 коп., взрослые по 15 коп. За каждый раз входа или в сезон дети и учащиеся – по 2 руб., взрослые – по 4 руб. Члены общества в роли зрителей имеют право бесплатного посещения сада, посторонние же взрослые платят за вход 15 коп.

Зимой 1900 года впервые залили каток в военном городке в Никольск-Уссурийском. Катались на нем бесплатно, по вечерам играл оркестр. Нередко на спортивных мероприятиях присутствовал военный губернатор Приморской области Н.М. Чичанов. Заливали каток и на площади города Троицкосавска (ныне – Кяхта), что, как отмечалось в местной газете «Байкал» за 1905 год, «... много доставляло пользы и удовольствия учащейся молодежи...».

На ледяном катке тенистого клуба в воскресенье 15 декабря 1913 года состоялись первые в Благовещенске гонки конькобежцев. Были они организованы и в 1914 году. Так, 12 января 1914 года призерами спортивного заезда на дистанцию в 1,25 версты стали благовещенцы Степанов (1 место) и Кривошеев (2 место). В заезде на простых коньках на дистанцию в 0,5 версты победил Кузнецов. Состязались в беге на коньках и подростки. Из одиннадцати участвовавших в заезде детей первым у финишу пришел Сизов, последним Колчинский. Кто знает, может эти фамилии были «засвечены» и в первых городских хоккейных поединках Благовещенска.

Изложенные выше факты свидетельствуют, что уже в самом начале XX века в России, в том числе и на Дальнем Востоке, активно развивался новый вид спорта – русский хоккей. Но при этом стоит отметить, что доступен он был только узкому кругу имущих слоёв населения, и вряд ли в то время его можно было считать по-настоящему массовым, каким он стал несколько позднее.

Список литературы / References

1. Зиганшин, О. З. История развития хоккея с мячом: учебное пособие / О. З. Зиганшин. – Хабаровск: ДВГАФК, 2006. – 108 с.
2. Шахворостов, В. В. Русский хоккей по-дальневосточному: развитие банди как спортивной дисциплины в Хабаровске и на Дальнем Востоке России (начало XX в. – 1941 г.) / В. В. Шахворостов. – Хабаровск: «Омега-Пресс», 2014. – 288 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ziganshin, O.Z. Istoriya razvitiya khokkeya s myachom: uchebnoye posobiye [History of hockey with a ball: a tutorial] / O.Z. Ziganshin. - Khabarovsk: DVGAFC, 2006. - 108 p. [in Russian]
2. Shakhvorostov, V.V. Russkiy khokkey po-dal'nevostochnomu: razvitiye bendi kak sportivnoy distsipliny v Khabarovske i na Dal'nem Vostoke Rossii (nachalo XX v. – 1941 g.) [Russian hockey in Far East: development of bandy as a sports discipline in Khabarovsk in the Far East of Russia (beginning of XX century - 1941.)] / V.V. Shakhvorostov. - Khabarovsk: "Omega-Press", 2014. - 288 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.072>

Гатальская Е.А.

Кандидат исторических наук, доцент,
Московский филиал ВШНИ (институт)

ДУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В статье рассматриваются современное состояние и перспективы дуальной системы обучения. Изложены некоторые условия внедрения дуального подхода в образовательную систему и существенные факторы, определяющие характер обучения. Проводится сравнительный анализ подготовки специалистов традиционного и дуального обучения. Одним из преимуществ дуальной модели обучения является профессиональная адаптация учащегося, которая происходит в процессе обучения. Результаты показывают широкие возможности для будущих специалистов, получающих теоретические и практические знания одновременно.

Ключевые слова: дуальная модель обучения, традиционное обучение, учебно-производственная среда.

Gatalskaya E.A.

PhD in History, associate professor,
Moscow Branch of the Higher School of Folk Arts (Institute)

DUAL LEARNING MODEL: EXPERIENCE AND OUTLOOKS

Abstract

The paper considers the current state and outlooks of the dual learning system. Some conditions of the implementation of the dual approach in the educational system and the significant factors determining the nature of training are described as well. A comparative analysis of the specialist training in traditional and dual training is conducted. One of the advantages of the dual education model is the professional adaptation of the student, which takes place in the learning process. The results show wide opportunities for future specialists receiving theoretical and practical knowledge at the same time.

Keywords: dual training model, traditional training, educational and production environment.

Профессиональная квалификация молодых специалистов имеет большое значение для успеха каждого предприятия в отдельности и экономики страны в целом. Поэтому инвестиции в профессиональное образование являются инвестициями в будущее, обещающими среднесрочную и долгосрочную отдачу, что прописано в положении «Стратегии развития государства на период до 2020 г.» [1, С. 13].

Немецкая дуальная модель обучения находит признание на международном уровне и практикуется в ряде стран, таких как: Австрия, Венгрия, Босния и Герцеговина, Хорватия, Сербия, Словения, Македония, Черногория, Швейцария, Португалия, Дания, Нидерланды, Франция и Египет; в течение нескольких лет в Китае и других странах Азии. Систему обучения одной страны невозможно, просто скопировав ее, применять в другой. Ее необходимо проанализировать и адаптировать к условиям в системе образования данной страны.

Дуальная модель обучения обеспечивает подготовку компетентных специалистов. Д. А. Торопов, самый известный популяризатор идей немецкой дуальной модели обучения, пишет о том, что в любой развитой стране появление постоянно обновляющихся требований на рынке труда к его участникам оказывают влияние на систему образования. Этот факт обусловлен постоянными экономическими изменениями и возрастающими темпами технологической революции [2, С. 32].

В Германии на протяжении уже нескольких десятилетий взаимодействие образования с производственной областью и постоянный анализ тенденций развития этого союза дает положительные результаты. Дуальная модель обучения, сформированная в течение второй половины XX века в ФРГ, подразумевает затрачивание значительных средств предприятия на повышение профессиональной квалификации будущего специалиста. Несмотря на то, что ни одно предприятие не обязано проводить обучение, и ни один подросток не обязан в нем участвовать, тем не менее, около 70% возрастного контингента приходит сегодня на обучение по данной системе [3, С. 127]. Дуальная модель обучения имеет ряд преимуществ для всех субъектов, вовлеченных в образовательный процесс, особенно для будущих выпускников. Современное поколение, окончивая школу, должно получать как можно более квалифицированное образование, поэтому необходимо, чтобы места обучения предлагались в достаточном количестве, были разными и равномерно распределены по регионам.

Обучение по дуальной системе в Германии разрешено только в отношении официально признанных профессий, требующих специальной подготовки, содержание которых, как и предъявляемые к ним требования контролируются государством. В зависимости от профессии, требующей специальной подготовки, обучение продолжается от двух до трех с половиной лет. Так как почти невозможно точно предусмотреть среднесрочные и долгосрочные изменения профессиональных требований в рамках обучения будущие специалисты готовятся к гибкому реагированию на новые тенденции в профессиональном развитии. Поэтому содержание обучения направленно на профессиональную мобильность в будущем и готовность к повышению квалификации. Учащийся приступает к обучению не только с поиска учебного заведения, но и с поиска предприятия, в котором будут проводиться практические занятия. Нагрузка учащихся рассчитывается так, что около 40 % приходится на лекционные занятия, а примерно 60% на практические. Таким образом, основное учебное время тратится на формирование компетенций учащегося по специальности. Такая форма обучения сотрудничества, урегулированная законодательством, полностью себя оправдывает в следующих областях: ремесло, промышленность, торговля, сфера услуг, судоходство, сельское хозяйство и государственная служба. Отметим, особенно такой вид обучения популярен в области художественного образования [4].

На настоящий момент в России запущено несколько пилотных проектов в Пермском крае, Республике Татарстан, Красноярском крае, Калужской, Ярославской, Ульяновской, Свердловской, Нижегородской, Волгоградской и Московской областях. В зависимости от целей и условий образовательной организации в графике учебного процесса должна прописываться очерёдность теоретических и практических занятий. Происходит переструктурирование содержания учебной дисциплины. Таким образом, происходит взаимопроникновение науки и производства, что положительно влияет на образовательную систему в целом. Чередование позволяет на практике закрепить теоретические знания, совершенствуя из года в год теорию и практику в тесной взаимовыгодной взаимосвязи друг с другом. Предприятие к обучению допускается в качестве учебного только при выполнении им определенных требований. Деятельность специалиста, курирующего учебный процесс на производстве, принципиально связана с определенной профессиональной квалификацией. Дуальная система обучения предусматривает ответственность и сотрудничество всех его участников: образовательного учреждения, обучающегося и предприятия, которые взаимодействуют на всех уровнях, разделяя между собой ответственность.

В Российской Федерации проводятся первые шаги по апробации дуальной системы образования. Необходимо рассмотреть следующие явные преимущества такого вида обучения перед «традиционной» системой подготовки специалистов. Дуальная модель обучения в своей основе исключает диссонанс между теорией и практикой обучения, провоцируя студента на высокую мотивацию получения практических навыков и знаний. Учащийся фактически является на определенный срок сотрудником компании, получая задание согласно его способностям и учебной программе. Если компания готова принять будущего специалиста, который прошел обучение на производстве этого предприятия, то она получит сотрудника, который будет уже знаком с рабочим процессом этой организации. Будущий специалист, обучаясь в двух местах одновременно – на предприятии и в образовательном учреждении, осваивает профессию на производстве. Следовательно, студент развивается как будущий профессионал в реальных условиях и может сразу определиться на месте – сможет или захочет ли он выполнять эту работу и дальше, уже после получения диплома. Профессиональная адаптация учащегося происходит во время обучения, а не после, что благотворно сказывается на рабочем процессе в будущем. Также безусловным достоинством данного вида обучения является возможность плавного перехода от школы обучения к непосредственно профессиональной деятельности. Учебное заведение, которое ведет обучение по дуальной модели вырабатывает у своих подопечных ответственное отношение к труду и активную жизненную позицию, способствует разностороннему профессиональному развитию учащегося.

Несмотря на то, что корни данной модели уходят в профессиональное образование, сейчас проводятся исследования о возможности применении дуальной системы в обучении специалистов гуманитарных профессий, например, статья Д. А. Скулимовской [5, С. 178]. Это является показателем разностороннего интереса к этой модели обучения. В будущем необходимо сохранить и усовершенствовать модель дуального обучения, чтобы желание молодежи, направленное на получение образования, по времени гармонично сочеталось с нуждами экономики, направленными на получение образовательных и компетентных сотрудников.

Список литературы / References

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.03.2015 № 373-р «Об утверждении плана реализации в 2015-2016 годах Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.03.2015. – № 11. – Ст. 1648.
2. Торопов Д. А. Обеспечение качества профессионального образования в Германии: автореф. дисс. д-ра педаг. наук : 13.00.01 – Казань, 2005. – 42 с.
3. Федотова Г. А. Развитие дуальной формы профессионального образования (Опыт ФРГ и России): Дис. д-ра пед. наук: 13.00.08 : Москва, 2002. – 340 с.
4. Гатальская Е. А. Тенденции художественного профессионального образования в Академии визуальных искусств г. Лейпцига [Электрон. ресурс] / Е.А. Гатальская. – Педагогика искусства: электронный научный журнал. – Москва, 2011, №4 (140-144). – Режим доступа: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/tendencii-hudozhestvennogo-professionalnogo-obrazovaniya-v-akademii-vizualnyh> (дата обращения: 24.12.2016).
5. Скулимовская Д. А. Применение дуальной системы высшего образования в обучении иностранными языками / Д. А. Скулимовская // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Современные проблемы инновационного развития науки», 2016 г., Ч.2. – С. 178-180.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rasporyjenie Pravitelstva Rossiyskoy Federazii ot 06.03.2015. № 373-r «Ob utverjdenii plana realizazii v 2015-2016 godah Strategii innovazionnogo razvitiy Rossiyskoy Federazii na period do 2020 goda» [The order of the Russian Federation from 03.06.2015 № 373-r «Concerning approval of the implementation plan in 2015-2016 of the Strategy of the Russian Federation innovative development for the period before 2020»] // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federazii. [Collected Legislation of the Russian Federation]. – 16.03.2015. – № 11. – Article 1648. [in Russian]
2. Toropov D. A. Obespechenie kachestva professionalnogo obrazovaniya v Germanii [The quality assurance of vocational education in Germany]: extended abstract of dis. ... of D.Ed.: 13.00.01 – Kazan, 2005. – 42 P. [in Russian]
3. Fedorova G. A. Razvitie dualnoy formi professionalnogo obrazovaniya (Opit FRG i Rossii) [The development of dual form of vocational education (The experience of Federal Republic of Germany and Russia)]: dis. ... of D.Ed.: 13.00.08: – Moscow, 2002. – 340 P. [in Russian]
4. Gatalskaya E. A. Tendenzii hudogestvennogo professionalnogo obrazovaniya v Akademii vizualnih iskusstv g. Leipziga [The trends of artistic professional education at the Academy of Visual Arts in Leipzig] [Electronic resource] / E. A. Gatalskaya. – Pedagogika iskusstva: elektronniy nauchniy zurnal [Pedagogy of art: electronic scientific journal]. – Moscow, 2011, №4 (140-144). – URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/tendencii-hudozhestvennogo-professionalnogo-obrazovaniya-v-akademii-vizualnyh> (accessed date: 24.12.2016). [in Russian]
5. Skulimovskaya D. A. Primenenie dualnoy sistemy vysshego obrazovaniya v obuchenii inostrannymi jazykami [The application of dual system of university education in teaching of foreign languages] / D. A. Skulimovskaya // Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferenzii «Sovremennye problemy innovatsyonnogo razvitiya nauki» [Collection of scientific works of the International theoretical and practical conference «Modern problems of innovative development of science»], 2016, Part 2. – P. 178-180. [in Russian]

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.022>Глазков А.В.¹, Глазков В.А.²

¹Доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии факультета психологии,
«Иркутский государственный университет» ФГБОУ ВО,

²Заведующий лабораторией социализации субъектов образования ГАУ,
«Институт развития образования Иркутской области» ДПО

«РЕПЕРТУАРНЫЙ ТЕСТ РОЛЕВОГО КОНСТРУКТОРА» ДЖ. КЕЛЛИ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрен «репертуарный тест ролевого конструкта» Дж. Келли как один из методов оценки профессионально важных психологических особенностей сотрудников образовательной сферы на примере группы педагогов школ Иркутского района. Представлены выводы, сделанные на основе анализа научной литературы. Также представлено пилотное исследование, в котором выявлялись и анализировались особенности педагогического сознания испытуемых; сделаны выводы о возможностях применения рассматриваемой методики.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, педагогическое сознание, педагог, оценка, анализ.

Glazkov A.V.¹, Glazkov V.A.²¹PhD in Psychology, Professor,

Head of the Department of Social, Extreme and Penitentiary Psychology at the Faculty of Psychology,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, "Irkutsk State University"

²Head of the Laboratory of Subjects of Education Specialization of SAU,

"Institute for Education Development of Irkutsk Region" (Further Vocational Education)

“REPERTORY TEST OF ROLE CONSTRUCTOR” OF J.KELLY AS A MEANS OF ASSESSMENT OF PEDAGOGICAL CONSCIOUSNESS AMONG EMPLOYEES OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION

Abstract

The article considers “repertory test of role constructor” of J. Kelly as one of the methods for the evaluation of important professional and psychological characteristics among the employees of educational intuitions on the example of the group of teachers of the Irkutsk region schools. Conclusions are presented and drawn from the analysis of scientific literature. We also present a pilot study, which identified and analysed the features of subjects of pedagogical consciousness; conclusions about the possibilities of the considered techniques are made.

Keywords: pedagogical activity, pedagogical consciousness, teacher, assessment, analysis.

Педагогическая профессия относится к типам профессиональной деятельности, требующим от сотрудника непрерывного совершенствования, что связано с высокой динамичностью социально-экономической сферы в целом и системы образования в частности. При этом для обеспечения надлежащего качества образования недостаточно спонтанных индивидуальных действий педагогов в плане профессионального саморазвития; необходима эффективная система оценки, проектирования и организационного обеспечения непрерывного профессионального роста сотрудников в масштабе всего учреждения. Эта система должна опираться на эффективную оценку актуального состояния профессионально важных качеств педагога и соответственно поиск инструментария этой оценки.

В связи с этим на базе Лаборатории социализации субъектов образования ГАУ ДПО «Институт развития образования Иркутской области» в течение 2015 – 2016 гг. была проведена работа, **цель** которой заключалась в конструировании, обосновании и апробации эффективного средства оценки психологических профессионально важных качеств сотрудников образовательной организации в условиях модернизации.

Анализ психолого-педагогической литературы позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, в современных условиях не допустима унификация ПВК педагогических работников, необходима ориентация на индивидуальность субъекта профессиональной деятельности.

Во-вторых, необходим поиск обобщенных психологических свойств, интегрирующих весь спектр компетенций в соответствии с проф стандартом педагогических работников. В качестве такого свойства выделяют «профессиональное педагогическое сознание», определяемое как форма отражения профессиональной педагогической реальности, представляющая собой систему педагогических взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств. Педагогическое сознание выражает отношение педагога ко всем аспектам деятельности и выступает ее регулятором, опосредуя все другие факторы – экономические, политические, правовые, методические.

Теоретическое обоснование этих положений можно найти, в частности, в работах Р. Берне (1986) [1], который в своих публикациях показал, что эффективность педагогической деятельности определяется его педагогическим сознанием, включающим три компонента: «Д-концепция» - целостная, система представлений о всех аспектах самой педагогической деятельности; «В-концепция» - аналогичная система представлений о потребителях образовательных услуг (обучающихся); «Я-концепция» - единая система представлений о себе как субъекте профессиональной деятельности, своей роли и статусе относительно Д-концепции, своих правах и обязанностях относительно В-концепции.

При этом содержание «Я-концепция» будет определять, и инициировать, прежде всего, саморазвитие педагога; «В-концепция» обуславливает, прежде всего, цели педагогической деятельности и типы отношений с учащимся; «Д-концепция» определяет темп и содержание развития самой деятельности – содержательное и инструментальное.

На следующем этапе осуществлялся поиск диагностической методики, позволяющей оценить различные стороны педагогического сознания. Сравнительный анализ различного диагностического инструментария позволил определить в качестве теста, наиболее соответствующего нашим задачам, «Репертуарный тест ролевых конструктов» (Реп-тест), предложенный Дж. Келли (1955) [2]. Именно этот тест максимально соответствует выделенным выше требованиям: позволяет оценить «личностные конструкты», соотносимые по уровню информативности, обобщения и универсальности с педагогическим сознанием; выделяет именно индивидуальную, даже уникальную, составляющую отношения человека к реальности.

Технически стимульный материал теста представляют собой элементы – набор ролей, связанных в нашем случае с профессией. Существует несколько способов выполнения этого теста [2], и для обоснованного выбора было проведено сравнительное исследование на четырех группах педагогов школ Иркутского района. Суть исследования заключалась в использовании различных вариантов тестирования и сравнении результатов по следующим показателям: экономичность способа во времени и ресурсах, точность прогнозов на основе этих вариантов диагностики, локальное уточнение результатов тестирования с помощью других диагностических методик (например, с помощью семантического дифференциала (Ч.Осгуд, 1957 г.)). По результатам исследования был выбран способ классического табличного представления триад на основе преимуществ по точности прогнозов.

Это же исследование показало, что точность прогноза повышается при повышении количества элементов (ролей) в таблице, но при этом геометрически повышается сложность и экономичность обработки данных. В качестве оптимального количества элементов было выбрано 10 элементов: 4 элемента, отражающие Я-концепцию по теории Р. Берне – отношение к себе как педагогу (я, я-идеальный, хороший педагог, плохой педагог);

4 элемента, отражающие В-концепцию – отношение к потребителям образовательных услуг (хороший учащийся, плохой учащийся, хороший родитель, плохой родитель); 2 элемента, отражающие Д-концепцию – отношение к самой педагогической деятельности (хороший руководитель, плохой руководитель). Для оценки Д-концепции используется также сформулированный испытуемым набор конструктов: например, если по отношению к «хорошим» ролям (хороший педагог, хороший руководитель, хороший учащийся) сформулирован конструкт «стремится к поиску нового в учебе», «творческий» и др., то эти конструкты можно рассматривать как характеристики именно образовательного процесса.

Диагностика осуществлялась в строгом соответствии с описанной методикой [2]. Испытуемому дается таблица (таблица 1) и инструкция. Так как результат в данном методе очень зависит от точности выполнения задания, а техника заполнения таблицы достаточно сложна, рекомендуется дать пояснения и возможно привести пример на другой, специально подготовленной таблице на других объектах – фруктах, животных, автомобилях. В нашем исследовании инструкция выглядела так:

По содержанию возможны различные варианты обработки в зависимости от цели; по глубине анализа возможны два уровня обработки: качественный и количественный с помощью корреляционного анализа. Для практической работы по оценке и формированию ПВК педагогов обычно достаточно только качественного анализа, что упрощает процедуру. Анализ традиционно для этого метода включает: моделирование представлений о свойствах элементов (ролей); формализации восприятия испытуемым отношений между представителями ролей.

В рамках пилотного исследования с помощью представленного выше теста выявлялись и анализировались особенности педагогического сознания испытуемых – учителей школ Иркутского района, что позволило выделить недостатки и перспективы их профессионального развития и разработать индивидуальные траектории развития профессиональных компетенций. Проведенное исследование показало, что эта схема оценки профессионального педагогического сознания является информативной, эвристичной и экономичной процедурой по сравнению с другими диагностическими комплексами, используемыми для оценки обобщенных характеристик эффективности педагогов. В настоящее время работа по данной проблематике продолжается в направлении как совершенствования оптимальных алгоритмов проектирования индивидуальных траекторий развития, профессионального сознания педагогов на основе диагностических данных «Репертуарного теста ролевого конструкта» Дж. Келли.

Список литературы / References

1. Берне Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Берне. – М.: Прогресс, 1986. – 268 с.
2. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М.: Прогресс, 1987. – 236 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berne R. Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie [The development of self-concept and education] / R. Berne. – М.: Progress, 1986. – 268 p. [in Russian]
2. Fransella F., Bannister D. Novyj metod issledovanija lichnosti: Rukovodstvo po repertuarnym lichnostnym metodikam [A new method of personality research: a Guide to the repertoire of personal techniques] / F. Fransella, D. Bannister. – М.: Progress, 1987. – 236 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.108>Дегтярев А.В.¹, Клестова О.А.²¹ORCID: 0000-0001-8811-4552, заведующий кафедрой теории и методики хоккея и футбола,²ORCID: 0000-0001-5103-7979, кандидат педагогических наук, доцент,

Уральский государственный университет физической культуры

**О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ ХОККЕЙНЫХ
ВРАТАРЕЙ 14-17 ЛЕТ****Аннотация**

В статье рассмотрено понятие общей и специальной выносливости хоккейных вратарей. Авторами обосновывается необходимость развития специальной выносливости у вратарей 14–17 лет в хоккее. Дано описание интервального метода круговой тренировки, позволяющего развить специальную выносливость хоккейных вратарей в тренировочном процессе. Приведены методики тестирования исследуемой выносливости. Представлены некоторые результаты средних показателей по специализированным тестам, полученным в ходе тестирования выносливости контрольной и экспериментальной групп.

Ключевые слова: хоккейный вратарь, развитие выносливости, специальная выносливость, результаты тестирования.

Degtyarev A.V.¹, Klestova O.A.²¹ORCID: 0000-0001-8811-4552, Head of the Department of theory and technique of hockey and football,²ORCID: 0000-0001-5103-7979, PhD in Pedagogy, assistant professor,

Ural State University of Physical Culture

**ON DEVELOPMENT RESULTS OF SPECIAL ENDURANCE OF HOCKEY GOALTENDERS
OF 14-17 YEARS OLD**

The paper deals with the concept of the general and special endurance of hockey goaltenders. The author substantiates the need for the development of special endurance of goaltenders of 14–17 years old in hockey. A description of the interval method of circuit training is presented; it allows to develop a special endurance of hockey goaltenders in the training process. Testing techniques for the estimation of endurance are given as well. Some results of the average parameters on specialized tests are obtained during endurance testing in experimental groups.

Keywords: hockey goaltender, endurance development, special endurance, test results.

За последние пятнадцать лет техника игры хоккейного вратаря претерпела определенные изменения. Так, поменялась игра вблизи ворот, начала применяться техника «баттерфляй» (перемещение вратаря на щитках по льду, отталкиваясь одним коньком). В связи с этим возросла роль физической подготовки вне льда над выносливостью, так как многократные перемещения на щитках по льду требуют хорошей физической подготовленности. Во время тренировки и игры вратарям необходимо исполнять быстрые, мощные перемещения, но особенно возрастает роль выносливости в конце матча и в овертайме. После двух игровых периодов физическая нагрузка, полученная вратарем на ноги, не позволяет ему держать стойку, быстро и многократно перемещаться в зоне ворот. В связи с этим необходимы дополнительные тренировочные занятия на выносливость в предсезонный период и в течение всего соревновательного периода, что даст возможность вратарям играть более стабильно, особенно в конце матча.

Выносливость хоккейного вратаря – это способность эффективно выполнять игровую и тренировочную деятельность без снижения ее интенсивности и противостоять утомлению [1, С. 310].

Различают общую, специальную, силовую, скоростную, скоростно-силовую, статическую и координационную выносливость.

Общая выносливость обеспечивается аэробными энергетическими процессами в организме. Для хоккейного вратаря такая направленность не характерна, но значение аэробных возможностей велико для него в период восстановления после нагрузок (в интервалах между упражнениями, во время остановки игры, в перерывах между периодами матча, а также после тренировок и матчей). Чем выше уровень развития аэробной системы, тем быстрее идет процесс восстановления. Аэробная подготовленность является основной для последующего развития иных качеств.

Для хоккейного вратаря характерен анаэробный механизм энергообеспечения, в первую очередь алактатный, который имеет решающее значение в кратковременных упражнениях максимальной интенсивности. От него зависят такие физические качества, как сила, быстрота, специальная выносливость, которая позволяет вратарю быть в хорошей физической форме на тренировках и во время соревнований.

Специальная выносливость – способность спортсмена эффективно выполнять нагрузку в течение времени, обусловленного требованиями его специализации. И соответственно способность организма к длительному выполнению какой-либо физической нагрузки без снижения ее эффективности.

Специальная выносливость вратаря – качество комплексное. Основными ее составляющими являются скоростная, статическая и координационная выносливость [1, С. 311].

Специальную выносливость связывают со спецификой игровой деятельности:

– это способность вратаря противостоять утомлению, развивающемуся в процессе определенной игровой деятельности;

– выносливость специфичная для деятельности, в которой происходит игровая специализация;

– выносливость по отношению к определенной деятельности;

– выносливость по отношению к определенной деятельности, избранной как предмет специализации;

– выносливость по отношению определенной двигательной деятельности.

При развитии специальной выносливости, а также силы, быстроты, ловкости, гибкости вратаря необходимо различать каждое тренировочное средство по продолжительности, интенсивности, количеству повторений, интервалу и характеру отдыха. Специальная выносливость хоккейного вратаря требует комплексного развития выносливости, характеризующейся общей, скоростной и силовой подготовленностью, владением техникой и развитием опорно-двигательного аппарата, то есть развитием скоростной, силовой и координационной выносливости. Совершенствование выносливости хоккеиста происходит лишь в том случае, если в тренировочной и соревновательной деятельности он преодолевает определенное утомление. Зная о том, что в основе физического утомления и выносливости лежат различные процессы энергообеспечения мышечной деятельности, можно целенаправленно воздействовать на них соответствующими средствами и методами с целью повышения уровня их функционирования. Другими словами, выносливость вратаря в хоккее с шайбой – это способность противостоять процессу утомления в тренировочной и игровой деятельности.

Для проведения эксперимента (2015–2016 гг.) по развитию специальной выносливости нами были выбраны экспериментальная (15 человек) и контрольная группа (15 человек) хоккейных вратарей 14–17 лет.

Различие тренировочного процесса в контрольной и экспериментальной группах состояло в следующем: в экспериментальной группе реализовывалась тренировочная программа подготовки, включающая в себя дополнительные упражнения на развитие физической выносливости, а в контрольной группе обучение велось по стандартной программе с использованием традиционных методик.

Для повышения скорости, соответствующей анаэробному порогу, и для выхода на новый уровень достаточна тренировочная программа продолжительностью 3–4 недели.

В тренировочных занятиях в экспериментальной группе нами был использован интервальный метод круговой тренировки [2]. Он включает в себя выполнение упражнений от 40–60 с с мощностью 50% от максимального, при минимальном отдыхе между станциями от 30 до 40 с, с нагрузкой близкой к максимальной интенсивности. Все упражнения применяли по три серии, между сериями использовали активный отдых – жонглирование теннисных мячей. Упражнения в основном были с использованием прыжков, с исходным положением вратарской стойки с возвратом в стойку после прыжков. Для развития выносливости на льду основным элементом во время тренировки было выполнение ускорений, торможений, как в линейной, так и в латеральной плоскости, также остановки, движения вперед и из стороны в сторону.

Контрольная группа использовала стандартный набор подготовки вратарей в зале, где прыжковые упражнения не использовались.

Для контроля развития специальной выносливости в подготовке хоккейных вратарей указанного выше возраста нами были использованы следующие тестовые методики:

1. «Танец Третьяка»

И. п. – присед, руки перед собой (как в основной стойке вратаря), синхронно выбрасываем в сторону руку и ногу (попеременно в правую и в левую сторону); нога должна полностью распрямиться, у руки допускается небольшое сгибание в локте.

Тест выполняется на время (по 8 раз в каждую сторону).

2. «Перебрасывание ног в стороны в упоре лежа боком»

И. п. – упор лежа боком, опора на две руки, перебрасываем ноги в правую сторону (отрывая от пола правую руку и возвращая ее в и. п.). Затем необходимо подгибая обе ноги перебросить тело в левую сторону. После окончания возврат в и. п.

Тест выполняется на время (по 8 раз в каждую сторону).

3. «Веер» короткий» (челночный бег)

И. п. – три фишки-маркера устанавливаются на расстоянии 3 м от линии старта: одна по центру, две под углом 30–45° в разные стороны от центральной фишки. По сигналу тестируемый бежит лицом вперед к фишке, расположенной по центру, касается ее рукой и возвращается спиной вперед к линии старта, касается линии старта рукой. То же самое необходимо сделать в обе стороны от центральной фишки. Финиш фиксируется после касания рукой линии старта. Выполняется на время.

4. «Веер» прыжками на двух ногах»

И. п. – три фишки-маркера устанавливаются на расстоянии 3 м от линии старта: одна по центру, две под углом 90° в разные стороны от центральной фишки-маркера. Первый способ (на время) – по сигналу, тестируемый прыжками на двух ногах в основной стойке прыгает к фишке, расположенной по центру, касается ее рукой и возвращается бегом спиной вперед к линии старта, касается линии старта рукой. Далее прыжками боком на двух ногах в основной стойке двигается к одной из фишек, установленной сбоку от линии старта, возвращается бегом спиной вперед. То же в противоположную сторону. Финиш фиксируется после касания рукой линии старта. Второй способ (на дальность) – прыжки совершаются тем же способом по три прыжка в каждую из трех сторон.

5. «Веер» длинный» (челночный бег)

И. п. – две фишки устанавливаются на расстоянии 8–10 м от точки старта под углом 45° (примерное расстояние от линии ворот до точек вбрасывания). По сигналу тестируемый бежит лицом вперед к одной из фишек, касается ее рукой и возвращается к точке старта бегом спиной вперед. Аналогичным образом в другую сторону. Финиш фиксируется по касанию точки старта.

6. «Жонглирование теннисными мячами на балансировочной доске»

Инвентарь: балансировочная доска, теннисные мячи (три штуки).

И. п. – стоя, в руках теннисные мячи. По сигналу тестируемый встает на балансировочную доску и начинает жонглировать мячами. Необходимо как можно дольше удерживать равновесие на доске и не уронить мяч. Отсчет времени начинается после того, как тестируемый встанет обеими ногами на доску.

В таблице 1 показаны результаты вычислений средних показателей по специализированным тестам экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп, выявленных в ходе контрольных срезов.

Таблица 1 – Сравнение средних показателей по специализированным тестам экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп, в с

Виды тестов		ЭГ			КГ		
		средние показатели		изменения, %,	средние показатели		изменения, %
		2015 год	2016 год		2015 год	2016 год	
«танец Третьяка»		7,68	7,58	1,3	7,75	7,69	0,77
«веер» короткий		8,33	8,14	2,28	8,39	8,24	1,79
«веер» длинный		12,04	11,86	1,5	12,01	11,95	0,5
«веер» прыжками в основной стойке		9,13	9,03	1,1	9,15	9,11	0,43
перебрасывание ног в упоре		12,93	12,88	0,39	12,98	12,93	0,39
жонглирование на балансировочной доске		55,50	74,45	34,14	55,61	65,54	17,86
«веер» прыжками в основной стойке	лицом вперед	529	514	527	527	0,57	0,57
	правым боком	509	505	511	511	0,59	0,59
	левым боком	523	516	529	529	1,3	1,3
Средний показатель		185,18	184,33	5,07	185,88	185,5	2,69

Как видно из таблицы, результаты проведенных тестов показали, что наблюдается рост средних показателей – от 0,39% (перебрасывание ног в упоре) до 34,14% (жонглирование на балансировочной доске) у экспериментальной группы и от 0,43% («веер» прыжками в основной стойке) до 17,86% (жонглирование на балансировочной доске) у контрольной группы. В среднем изменение показателей специализированных тестов у экспериментальной группы выше в два раза, чем в контрольной группе.

Сравнивая показатели экспериментальной и контрольной групп, мы пришли к выводу, что в подготовке хоккейных вратарей необходимо уделять дополнительное внимание физической подготовке. Недостаточно проводить предсезонную подготовку вратарей вместе с игроками команды, необходимо давать им более специфическую нагрузку во время сборов и в течение всего игрового сезона.

Список литературы / References

1. Никонов, Ю. В. Подготовка квалифицированных хоккеистов : учеб. пособие / Ю. В. Никонов. – Мн. : ООО «Асар», 2003. – 352 с.
2. Чемберс, Д. Тренировочные занятия в хоккее: 446 упражнений для развития мастерства хоккеистов / Дэйв Чемберс ; пер. с англ. В. Сизоненко. – К. : Олимп. л-ра, 2010. – 360 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Nikonov, Ju. V. Podgotovka kvalificirovannyh hokeistov : ucheb. posobie [Training of qualified players : tutorial] / Ju. V. Nikonov. – Mn. : ООО «Асар» [Mn. LLC «Asar»], 2003. – 352 p. [in Russian]
2. Chambers, D. Trenirovochnye zanjatija v hokkee: 446 uprazhnenij dlja razvitija masterstva hokeistov [A training session in hockey: 446 exercises to develop hockey skills] / Djeiv Chambers ; per. s angl. V. Sizonenko [translated from English V. Sizonenko]. – K. : Olimp. l-ra [K: Olympus. l-ra], 2010. – 360 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.052>

Зипунникова Т.А.¹, Сизова Н.Н.²

¹Старший преподаватель кафедры теории и методики физической культуры и спортивной оздоровительной рекреации, Дальневосточный Федеральный университет,

²ORCID: 0000-0002-6310-3723, старший преподаватель,

Владивостокский филиал Российской таможенной академии

ИССЛЕДОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация

В статье анализируется общее состояние физического здоровья студентов Дальневосточного Федерального университета. Приводятся результаты исследования физического развития, физической подготовленности и функционального состояния организм. В ходе исследования применялась экспресс-оценка физического здоровья по В.И. Белову. Результаты исследования выявили преобладание среднего уровня физического здоровья у студентов вуза. Получены низкие показатели в развитии выносливости студентов.

Ключевые слова: учебный процесс, физическое здоровье, студенты, физическая подготовленность, девушки, физическая культура.

Zipunnikova T.A.¹, Sizova N.N.²

¹Senior lecturer, Department of theory and methodology of physical education and sports recreation, Far Eastern Federal University,

²ORCID: 0000-0002-6310-3723, senior lecturer of chair of physical training,

Vladivostok branch of the Russian customs academy

INVESTIGATION OF PHYSICAL HEALTH AMONG STUDENTS OF FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Abstract

The article presents research of the general physical health among students of the Far Eastern Federal University. The results of the study of physical development, physical preparation and functional state of the body are given in the paper. Rapid assessment of physical health suggested by V.I. Belov was used in the study. The results of the study show the domination of the average level of physical health among the students of the university. The stamina of students appeared to be low.

Keywords: educational process, physical health, students, physical fitness, girls, physical education.

Одной из ключевых составляющих здоровья человека является физическое здоровье, которое характеризуется функционированием всех органов и систем человеческого организма. Роль высшей школы, как социального института, заключается в воспитании не только специалиста со сформированными общекультурными и профессиональными компетенциями, но и профессионала имеющего достаточный уровень здоровья, способного выполнять свои социальные и культурные обязанности в обществе.

Студенты относятся к той социальной группе, которая находится в стадии становления физиологической зрелости и предрасположены к высокому риску нарушений в состоянии здоровья.

Показатели здоровья студентов являются не только отражением социально-экономического положения в стране, но и признаком будущего трудового потенциала страны [1].

Дальневосточный Федеральный университет является одним из крупнейших вузов на Дальнем Востоке России, где проходит обучение около 37000 тысяч молодых людей. На сегодняшний момент нам представляется интересным проблема формирования здоровья молодых людей обучающихся в вузе.

Цель нашего исследования заключалась в оценке уровня физического здоровья студентов.

Объектом исследования послужило здоровье студентов основной медицинской группы.

Предметом исследования явился уровень физического здоровья студентов основной медицинской группы.

В исследовании принимали участие 125 девушек в возрасте 18-19 лет, отнесенных по состоянию здоровья к основной медицинской группе и занимающихся по дисциплине «Физическая культура» согласно рабочей учебной программе и учебному расписанию. Исследование проводилось в октябре-декабре 2016 года на кафедре теории и методики физической культуры и спортивной оздоровительной рекреации на базе Дальневосточного Федерального университета.

Для оценки физического здоровья использовалась методика экспресс-оценки уровня соматического здоровья по В.И. Белову (1995). Данная методика отличается простотой и доступностью, а также не требует дополнительного оборудования. Положительный момент методики В.И. Белова заключается в том, что она позволяет оценить не только физиологические показатели, но и такие двигательные качества, как сила, выносливость, и скоростно-силовые качества.

Последние десятилетия в России наблюдается ухудшение состояния здоровья населения. За период с 1992 по 2008 г. естественная убыль составила 12,5 млн. человек. [2]. Здоровье студенческой молодежи является одной из наиболее острых проблем современной России. Данные исследователей в этой области свидетельствуют, что начиная с двухтысячных годов, наблюдается не просто снижение некоторых показателей здоровья молодых людей, но и тотальное ухудшение, связанное и организацией здоровья молодежи и с изменениями в их образе жизни.

Одним из основных критериев позволяющих судить о состоянии здоровья, является частота заболеваемости острыми респираторными заболеваниями и гриппом. В результате исследования выяснилось, что среди студенческой молодежи Дальневосточного Федерального университета наблюдается негативная ситуация со здоровьем. Так, в результате исследования установлено, что абсолютное большинство девушек (76%-95 человек) имеют по 2-3

простудных заболеваний в течение года. Всего лишь 25% обследуемых студенток, что составило 30 человек, не имеют хронических заболеваний. При устном собеседовании девушки указали, что хронические заболевания являются преимущественно болезнями костно-мышечной системы, кровообращения и зрения.

В результате использования методики экспресс-оценки физического здоровья по В.И. Белову (1995) выяснилось, что средний балл набранный студентами составляет 3,1 балла и это соответствует среднему уровню здоровья (табл.1).

Таблица 1– Экспресс оценка уровня здоровья (В. И. Белов, 1993)

Показатели теста	Студенты 3 курса (n-125)	
	M±m	Баллы
ЧСС в покое, уд/мин	74,4±1,44	3
АД (ус. ед)	108,4/70,96±0,92/0,81	4
Жизненный показатель: ЖЕЛ на массу тела, мл/кг	50,96±2,46	3
Стаж занятий (более 2 раз в неделю по 30 мин), кроме занятий физической культурой в вузе, кол-во раз	1,64±0,08	2
Бег 2000 м (с)	743,86±14,32	3
Время восстановления ЧСС после 20 приседаний за 20 сек, мин	2,26±0,14	3
Поднимание туловища из положения лежа на спине, ноги закреплены, кол-во раз	39,76±0,63	5
Кол-во простудных заболеваний в течение года, кол- во раз	2,04±0,17	3
Кол-во хронических заболеваний, кол-во раз	1,04±0,09	2
Уровень физического здоровья		3,1

Результаты в тесте на выносливость, позволяющие оценить физическую работоспособность и косвенно позволяющие судить о функционировании сердечно-сосудистой и дыхательной систем позволяют констатировать о низком уровне тренированности студентов. Так основная масса тестируемых 65,6% (82 человека) показала результат в беге на 2000 метров в диапазоне от 12 до 13 минут, и всего лишь 2,4 % (3 человека) пробежали данную дистанцию в диапазоне от 10 до 11 минут.

Одним из основных показателей жизнестойкости организма считается жизненный показатель, 44% исследуемых, а это составило 55 девушек, получили 4 балла за выполнение данного теста, 12% (15 девушек) – 6 баллов, 32% (40 девушек) – 3 балла и 12% (15 девушек) – 2 балла

Несмотря на то, интегральный показатель физического здоровья по группе средний, в отдельных видах тестирования студенты показали неплохие данные. Так результаты зафиксированы в тесте «Поднимание туловища из положения лежа на спине, ноги закреплены, кол-во раз» 12% девушек (15 человек) набрали максимально возможный балл, по 40% студентов (50 человек) набрали по 4 и 5 баллов и 8% (10 человек) выполнили тест на 3 балла (рис.1).

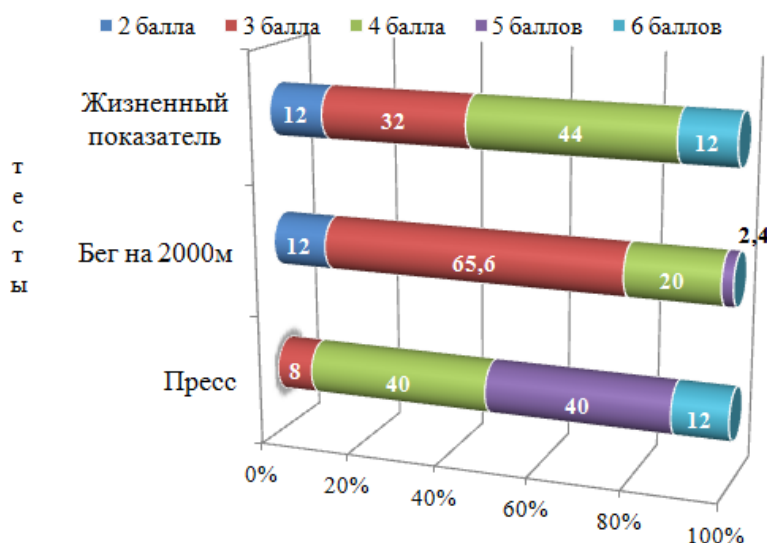

Рис. 1 – Показатели экспресс-оценки уровня здоровья

На предварительном этапе исследования проводилось анкетирование с целью определения самооценки здоровья студентов, которая включала в себя оценку своего физического состояния. В результате анкетирования выяснилось, что большинство студентов (64,8%-81 человек) оценивают свое физическое здоровье как хорошее. Треть опрошенных (20,8-26 человек) считают, что у них отличное здоровье, 11,2% анкетированных указали на удовлетворительное состояние физического здоровья. И всего лишь небольшая часть опрошенных (3,2%-4 человека) отметили, что имеют плохой уровень физического здоровья.

Нами установлено, что среди 125 обследованных девушек не выявлено студенток со сверхвысоким уровнем здоровья (рис.2).

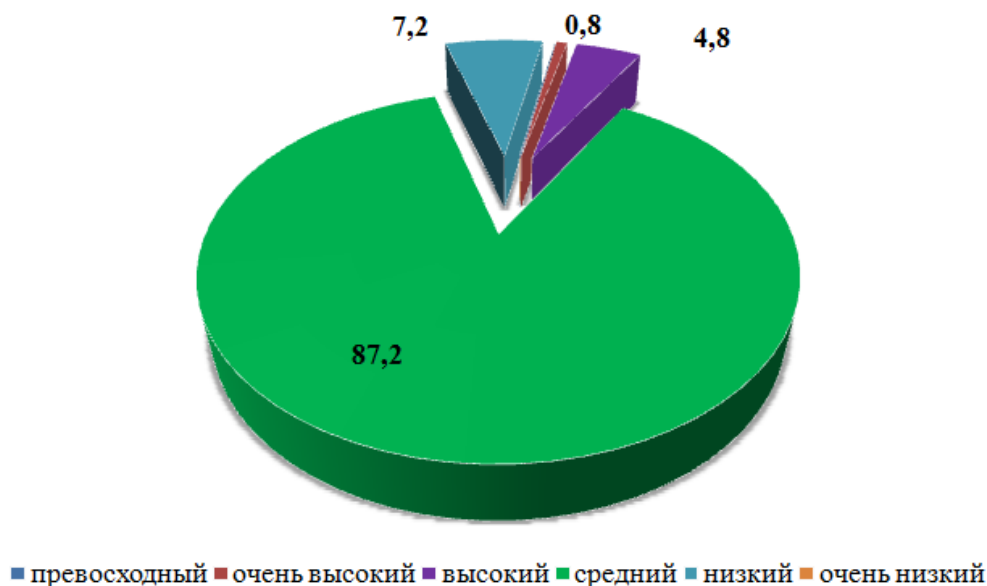

Рис. 2 – Распределение студентов по состоянию здоровья

Несмотря на то, что абсолютное большинство студентов (85,6%) считают себя практически здоровыми и уровень их физического здоровья соответствует отличному и хорошему, данные тестовой системы В. И. Белова (1993), выявили, что среднegrupповые показатели уровня физического здоровья по сумме баллов, трактуемые как средние преобладают у 87,2%, что составило 109 девушек, интерпретируемые как низкие установлены у 7,2% (9 девушек), у 4,8 % (6 девушек) зафиксирован высокий уровень физического здоровья и всего лишь у 0,8%, что составило 1 человека, отмечен уровень физического здоровья как «очень высокий».

На основании полученных данных были сформулированы следующие выводы:

1. Высокое количество студентов с перенесенными острыми респираторными заболеваниями в течение года, указывают на снижение иммунной системы.
2. Состояние здоровья студентов соответствует среднему уровню. Выявлено, что только 5,6% обследуемых студентов имеют высокий и очень высокий уровень физического здоровья, что может обеспечить им защиту от риска возникновения и развития различных заболеваний.
3. Большинство студентов имеют низкий уровень физической подготовленности и низкий уровень функциональной подготовленности.
4. Полученные данные необходимо учитывать профессорско-преподавательскому составу при организации учебно-тренировочного процесса по дисциплине «Физическая культура».
5. Для преодоления неблагоприятной ситуации в формировании здоровья студенток вуза следует внедрять инновационные методики комплексного использования физкультурно-оздоровительных средств.

Список литературы / References

1. Сизова, Н.Н. Изучение показателей здоровья и физической подготовленности студентов Владивостокского филиала Российской таможенной академии / Н.Н. Сизова, Ю.Д. Исмагилова, Т.Н. Тиосова// Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 11 (30). – Часть 4. – С. 39-42.
2. Шабунова, А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография [Текст] / А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sizova N. N. Izucheniye pokazateley zdorovia i fizicheskoy podgotovlennosti studentov Vladivostokskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii [The studying indicators of health and physical preparedness students from Vladivostok branch of Russian customs academy] / N. N. Sizova. J. D. Ismagilova, T.N. Tiosova // International Researching Journal, [Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal]. – 2014. – №11 (30). – Part 4 – P. 39-42. [in Russian]
2. Shabunova A. A. Zdorove naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika: monografiya [Health of the population in Russia: condition and dynamics: the monograph] /A. A. Shabunova – Vologda: ISEDT RAS. 2010. –408 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.085>Коноплева А.Н.¹, Карданова Е.В.², Ачиева Н.Е.³, Шерхова Л.К.⁴¹ORCID: 0000-0001-7240-7000, Кандидат педагогических наук, ²ORCID: 0000-0001-6850-3139,Кандидат педагогических наук, ³ORCID: 0000-0002-2917-0519, преподаватель, ⁴ORCID: 0000-0002-8245-7818:

Кандидат биологических наук, Кабардино-Балкарский государственный университет

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ АРМЕЙСКИМ РУКОПАШНЫМ БОЕМ**Аннотация**

Неуклонный и значительный рост спортивных рекордов и нормативов, характерный для современного мирового спорта, предъявляет высокие требования к подготовке спортсменов. В современных условиях достижение им успехов в значительной мере зависит от умения регулировать свое поведение, сдерживать свои чувства, контролировать настроение.

Соревновательная деятельность, где от спортсмена требуется полная отдача сил, работа на пределе своих возможностей, создает ситуации, в которых спортсмену необходимо регулировать свое состояние. Бесспорно, что как среди слагаемых успеха, так и среди причин поражения в спортивном соревновании значительная доля принадлежит психофизиологическому состоянию спортсмена во время соревнования.

Ключевые слова: армейский рукопашный бой, психофизиологическая подготовка, соревновательная деятельность, сенсомоторные реакции, эмоциональная сфера, рефлексивный компонент.

Konopleva A.N.¹, Kardanova E.V.², Achieva N.E.³, Sherkhova L.K.⁴¹ORCID: 0000-0001-7240-7000, PhD in Pedagogy, ²ORCID: 0000-0001-6850-3139, PhD in Pedagogy,³ORCID: 0000-0002-2917-0519, professor, ⁴ORCID: 0000-0002-8245-7818, PhD in Biology,

Kabardino-Balkarian state University

PSYCHO-PHYSIOLOGICAL TRAINING AS THE FACTOR OF SUCCESS OF COMPETITIVE ACTIVITY OF ATHLETES ENGAGED IN ARMY HAND TO HAND FIGHT**Abstract**

The steady and significant increase in sports records and standard rates characteristic of modern world sport, makes high demands on the training of athletes.

In modern conditions the achievement of success depends on the ability to regulate the behavior, to repress the feelings, to control mood.

Competitive activity, where the athletes must show full dedication forces, work on a limit of the opportunities, creates situations in which the athletes need to control their condition.

There is no doubt that among the success factors and the reasons for the defeat in a sports competition, a significant proportion belongs to the psycho-physiological condition of the athlete during competition.

Keywords: army hand-to-hand fight, psychophysiological training, competitive activity, sensomotor reactions, emotional sphere, reflexive component.

Актуальность. Армейский рукопашный бой является тем видом спорта, который подвергает серьезным испытаниям все аспекты личности - как физические, так и психофизиологические. Условия, в которых проходит современный армейский рукопашный бой, предъявляют повышенные требования к точности выполнения как конкретных двигательных действий, так и умственных операций. Для соответствия этим условиям боец-рукопашник должен уметь владеть не только своим телом, но и психикой, сознательно регулировать свое поведение в экстремальных условиях соревновательной деятельности [2, С. 19].

Цель работы: повышение результативности соревновательной деятельности юных бойцов-рукопашников 12-14 лет на основе использования программы психофизиологической подготовки.

Методика и организация исследования. Программа по психофизиологической подготовке спортсменов 12-14 лет, занимающихся армейским рукопашным боем, была представлена тремя разделами: раздел 1 - «Теоретическая подготовка» - лекции и беседы, направленные на психологическое образование бойцов; раздел 2 - «Совершенствование психофизиологических и личностных качеств бойца» направлен на обеспечение выполнения спортсменами основных действий и операций спортивного поединка; раздел 3 - «Регуляция психических состояний спортсмена» направлен на повышение психической устойчивости бойца в условиях специфической спортивной деятельности. Воздействия на спортсменов в процессе реализации предложенной программы носило как коллективный, так и индивидуальный характер.

Результаты исследования. Для определения психофизиологической готовности бойцов-рукопашников к соревновательной деятельности, нами были исследованы четыре взаимосвязанных компонента: мотивационный, рефлексивный, эмоциональный и сенсомоторный.

Динамика показателей мотивационного компонента спортсменов экспериментальной группы (ЭГ) обнаружила прирост уровня мотивации на 4,4 балла ($p < 0,05$), в то время как спортсменов контрольной группы (КГ) лишь на 0,3 балла ($p > 0,05$).

В рамках изучения рефлексивного компонента мы исследовали два состояния спортсмена: нервно-психическое напряжение и тревожность.

За время педагогического эксперимента у испытуемых контрольной группы уровень напряжения с $66,5 \pm 9,7$ балла снизился до $59,5 \pm 6,8$ балла (разница составила 7 единиц). Нервно-психическое напряжение спортсменов экспериментальной группы с $70,4 \pm 8,4$ баллов снизилось до $48,3 \pm 5,8$ баллов соответственно. Разница составила 22,1 единиц.

Следующий показатель, который был нами рассмотрен в рамках исследования рефлексивного компонента психофизиологической готовности спортсмена - показатель тревожности спортсмена. Сравнив данные участников эксперимента, мы обнаружили, что в ЭГ уровень тревожности снизился на 11,4 балла ($p < 0,05$), в то время как в КГ лишь на 3,8 балла ($p > 0,05$).

В формировании психического состояния важную роль играют свойства эмоциональной сферы, которые наряду с мотивацией, определяют устойчивость психики к воздействиям неблагоприятных факторов внешней среды. По данным тестирования самочувствие у испытуемых контрольной группы повысилось на 0,4 балла с $45,9 \pm 5,8$ баллов, до $46,3 \pm 3,8$ баллов. В экспериментальной же группе самочувствие спортсменов улучшилось ($43,4 \pm 6,4$ балла – при входном исследовании, $49,9 \pm 5,8$ балла – при повторном исследовании) на 6,5 единиц.

Активность испытуемых КГ за время эксперимента увеличилась на 0,6 балла (с $46,9 \pm 3,8$ – до эксперимента; $47,5 \pm 3,5$ балла – после эксперимента). Проанализировав результаты, полученные в ЭГ, нами было обнаружено, что активность спортсменов в этой группе повысилась на 9,2 балла (с $48,5 \pm 2,9$ балла – до эксперимента; $57,7 \pm 4,5$ балла – после эксперимента).

Проанализировав настроение юных спортсменов, мы обнаружили, что у испытуемых контрольной группы настроение повысилось на 1,8 балла (с $44,4 \pm 4,2$ балла до $46,2 \pm 6,4$ баллов). В экспериментальной группе активность повысилась на 9,8 балла (с $42,8 \pm 5,5$ баллов до $52,6 \pm 4,5$ баллов). Причем настроение у участников экспериментальной группы в конце исследования соответствовал высокому уровню.

Обобщая полученные результаты, мы можем сделать вывод, что у бойцов экспериментальной группы положительно достоверно изменился уровень самочувствия, активности и настроения.

Успех выступления спортсмена-рукопашника во многом зависит от скорости принятия решения правильного выполнения двигательного действия в быстроменяющейся ситуации спортивной борьбы. На фоне высокого психоэмоционального напряжения сенсомоторные реакции бойца должны быть точными и достаточно быстрыми [1, С. 47].

Результаты анализа среднего времени реакции выбора, полученные нами в ходе экспериментального исследования неоднозначны. У участников экспериментальной группы – в начале исследования показатель составил $352,1 \pm 50,9$ мс, в конце эксперимента – $313,5 \pm 16,8$ мс, у бойцов контрольной группы среднее время реакции на начальном этапе составило $365,5 \pm 36,0$ мс, а в конце – $337,9 \pm 29,5$ мс.

Следующий параметр, который мы исследовали в рамках сенсомоторного компонента – было суммарное число ошибок спортсменов, допущенных в экспериментальных условиях. Число ошибок, как в первой, так и во второй группе сократилось. Однако, в динамике в контрольной группе зафиксировано снижение на 0,6 ошибки (с $2,3 \pm 0,6$ до $1,7 \pm 0,9$, $p > 0,05$). В то время как у участников экспериментальной группы – на 1,2 ошибки (с $2,0 \pm 0,6$ до $0,8 \pm 0,6$, $p < 0,05$). Причем разница ошибок у участников контрольной группы на 50% больше, чем у участников экспериментальной группы.

Итак, у испытуемых контрольной группы оценка быстроедействия равна 0,10 относительных единиц, что соответствует второму уровню быстроедействия, а у испытуемых экспериментальной группы – 0,75 относительных единиц, что соответствует 4 уровню быстроедействия.

Оценка функционального состояния спортсменов опытных групп, в свою очередь, свидетельствует в пользу участников экспериментальной группы (сократилось число спортсменов с «негативным» и «предельно-допустимым» функциональным состоянием и увеличилось число спортсменов с «оптимальным» состоянием). Лучшее функциональное состояние спортсменов экспериментальной группы способствует повышению результативности их деятельности в ответственных стартах. За период с октября 2014 года по апрель 2016 года процент призовых мест у бойцов контрольной и экспериментальной групп говорит в пользу последней, где зафиксировано на 50% больше призовых мест. А вычисленное значение коэффициента ранговой корреляции ($r_s = 0,76$), свидетельствует о наличии сильной положительной связи между изучаемыми признаками: психофизиологическим состоянием спортсменов и результативностью их соревновательной деятельности.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сформулировать следующие **выводы:**

- внедрение программы психофизиологической подготовки в процесс подготовки спортсменов-рукопашников 12-14 лет экспериментальной группы позволило добиться положительных (достоверных) изменений исследуемых показателей: по мотивационному компоненту; по рефлексивному компоненту: уровень нервно-психического напряжения и тревожности у участников экспериментальной группы достоверно ниже, чем у бойцов контрольной группы; по эмоциональному компоненту: достоверно высокие результаты самочувствия, активности и настроения зафиксированы у бойцов экспериментальной группы, по сравнению с контрольной; по сенсомоторному компоненту: анализ полученных нами результатов по простой зрительной моторной реакции позволяет заключить, что, во-первых, среднее время реакции у бойцов из экспериментальной группы достоверно выше, чем у бойцов из контрольной группы; во-вторых, суммарное количество ошибок при выполнении задания у бойцов из экспериментальной группы достоверно меньше, чем у бойцов из контрольной группы; в-третьих, оценка и уровень быстроедействия у бойцов из экспериментальной группы выше, чем у бойцов из контрольной группы;

- функциональное состояние спортсменов экспериментальной группы на соревнованиях значительно выше, чем у спортсменов контрольной группы;

- анализ динамики результативности соревновательной деятельности спортсменов, участвующих в эксперименте, за 2014-2016 год свидетельствует о превосходстве участников экспериментальной группы, чей процент призовых мест достоверно выше, по сравнению с бойцами контрольной группы;

- выявлена взаимосвязь психофизиологических состояний спортсменов в условиях соревновательной деятельности с их результативностью соревновательной деятельности (коэффициент ранговой корреляции $r_s = 0,76$).

Список литературы / References

1. Жданов Ю.Н. Психофизиологическая подготовка единоборца / Ю.Н. Жданов. – Донецк: ДОНИЖТ, 2003. – 605 с.
2. Кадочников А.А. Мой взгляд на рукопашный бой / А.А. Кадочников. – Ростов на Дону: Феникс. – 2005. С. 19.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zhdanov YU. N. Psihofiziologicheskaya podgotovka edinoborts [Psychophysiological preparation of martial artist] / Yu.N. Zhdanov. – Donetsk: DONIZhT, 2003. – 605 p. [in Russian]
2. Kadochnikov A. A. Moy vzglyad na rukopashnyi boy [My view of hand-to-hand fight] / A.A. Kadochnikov. – Rostov to Dona: Phoenix. – 2005. P. 19. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.111>

Корчагина Г.В.

Преподаватель,

Пермский педагогический колледж №1

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА В ХОДЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИКЕ

Аннотация

В структуру культуры педагогического мышления входят три основных компонента: индивидуально-личностный, ситуационно-деятельностный, компетентностный. Экспериментально-аналитическое обучение педагогике студентов педагогического колледжа обеспечивает повышение уровня сформированности всех компонентов культуры педагогического мышления и их профессиональной компетентности. Экспериментально-аналитическое обучение педагогике, заключается в организации многократных вариативных взаимопереходов «теория-практика» и «практика-теория» с привлечением нескольких видов познавательной и практической педагогической деятельности.

Ключевые слова: культура педагогического мышления, студенты педагогического колледжа, обучение студентов педагогике, экспериментально-аналитическое обучение педагогике.

Korchagina G.V.

Lecturer,

Perm Pedagogical College № 1

DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL THINKING CULTURE OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL COLLEGE AT EXPERIMENTAL AND ANALYTICAL EDUCATION IN PEDAGOGY

Abstract

The culture of pedagogical thinking includes three main components: individual-personal, situational-activity, and competence. The experimental and analytical teaching of pedagogy of students of the pedagogical college ensures the increase in the level of all components forming of the pedagogical thinking culture and their professional competence. Experimental and analytical teaching of pedagogy is the organization of multiple mutual variative transitions "theory-practice" and "practice-theory" with the involvement of several types of cognitive and practical pedagogical activities.

Keywords: culture of pedagogical thinking, students of pedagogical college, teaching of pedagogy to students, experimental and analytical teaching of pedagogy.

Совершенствование подготовки педагогических кадров связывают с формированием у студента компетентностей, позволяющих выпускнику успешно решать профессиональные задачи определенного уровня сложности. Вместе с тем, успешное выполнение профессиональной деятельности связывают также с уровнем сформированности культуры педагогического мышления. Систематизация результатов исследований, проведенных в нашей стране в последние тридцать лет, позволила разработать модель структуры культуры педагогического мышления, включающую три основных компонента: индивидуально-личностный, ситуационно-деятельностный, компетентностный [3]. Мы также выявили, что умения и навыки, определяющие компетентность педагога, соотносимы с компетентностным компонентом в структуре культуры педагогического мышления, а влияющий на уровень компетентности профессиональный опыт обеспечивает успешное решение педагогических задач (ситуационно-деятельностный компонент культуры педагогического мышления) [3].

В данной статье мы хотим ответить на вопрос: обеспечивает ли повышение уровня сформированности всех компонентов культуры педагогического мышления и компетентности студентов педагогического колледжа экспериментально-аналитическое обучение педагогике [2], сущность которого заключается в организации многократных вариативных взаимопереходов «теория-практика» и «практика-теория» с привлечением нескольких видов познавательной и практической педагогической деятельности.

Для этого было проведено эмпирическое исследование с использованием пакета диагностических методик: 1) предварительный анализ успеваемости, по дисциплине педагогика (оценки по курсу); тест Векслера, позволяющий определить уровень сформированности мышления [5]; 2) компетентностно-ориентированный тест на основе решения педагогических ситуаций, позволяющий оценить как знания участников исследования (компонент педагогической компетентности), так и умение эффективно решать педагогические стратегические, тактические, оперативные задачи (ситуационно-деятельностный и компетентностный компоненты культуры педагогического мышления) [4];

3) сравнительная характеристика с учителями школ, уровня сформированности культуры педагогического мышления, как эталона сформированной культуры педагогического мышления.

В исследовании приняли участие студенты среднего профессионального образовательного учреждения, Пермского педагогического колледжа №1 специальностей «Преподавание в начальных классах», «Дошкольное образование» «Социальная работа», студенты вторых курсов, всего 90 человек. Определились две группы контрольная и экспериментальная, (экспериментальная группа 60 студентов, где осуществлялось экспериментально-аналитическое преподавание педагогики, и студенты контрольной группы в количестве 30 студентов, где преподавание педагогики было традиционным). Результаты студентов колледжа сопоставлялись с результатами педагогов школ как эталоном. (В исследовании приняли участие 36 учителей школ городов Перми (школы №№22, 50, 55, 79, 11, лицеев №1 и №7, гимназии №10), Краснокамска (школы №2 и №3), Чайковский (школа №7), результаты опубликованы[6]).

На начальном этапе опытно-экспериментальной работы результаты анализа успеваемости студентов показали, что в экспериментальной и контрольной группах доминирует высокий уровень сформированности знаний. Практически все студенты являются успевающими по дисциплине «педагогика» (рис.2, рис.3). По результатам теста Векслера [5] уровень сформированности мышления также одинаков: студенты находятся примерно на одном уровне сформированности операций мышления. Лишь учителя школ (в дальнейшем эталон) показали более высокие результаты по операциям мышления (рис. 1).

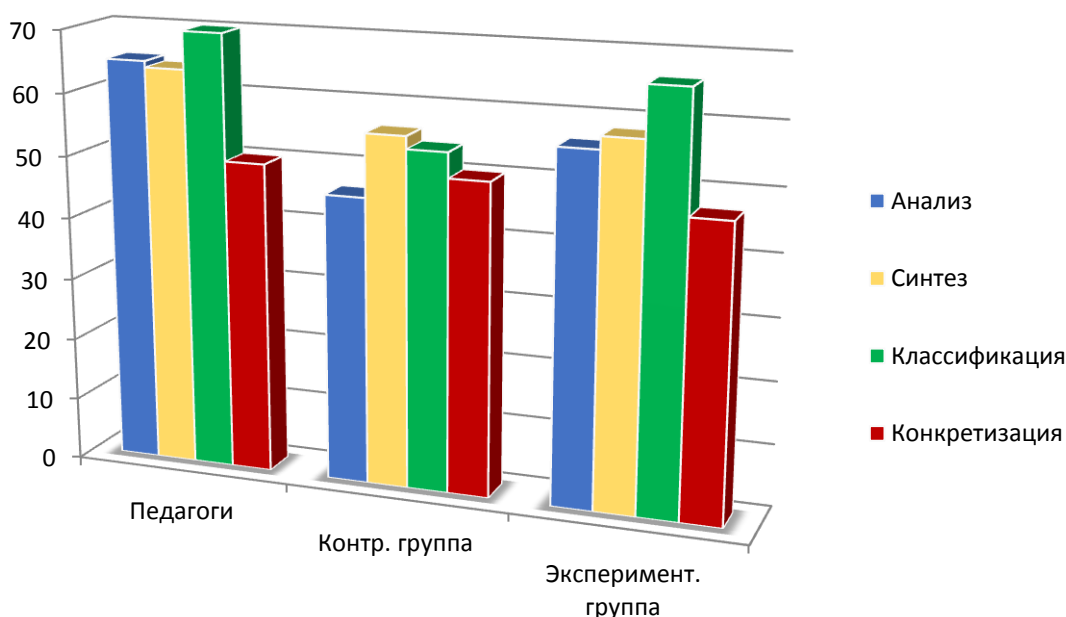

Рис. 1 – Общий показатель уровня сформированных операций мышления по тесту Векслера в контрольной группе, экспериментальной группы, у педагогов школ

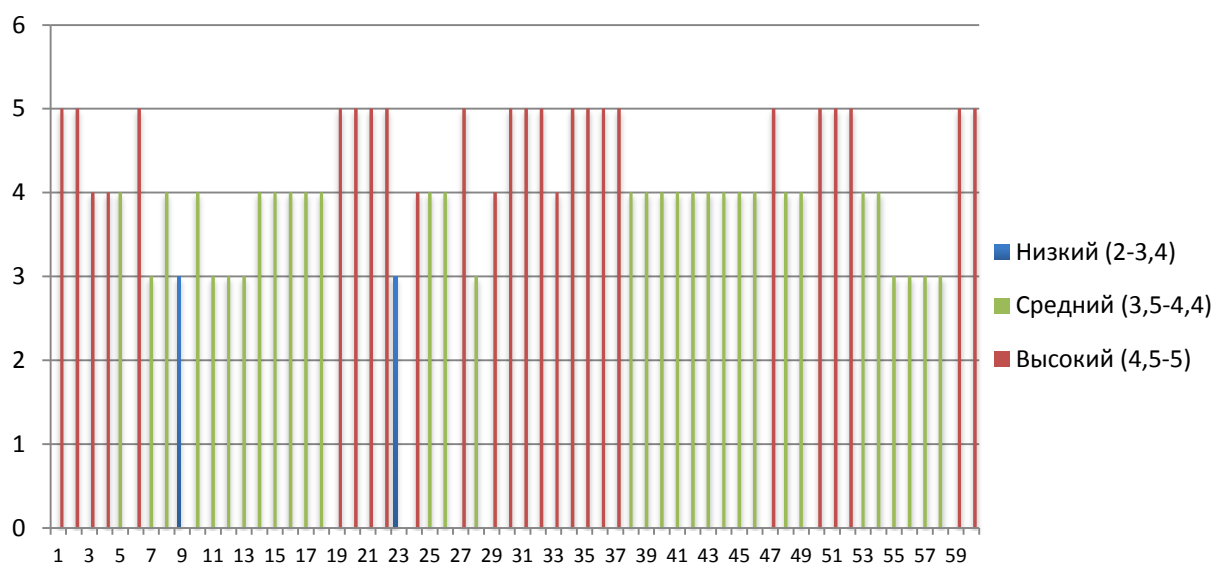

Рис. 2 – Индивидуальные показатели уровня знаний по дисциплине «педагогика» у студентов экспериментальной группы

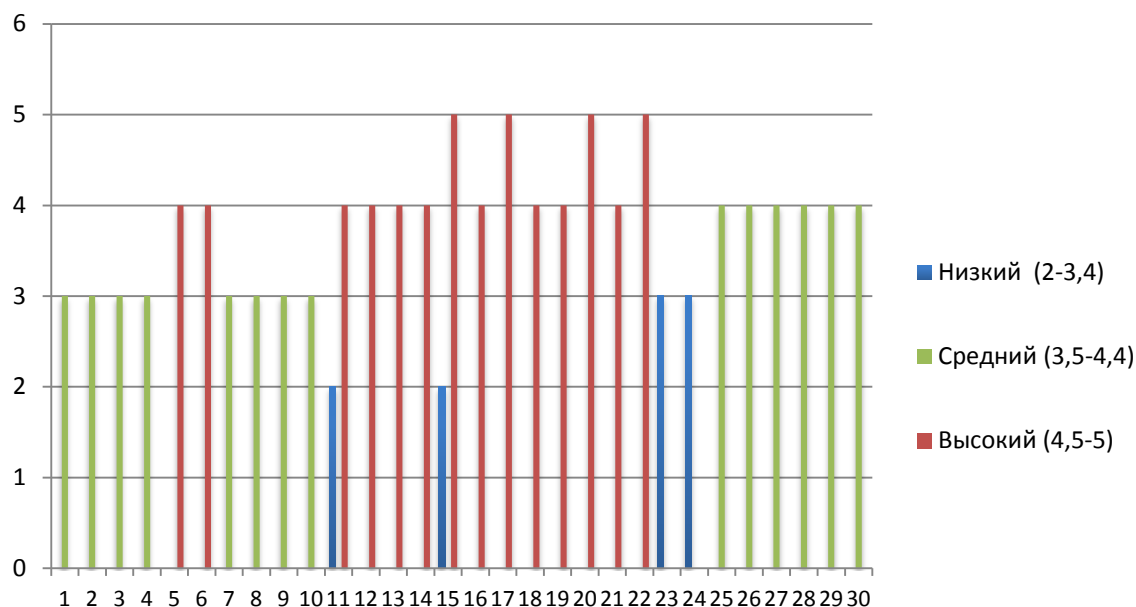

Рис. 3 – Индивидуальные показатели уровня знаний по дисциплине «педагогика» у студентов контрольной группы

На завершающем этапе опытно-экспериментальной работы был проведен «Компетентностно-ориентированный тест», разработанный на основе решения педагогических ситуаций [4], который включал задания по всем изучаемым в курсе педагогики дидактическим единицам («Введение в педагогическую деятельность», «Общие основы педагогики», «Теории и технологии воспитания», «Теории и технологии обучения», «Социальная педагогика», «Управление образовательными системами»), отражающим особенности функционала педагогического работника образовательной организации.

Задания по каждой дидактической единице предполагали: 1) узнавание ранее изученных объектов, свойств; 2) выполнение действий по образцу, инструкции; 3) решение проблемных задач путем самостоятельного планирования и описания прогнозируемых действий, выбора одного из самостоятельно предложенных вариантов и обоснование сделанного выбора.

Таким образом, задания позволяли выявить и собственно информированность, сформированность компетентности как готовности решать типичные педагогические задачи с опорой на совокупность знаний-умений-ценностей-опыта, а также и сформированность ситуационно-деятельностного компонента культуры педагогического мышления как готовности перевести объективную ситуацию в качество проблемной педагогической ситуации и затем – педагогической задачи, определить всевозможные решения и обоснованно выбрать оптимальный вариант.

Если студенты справлялись преимущественно с заданиями первого вида, это свидетельствовало об *ознакомительном* (относительно низком) уровне знаний; выполнение заданий первого и второго вида – об овладении знаниями на *репродуктивном* (среднем) уровне; успешное выполнение заданий третьего вида – о *продуктивном* (высоком) уровне знаний.

Результаты экспериментальной и контрольной группы по «Компетентностно-ориентированному тесту» оказались следующими. В процессе исследования выяснилось, что 83% студенты экспериментальной группы самостоятельно в обобщении педагогических ситуаций, в ходе анализа, при решении задач; рациональны в организации приемов и методов педагогической деятельности. Они самостоятельно обобщают теоретический материал, сопоставляют с практической деятельностью по педагогике (рис.4.)

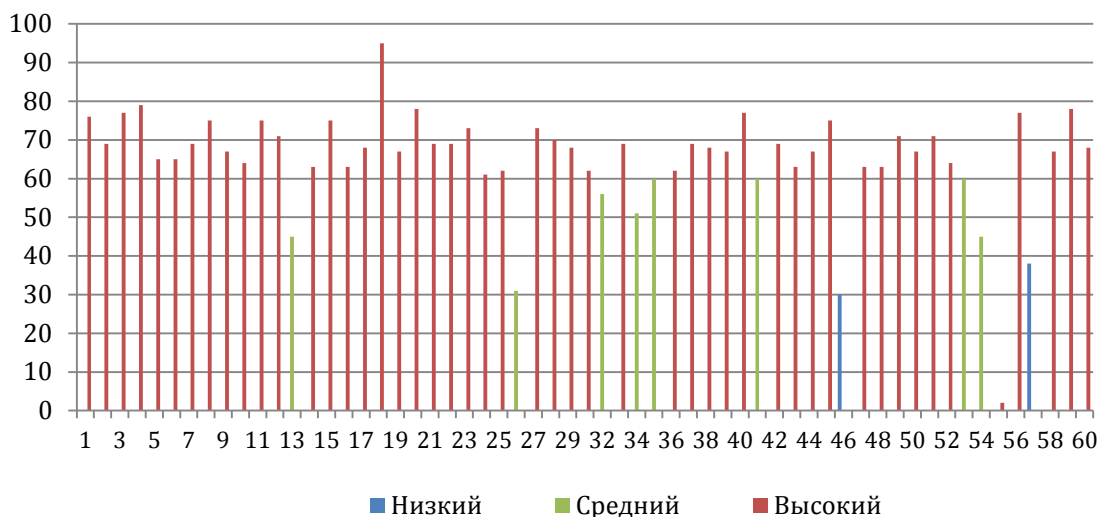

Рис. 4 – Индивидуальные показатели уровня знаний дисциплины «педагогика» у студентов экспериментальной группы

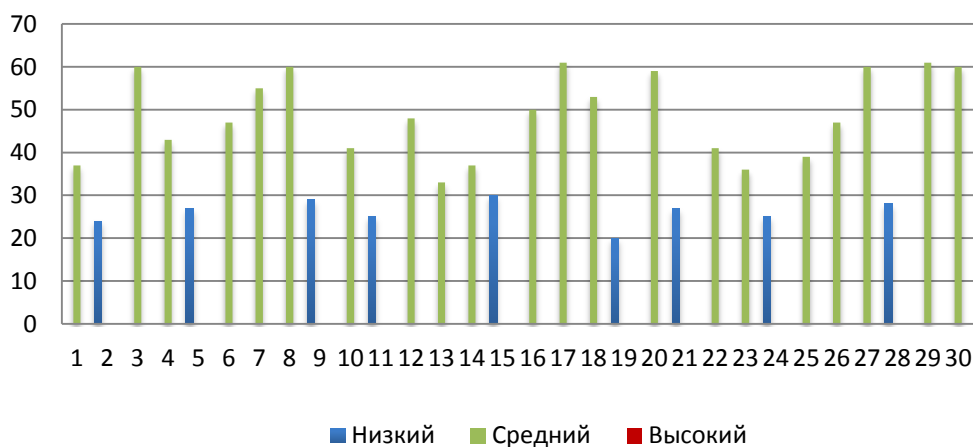

Рис. 5 – Индивидуальные показатели уровня знаний дисциплины «педагогика» у студентов контрольной группы

Большинство участников исследования в экспериментальной группе правильно выделяют связи между элементами педагогических понятий, знают признаки целого, справляются с поиском существенных и общих для нескольких понятий признаков, разделяют объекты на группы. Менее успешны в данной деятельности были студенты контрольной группы, их результаты по «Компетентностно – ориентированному тесту» показали средний уровень (репродуктивный), выполнив задания второго вида (рис. 5.)

В экспериментальной группе 28% участников исследования успешно выполнили задания, включая задания третьего вида; 55% участников продемонстрировали репродуктивный уровень, ближе к продуктивному уровню знаний, выполнив от 25 до 45% заданий, главным образом, первого и второго вида; 12% студентов имели репродуктивный уровень, выполнили задания второго вида. Только 5% студентов недостаточно успешно справились с тестом, выполнив задания первого вида.

В контрольной группе 67% студентов имели средний уровень - не всегда самостоятельное обобщение, общая ориентация на трансляцию фактов о воспитании и обучении. Также 33% студентов продемонстрировали низкий уровень, выполнили задания первого уровня, они затруднялись в обобщении педагогических ситуаций; в ходе решения задач предлагали недостаточно рациональные методы и приемы педагогической деятельности. На высоком уровне задание не выполнил никто.

Для оценки культуры педагогического мышления были использованы педагогические задачи, проведен анализ процесса их решения. Так как решение любой задачи связано с такими мыслительными процессами, как *анализ, синтез, обобщение, конкретизация, обобщение, классификация, вариативность*, составляющими *индивидуально-личностный компонент* культуры педагогического мышления, то задания «Компетентностно-ориентированного теста» были составлены также и с учетом возможности проанализировать и оценить данный аспект.

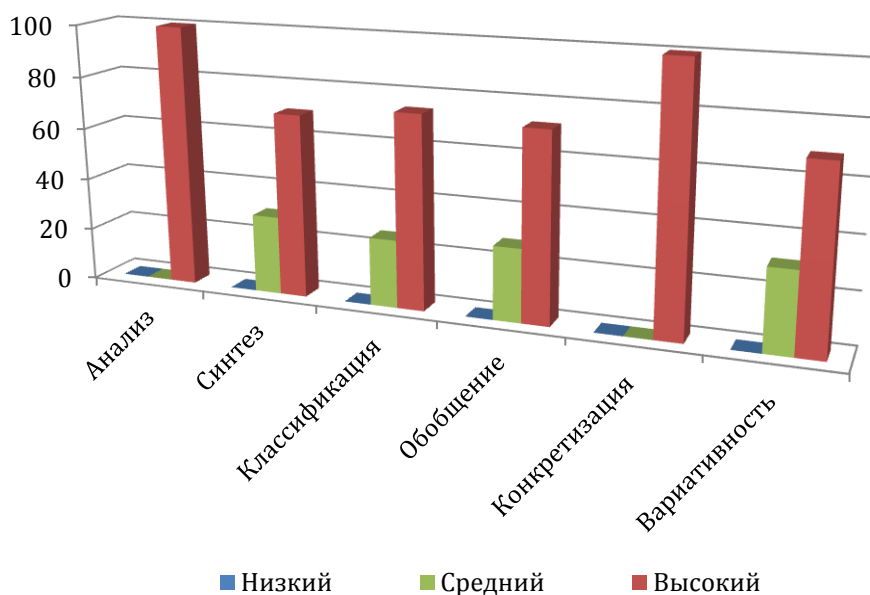

Рис. 6 – Уровень сформированности операций мышления у студентов экспериментальной группы (по результатам «Компетентностно-ориентированного теста»)

При определении уровня сформированности мыслительных процессов учитывалось количество успешно выполненных заданий, предполагавших анализ (синтез и т.д.): больше 60% заданий выполненных успешно определяли высокий уровень, 40-60% – средний, 0-40% – низкий.

Результаты анализа выполненных заданий показали, что у студентов экспериментальной группы (100%) сформированы операции *анализа* и *конкретизации*, для них характерна *вариативность* мышления столь важные в педагогической деятельности. Операции *синтеза*, *обобщения*, *классификации* на высоком уровне сформированы у 70%, у 30% – на среднем (рис.6.). Студенты контрольной группы показали также высокий уровень сформированности операций *анализа* и *конкретизации* 100%, значительно ниже результат по операциям «*синтез*, *обобщения*, *классификация*»: у 25% - высокий уровень, 75% студентов продемонстрировали средний уровень (рис.7.). *Вариативность* мышления проявили только 4% участников тестирования.

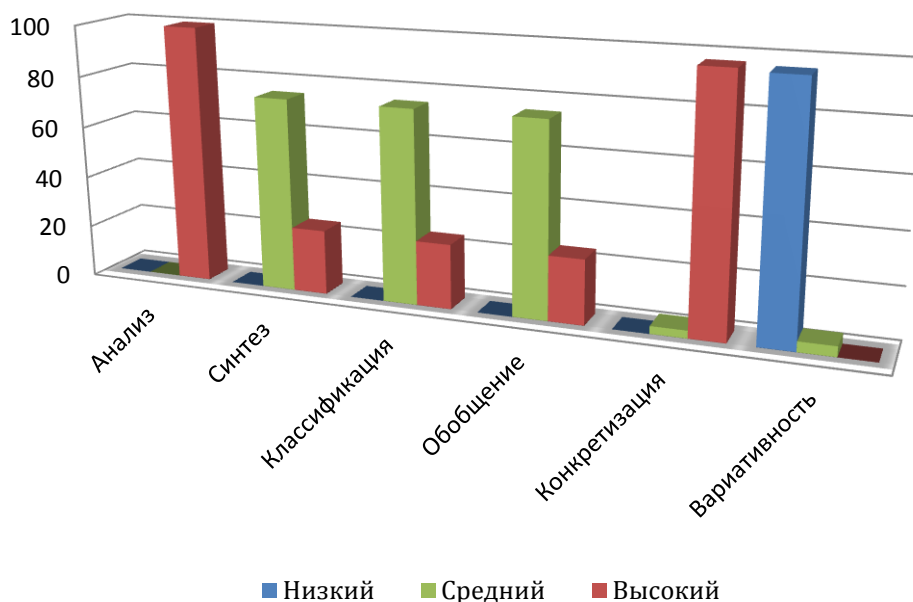

Рис. 7 – Уровень сформированности операций мышления у студентов контрольной группы (по результатам «Компетентностно-ориентированного теста»)

Как показали результаты «Компетентностно-ориентированного теста» студенты экспериментальной и контрольной группы свободно выделяют из целого элементы (*анализ*); поясняют примером теоретический вывод, рационально выполняют конкретно поставленные педагогические задачи, поясняя, на какой подход опираются (*конкретизация*).

В экспериментальной группе студенты предлагают несколько решений педагогической задачи стандартного содержания (*вариативность*), обосновывают выбор одного из вариантов решения, проявляя свою позицию, ценностные ориентации. В контрольной группе студенты затрудняются в решении, с трудом сопоставляют факты, не

самостоятельны в выполнении заданий. В экспериментальной группе студенты при решении ситуативных задач достаточно успешно на основе элемента определяют целое (*синтез*), соотносят основание *классификации* (например, методов обучения и др.) и структурные элементы; выделяют из класса предметов и явлений существенные педагогические свойства (*обобщение*).

В контрольной группе студенты менее успешны. Не всегда самостоятельно выделяли педагогические основы и категории, затруднялись в выделении частного из общего (*синтез*). Использовали в решении всех педагогических задач стереотипный алгоритм.

Анализируя работу каждого студента экспериментальной группы (60% заданий выполнено успешно – высокий уровень, 40-60% – средний, 0-40% – низкий), мы пришли к выводу, что, в целом, операции педагогического мышления сформированы на высоком или ближе к высокому уровню. «Компетентностно-ориентированный тест» показал высокий уровень сформированности культуры педагогического мышления у студентов экспериментальной группы (рис.8).

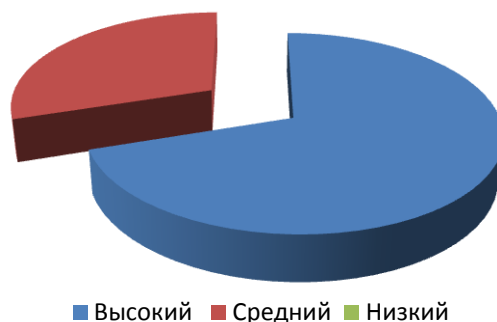

Рис. 8 – Общий уровень сформированности культуры педагогического мышления у студентов экспериментальной группы по результатам «Компетентностно-ориентированного теста»

Анализ результатов теста у студентов экспериментальной группы показал, что студенты демонстрируют высокий (реже - средний и никогда – низкий) уровень сформированности индивидуально-личностного (психологического) компонента в структуре культуры педагогического мышления.

Студенты экспериментальной группы с преобладающим понятийным мышлением, сообразительны и быстро мыслят, с высоким уровнем общей образованности и осведомленности; при анализе выделяют существенные признаки, точно, быстро выполняют конкретно поставленные задачи, мыслят нестандартно в стандартных ситуациях. Следовательно, при организации экспериментально-аналитического обучения педагогике [2], ориентированного на интенсивное развитие характеристик современного учителя, важно обращать внимание на формирование культуры педагогического мышления будущего педагога как условие формирования его компетентности.

Таким образом, как показало исследование, у студентов экспериментальной группы, выше уровень сформированности *компетентностного* компонента в структуре культуры педагогического мышления, преобладает высокий (*продуктивный*) уровень теоретических знаний по дисциплине «педагогика»; это позволяет успешно анализировать и прогнозировать решение стратегических, тактических, оперативных педагогических задач, что свидетельствует о *компетентности* будущего учителя.

Решение задач осуществляется в соответствии с наиболее эффективным алгоритмом: от осознания ситуации и выявления в ней ключевой проблемы и постановки педагогической задачи – к готовности предложить веер решений, обоснованно выбрать оптимальное решение, спрогнозировать результат и критерии его оценки; это свидетельствует о сформированности *ситуационно-деятельностного* компонента в структуре педагогического мышления.

Индивидуально-личностный компонент также оказался сформированным на высоком уровне у студентов экспериментальной группы: большинство логических операций продемонстрированы на высоком уровне сформированности (по результатам двух методик).

Высокий уровень сформированности всех компонентов культуры педагогического мышления действительно свидетельствует о *компетентности*.

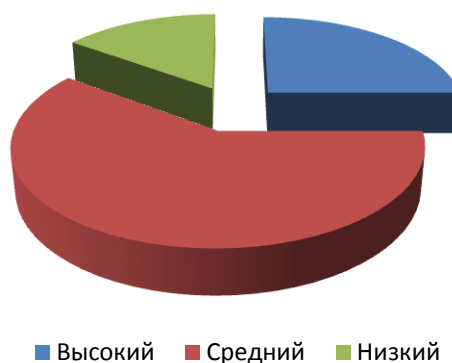

Рис. 9 – Общий уровень сформированности культуры педагогического мышления у студентов контрольной группы по результатам «Компетентностно-ориентированного теста»

Анализ результатов теста у студентов контрольной группы (рис.9) показал, что обладают средним уровнем. Студенты демонстрируют средний (редко низкий) уровень сформированности индивидуально-личностного (психологического) компонента в структуре культуры педагогического мышления (рис.9).

Таким образом, как показало исследование, у студентов контрольной группы преобладает *средний/высокий* уровень сформированности *компетентностного* компонента в структуре культуры педагогического мышления, уровень теоретических знаний по дисциплине «педагогика» чаще *репродуктивный*, чем *продуктивный*; это позволяет анализировать и прогнозировать решение стратегических, тактических, оперативных педагогических задач, что свидетельствует о среднем уровне *компетентности*.

Решение задач осуществляется по стереотипному алгоритму: от не достаточного осознания ситуации, где *не всегда* успешно определяются ключевые проблемы и постановка педагогической задачи – к *неготовности* предложить решение (лучше – несколько вариантов решений задачи) и выбрать оптимальное; это свидетельствует о недостаточной сформированности *ситуационно-деятельностного* компонента в структуре педагогического мышления.

Индивидуально-личностный компонент также оказался сформированным на *среднем/низком* уровне: у студентов контрольной группы: большинство логических операций продемонстрированы на среднем уровне сформированности (по результатам двух методик).

Средний уровень сформированности некоторых компонентов культуры педагогического мышления свидетельствует о среднем уровне *компетентности*.

Для подтверждения эффективности, модели экспериментально-аналитического обучения педагогике в формировании культуры педагогического мышления, мы сравнили данные, полученные в двух группах (экспериментальной и контрольной), с ранее принятым эталоном [6]: культурой педагогического мышления, сформированной у педагогов школ (первой и высшей категории).

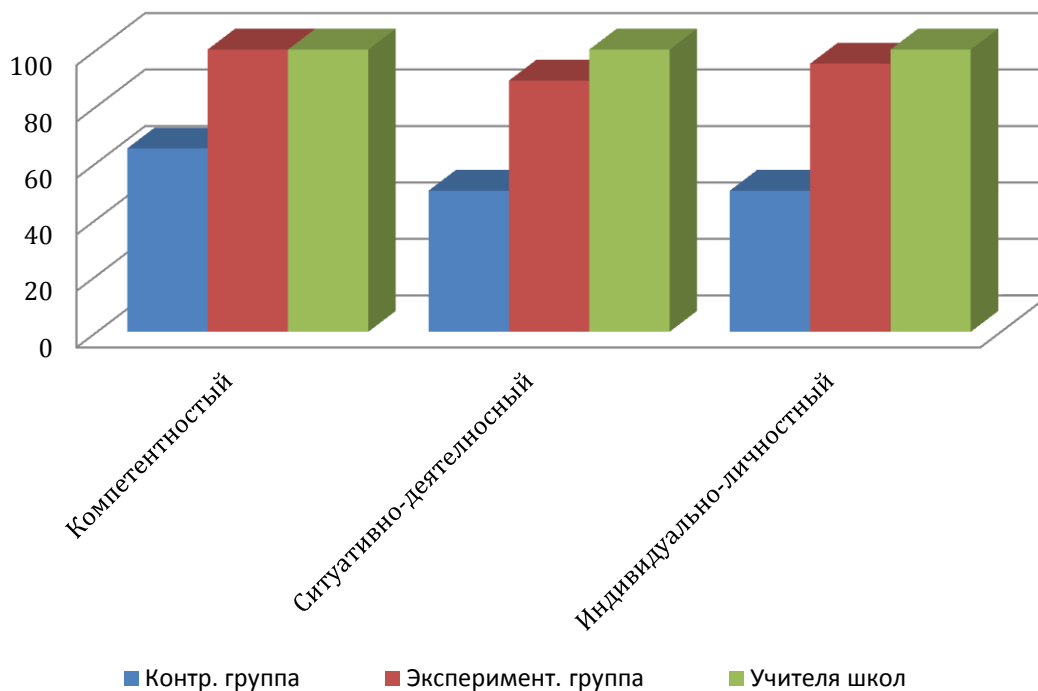

Рис. 10 – Общая характеристика уровня сформированности компонентов структуры культуры педагогического мышления у контрольной, экспериментальной групп и учителей школ

У студентов экспериментальной группы уровень сформированности компонентов культуры педагогического мышления практически совпал с эталонными с результатами (данные учителей школ), что свидетельствует сформированности компетентности, а у студентов контрольной группы значительно ниже «эталона» - на среднем уровне, что является показателем среднего уровня сформированности компетентности (рис. 10).

Исследование показало, что необходимо создавать специальные условия (реализация экспериментально-аналитической модели [2]) для формирования всех компонентов культуры педагогического мышления в процессе обучения педагогике. Наличие у студентов теоретических знаний по педагогике не является показателем сформированности ситуативно-деятельностного, индивидуально-личностного компонентов и допускает возможность недостаточной сформированности уровня профессиональной компетентности.

Таким образом, уровень сформированности всех компонентов культуры педагогического мышления свидетельствует о формировании компетентности студентов в процессе экспериментально-аналитического обучения педагогике [2]. Мы отметили, что умения и навыки, определяющие компетентность соотносимы с компетентностным компонентом в структуре культуры педагогического мышления, а влияющий на уровень компетентности профессиональный опыт обеспечивает успешное решение педагогических задач (ситуационно-деятельностный

компонент культуры педагогического мышления) [3]. Также определили связь знаний и ценностей (элементов компетентности) и уровня сформированности индивидуально-личностного (психологического) компонента в контексте взаимосвязи педагогической компетентности и культуры педагогического мышления.

Список литературы / References

1. Компетентностный подход в педагогическом образовании: Коллективная монография / под ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой, А. П. Тряпицыной. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена. – 2005. – 392 с.
2. Корчагина Г. В. Проявление компетентности учителя через культуру педагогического мышления / Г. В. Корчагина // Российский научный журнал – 2015. – №1 (44). – С. 218–224.
3. Косолапова Л. А. Компетентностно-ориентированный тест на основе решения педагогических ситуаций / Л. А. Косолапова, Н. В. Таринова, Г. В. Корчагина // Теория и практика в гуманитарных и социологических науках: сборник научных статей ; в 2 ч.: Ч. 2 / отв. ред. С. П. Яковлев, С. Г. Григорьева. - Чебоксары: СПбГИЭУ в г.Чебоксары, 2012. – 162 с. - С. 129–135.
4. Косолапова Л. А. Сформированность культуры педагогического мышления как проявление компетентности педагога / Л. А. Косолапова, Г. В. Корчагина // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 5. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/119-14557> (дата обращения: 17.09.2014).
5. Косолапова Л. А. Экспериментально-аналитическое обучение педагогике: концептуальная модель / Л. А. Косолапова // Российский научный журнал. - 2011. - № 2 (21). - С. 98–107.
6. Тест Векслера (Wechsler Intelligence Scales). – Режим доступа: <http://www.test-vekslera.narod.ru/> (дата обращения: 17.09.2014).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kompetentnostniy podkhod v pedagogicheskom obrazovanii: Kollektivnaya monographiya [Competence Approach in Pedagogical Education: Collective monograph] / ed. by V.A. Kozyrev, N.F. Radionova, A.P. Tryapitsyna. - St. Petersburg: RGPU named after A.I. Herzen. 2005. – 392 p. [In Russian]
2. Korchagina G. V. Proyavleniye kompetentsnosti uchitelia cherez kulturu pedagogicheskogo myshleniya [Manifestation of teacher's competence through culture of pedagogical thinking] / G.V. Korchagina // Rossiyskiy nauchnyy zhurnal [Russian scientific journal]. – 2015. – No 1 (44). – P. 218–224. [In Russian]
3. Kosolapova L. A. Kompetentnostno-orientirovanniy test na osnove resheniya pedagogicheskikh situatsiy [Competent-Oriented Test Based on Decision of Pedagogical Situations] / L. A. Kosolapova, N. V. Tarinova, G. V. Korchagina // Teoriya i praktika v gumanitarnykh i sotsiologicheskikh naukakh: sbornik nauchnykh stattey [Theory and practice in the humanities and sociological sciences: Collection of scientific articles;] in 2 p: Part 2 / Ed. by S.P. Yakovlev, S.G. Grigorieva. Cheboksary: SPbGIEU in Cheboksary, 2012. - 162 p. P.129-135. [In Russian]
4. Kosolapova L.A. Sformirovannost' kultury pedagogicheskogo myshleniya kak proyavleniye kompetentnosti pedagoga [Formation of Culture of Pedagogical Thinking as Manifestation of Teacher's Competence] / L. A. Kosolapova, G. V. Korchagina // Sovremenniy problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. – 2014. – No 5. – URL: <http://www.science-education.ru/119-14557> (accessed: 17.09.2014). [In Russian]
5. Kosolapova L.A. Eksperimentalno-analiticheskoye obucheniye pedagogike: kontseptualnaya model [Experimental-analytical Teaching of Pedagogy: Conceptual Model] / L. A. Kosolapova // Rossiyskiy nauchnyy zhurnal [Russian scientific journal] 2011. No 2 (21). P.98-107. [In Russian]
6. Wechsler Intelligence Scales. - Access mode: <http://www.test-vekslera.narod.ru/> (accessed: 17.09.2014). [In Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему OpenAIRE.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.080>Ларин С.Н.¹, Стебеньяева Т.В.², Худoley Г.С.³¹ORCID: 0000-0001-5296-5865, Кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник,

ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН,

²Кандидат экономических наук, ведущий специалист,

АНО ДПО Институт международных стандартов учета и управления,

³Кандидат экономических наук, главный специалист,

АНО ДПО Институт международных стандартов учета и управления,

ОБОСНОВАНИЕ ТРЕБОВАНИЙ РАБОТОДАТЕЛЕЙ К УРОВНЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ**Аннотация**

В статье показано негативное влияние действующих санкционных ограничений на социально-экономическое развитие нашей страны. Определена актуальность в этих условиях подготовки квалифицированных специалистов и руководителей, обладающих достаточным уровнем профессиональных компетенций для эффективного развития государственных и частных предприятий в различных отраслях российской экономики. Выявлено наличие на российском рынке труда достаточно высокого спроса на квалифицированных специалистов управленческого профиля, а также значительного контингента специалистов, желающих повысить свою квалификацию и уровень профессиональных компетенций. Для обеспечения рационального использования контингента специалистов разной квалификации предложено использовать инструментарий профессиональных стандартов, поскольку в них установлен состав квалификационных требований и уровень профессиональных компетенций как для конкретной должности или профессии, так и для отдельных видов профессиональной деятельности. Данные требования необходимо учитывать при формировании моделей спроса на квалифицированных специалистов и руководителей для определения тенденций развития сегмента российского рынка бизнес-образования.

Ключевые слова: рынок бизнес-образования, квалифицированный специалист, уровень профессиональных компетенций, требования работодателей.

Larin S.N.¹, Stebenyaeva T.V.², Khudoley G.S.³¹ORCID: 0000-0001-5296-5865, PhD in Engineering, Leading Researcher,

FGBUS Central Economics and Mathematics Institute, RAS,

²PhD in Economics, Leading Specialist,

ANO DPE Institute of International Accounting Standards and Control,

³PhD in Economics, Chief Specialist,

ANO DPE Institute of International Accounting Standards and Control,

VALIDATION OF EMPLOYER REQUIREMENTS TO THE LEVEL OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF SKILLED PROFESSIONALS AND MANAGERS**Abstract**

The paper shows the negative impact of the current sanction restrictions on the social and economic development of our country. In this context it is determined the relevance of training of qualified specialists and managers with a sufficient level of professional competencies for the effective development of public and private companies in various sectors of the Russian economy. The authors have revealed a quite high demand for qualified specialists of management profile on the Russian labor market, as well as a significant contingent of those who want to improve their skills and level of professional competence. In order to ensure the rational use of specialists of different qualifications, it is proposed to use the professional standard tools, since they include the composition of the qualification requirements and the level of professional competence for a particular position or profession, and for certain types of professional activities. These requirements must be considered when forming demand patterns for qualified specialists and managers to determine the trends of development of the Russian segment of the business education market.

Keywords: business education market, qualified personnel, the level of professional competence, the requirements of employers.

Введение

Начало XXI века характеризуется значительной активизацией влияния на все сферы жизнедеятельности мирового сообщества все большего числа разнонаправленных воздействий. Они стали следствием новых вызовов глобализации, расширения сферы применения технологий обработки информации, внедрения инновационных разработок, становления экономики знаний и ее превращения в один из определяющих факторов развития производства, а также ряда других воздействий. В этих условиях успех социально-экономического развития как мирового сообщества в целом, так и каждой отдельно взятой страны в частности будет определяться наличием в руководящем звене предприятий и компаний различных сфер деятельности квалифицированных специалистов, обладающих достаточным уровнем профессиональных компетенций для их поступательного развития.

Не смотря на проводимую в нашей стране реформу системы образования уровень базовой подготовки квалифицированных специалистов в высших учебных заведениях (ВУЗах) заметно снизился. Многие предприятия фактически утратили связь с профильными ВУЗами, которые из года в год были заняты подготовкой для них специалистов. Отчасти поэтому определенная часть выпускников профильных ВУЗов после окончания своего обучения утрачивает заинтересованность в продолжение своей профессиональной деятельности на профильных предприятиях и уходит на предприятия других отраслей экономики в поисках более высоких заработков и лучших условий работы. Те же выпускники профильных ВУЗов, которые приходят на предприятия, как правило, не обладают достаточным уровнем профессиональных компетенций, а самое главное - опытом для работы на руководящих

должностях. В большинстве случаев эта категория специалистов проходит ускоренное переобучение или в рамках действующих на предприятиях систем профессиональной подготовки кадров или в бизнес-школах рыночного сегмента российского рынка бизнес-образования [1].

Вместе с тем создававшаяся ситуация в последние годы стала меняться к лучшему. Отчасти на ее изменение оказали влияния последствия реформирования системы образования и внедрение в процесс подготовки квалифицированных специалистов новых Федеральных государственных образовательных стандартов, а также инновационных форм и методов обучения. Безусловно, влияние на изменение ситуации в лучшую сторону оказало становление и дальнейшее развитие рынка бизнес-образования. Оно повлекло за собой постепенное заполнение ниши квалифицированных специалистов управленческого профиля на предприятиях различных отраслей экономики.

В данной статье будет представлен краткий анализ указанных выше процессов, а также обоснованы требования потенциальных работодателей к уровню профессиональных компетенций квалифицированных специалистов и руководителей, проходящих обучение в профильных ВУЗах, действующих на ряде предприятий системах профессиональной подготовки кадров или в бизнес-школах рыночного сегмента российского рынка бизнес-образования.

Основная часть

На современные условия экономического развития нашей страны негативное воздействие оказал ряд внешних факторов, таких как неправомерное введение санкционных ограничений и резкое снижение стоимости углеводородов на рынках их сбыта. Поэтому руководящие органы многих российских государственных корпораций, а также компаний и предприятий частного сектора вынуждены искать новые точки экономического роста, поскольку взаимодействие с контрагентами на прежних условиях стало невозможным. Описанная выше ситуация, безусловно, окажет свое влияние как на развитие рыночного сегмента российского бизнес-образования, так и на формирование модели спроса на квалифицированных специалистов.

Однако даже в этой ситуации бизнес-школы, являющиеся лидерами рейтингов в рыночном сегменте российского бизнес-образования, до настоящего времени практически не испытывали проблем с набором нового контингента обучаемых. Это свидетельствует о том, что на российском рынке труда, с одной стороны, остается достаточно высоким спрос на квалифицированных специалистов управленческого профиля, а с другой стороны о том, что в современных условиях на этом рынке имеется достаточно значительный контингент специалистов, желающих повысить свой уровень квалификации, а также получить новые профессиональные компетенции. Главный недостаток описанной выше ситуации заключается в ее, в общем-то, стихийном характере, следствием чего становится избыток квалифицированных специалистов в одних отраслях и, соответственно, их недостаток в других отраслях производства.

Для регулирования этого процесса и обеспечения рационального использования контингента специалистов разной квалификации, а также воссоздания устойчивого и эффективного взаимодействия производственных предприятий с образовательными учреждениями в современных условиях целесообразно использовать такой действенный инструментарий как профессиональные стандарты. Следует отметить, что на передовых предприятиях разных отраслей уже активно идет разработка и внедрение таких стандартов. Вместе с тем этот процесс должен иметь системный характер, иначе мы получим массу стихийно разработанных стандартов для предприятий одной отрасли, мало отличающихся друг от друга по профилю своей основной деятельности. Очевидно, что разработкой профессиональных стандартов в отдельных отраслях должны заниматься специальные подразделения, деятельность которых должна кооперироваться на уровне профильных министерств и ведомств. Новые профессиональные стандарты должны прийти на смену справочникам должностных обязанностей и квалификаций работников. Структурный состав квалификационных характеристик в профессиональных стандартах должен соответствовать объективным реальностям современного бизнеса и учитывать требования потенциальных работодателей к уровню квалификации специалистов управленческого профиля, выраженных через наборы профессиональных компетенций. Системный подход к разработке профессиональных стандартов должен обеспечить взаимосвязь требований к уровню профессиональных компетенций специалистов, их знаниям и умениям, навыкам и опыту работы.

В соответствии с частью 2 статьи 195.1 Трудового Кодекса Российской Федерации [2] в профессиональных стандартах должен быть представлен избыточный набор характеристик для каждого уровня квалификации специалиста, которыми ему необходимо обладать для выполнения конкретных видов профессиональной деятельности. При этом профессиональные стандарты могут разрабатываться как для конкретной должности (профессии), так и для отдельных видов профессиональной деятельности, в состав которых могут входить группы однопрофильных должностей и профессий.

Таким образом, при обосновании необходимости подготовки квалифицированных специалистов работодатели должны опираться на требования современных профессиональных стандартов, в которых представлены основные профессиональные компетенции применительно к разным должностям руководящих специалистов и определен необходимый уровень их квалификации и наличие опыта работы для выполнения функциональных компетенций в рамках конкретной профессии. Для углубления уровня квалификации специалистов в рамках конкретной профессии каждая функциональная компетенция разделяется на ряд конкретных функциональных действий, которые должен выполнять квалифицированный специалист в соответствии с его знаниями и умениями, необходимыми для конкретной профессии. Следовательно, уровень квалификации специалиста определяется в зависимости от наличия у него знаний и умений, соответствующих функциональным компетенциям в рамках конкретной профессии.

Состав целей, для достижения которых работодатели могут применять профессиональные стандарты, можно сгруппировать в таком порядке:

- управление персоналом и формирование кадровой политики, а также заключение трудовых договоров со специалистами и разработка соответствующих должностных инструкций;

- организация аттестации специалистов для проверки наличия у них знаний и навыков работы, необходимых для работы на занимаемых должностях;
- организация обучения специалистов в случае необходимости;
- разработка систем оплаты труда специалистов с учетом особенностей организации их труда на занимаемых должностях [3].

Внедрение профессиональных стандартов в деятельность предприятий позволит работодателям:

- повысить производительность труда, улучшить качество выпускаемой продукции, а также усилить конкурентоспособность своего предприятия;
- сократить издержки на подбор квалифицированных специалистов и проведение их обучения;
- четко определить профессиональные компетенции, знания и умения, необходимые для конкретной профессии;
- точно оценить потребности профессиональной подготовки квалифицированных специалистов;
- эффективно обновить профессиональные компетенции, знания и умения, а также своевременно повысить уровень квалификации специалистов.

Внедрение профессиональных стандартов в деятельность предприятий позволит специалистам:

- четко определять профессиональные компетенции, знания и умения, необходимые для работы на конкретной должности;
- точно оценивать уровень своей профессиональной подготовки;
- планировать свой карьерный рост;
- проходить дополнительное обучение в случае необходимости.

2 мая 2015 года вступил в силу Закон [4], в соответствии с которым с 1 июля 2016 года все работодатели обязаны применять профессиональные стандарты, только в том случае, когда требования к уровню квалификации, которым должен обладать специалист, установлены ТК РФ, Федеральными законами и другими нормативно-правовыми актами. В случаях, когда обязательное применение квалификационных характеристик, включенных в профессиональные стандарты, четко не установлено, решение об их применении остается за работодателями. Они могут использовать профессиональные стандарты для определения состава требований к уровню квалификации специалистов.

Заключение

Поскольку темпы улучшения демографической ситуации в России пока еще остаются низкими, то в ближайшей перспективе велика вероятность увеличения дефицита квалифицированных специалистов на предприятиях различных отраслей российской экономики. Это обстоятельство предполагает нарастание спроса на квалифицированных специалистов на рынке труда в российских регионах. В этих условиях необходимо обеспечить обоснованный баланс спроса на квалифицированных специалистов на рынке труда в российских регионах и номенклатуры профессий, по которым они готовятся в ВУЗах. Эффективное функционирование рынков труда и образовательных услуг по подготовке квалифицированных специалистов на основе баланса спроса и предложения во многом определяет темпы экономического развития отдельных регионов и страны в целом, а также их будущую конкурентоспособность. В этой связи особую актуальность приобретает моделирование спроса на квалифицированных специалистов и руководителей с учетом инновационных тенденций развития сегмента российского рынка бизнес-образования.

Для практической реализации этого процесса представляется целесообразным провести краткий анализ существующих моделей спроса на квалифицированных специалистов и руководителей. Это поможет выявить возможности их адаптации к современным реалиям развития российской экономики, а также к требованиям потенциальных работодателей к уровню профессиональных компетенций квалифицированных специалистов и руководителей, проходящих обучение в профильных ВУЗах, системах профессиональной подготовки кадров предприятий или в бизнес-школах сегмента российского рынка бизнес-образования. Учет этих требований при формировании моделей спроса квалифицированных специалистов и руководителей будет способствовать успешному развитию российской экономики в целом и рыночного сегмента российского бизнес-образования в частности. В результате будут созданы необходимые предпосылки для постепенного наращивания интеллектуального потенциала экономики нашей страны, который с течением времени найдет пути для инновационного развития в условиях действия санкционных ограничений и низких цен на энергоресурсы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №16-06-00002 «Методология развития рынка бизнес-образования в России: инновационные формы, модели, инструментарий и технологии».

Список литературы / References

1. Баранова Н.М. Анализ рынка бизнес-образования России 2008-2014 гг. // Научное обозрение, 2015, №5. – С. 368-375.
2. Трудовой Кодекс Российской Федерации (по состоянию на 01.02.2017). – М.: Норматика, 2017. – 208 с.
3. Постановление Правительства РФ от 22.01.2013 г. № 23 «О Правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов» (с изменениями и дополнениями от 23.09.2014 года и 13.05.2016 года).
4. Федеральный закон от 02.05.2015 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baranova N.M. Analiz rynka biznes-obrazovanija Rossii 2008-2014 gg [Market analysis of Russian business education 2008-2014 gg.]. // Nauchnoe obozrenie [Scientific Review], 2015, #5. – P. 368-375. [in Russian]
2. Trudovoj Kodeks Rossijskoj Federacii (po sostojaniju na 01.02.2017) [The Labour Code of the Russian Federation (as of 02/01/2017)]. – M.: Normatika, 2017. – 208 p. [in Russian]

3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.01.2013 g. № 23 «O Pravilah razrabotki i utverzhdeniya professional'nyh standartov» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 23.09.2014 goda i 13.05.2016 goda) [RF Government Decree of 01.22.2013, № 23 «On the Rules of development and approval of professional standards» (as amended on 23.09.2014 and 05.13.2016 year)]. [in Russian]

4. Federal'nyj zakon ot 02.05.2015 g. № 122-FZ «O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'i 11 i 73 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of 05.02.2015, № 122-FZ «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation and the Articles 11 and 73 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation»]. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.135>

Павинская К.В.

ORCID: 0000-0002-7858-2376, Соискатель, преподаватель хореографии,

Самарский государственный институт культуры

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ХОРЕОГРАФОВ

Аннотация

В статье представлено теоретическое обоснование и описание модели формирования готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности у студентов-хореографов. Разработка модели обусловлена повышенным вниманием к профессиональному здоровью хореографов, отсутствие которого, может преждевременно завершить их карьеру. Статья предназначена для всех специалистов хореографии интересующихся проблемами сохранения профессионального здоровья и обеспечения максимальной продолжительности профессионального долголетия.

Ключевые слова: здоровьесберегающая деятельность, студенты-хореографы, модель реализации здоровьесберегающей деятельности.

Pavinskay K.V.

ORCID: 0000-0002-7858-2376, postgraduate student, teacher of choreography,

Samara State Institute of culture in Samara

MODEL OF FORMATION OF READINESS FOR IMPLEMENTATION OF HEALTH ACTIVITIES STUDENTS CHOREOGRAPHER

Abstract

The article presents the theoretical basis and the description of the model of formation of readiness for the implementation of health-activity at students-choreographers. Development of the model is due to the increased attention to the health of professional choreographers, the lack of which could prematurely end their career. This article is intended for all professionals interested in the problems of choreography preservation of occupational health and maximum duration of professional longevity

Keywords: health activities, students choreographers, implementation model of health-activities.

Динамичная современная жизнь предъявляет повышенные требования к состоянию здоровья людей. Профессиональные хореографические коллективы, в качестве социального заказа, выделяют безупречное состояние здоровья квалифицированных кадров, необходимое им в условиях колоссальной нагрузки на организм. Однако, на сегодняшний день, большая часть хореографов имеют повреждения опорно-двигательного аппарата, в частности, результаты исследований по здоровьесбережению хореографов [6, С. 1] позволяют констатировать, что до 90% хореографов имеют повреждения (Американское министерство труда, Бюро статистики труда, Министерства труда США). Allen J.Ryan M.D., Robert E. Stephens Ph.D в книге «The Dancer's Complete Guide to Healthcare and a Long Career» [7, С. 124] отмечают, что многие хореограф не могут брать на себя профессиональные функции, чтобы достигать цели и получать признание, они становятся психологически измотанными, утомленными, изнуренными, они выгорают. В ряде исследований по здоровьесбережению хореографов [8, С. 65] упоминают о 30 процентной степени выбывающих из профессии. О тяжелой нравственной деградации «хореографического мира» свидетельствуют данные [1] «о распространенности СПИДА среди «звезд балета мировой величины».

Укрепление здоровья, по мнению Митяевой А.М. [5, С. 5], «это комплексная проблема, решение которой зависит от всех социальных институтов, но прежде всего от институтов образования». Герчак Я.В [3, С. 16] подчеркивает, что здоровьесберегающая деятельность все интенсивнее проникает в воспитательно-образовательный процесс образовательных учреждений всех типов и всех уровней». Казин Э.М [4, С. 78] отмечает, что перед специалистами ставятся теперь новые задачи, касающиеся не только обучения и воспитания, но и сохранения и укрепления здоровья. Современные требования к преподавателям заявлены в нормативных государственных документах (Национальной доктрине образования в РФ; Концепции модернизации российского образования; «Законе об Образовании в РФ»; Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования), в которых, среди первоначальных задач выделяется необходимость максимального содействия преподавателей укреплению здоровья обучающихся. Все это подтверждает значимость данной проблемы на государственном уровне. Большое количество исследований в России и за рубежом посвящено вопросам здоровьесбережения, в том числе и профессиональному здоровью хореографов. Следовательно, проблема формирования готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности у студентов-хореографов на сегодняшний день продолжает оставаться актуальной.

Сложившиеся негативные тенденции актуализируют необходимость целенаправленной работы со студентами-хореографами по обучению их основам здоровой профессиональной деятельности и предотвращению

здоровьеразрушающих тенденций. Одним из путей подготовки хореографа к долгой здоровой профессиональной деятельности, может стать формирование у него готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности. Однако без грамотно выстроенной системы формирования готовности студентов-хореографов к реализации здоровьесберегающей деятельности невозможно добиться полноценного результата. Поэтому основной целью статьи является описание модели формирования готовности студентов-хореографов к реализации здоровьесберегающей деятельности.

В настоящее время в научной литературе [2, С. 195] существует ряд классификаций моделей здоровьесбережения, разрабатываются и апробируются перспективные модели здоровьесберегающего образовательного процесса в образовательных учреждениях различных типов и видов, ведется поиск путей и форм здоровьесберегающей деятельности. Тщательный анализ, имеющихся моделей здоровьесбережения в образовании и знакомство с опытом сохранения здоровья хореографов в российской и мировой педагогике, позволили нам создать модель, которая объединяет в себе самые важные характеристики моделей здоровьесбережения и адаптирована к специфике хореографического образования и условиям учебно-воспитательного процесса института культуры.

Опираясь на научно-методические труды Эдуарда Михайловича Казина [4, С. 127–128], мы рассматриваем реализацию здоровьесберегающей деятельности в двух аспектах: как применение оздоровительных технологий с целью сохранения и укрепления собственного здоровья и ведение здорового образа жизни; так и использование оздоровительных технологий в педагогической практике, результатом которого является сохранение и укрепление здоровья обучающихся, воспитанников.. Это позволяет констатировать, что под готовностью к реализации здоровьесберегающей деятельности мы понимаем (физическое, психическое, духовно-нравственное) состояние свойств и качеств здоровой личности, и профессиональное состояние, являющееся признаком профессиональной квалификации, а также, результатом целенаправленной подготовки, которая выражается в степени усвоения специалистом социального опыта в аспекте здоровьесбережения и способности пользоваться этим опытом в профессиональной деятельности.

Инновационный характер данной модели (таблица 1), на наш взгляд обеспечивает реализация принципов здоровьесберегающей педагогики; организация ЗОЖ и применение здоровьесберегающих технологий в самом учебно-воспитательном процессе, а не типичное повествование о них как о некой абстрактной информации.

Методологическую основу модели формирования готовности студентов-хореографов к реализации здоровьесберегающей деятельности составили принципы здоровьесбережения в образовании: приоритета действенной заботы о здоровье (предполагает решение вопросов рационального распределения нагрузки, совершенствования методики преподавания хореографии и разработки эффективных, предупреждающих профессиональные повреждения и заболевания программ); триединого представления о здоровье (предусматривает заботу хореографа не только об отсутствии профессиональных заболеваний и повреждений, но и о дисциплине мыслей, и о наличии духовно-нравственных ценностей и идеалов личности); постепенности и систематичности (предполагает постепенность в усвоении всей науки танца и регулярность занятий хореографией); субъект-субъектного взаимоотношения (предусматривает стремление к раскрытию индивидуальности каждого хореографа); последовательности (предполагает соответствие содержания и организации обучения возрастным особенностям обучающихся в хореографии); гармоничного сочетания обучающихся, воспитывающих и развивающих воздействий (предполагает обучение техники движений, воспитание веры в свои творческие силы и развитие мастерства в создании произведения искусства); приоритета позитивных воздействий (предполагает поддержку таланта в продуктивной манере); приоритета активных методов обучения; охранной и тренирующей стратегии (предусматривает чередование периодов напряжения с периодами отдыха в обучении хореографией), формирования ответственности за своё здоровье (предусматривает компетентность хореографа в вопросе здоровья и его предусмотрительность в профессиональной деятельности); контроля за результатами (предполагает текущий учет танцевального потенциала одаренности и таланта хореографа); отсроченного результата (предполагает более дальновидную оценку таланта хореографа с расчетом на то, что успехи каждого находятся в стадии совершенствования); принцип не нанесения вреда (предполагает наличие способности не обратить пользу хореографии во вред).

Изложенные принципы реализуются, обеспечивая: педагогическую деятельность (направлена на здоровьесбережение при обучении разным видам художественного творчества, планировании и организации учебно-воспитательного процесса, осуществлении диагностики и формировании системы контроля качества, создании благоприятных психолого-педагогических условий, формировании духовно-нравственных целей и идеалов личности, средствами художественной культуры); методическую деятельность (направлена на анализ эмпирической информации о тенденциях развития культуры, обеспечивает участие в разработке и внедрении методик организации и руководства хореографическими любительскими коллективами); ; художественно-творческую деятельность (направлена на руководство художественно-творческой деятельностью с учетом возрастных и психологических особенностей, анализ образного содержания художественных произведений, организацию и планирование репетиций, концертно-сценической деятельности); организационно-управленческую (осуществляет разработку организационно-управленческих проектов в области культуры и применяет методы защиты производственного персонала); культурно-просветительскую деятельность, (направлена на участие в реализации просветительных, творческих программ, содействует формированию общего мирового культурно-информационного пространства, сохраняет культурное наследие России, пропагандирует духовно-нравственные ценности и идеалы отечественной культуры).

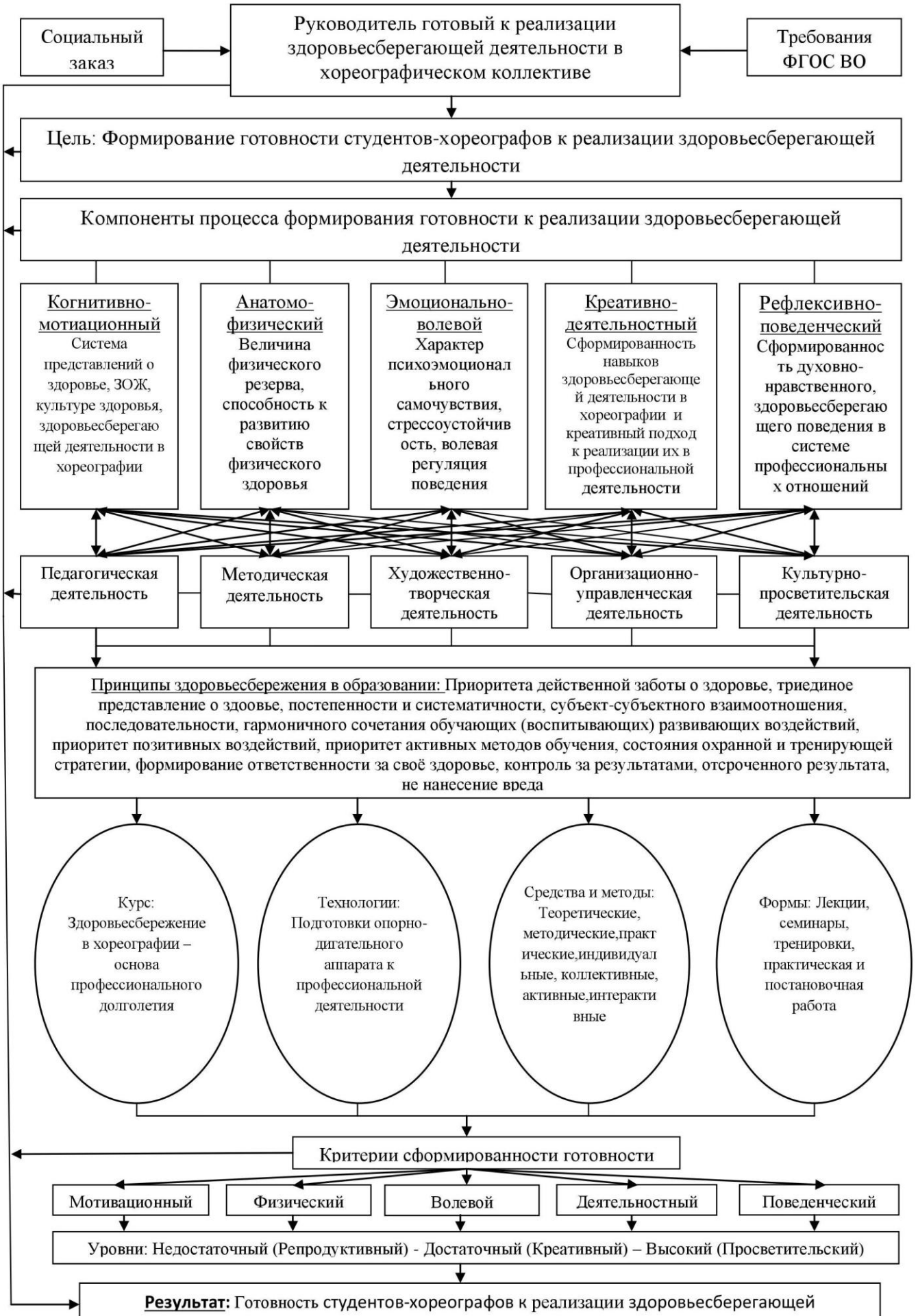

Рис. 1 – Модель формирования готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности у студентов-хореографов

Основными компонентами модели формирования готовности студентов-хореографов к реализации здоровьесберегающей деятельности являются: когнитивно-мотивационный (включает систему представлений об особенностях профессионального здоровья, ЗОЖ хореографа, культуре здоровья, здоровьесберегающей деятельности в хореографии, сформированность данных представлений, является основой устойчивой мотивации к здоровьесберегающей деятельности); анатомо-физический (представлен формированием способности к развитию свойств физического здоровья и накоплению физического резерва, способностью грамотного распределения физических нагрузок в зависимости от анатомических и физиологических особенностей исполнителей хореографии); эмоционально-волевой (характеризует состояние психоэмоционального самочувствия хореографов, сформированность волевой регуляции поведения, стрессоустойчивости, силы духа, ответственности и долга перед профессиональной деятельностью); креативно-деятельностный (проявляется сформированностью навыков здоровьесберегающей деятельности в хореографии и креативными подходами к реализации их в профессиональной деятельности); рефлексивно-поведенческий (проявляется в сформированности духовно-нравственного, здоровьесберегающего поведения в системе профессиональных отношений и в способности давать оценку такому поведению в аспекте здоровьесбережения). Реализация каждого компонента, предложенной модели, не может осуществляться изолированно от других, так как все они тесно взаимосвязаны, объединены и направлены на достижение единой цели: формирование готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности у студентов-хореографов.

Структурно-содержательный блок обучения студентов-хореографов реализации здоровьесберегающей деятельности включает технологии подготовки опорно-двигательного аппарата к профессиональной деятельности (отличающиеся, как профилактической, так и коррекционно-реабилитационной направленностью на выравнивание диспропорции моторного развития), а также, средства и методы (теоретические, методически, практические, индивидуальные, коллективные, активные, интерактивные), формы реализации здоровьесберегающей деятельности (лекции, семинары, тренировки, практическая и постановочная работа).

В качестве критериев сформированности готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности у студентов-хореографов выделены мотивационный, физический, волевой, деятельностный, поведенческий критерии. Под перечисленными критериями мы понимаем свойства и качества здоровой личности, уровень сформированности, которых позволяет судить о состоянии готовности студентов-хореографов к реализации здоровьесберегающей деятельности.

Под показателями готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности у студентов-хореографов нами понимаются количественные или качественные изменения каждого свойства и качества. В качестве показателей мотивационного критерия выступает полнота знаний о профессиональном здоровье и ЗОЖ в хореографии и мера влияния полной/неполной системы этих знаний на мотивацию к деятельности (когнитивно-мотивационный компонент). В качестве показателей физического критерия выступают степень гибкости (амплитуда движений), степень выносливости (количество исполненных движений во времени, время выполнения движений), степень скорости (динамика исполнения движений), степень силы (величина сопротивления) (анатомо-физический компонент). В качестве показателей волевого критерия выступают настроенность на занятие (оттенки настроения); степень преобладания саногенного мышления над патогенным (степень самоуважения личности и способности к сохранению душевного спокойствия / степень выраженной тревожности); уровень волевой саморегуляции – автономность/независимость (умение сохранять позитивный эмоциональный настрой в ситуации общего эмоционально-психического напряжения); толерантность (эмоциональная устойчивость личности в ситуации не оправдавшихся надежд); резистентность (способность к самообладанию в стрессогенных ситуациях) (эмоционально-волевой компонент). В качестве показателей деятельностного критерия выступают социальные, профессиональные отношения по реализации здоровьесберегающей деятельности, оцениваемые по функционированию субъекта образовательного процесса в главных социальных (профессиональных) ролях и определяемые по уровню его собственной удовлетворенности деятельностью, а также, по объективизируемым его оценкам со стороны социального (профессионального) окружения индивида (креативно-деятельностный компонент). В качестве показателей поведенческого критерия выступает степень духовно-нравственной саморегуляции творчества студентов-хореографов, а также, полноценное духовное самораскрытие, та вершина, к которой направлен путь творческого совершенства и достижение которой возможно при условии движения человека в своем творчестве по пути реализации духовно-нравственных идей собственными хореографическими средствами, следуя мировым образцам духовно-нравственной культуры, созданной выдающимися деятелями искусства прошлых поколений (рефлексивно-поведенческий компонент).

К уровням сформированности готовности студентов-хореографов к реализации здоровьесберегающей деятельности нами отнесены недостаточный-репродуктивный (характеризуется элементарными знаниями в области здоровьесбережения, умением реализовывать здоровьесберегающую деятельность по заданному образцу, без проявления инициативы); достаточный-креативный (характеризуется хорошими знаниями в области здоровьесбережения, ярко выраженной творческой направленностью всей профессиональной деятельности направленной на здоровьесбережение); высокий-просветительский (характеризуется углубленными знаниями в области здоровьесбережения, инициативностью и активной пропагандой здоровьесберегающей деятельности среди своего окружения, своим примером).

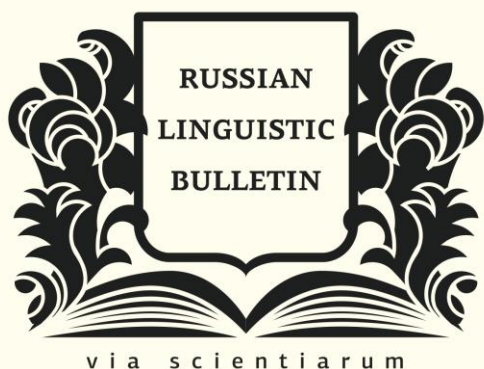
Разработанная модель формирования готовности к реализации здоровьесберегающей деятельности у студентов-хореографов позволяет обеспечить целостность и системность процессу подготовки студентов-хореографов к реализации здоровьесберегающей деятельности и продлить время профессиональной карьеры.

Список литературы / References

1. Воронцова А. Балетная принцесса и смерть от СПИДа [Электронный ресурс] / А. Воронцова // Живой журнал. – Режим доступа: <http://prosvetitel.livejournal.com/368500.html>
2. Безруких М.М. Здоровьесберегающая школа / М.М. Безруких. — М., 2004. — 240 с.
3. Герчак Я.В. Формирование готовности к здоровьесбережению студентов высшего профессионального образования: диссер. Канд. Пед.наук: 13. 00. 08: защищена 29.06.2007: утв. / Герчак Ярослав Михайлович.- Новокузнецк, 2007. — 225 с.
4. Казин Э.М. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика / Э.М. Казин, Н.Э. Касаткина, О.Г. Красношлыкова, Т.О. Панина. Кемерово, 2009. — 347 с.
5. Митяева А.М. Здоровьесберегающие педагогические технологии : учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.М. Митяева. М.: изд. центр «Академия», 2008. — 192 с.
6. Dozsa I. Classical ballet education in the 21st century – alive or museum object [Текст] / I. Dozsa // Scientific and practice conference «Dance Education: Russia – Europe tradition, contemporary statement, perspectives». – SP. 2008.
7. Allen J.Ryan M.D., Robert E. Stephens Ph.D. The Dancer's Complete Guide to Healthcare and a Long Career / M.D. Allen J.Ryan, Ph.D. Robert E. Stephens. - London, 2010. – 238 p.
8. Ruth Solomon. Preventing Dance Injuries-2nd Edition [Paperback] / Ruth Solomon, John Solomon, Minton Sandra Cerne. – USA, 2005. – 243 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Voroncova A. Baletnaja princessa i smert' ot Spida [Ballet princess and death from AIDS] [Electronic resource] / A. Voroncova // Zhivoj zhurnal [Live Journal]. – URL: <http://prosvetitel.livejournal.com/368500.html> [in Russian]
2. Bezrukih M.M. Zdorov'esberegajushhaja shkola [Health-saving school] / M. M. Bezrukih. – M., 2004. – 240 p. [in Russian]
3. Gerchak Ja.V. Formirovaenie gotovnosti k zdorov'esberezheniju studentov vysshego professional'nogo obrazovanija [Formation of readiness for health caretaking of students of higher education]: dis. ... of PhD in Pedagogy : 13. 00. 08: defense of the thesis 29.06.2007: approved / Gerchak Jaroslav Mihajlovich.- Novokuzneck, 2007. – 225 p. [in Russian]
4. Kazin Je.M. Zdorov'esberegajushhaja dejatel'nost' v sisteme obrazovanija: teorija i praktika [Health-saving activities in the education system: Theory and Practice] / Je.M. Kazin, N.Je. Kasatkina, O.G. Krasnoshlykova, T.O. Panina. – Kemerovo, 2009. – 347 p. [in Russian]
5. Mitjaeva A.M. Zdorov'esberegajushhie pedagogicheskie tehnologii : ucheb.posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Health-educational technology: a textbook for university students] / A. M. Mitjaeva. – M.: izd. centr «Akademija», 2008. – 192 p. [in Russian]
6. Dozsa I. Classical ballet education in the 21st century – alive or museum object [Text] / I. Dozsa // Scientific and practice conference «Dance Education: Russia – Europe tradition, contemporary statement, perspectives». – SP, 2008.
7. Allen J.Ryan. The Dancer's Complete Guide to Healthcare and a Long Career / M. D. Allen J. Ryan, Ph. D. Robert E. Stephens. – London, 2010. – 238 p.
8. Ruth Solomon. Preventing Dance Injuries-2nd Edition [Paperback] / Solomon Ruth, Solomon John, Minton Sandra Cerne. – USA, 2005. – 243 p.

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте: <http://rulb.org/>

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.140>Подберезина Е.И.¹, Устинова И.Г.², Подскребко Э.Н.³, Никольская Г.А.⁴¹Кандидат физико-математических наук, доцент, ²Кандидат технических наук, доцент,³Кандидат физико-математических наук, доцент, ⁴Старший преподаватель,

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

**САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ****Аннотация**

Одной из основных задач современного образования является не только поиск путей повышения эффективности процесса обучения, но и предоставление возможностей для раскрытия творческих способностей всех участников процесса обучения. Известны разнообразные инновационные приемы, служащие решению этих задач. В работе рассмотрены современные технологии проектного обучения, использованные при изучении курсов: «Линейная алгебра и аналитическая геометрия» и «Математический анализ». Представлены реализованные на практике проекты по названным курсам, указаны их цели. Проведен статистический анализ результатов использования на практике представленных видов функционального конспекта.

Ключевые слова: педагогическая технология, проектное обучение, функциональный конспект, фишбоун, ромашка Блума.

Podberezina E.I.¹, Ustinova I.G.², Podskrebko E.N.³, Nikolskaya G.A.⁴¹PhD in Physics and mathematics, associate professor, ²PhD in Engineering, associate professor,³PhD in Physics and mathematics, associate professor, ⁴senior lecturer, National Research Tomsk Polytechnic University**INDEPENDENT WORK AS THE MAIN FORM OF THE PROCESS OF LEARNING
IN A TECHNICAL UNIVERSITY****Abstract**

One of the main tasks of modern education is not only search of ways of increase of efficiency of the learning process, but also the provision of opportunities for developing the creative abilities of all the participants in the learning process. There are a variety of innovative techniques that serve to solve these tasks. In the article the modern technologies of project-based learning used in the study courses: "Linear algebra and analytic geometry" and "Mathematical analysis". Projects, which realized in practice, are implemented on the mentioned mathematical disciplines. Also the objectives stated of the projects. The statistical analysis of the results of the use in practice of the functional conspectus was conducted.

Keywords: pedagogical technology, project learning, functional conspectus, fishbone, Bloom's chamomile.

Введение

В настоящее время в России происходят процессы модернизации высшего профессионального образования. Становление новой системы российского образования соответствует мировым тенденциям и обусловлено необходимостью вхождения России в мировое образовательное пространство.

Вступающие в силу новые образовательные стандарты третьего поколения ФГОС ВПО обеспечивают взаимосвязь фундаментальной и практической подготовки в технических вузах, требуют обновления содержания, форм, методов обучения с позиции компетентного подхода.

Современный динамичный рынок труда выдвигает новые требования к молодым специалистам. Успех работы предприятий обеспечивается внедрением новых технологий, использованием инноваций. Поэтому востребованными являются работники, быстро реагирующие на изменения, легко овладевающие новыми технологиями, умеющие творчески использовать появляющиеся инновации в своей профессиональной деятельности.

В условиях научно-технического прогресса, когда приобретенные в высших учебных заведениях знания быстро устаревают, трудно переоценить умение специалистов совершенствовать и обновлять свои профессиональные познания.

Формирование творческой личности молодого специалиста, способного к самообразованию, саморазвитию, инновационной деятельности – вот актуальная задача современного высшего профессионального образования.

В связи с этим акцент в обучении студентов следует сделать на развитие умений самообучения, навыков творческого применения полученных знаний, способностей адаптации к профессиональной деятельности в современном мире. Необходимо научить студентов самостоятельно приобретать знания из различных источников.

В.И. Загвязинский считает, и с этим трудно не согласиться, что именно самостоятельная работа студентов «формирует готовность к самообразованию, создает базу непрерывного образования» в условиях быстрого обновления знаний [1].

Таким образом, активизация самостоятельной познавательной деятельности студентов является сегодня одним из главных изменений в образовании. Именно организации самостоятельной работы студентов должно уделяться особое внимание в учебном процессе.

Самостоятельная работа студентов должна стать не просто важной формой образовательного процесса, она должна стать основной его формой.

Усиление роли самостоятельной работы студентов подразумевает принципиальный пересмотр организации учебно-воспитательного процесса в вузе, который должен строиться так, чтобы развивать умение учиться, формировать у студента способности к саморазвитию, творческому применению полученных знаний, способам адаптации к профессиональной деятельности в современном мире [2]. Самостоятельная работа студентов предполагает развитие внутренней и внешней самоорганизации будущего специалиста его способность выстраивать индивидуальную траекторию самообучения, а также формировать способности к саморазвитию и творческому применению полученных знаний [3].

Подчеркнем, что при организации самостоятельной работы наиболее целесообразным представляется опора на принципы личностно ориентированного образования, позволяющая учитывать индивидуальные интересы, способности и склонности студентов. Концепция личностно ориентированной педагогической деятельности основана на изучении глубинных процессов, лежащих в основе саморазвития и самоопределения человека [4, 5].

Многие преподаватели (А.В. Барыбин, А.С. Елизаров, А.Р. Ганеева, Э.А. Сарибекоева и др.) считают, что, самостоятельная работа содержит в себе потенциал для активизации внутренних познавательных мотивов студента к приобретению новых знаний и его стремлению к саморазвитию и самосовершенствованию [6].

Функциональный конспект как форма организации самостоятельной деятельности студентов

Одной из разновидностей самостоятельной работы студентов является функциональный конспект. Существуют несколько его разновидностей [7]:

1. Маркировка текста.
2. Инсерт.
3. Кластеры.
4. Фишбоун.
5. Концептуальная таблица.
6. Сюжетная таблица.
7. Ромашка Блума.

В нашей практической работе мы использовали фишбоун и ромашку Блума.

Образовательная технология Фишбоун

Слово «фишбоун» в переводе означает «скелет рыбы» [8, С. 141]. Этот педагогический прием был предложен в 1952 году японским профессором Кауро Ишикава, крупнейшим теоретиком менеджмента, как метод структурного анализа причинно-следственных связей. Однако фишбоун в настоящее время широко применяется не только в науке, но и в бизнесе, менеджменте, политике.

Прием фишбоун может быть использован при изучении любой учебной дисциплины, он позволяет организовать как индивидуальную, так и групповую работу.

Суть педагогического приема «фишбоун» состоит в следующем. В голове скелета рыбы обозначена изучаемая тема (проблема). На самом скелете рыбы находятся косточки верхние и нижние, причем нижние косточки должны быть расположены напротив верхних косточек. На верхних косточках студенты фиксируют причины возникновения происходящих (изучаемых) событий. На нижних же костях они должны сформулировать факты, подтверждающие наличие зафиксированных ими причин. Требуется при этом, чтобы записи на всех косточках были краткими, точными, лаконичными, четко отражали суть, представляли собой ключевые слова, словосочетания, факты. В хвосте рыбы должен располагаться вывод по изучаемой теме (проблеме).

Ценность этого метода обусловлена тем, что несмотря на свою простоту, он позволяет студентам разделить стоящую проблему на несколько причин и аргументов; обосновать свои предположения; визуализировать взаимосвязи между причинами и следствиями; ранжировать факторы по степени их значимости (ближе к голове обычно располагаются наиболее важные из них). Велико его значение и как метода, развивающего критическое мышление. Кроме того, метод «фишбоун» дает студентам возможность развивать навыки работы с информацией, умение ставить и решать проблемы. Однако у студентов могут возникнуть затруднения в поиске причин, установлении степени их влияния на происходящие события.

Использование схемы «фишбоун» дает наибольший эффект на заключительных занятиях по изучаемой теме, когда систематизируются и обобщаются полученные знания, выстраивается стройная система рассмотренных терминов, их свойств, предполагающая раскрытие, глубокое понимание и усвоение взаимосвязей между ними.

В преподавании математики «фишбоун» удобно использовать при организации решения объемных задач [9]. Важно при этом, чтобы решение этих задач было связано с проведением исследований, с необходимостью творческого применения всех полученных студентами знаний по пройденной теме. На верхних костях рыбы помещены виды (этапы) исследования или задачи, на которые разбивается решение всей поставленной задачи. На костях хребта располагаются средства для проведения математических исследований. На нижних ребрах отображаются полученные результаты исследований.

Образовательная технология ромашка Блума

Функциональный конспект «ромашка Блума» или «ромашка вопросов» была создана американским психологом и педагогом Бенджамином Блумом [10]. Этот функциональный конспект состоит из шести лепестков, на каждом из которых располагается вопрос определенного типа. Блумом были предложены вопросы шести следующих типов.

1. **Простые вопросы.** Это вопросы, используемые при традиционных формах проверки знаний: на экзаменах, коллоквиумах, зачетах. Для ответа на них достаточно воспроизвести некоторые сведения из материала изученного курса. Например: «Что?», «Где», «Когда?».

2. **Уточняющие вопросы.** Задавая такие вопросы, преподаватель предоставляет студенту возможность для обратной связи относительно того, что он только что сказал. Еще одной целью этих вопросов является получение информации, отсутствующей в ответе студента, но подразумеваемой. Например: «То есть Вы считаете, что ...?», «Я правильно понял, что ...?».

3. **Интерпретационные (объясняющие) вопросы.** Ответы на эти вопросы позволяют установить причинно-следственные связи. Интерпретационный вопрос превращается в простой, если ответ на него известен. Для того чтобы вопрос был интерпретационным, необходимо присутствие элементов самостоятельности, возможности для студента выразить и обосновать свое мнение, обозначить свою позицию. Обычно такие вопросы начинаются со слова «почему?».

4. **Творческие вопросы.** Это вопросы, содержащие элементы прогноза, условности, предположения. Часто такие вопросы содержат частицу «бы». Например, «Если бы не было глобального похолодания, сохранились бы динозавры до наших дней?».

5. **Оценочные вопросы.** Целью этих вопросов является выяснение критериев оценки рассматриваемых фактов, событий, явлений.

6. **Практические вопросы.** Эти вопросы устанавливают взаимосвязи между теорией и практикой. Например: «Где в обычной жизни Вы могли наблюдать электрический разряд?».

Приведем пример использования функционального конспекта ромашки Блума при изучении темы «Скалярное произведение векторов» раздела «Векторная алгебра».

Простой вопрос: что называется скалярным произведением векторов? **Уточняющий вопрос:** скалярное произведение векторов – это число или вектор? **Интерпретационный вопрос:** почему скалярное произведение вектора на себя равно квадрату его модуля? **Творческий вопрос:** будет ли линейной операция умножения вектора на скалярное произведение двух других векторов? **Оценочный вопрос:** при каком условии скалярное произведение двух векторов принимает наибольшее значение. **Практический вопрос:** для вычисления каких математических и физических величин используют скалярное произведение векторов?

Все преподаватели, так или иначе, зная, или не зная о существовании ромашки Блума, в своей работе используют этот функциональный конспект. Для того чтобы проверить знания студента на экзамене, коллоквиуме, зачете, оценить уровень усвоения и глубину понимания изученного материала этим студентом, преподаватели задают все вышеперечисленные типы вопросов ромашки Блума.

Каждое практическое занятие начинается с опроса теоретического материала по теме этого занятия или по пройденным темам, и вновь преподаватель задает студентам все типы вопросов, присутствующие в ромашке Блума.

При изучении модуля «Аналитическая геометрия» дисциплины «Линейная алгебра и аналитическая геометрия» мы предложили каждому студенту нашего потока реализовать в рамках конференц-недели проект «Аналитическая геометрия прямых и плоскостей». Этот проект представлял собой ромашку Блума [11].

Пример проекта по технологии ромашка Блума по курсу аналитическая геометрия

Один из проектов данной темы, представленный ниже в качестве примера, имел целью изучение темы «Прямая линия в пространстве». Сопоставим каждому типу вопроса ромашки Блума (см. рис. 1) задание из темы проекта.

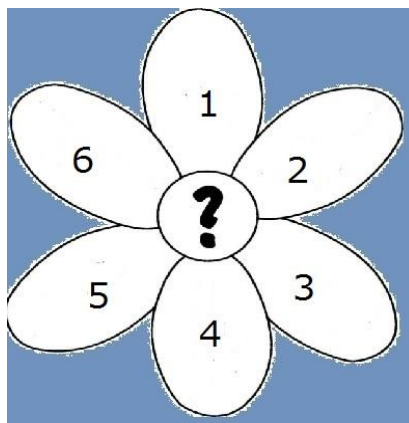

Рис. 1 – Ромашка Блума

1. **Простой вопрос:** как геометрически определяется прямая линия в пространстве?

2. **Практический вопрос:** каким образом от общих уравнений прямой в пространстве перейти к каноническим (параметрическим) уравнениям?

3. **Интерпретационный вопрос:** [12] каким условиям должны удовлетворять коэффициенты уравнений прямой

$$\begin{cases} A_1x + B_1y + C_1z + D_1 = 0, \\ A_2x + B_2y + C_2z + D_2 = 0, \end{cases} \text{ чтобы эта прямая}$$

а) была параллельна оси OX (оси OY , оси OZ);

б) пересекала ось OX (ось OY , ось OZ);

в) совпадала с осью OX (осью OY , осью OZ).

4. **Творческий вопрос:** как найти расстояние между скрещивающимися прямыми (сделать чертеж).

5. **Оценочный вопрос:** Сравните канонические и параметрические уравнения прямой в пространстве.

6. **Уточняющий вопрос:** Имеет ли прямая в пространстве направляющий вектор, нормальный вектор?

Пример проекта по технологии Фишбоун по теме неопределенный интеграл курса математического анализа

Прием фишбоун был использован нами на практике при изложении материала одной из самых сложных тем математического анализа – «Неопределенный интеграл». Самые большие затруднения при нахождении неопределенных интегралов возникали у студентов при выборе метода интегрирования. Многие студенты задают вопрос «как определить метод интегрирования, с помощью которого заданный неопределенный интеграл может быть найден?» и легко, как правило, находят неопределенный интеграл после того, как будет подсказан метод его интегрирования. Это обстоятельство определило цель применения нами приема фишбоун – приобретение студентами навыка определения метода интегрирования.

Предложенный нами студентам функциональный конспект фишбоун состоял из четырех рыбьих скелетов, расположенных горизонтально на четырех листах – по одному скелету рыбы на каждом листе.

На голове скелета первой рыбы был написан вопрос: интегрирование по частям или подведение под знак дифференциала? На каждом из 14 правых ребер был приведен один неопределенный интеграл, напротив каждого из которых на левом ребре каждый студент должен был записать выбранный им один из этих методов. При этом требовалось указать, какой из множителей подынтегральной функции берется за u (в случае использования метода интегрирования по частям) и какую функцию нужно подвести под знак дифференциала в другом случае. На соседней кости хребта следовало обосновать сделанный выбор. Хвост первой рыбы должен содержать общий принцип выбора одного из записанных на голове первой рыбы двух методов интегрирования.

На голове второй рыбы была поставлена общая задача: интегрирование тригонометрических функций. На каждом из 16 левых ребрах ее скелета написано по одному интегралу от тригонометрических функций. На расположенном напротив каждого левого ребра правом ребре скелета рыбы нужно было записать метод интегрирования, позволяющий найти этот интеграл. На кости хребта между соответствующими левым и правым ребрами требовалось обосновать свой выбор метода интегрирования.

Голова третьей рыбы содержала задачу: интегрирование иррациональных функций. Ее скелет состоял из 11 троек костей. На каждой левой кости начертан один интеграл от иррациональной функции. На находящейся напротив нее правой кости студенты должны были написать уравнение замены, которой этот интеграл берется. На соседней кости хребта нужно было записать, почему этот интеграл может быть взят именно так.

Самым сложным было заполнение четвертого рыбьего скелета, поскольку голова его неслась запись: разные методы интегрирования (см. рис. 2). То есть, в отличие от трех первых рыбьих скелетов, метод интегрирования даже не был подсказан. Его нужно было найти самостоятельно. Скелет содержал 14 интегралов, среди которых были интегралы, как берущиеся вышеперечисленными методами, так и берущиеся другими известными студентам методами. Это были интегралы от рациональных дробей, берущиеся методом неопределенных коэффициентов.

Реализации на практике студентами обоих проектов – и проекта фишбоун, и проекта ромашка Блума, предшествовало написание студентами контрольных работ по соответствующим темам. После тщательного анализа результатов выполнения каждого проекта и детального обсуждения этих результатов со студентами вновь была проведена контрольная работа по тем же самым темам. Таким образом, мы могли изучить влияние выполнения этих проектов на глубину усвоения материала названных выше разделов высшей математики.

В этой статье мы рассматриваем влияние выполнения этих проектов на результаты сдачи экзаменов.

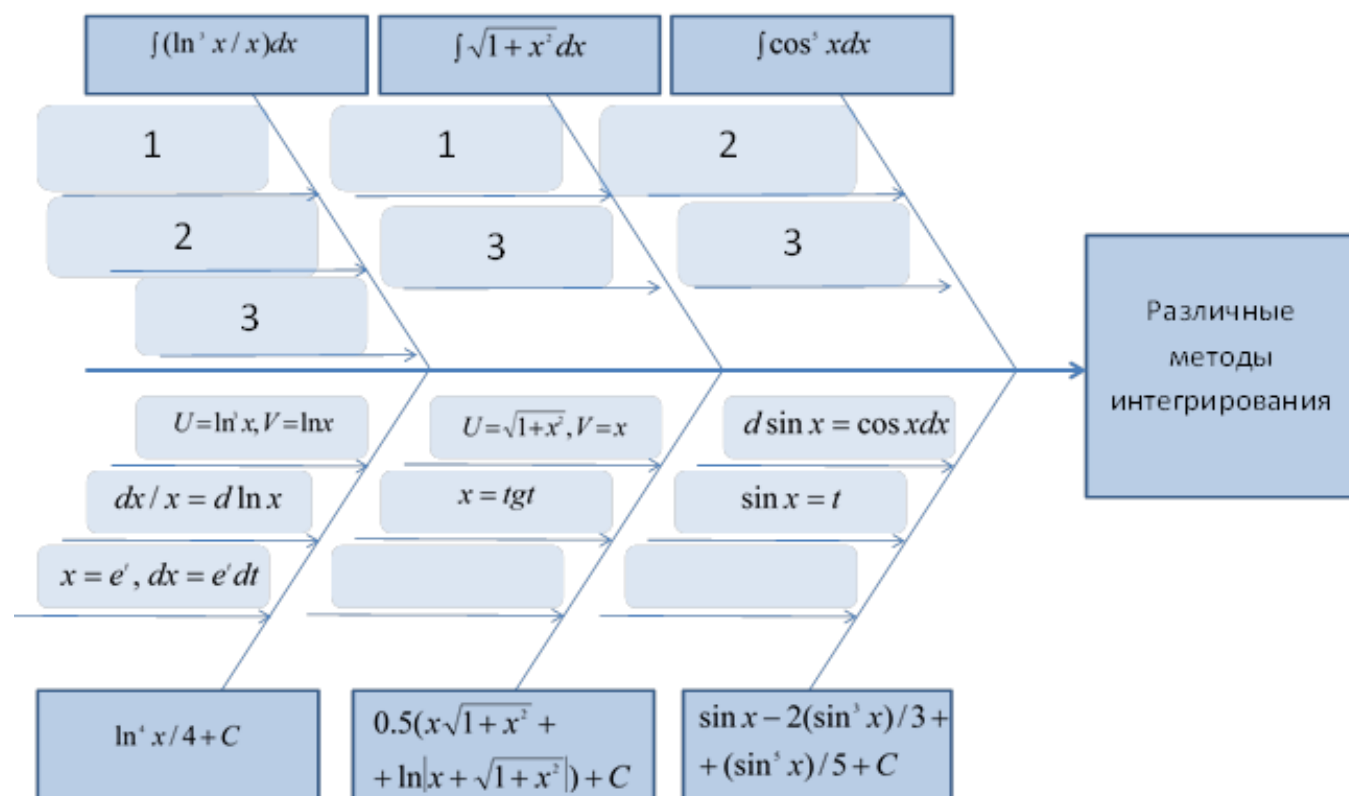

Рис. 2 – Пример четвертого рыбьего скелета: 1 – метод интегрирования по частям, 2 – метод подведения под знак дифференциала, 3 – метод замены переменной

Статистическая обработка результатов применения различных видов функциональных конспектов

Представленный проект фишбоун был выполнен студентами института физики высоких технологий (ИФВТ) института кибернетики (ИК), а проект ромашка Блума – студентами института неразрушающего контроля (ИНК) и студентами института социально-гуманитарных технологий (ИСГТ) НИТПУ в 2015 году. Анализ работы студентов ИФВТ и ИК НИТПУ, отражен на рис. 3. На нем представлены результаты экзамена, причем ряд С составлен из баллов за экзамен студентов, которые работали над проектом по технологии фишбоун, а ряд D содержит баллы студентов, не

участвующих в работе над проектом. Выборочные средние при этом примерно одинаковые. Для ряда С $\bar{x}_C = 76,9$, для ряда D $\bar{x}_D = 72,1$.

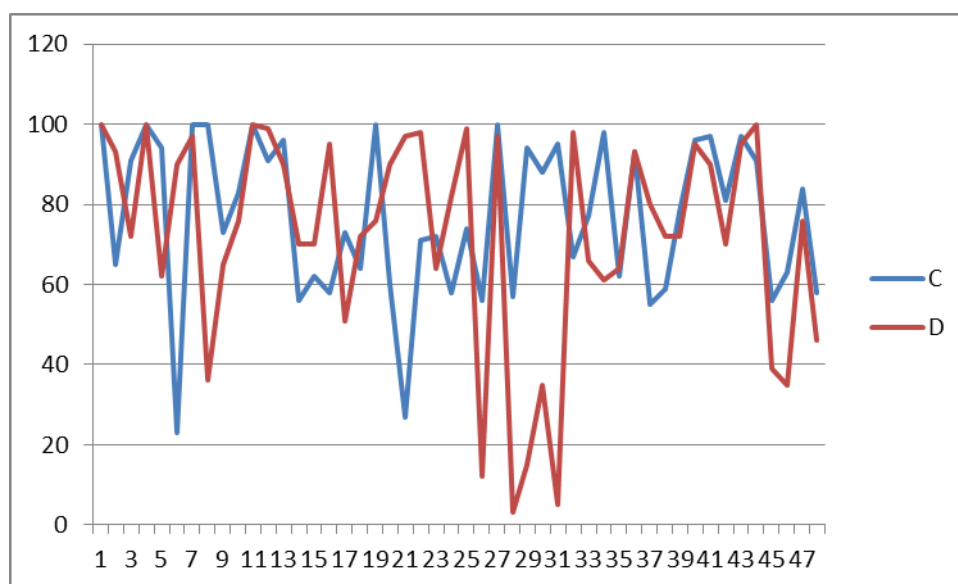

Рис. 3 – С – Представляет баллы за экзамен с работой над проектом фишбоун, D – представляет баллы за экзамен студентов, которые не участвовали в работе над проектом

Над проектом ромашка Блума работали студенты группы 4Б51 ИФВТ, 1Г51 ИНК и 3Н51 ИСГТ (см. на рис. 4 ряд F). Их результаты будем сравнивать с оценками студентов групп 8Н41 ИК, 4Е41 и 4Б41 ИФВТ, которые не работали над проектом (рис. 4 ряд G). Выборочные средние при этом примерно одинаковые. Для ряда F $\bar{x}_F = 76$, для ряда G

$\bar{x}_G = 71,8$. Известно, что выборочный коэффициент корреляции $r_e = \frac{\sum n_{xy}xy - n\bar{x}\bar{y}}{n\sigma_x\sigma_y}$ [13], где n_{xy} – частота, с

которой в выборке встречается пара признаков x, y , n – объем выборки, \bar{x} – выборочное среднее x , \bar{y} – выборочное среднее y , σ_x – выборочное среднее квадратическое отклонение x , σ_y – выборочное среднее квадратическое отклонение y , служит для измерения тесноты линейной связи между величинами. Выборочный коэффициент корреляции между баллами за экзамен студентов, работавших над проектом фишбоун и не работавшими над этим проектом $r_{CD} = 0,109$. Для проверки нулевой гипотезы о равенстве нулю генерального коэффициента корреляции, при уровне значимости $\alpha = 0,05$ вычисляем наблюдаемое

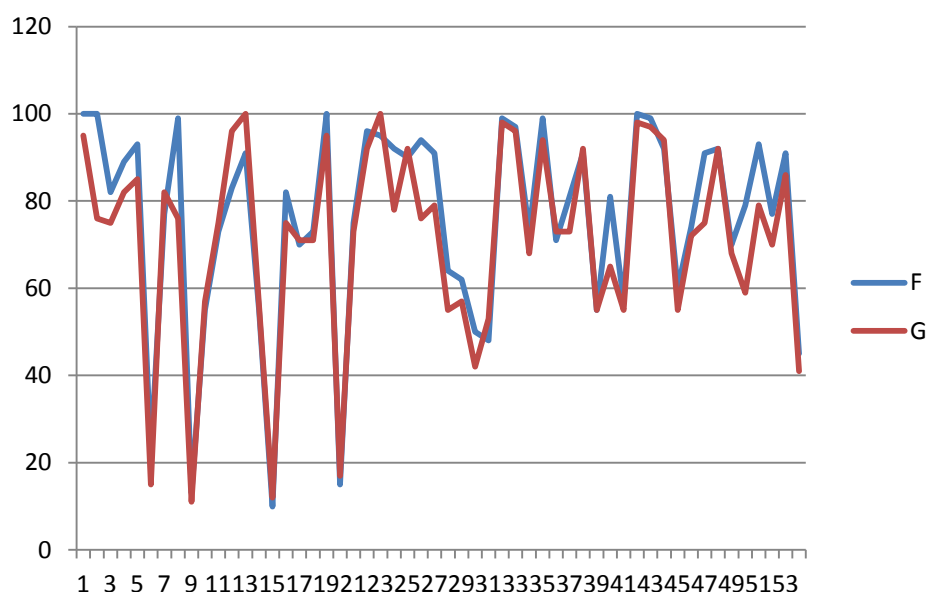

Рис. 4 – F – Представляет баллы за экзамен с работой над проектом ромашка Блума, G – представляет баллы за экзамен студентов, которые не участвовали в работе над проектом

значение критерия $T_{CD} = \frac{r_{CD}\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r_{CD}^2}} = 0,744$. Для уровня значимости α и числа степеней свободы $k = 46$ находим

критическую точку $t_{CD}(\alpha, k) = 2,01$. Так как $T_{CD} < t_{CD}$, то нет основания отвергать нулевую гипотезу. Иными словами, нет линейной зависимости между экзаменационными оценками с работой над проектом фишбоун и без нее. Однако, рассмотрев данные второго проекта (ромашки Блума), убеждаемся, что здесь картина совершенно иная: $r_{FG} = 0,947$, $T_{FG} = 21,462$, $t_{FG}(\alpha, k) = 2,01$, то есть гипотезу о равенстве нулю генерального коэффициента корреляции следует отвергнуть. Качественно это означает, что существует линейная зависимость между экзаменационными оценками с работой над проектом ромашка Блума и без нее. Возникает вопрос: “Существует ли линейная зависимость между экзаменационными оценками с работой над проектом фишбоун и с работой над проектом ромашка Блума?” Для ответа на этот вопрос найдем выборочный коэффициент корреляции между этими оценками $r_{CF} = 0,271$, $T_{CF} = 1,909$ и $t_{CF}(\alpha, k) = 2,01$. Так как $T_{CF} < t_{CF}$, то нет основания отвергать нулевую гипотезу, то есть коэффициент корреляции между баллами за экзамен с учетом работы над фишбоуном и с учетом работы над ромашкой Блума незначительно отличается от нуля. Иными словами, нет разницы какой из двух проектов применять на практике.

Заключение

Отметим в заключение, что метод проектов является в настоящее время одной из популярнейших педагогических технологий, формирующей умение комфортно адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям жизни в современном обществе.

Создавая и развивая ключевые компетенции инженерных направлений, способствуя формированию инженерной мобильности, проектно-модульное обучение является одной из перспективных технологий при изучении дисциплин в техническом вузе.

Несмотря на вышеизложенное, важно подчеркнуть, что преподаватели многих стран, обладающих огромным опытом проектного обучения, считают, что эту педагогическую технологию следует использовать только как дополнение к другим видам прямого или косвенного обучения, как средство ускорения личностного и академического роста [14].

Список литературы / References

1. Загвязинский В.И. Теория обучения. Современная интерпретация / В.И. Загвязинский. – М.: Академия, 2001. – 192 с.
2. Ильясев И.И. Структура процесса учения / И.И. Ильясев. – М.: Издательство московского университета, 2006. – 200 с.
3. Абросимов А.Г. Современные информационные технологии в организации самостоятельной и неаудиторной работы студентов вузов / А.Г. Абросимов // «Вестник РУДН». – 2004. – № 1. – С. 56. – URL: <http://ido.rudn.ru/vestnik/2004/6.pdf> (дата обращения: 30.01.2017).
4. Алексеев Н.А. Педагогические основы проектирования личностно ориентированного обучения : дис... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Алексеев Николай Алексеевич. – Тюмень, 1997. – 310 с.
5. Заир-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке / С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская. – М.: Просвещение, 2011. – 223 с.
6. Захарова Е.В. Пути оптимизации самостоятельной работы студентов в вузе / Е.В. Захарова // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 3. – С. 281-284.
7. Устинова И.Г. Функциональный конспект как метод активизации самостоятельной работы студентов в современной концепции высшего образования / И.Г. Устинова, Е.И. Подберезина // Universum: Психология и образование: электрон. Научн. Журн. – 2015. №5(15). – URL: <http://7universum.com/psy/archive/item/2134>(дата обращения 9.05.2015).
8. Загашев И.О. Умение задавать вопросы / И.О. Загашев. – URL: postmodern.in.ua/?p=879 (дата обращения 10.03.2015).
9. Ustinova I.G. Application of the “Fishbone” Technology in the Organization of Independent Work of Students in Higher Mathematics / Irina G. Ustinova, Elena I. Podberezina, Elizaveta O. Shefer // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2017. V. 544. – P. 309-314. – URL: <http://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-50337-0/page/2> (дата обращения: 30.01.2017).
10. Anderson L.W. A Taxonomy for learning, teaching, and assessin / L.W. Anderson, D.R. Krathwohl. – New York: Longman, 2001. – 336 p.
11. Устинова И. Г. Использование технологии проектно-модульного обучения при изучении дисциплины “Линейная алгебра и аналитическая геометрия” / И. Г. Устинова, Е. И. Подберезина, Э. Н. Подскребко и др. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 6 (48) Часть 3. – С. 78–85. – URL: <http://research-journal.org/pedagogy/ispolzovanie-texnologii-proektno-modulnogo-obucheniya-pri-izuchenii-discipliny-linejnaya-algebra-i-analiticheskaya-geometriya/> (дата обращения: 28.01.2017). doi: 10.18454/IRJ.2016.48.093
12. Барышева В.К. Лекции по линейной алгебре и аналитической геометрии / В.К. Барышева, Е.Г. Пахомова, О.В. Рожкова. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 151 с.
13. Larsen R.J. An Introduction to Mathematical Statistics and its Applications / R.J. Larsen, M.L. Marx. – Boston: Prentice Hall, 2012. – 768 p.
14. Гузеев В.В. Планирование результатов образования и образовательная технология / В.В. Гузеев. – М.: Народное образование, 2000. – 240 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zagvyazinskij V.I. Teoriya obucheniya. Sovremennaya interpretatsiya [The theory of teaching. A modern interpretation] / V.I. Zagvyazinskij. – M.: Akademiya, 2001. – 192 p. [in Russian]
2. Ilyasov I.I. Struktura protsessa ucheniya [The structure of the learning process] / I.I. Ilyasov. – M.: Izdatel'stvo moskovskogo universiteta, 2006. – 200 p. [in Russian]
3. Abrosimov A.G. Sovremennye informatsionnye tekhnologii v organizatsii samostoyatelnoj i neauditornoj raboty studentov vuzov [Modern information technologies in the organization of independent work and extracurricular students of higher educational institution] / A.G. Abrosimov // « Vestnik RUDN». – 2004. – № 1. – P. 56. – URL: <http://ido.rudn.ru/vestnik/2004/6.pdf> (accessed: 30.01.2017). [in Russian]
4. Alekseev N.A. Pedagogicheskie osnovy proektirovaniya lichnostno orien-tirovannogo obucheniya [Pedagogical basis of designing of a personal-oriented learning] : dis. ... of PhD in Pedagogy: 13.00.01 / Alekseev Nikolaj Alekseevich. – Tyumen, 1997. – 310 p. [in Russian]
5. Zair-Bek S.I. Razvitie kriticheskogo myshleniya na uroke [The development of critical thinking in class] / S.I. Zair-Bek, I.V. Mushtavinskaya. – M.: Prosveshchenie, 2011. – 223 p. [in Russian]
6. Zakharova E.V. Puti optimizatsii samostoyatelnoj raboty studentov v vuze [Optimization of independent work of students in the University] / E.V. Zakharova // Izvestiya RGPU im. A.I.Gertsena. Aspirantskie tetrad. – 2007. – № 3. – P. 281-284. [in Russian]
7. Ustinova I.G. Funktsionalnyj konspekt kak metod aktivizatsii samostoyatelnoj raboty studentov v sovremennoj kontseptsii vysshego obrazovaniya [Functional summary as a method of students' self-directed learning activation in modern conception of higher education] / I.G. Ustinova, E.I. Podberezina // Universum: Psikhologiya i obrazovanie. – 2015. №5 (15). – URL: <http://7universum.com/psy/archive/item/2134>(accessed: 9.05.2015). [in Russian]
8. Zagashev I.O. Umenie zadavat voprosy [The ability to ask questions] / I.O. Zagashev. – URL: <http://postmodern.in.ua/?p=879> (accessed: 10.03.2015). [in Russian]
9. Ustinova I.G. Application of the “Fishbone” Technology in the Organization of Independent Work of Students in Higher Mathematics / Irina G. Ustinova, Elena I. Podberezina, Elizaveta O. Shefer // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2017. V. 544. – P. 309-314. – URL: <http://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-50337-0/page/2> (accessed: 30.01.2017).
10. Anderson L.W. A Taxonomy for learning, teaching, and assessin / L.W. Anderson, D.R. Krathwohl. – New York: Longman, 2001. – 336 p.
11. Ustinova I.G. Ispolzovanie texnologii proektno-modulnogo obucheniya pri izuchenii discipliny linejnaya algebra I analiticheskaya geometriya [The use of technology of project-modular training in the study of the discipline “Linear algebra and analytic geometry”] / I.G. Ustinova, E.I. Podberezina, E.N. Podskrebko and others // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. – 2016. – № 6 (48) Part 3. – P. 78–85. – URL: <http://research-journal.org/pedagogy/ispolzovanie-texnologii-proektno-modulnogo-obucheniya-pri-izuchenii-discipliny-linejnaya-algebra-i-analiticheskaya-geometriya/> (accessed: 28.01.2017). doi: 10.18454/IRJ.2016.48.093 [in Russian]
12. Barysheva V.K. Lektsii po linejnoj algebre i analiticheskoy geometrii [Lectures on linear algebra and analytic geometry] / V.K. Barysheva, E.G. Pakhomova, O.V. Rozhkova. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2010. – 151 p. [in Russian]
13. Larsen R.J. An Introduction to Mathematical Statistics and its Applications / R.J. Larsen, M.L. Marx. – Boston: Prentice Hall, 2012. – 768 p.
14. Guzeev V.V. Planirovanie rezultatov obrazovaniya i obrazovatel'naya tekhnologiya [Planning of educational outcomes and educational technology] / V.V. Guzeev. – M: Narodnoe obrazovanie, 2000. – 240 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.122>Рыжкова И.В.¹, Кулагина О.В.², Измайлова Ю.М.³, Левченко Г.В.⁴, Щербаклова Н.А.⁵¹Кандидат педагогических наук, ²кандидат педагогических наук, ³кандидат педагогических наук, ⁴кандидат технических наук, ⁵кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ»**ИМИТАЦИОННЫЕ ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКЕ****Аннотация**

В статье рассматриваются различные педагогические приемы относящиеся к имитационным интерактивным технологиям обучения в преподавании правовых дисциплин. Возможности по совершенствованию профессионально-правовой подготовки обучающихся на занятиях. Анализируется собственная педагогическая практика по применению педагогических приемов, выступающих средством, позволяющим обучающемуся отслеживать понимание прочитанного текста юридического содержания. Рассматривается применение технологии критического мышления посредством использования приема «написания эссе» по правовой проблеме («Только собственник является настоящим гражданином», «Договор дороже денег», «Труд наиболее продуктивен там, где зарплаты наиболее высоки»).

Ключевые слова: профессионально-правовая подготовка, педагогические приемы, методы обучения, интерактивные технологии.

Ryzhkova I.V.¹, Kulagina O.V.², Izmailova J.M.³, Levchenko G.V.⁴, Sherbakova N.A.⁵¹PhD in Pedagogy, ²PhD in Pedagogy, ³PhD in Pedagogy, ⁴PhD in Engineering, ⁵PhD in Pedagogy, Saratov SAU**IMITATION AND INTERACTION TECHNOLOGIES OF STUDING IN PROFESSIONAL AND LEGAL
TRAINING****Abstract**

The paper describes the various teaching methods relating to interactive training simulation technologies in teaching of legal disciplines. The opportunities for improvement of professional legal training of students in the classroom are considered in the work. The authors analyze their own pedagogical practice of the use of pedagogical methods, and means which allow students to keep track of the text of legal content. The application of technology of critical thinking through the use of "essay writing" technique on the legal issues ("Only the owner is a true citizen", "A deal is a deal", "Labor is the most productive there where salaries are the highest") is considered as well.

Keywords: professional and legal training, teaching methods, interactive technology.

Рассматривая профессионально-правовую подготовку студентов ФГОУ ВО «Саратовского ГАУ», необходимо особо подчеркнуть, что в ней органически связаны между собой два процесса – правовое обучение и правовое воспитание. У студентов крайне важно сформировать соответствующую мотивацию – положительное отношение к познаваемому содержанию и потребность к постоянному расширению и углублению правовых знаний [1]. Реализуя идею построения в России правового государства, правовое образование и воспитание студенческой молодежи должно стать частью всего процесса духовного формирования личности будущего специалистов [2].

Особенности профессионально-правовой подготовки заключаются в комплектности, в большом объеме учебного материала, который охватывает различные отрасли Российского права: конституционного, трудового, гражданского, административного, земельного, состоящего из общих государственно-правовых форм жизни общества и конкретных отраслей Российского права, регулирующих современные российские отношения.

В своей практической деятельности преподавания правовых дисциплин преподаватель широко применяет раздаточный материал, включающий в себя помимо нормативно-правовых актов тексты по правовой тематике, принадлежащие известным юристам. Технология критического мышления позволяет преподавателям на занятиях широко использовать такой педагогический прием, как *инсерт*, который выступает средством, позволяющим обучающемуся отслеживать понимание прочитанного текста юридического содержания. Этот прием позволяет увидеть авторскую позицию по поднимаемой проблеме, сформулировать собственное отношение и подобрать аргументацию, тем самым происходит формирование критического мышления и правового сознания [3].

Обучающиеся анализируют текст и делают в нем пометки:

- знаком «галочка» (V) отмечается в тексте информация, которая уже известна обучающемуся;
- знаком «плюс» (+) отмечается новая информация;
- знаком «минус» (–) отмечается то, с чем не согласен обучающийся;
- знаком «вопрос» (?) отмечается то, что осталось непонятным обучающемуся и требует дополнительных сведений, вызывает желание узнать подробнее.

По результатам работы составляется таблица, имеющая три колонки: знаю, узнал(а) новое, хочу узнать подробнее, что соответствует аббревиатуре ЗУХ.

Цели применения технологии критического мышления достигаются также посредством использования приема «написания эссе» по правовой проблеме. Анализ эссе, написанных обучающимися в экспериментальной группе («Только собственник является настоящим гражданином», «Договор дороже денег», «Труд наиболее продуктивен там, где зарплаты наиболее высоки») показал, что их авторы владеют самостоятельным правовым мышлением, могут свободно и аргументировано рассуждать по важным проблемам правовой жизни: о сделках и договорах, об эффективности правового регулирования, об институте собственности и т.д. Письменные рассуждения по правовым проблемам формируют активную позицию обучающегося, систематизируют правовые знания, полученные в процессе изучения дисциплины.

Значительное место среди современных инновационных технологий в педагогике занимают игровые технологии, относящиеся к имитационным интерактивным технологиям обучения. В правовом обучении широко используются различные игры, которые становятся элементом практического занятия (игровые ситуации) либо его формой. Практика показывает, что игра, перенесенная в учебный процесс, может нести в себе огромный обучающий и воспитательный потенциал. Правовые игры, используемые в практике правового образования, можно подразделить на: дидактические игры; имитационные игры; сюжетно-ролевые игры; деловые игры; иллюстративные игры.

Из перечисленных видов правовых игр наиболее распространены в практике преподавания права в неюридическом вузе – деловые игры, которые позволяют в большей степени учитывать особенности обучаемого контингента [4].

В процессе преподавания курса «Правоведение» нами были использованы такие деловые игры, как «Прием на работу», «На приеме у юриста» и другие. Для наглядности охарактеризуем подробнее одну из них – деловую игру «Прием на работу», которая призвана показать алгоритм поведения человека при приеме на работу с учетом профессиональной специфики. Цели игры: повторить и обобщить знания обучающихся по теме: «Трудовой договор»; способствовать формированию умения вести деловые переговоры, связанные с профессиональной деятельностью; способствовать формированию правового сознания будущего специалиста. При изучении отрасли трудового права обучающиеся получают задания исследовательского характера: пользуясь текстом официального издания отдела занятости населения провести сравнительный анализ спроса и предложения рабочих мест, сделать выводы. При выполнении задания обучающиеся, опираясь на данные, публикуемые в газете «Работа», «Все для Вас», устанавливают динамику спроса и предложения. Это помогает увидеть реальную картину ресурсов на рынке труда, спрогнозировать собственную профессиональную востребованность в будущем.

Учебная группа делится на 3 подгруппы (по рядам). В каждой подгруппе выделяются мини-группы со следующими ролями-функциями:

- работодатель и будущий работник;
- эксперты по оценке содержанию трудового договора (4 человека), им необходимо: определить все ли существенные и несущественные условия трудового договора были оговорены; оформить анализ диалога в таблицу по следующей форме:

Существенные условия договора	Несущественные условия договора

- эксперты по оценке умения вести переговоры (2 человека) им необходимо: проанализировать этику ведения переговоров (внешний вид, манера общения, умение вести диалог, компетентность ведения переговоров); оформить свой анализ по указанным выше параметрам в таблицу:

положительное	отрицательные

- эксперты по оценке резюме (2 человека).

Каждая из подгрупп прослушивает свой вариант диалога работника и работодателя. Мини-группы экспертов собираются вместе и анализируют прослушанные диалоги и оформляют результаты своей работы в таблицы. Обучающиеся, исполнявшие роли работодателей и работников, также собираются вместе и проводят самоанализ по предложенной схеме. Публичное представление результатов с целью выявления типичных ошибок и выработки рекомендаций (алгоритма) составления резюме. Публичное представление результатов с целью выявления типичных ошибок и выработки рекомендаций (алгоритма) составления резюме. Представители микро-группы «работодателей и работников» имеют право давать комментарии. Рефлексия: написание резюме для поступления на работу по предложенной форме (выбор профессии свободный).

- повторить и обобщить знания обучающихся по теме: «Трудовой договор»;
- способствовать формированию умения вести деловые переговоры, связанные с профессиональной деятельностью;
- способствовать формированию правового сознания будущего специалиста.

Актуализация личностного опыта преподавателя в ходе игры способствует не только системному, целостному освоению профессии, но и позволяет проводить корректировку правосознания студентов в соответствии с действующими нормами права, удовлетворяет потребности отдельной личности в образовательных услугах правовой направленности и своевременном обновлении содержания, организационных форм и технологий правовой подготовки с учетом развития правовой системы общества, с целью повышения уровня сформированности правосознания.

Таким образом, идущие в России усиление правовых основ государственного строительства, укрепление правопорядка и законности, рост эффективности государственных мероприятий, направленных на более полное обеспечение прав и свобод человека, на строительство правового государства – все это находится в непосредственной связи с уровнем правовых знаний членов этого общества [5].

Список литературы/ References

1. Рыжкова И.В. Совершенствование педагогической подготовки будущих преподавателей профессионального обучения: дис. канд. пед. наук: 13.00.08: защищена 20.05.2009; утв. 25.09.09/ Рыжкова Ирина Васильевна. - Саратов, 2009. – 182с.
2. Рыжкова И.В., Кулагина О.В. и др. Значение проектной деятельности в профессионально-правовой подготовке студентов, осуществляемой в рамках технологии проектного обучения дисциплины «Правоведение». Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №10 (52) часть 3. – 187-189.

3. Кулагина О.В. Дидактическое обеспечение профессионально-правовой подготовки студентов аграрного вуза : дис. канд. пед. наук: 13.00.08: защищена 15.12.10: утв:18.02.10/ Кулагина Ольга Владимировна. – Саратов: ЛОДИ, 2010. – 225 с.

4. Рыжкова И.В. Обучающие игры: их функции, особенности и основные виды. \И.В. Рыжкова \ \ Сборник: Пути совершенствования и развития профессиональной компетентности будущих офицеров. – Саратов: изд-во «Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ», 2008. - С. 224-227.

5. Кулагина О.В. Становление и развитие правового образования и воспитания в России. Сборник: Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы. Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией И.Л. Воротникова. 2015. - С. 253-255.

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Ryzhkova IV Sovershenstvovaniye pedagogicheskoy podgotovki budushchikh prepodavateley proffessionalnogo obucheniya [Improving the pedagogical training of future teachers of vocational training:] Ph.d. thesis in Pedagogical sciences: 13.00.08: defended 20.05.2009: approved: 25.09.09 / Ryzhkova Irina. - Saratov, 2009. – 182p. [In Russian]

2. Ryzhkova I.V., Kulagina O.V. et al. Znachenije proektnoy deyatel'nosti v proffessionalno-pravovoy podgotovke studentov, osushchestvlyayemoy v ramkakh tekhnologii proektnogo obucheniya distsipliny [The value of the project activities in professional and legal training of students, carried out under the project-based learning technology "Law" discipline.] Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]. 2016. No10 (52) Part 3 – P.187-189. [In Russian]

3. Kulagina O.V. Didakticheskoye obespecheniye professionlano-pravovoi podgotovki studentov agrarnogo vuza [Didactic security of professional legal training of students of agricultural high school:] Ph.d. in Pedagogical Sciences: 13.00.08: defended 15.12.10: approved: 18.02.10 / Kulagina Olga Vladimirovna. – Saratov: Lodi, 2010. - 225 p. [In Russian]

4. Ryzhkova I.V. Obuchayushchiye igry: ikh funktsii, osobennosti i osnovnye vidy [Educational Games: Their Functions, Features and Basic Types] \ I.V. Ryzhkova \ \ Sbornik: Puti sovershenstvovaniya i razvitiya professionalnoy kompetentnosti budushchikh ofitserov [Collected works: Ways of improvement and development of professional competence of future officers.] - Saratov: Publishing House of "Saratov Military Institute of Internal Troops of the Russian Federation", 2008. - P. 224-227. [In Russian]

5. Kulagina O.V. Stanovliniye i razvitiye pravovogo obrazovaniya i vospitaniya v Rossii [Formation and development of legal education and training in Russia.] Sbornik: Agrarnaya nauka v XXI veke: problemy i perspektivy _ [Collection of works: Agricultural science in the XXI century: problems and outlooks.] Sbornik statey IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. [Collection of articles of IX All-Russian scientific-practical conference.] Edited by I.L. Vorotnikov. 2015. - P. 253-255. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.025>

Ушаков А.В.

ORCID: 0000-0002-7665-2086, Кандидат физико-математических наук, Доцент,
Московский Городской Педагогический Университет

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИНИЙ И ПОВЕРХНОСТЕЙ ВТОРОГО ПОРЯДКА

Аннотация

Статья предназначена студентам и преподавателям педагогических ВУЗов. Она посвящена проблеме классификации линий и поверхностей второго порядка. Это одна из наиболее сложных задач в курсе аналитической геометрии. Очень важно, чтобы студенты осознанно применяли алгоритм ее решения. Поэтому все алгебраические выкладки должны иметь свои наглядные образы. Создавать их можно при помощи компьютерной программы geogebra. Она позволяет выполнять необходимые построения и вычисления. В статье приведены подробные решения двух задач по заявленной теме. Для каждой из них в geogebra подготовлены динамические электронные иллюстрации.

Ключевые слова: линия, поверхность, классификация, программа geogebra, обучение студентов.

Ushakov A.V.

ORCID: 00000000-0002-7665-2086, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Moscow City Pedagogical University

CLASSIFICATION OF LINES AND SURFACE OF SECOND ORDER

Abstract

The paper is intended for students and teachers of pedagogical universities. It is devoted to the problem of classification of lines and surfaces of the second order. This is one of the most difficult problems in the course of analytic geometry. It is very important that students consciously apply the algorithm for its solution. Therefore, all algebraic calculations must have their own visual images. One can generate them using the geogebra application for PC. It allows to perform the necessary constructs and calculations. The paper gives the detailed solutions of two problems on the given topic. The dynamic electronic illustrations are prepared in geogebra for each of them.

Key words: line, surface, classification, program geogebra, training of students.

Компьютерная программа geogebra позволяет выполнять различные геометрические построения на плоскости и в пространстве, а также производить все сопутствующие расчеты. Далее мы рассмотрим примеры приведения к каноническому виду алгебраических уравнений второго порядка, определяющих линию или поверхность. Необходимое для этого преобразование координат можно визуализировать в geogebra как результат движения первого рода. В большинстве случаев оно представляет собой либо поворот (на плоскости), либо винтовое движение (в

пространстве). Построенные таким образом интерактивные чертежи помогут студентам выявить геометрическую подоплеку решаемой задачи и послужат средством проверки результатов вычислений.

Пример 1. В прямоугольной системе координат $O\vec{i}\vec{j}$ кривая второго порядка имеет уравнение $9x^2 - 24xy + 16y^2 - 20x + 110y - 50 = 0$. Приведите данное уравнение к каноническому виду, определите вид кривой и постройте ее.

Решение. Рассмотрим квадратичную форму $9x^2 - 24xy + 16y^2$ с матрицей $A = \begin{pmatrix} 9 & -12 \\ -12 & 16 \end{pmatrix}$. Собственные значения матрицы A являются корнями характеристического уравнения $|A - \lambda E| = 0$, $\begin{vmatrix} 9-\lambda & -12 \\ -12 & 16-\lambda \end{vmatrix} = 0$, $\lambda(\lambda-25)=0$, $\lambda_1=0$, $\lambda_2=25$. Далее, найдем собственные векторы матрицы A из условия $(x, y) \times (A - \lambda E) = (0, 0)$.

При $\lambda=0$ имеем $(x, y) \times \begin{pmatrix} 9 & -12 \\ -12 & 16 \end{pmatrix} = (0, 0)$ или $\begin{cases} 9x - 12y = 0, \\ -12x + 16y = 0, \end{cases}$ откуда $x=4/3y$. При $y=-3$, получим частное решение $(-4, -3) = \vec{a}$.

При $\lambda=25$ имеем $(x, y) \times \begin{pmatrix} -16 & -12 \\ -12 & -9 \end{pmatrix} = (0, 0)$ или $\begin{cases} -16x - 12y = 0, \\ -12x - 9y = 0, \end{cases}$ откуда $x=-3/4y$. При $y=-4$, получим частное решение $(3, -4) = \vec{b}$.

Векторы \vec{a}, \vec{b} принадлежат различным собственным значениям и согласно общей теории образуют ортогональный базис на плоскости. Тогда ортонормированный базис состоит из векторов $\vec{i}' = \vec{a}/|\vec{a}| = (-4/5, -3/5)$, $\vec{j}' = \vec{b}/|\vec{b}| = (3/5, -4/5)$. Матрица $T = \begin{pmatrix} -4/5 & -3/5 \\ 3/5 & -4/5 \end{pmatrix}$ перехода от исходного базиса \vec{i}, \vec{j} к новому базису \vec{i}', \vec{j}' определяет ортогональную замену переменных по закону $(x, y) = (x', y') \times T$ или $\begin{cases} x = -4/5x' + 3/5y', \\ y = -3/5x' - 4/5y'. \end{cases}$ В результате, данное уравнение принимает вид $25y'^2 - 50x' - 100y' - 50 = 0$ или $(y' - 2)^2 = 2(x' + 3)$. Полагая $\begin{cases} x' = x'' - 3, \\ y' = y'' + 2, \end{cases}$ получим каноническое уравнение $y''^2 = 2x''$, которое определяет параболу в прямоугольной системе координат $O'\vec{i}'\vec{j}'$. Связь между исходными и новыми координатами устанавливают формулы $\begin{cases} x = -4/5x'' + 3/5y'' + 18/5, \\ y = -3/5x'' - 4/5y'' + 1/5, \end{cases}$ так что $O \equiv (18/5, 1/5)$.

Можно доказать, что такому преобразованию координат соответствует повороту вокруг точки $S=(11/6, -1/2)$ на угол $\varphi = \arccos(-4/5) \approx 143.13^\circ$ по часовой стрелке. В программе geogebra мы выполним следующие действия:

1. Построим две параболы γ и Γ , напечатав в **строке ввода** их уравнения $\gamma: y^2=2x$ и $\Gamma: 9x^2-24xy+16y^2-20x+110y-50=0$. Для ввода греческих букв существует специальная кнопка.
2. Создадим ползунок для изменения параметра t от 0 до 1. Щелчок инструментом **ползунок** на графическом поле вызывает диалоговое окно, в котором надо указать имя ползунка, а также его минимальное и максимальное значения.
3. Построим точку S , напечатав $S=(11/6, -1/2)$.
4. Вычислим углы φ и ψ , напечатав $\varphi=\arccos(-4/5)$ и $\psi=t*\varphi$.
5. Повернем параболу γ вокруг точки S на угол ψ по часовой стрелке. Инструментом **поворот вокруг точки** надо щелкнуть последовательно параболу γ и точку S , а в появившемся диалоговом окне указать угол поворота ψ и выбрать направление вращения по часовой стрелке.
6. Построим дополнительно базисные векторы и оси координат, после чего скроем все ненужные элементы чертежа, щелкнув значок их видимости на панели объектов.

Если теперь двигать ползунок инструментом **перемещение**, то можно проследить как параболу γ преобразуется в параболу Γ , совершая поворот вокруг точки (рис.1):

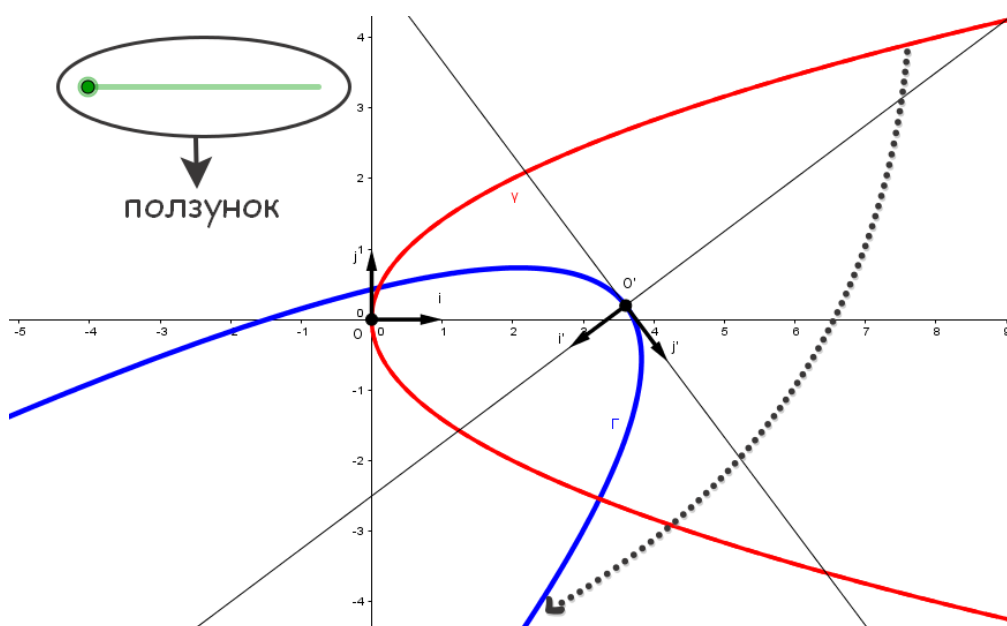

Рис. 1 – Приведение к каноническому виду уравнения параболы

Пример 2. В прямоугольной системе координат $O\vec{i}\vec{j}\vec{k}$ поверхность второго порядка имеет уравнение $7x^2 + 7y^2 + 16z^2 - 10xy - 8xz - 8yz - 16x - 16y - 8z + 72 = 0$. Приведите данное уравнение к каноническому виду, определите вид поверхности и постройте ее.

Решение. Рассмотрим квадратичную форму

$$7x^2 + 7y^2 + 16z^2 - 10xy - 8xz - 8yz \text{ с матрицей } A = \begin{pmatrix} 7 & -5 & -4 \\ -5 & 7 & -4 \\ -4 & -4 & 16 \end{pmatrix}. \text{ Собственные значения матрицы } A$$

являются корнями характеристического уравнения $|A - \lambda E| = 0$, $\begin{vmatrix} 7-\lambda & -5 & -4 \\ -5 & 7-\lambda & -4 \\ -4 & -4 & 16-\lambda \end{vmatrix} = 0$, $\lambda(\lambda-18)(\lambda-12)=0$, $\lambda_1=12$, $\lambda_2=18$, $\lambda_3=0$. Далее, найдем собственные векторы матрицы A из условия $(x, y, z) \times (A - \lambda E) = (0, 0, 0)$.

При $\lambda=12$ имеем $(x, y, z) \times \begin{pmatrix} -5 & -5 & -4 \\ -5 & -5 & -4 \\ -4 & -4 & 4 \end{pmatrix} = (0, 0, 0)$ или $\begin{cases} -5x - 5y - 4z = 0, \\ -5x - 5y - 4z = 0, \\ -4x - 4y + 4z = 0, \end{cases}$ откуда $\begin{cases} x = -y, \\ z = 0. \end{cases}$ При $y = -1$, получим частное решение $(1, -1, 0) = \vec{a}$.

При $\lambda=18$ имеем $(x, y, z) \times \begin{pmatrix} -11 & -5 & -4 \\ -5 & -11 & -4 \\ -4 & -4 & -2 \end{pmatrix} = (0, 0, 0)$ или $\begin{cases} -11x - 5y - 4z = 0, \\ -5x - 11y - 4z = 0, \\ -4x - 4y - 2z = 0, \end{cases}$ откуда $\begin{cases} x = -1/4z, \\ y = -1/4z. \end{cases}$ При $z = -4$, получим частное решение $(1, 1, -4) = \vec{b}$.

При $\lambda=0$ имеем $(x, y, z) \times \begin{pmatrix} 7 & -5 & -4 \\ -5 & 7 & -4 \\ -4 & -4 & 16 \end{pmatrix} = (0, 0, 0)$ или $\begin{cases} 7x - 5y - 4z = 0, \\ -5x + 7y - 4z = 0, \\ -4x - 4y + 16z = 0, \end{cases}$ откуда $\begin{cases} x = 2z, \\ y = 2z. \end{cases}$ При $z=1$, получим частное решение $(2, 2, 1) = \vec{c}$.

Векторы $\vec{a}, \vec{b}, \vec{c}$, принадлежат различным собственным значениям и согласно общей теории образуют ортогональный базис. Тогда ортонормированный базис состоит из векторов $\vec{i}' = \vec{a}/|\vec{a}| = (\sqrt{2}/2, -\sqrt{2}/2, 0)$, $\vec{j}' = \vec{b}/|\vec{b}| = (\sqrt{2}/6, \sqrt{2}/6, -2\sqrt{2}/3)$, $\vec{k}' = \vec{c}/|\vec{c}| = (2/3, 2/3, 1/3)$. Матрица $T = \begin{pmatrix} \sqrt{2}/2 & -\sqrt{2}/2 & 0 \\ \sqrt{2}/6 & \sqrt{2}/6 & -2\sqrt{2}/3 \\ 2/3 & 2/3 & 1/3 \end{pmatrix}$ перехода от исходного базиса

$\vec{i}, \vec{j}, \vec{k}$ к новому базису $\vec{i}', \vec{j}', \vec{k}'$ определяет ортогональную замену переменных по закону $(x, y, z) = (x', y', z') \times T$ или $\begin{cases} x = \sqrt{2}/2x' + \sqrt{2}/6y' + 2/3z', \\ y = -\sqrt{2}/2x' + \sqrt{2}/6y' + 2/3z', \\ z = -2\sqrt{2}/3y' + 1/3z'. \end{cases}$ В результате, данное уравнение принимает вид $12x'^2 + 18y'^2 - 24z' + 72 = 0$ или

$2x'^2 + 3y'^2 = 4(z' - 3)$. Полагая $\begin{cases} x'' = x', \\ y'' = y', \\ z'' = z' + 3, \end{cases}$ получим каноническое уравнение $2x''^2 + 3y''^2 = 4z''$, которое определяет

эллиптический параболоид в прямоугольной декартовой системе координат $O'\vec{i}'\vec{j}'\vec{k}'$. Связь между исходными и новыми координатами устанавливают формулы $\begin{cases} x = \sqrt{2}/2x' + \sqrt{2}/6y' + 2/3y' + 2, \\ y = -\sqrt{2}/2x' + \sqrt{2}/6y' + 2/3z' + 2, \\ z = -2\sqrt{2}/3y' + 1/3z' + 1, \end{cases}$ так что $O' = (2, 2, 1)$.

Можно доказать, что такому преобразованию координат соответствует винтовое движение, которое является произведением параллельного переноса на вектор $\vec{p} = \left(\frac{12+3\sqrt{2}}{14}, \frac{6-9\sqrt{2}}{14}, \frac{18-6\sqrt{2}}{14}\right)$ и поворота на угол $\varphi = \arccos\left(\frac{\sqrt{2}-1}{3}\right) \approx 82^\circ$ по часовой стрелки вокруг прямой l , проходящей через точку $L = \left(\frac{15+9\sqrt{2}}{7}, 0, \frac{-6+9\sqrt{2}}{14}\right)$ параллельно вектору \vec{p} . В программе geogebra мы выполним следующие действия:

1. На полотне 3D объектов построим два параболоида Φ и F , напечатав в строке ввода их уравнения $\Phi: 2x^2 + 2y^2 = 4z$ и $F: 7x^2 + 7y^2 + 16z^2 - 10xy - 8xz - 8yz - 16x - 16y - 8z + 72 = 0$.

2. Построим точки O, O', L , напечатав $O=(0, 0, 0)$, $O'=(2, 2, 1)$, $L=((15+9\sqrt{2})/7, 0, (-6+9\sqrt{2})/14)$.

3. Построим отрезок OO' , щелкнув инструментом **отрезок** его концы. Из контекстного меню переименуем этот отрезок как n .

4. Выберем точку A на отрезке OO' , щелкнув по нему **точка**.

5. Построим отрезок OA и переименуем его как m .

6. Найдем значение параметра $t=|OA|/|OO'|$, напечатав $t=m/n$.

7. Построим векторы \vec{p} и \vec{q} , напечатав $p=\text{вектор}[((12+3\sqrt{2})/14, (6-9\sqrt{2})/14, (18-6\sqrt{2})/14)]$ и $q=t*p$.

8. Построим прямую l , напечатав $l=\text{прямая}[L, p]$.

9. Вычислим углы φ и ψ , напечатав $\varphi=\arccos((\sqrt{2}-1)/3)$ и $\psi=t*\varphi$.

10. Перенесем параболоид Φ на вектор \vec{q} , щелкнув инструментом **параллельный перенос по вектору** сначала параболоид Φ , а затем вектор q . В результате получим новый параболоид Φ' .

11. Повернем параболоид Φ' вокруг прямой l на угол ψ по часовой стрелке. Инструментом **вращать объект вокруг прямой** надо щелкнуть последовательно параболоид Φ' и прямую l , а в появившемся диалоговом окне указать угол поворота ψ и выбрать направление вращения по часовой стрелке.

12. Построим дополнительно базисные векторы и оси координат, после чего скроем все ненужные элементы чертежа, щелкнув значок их видимости на панели объектов.

Если теперь двигать точку A инструментом **перемещение** от точки O до точки O' , то можно проследить как параболоид Φ преобразуется в параболоид F , совершая винтовое движение (рис.2):

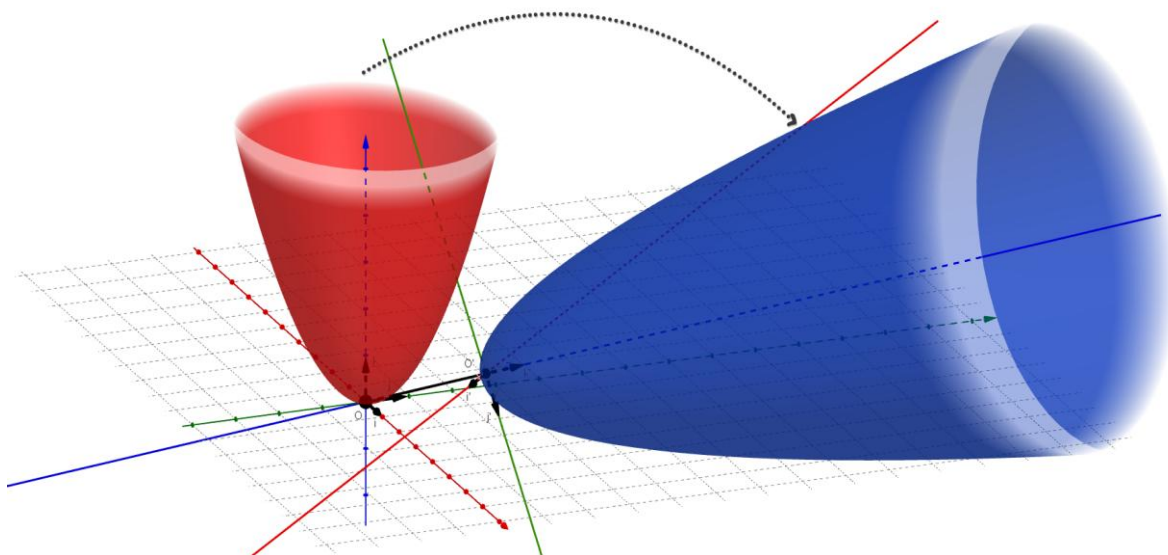

Рис. 2 – Приведение к каноническому виду уравнения эллиптического параболоида

Список литературы / References

1. Ушаков А.В. О роли примеров на лекциях по топологии в педагогическом ВУЗе / А.В. Ушаков // Педагогические науки. – 2012. – № 3 (54). – С. 74-84.
2. Ушаков А.В. О роли примеров на лекциях по дифференциальной геометрии в педагогическом ВУЗе / А.В. Ушаков // Педагогические науки. – 2014. – № 3 (66). – С. 31-34.
3. Ушаков А.В. Использование информационных технологий при изучении геометрии в педагогическом ВУЗе / А.В. Ушаков // Педагогические науки. – 2015. – № 2 (71). – С. 55-57.
4. Педагогическая направленность математических дисциплин в подготовке будущих учителей математики: Монография / А.В. Ушаков, Ю.А. Семеняченко, В.Г. Покровский и др. – М.: Издательство «Спутник+», 2016. – 144 с.
5. Шуркова М.В. Особенности работы над содержанием теорем курса математического анализа на практических занятиях в педагогическом вузе / М.В. Шуркова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 2-4. – С. 105-107.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ushakov A.V. O roli primerov na lekcijah po topologii v pedagogicheskom VUZe [On the role of examples in lectures on topology in Pedagogical University] / A.V. Ushakov // Pedagogicheskie nauki [Pedagogical sciences] – 2012. – № 3 (54). – P. 74-84. [in Russian]
2. Ushakov A.V. O roli primerov na lekcijah po differencial'noj geometrii v pedagogicheskom VUZe [On the role of examples in lectures on differential geometry in the Pedagogical University] / A.V. Ushakov // Pedagogicheskie nauki [Pedagogical sciences] – 2014. – № 3 (66). – P. 31-34. [in Russian]
3. Ushakov A.V. Ispol'zovanie informacionnyh tehnologij pri izuchenii geometrii v pedagogicheskom VUZe [The use of information technology in studying geometry at the Pedagogical University] / A.V. Ushakov // Pedagogicheskie nauki [Pedagogical sciences] – 2015. – № 2 (71). – P. 55-57. [in Russian]
4. Pedagogicheskaja napravlennost' matematicheskikh disciplin v podgotovke budushhih uchitelej matematiki: Monografija [Pedagogical orientation of the mathematical sciences in preparation of future teachers of mathematics: Monograph] / A.V. Ushakov, Ju.A. Semenjachenko, V.G. Pokrovskij and others – M.: Izdatel'stvo «Sputnik+», 2016. – 144 p. [in Russian]
5. Shurkova M.V. Osobennosti raboty nad soderzhanijem teorem kursa matematicheskogo analiza na prakticheskikh zanjatijah v pedagogicheskom vuze [Features the work of over the content of the course of mathematical analysis on theorems of practical training in the Pedagogical University] / M.V. Shurkova // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of Arts and Sciences] – 2016. – № 2-4. P. – 105-107. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.023>Фомина Н.И.¹, Судакова А.В.²¹ORCID: 0000-0003-4362-5206, Кандидат педагогических наук, доцент, ²Магистрант

ФГАОУ ВО Национальный исследовательский Нижегородский университет

имени Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИЕЙ МОЛОДОГО ПЕДАГОГА ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*Аннотация*

В статье освещается проблема управления адаптацией молодого педагога дошкольной образовательной организации. Авторы отмечают необходимость специальной системы мероприятий по управлению адаптацией в процессе реализации всех её этапов. Особое внимание уделяется организации подготовительного этапа управления адаптацией. Отмечается, что успешность управления адаптацией на первом этапе зависит от проведения соответствующих диагностических мероприятий.

Ключевые слова: управление адаптацией, молодой воспитатель, дошкольная образовательная организация, этапы управления адаптацией.

Fomina N.I., Sudakova A.V.¹ORCID: 0000-0003-4362-5206, PhD in Pedagogy, Associate professor,²Master's Degree Student,

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas Branch)

PREPARATORY STAGE OF PROCESS OF MANAGEMENT OF ADAPTATION OF THE YOUNG TEACHER OF THE PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION*Abstract*

The article highlights the problem of managing the adaptation of young teachers of preschool educational organizations. The authors note the need for a special system of measures for management of adaptation in the implementation of all of its stages. Particular attention is paid to the organization of the preparatory phase of adaptation management. It is noted that the success of adaptation control in the first step depends on the conduct of appropriate diagnostic measures.

Keywords: adaptation management, a young teacher, preschool educational organization, adaptation of management stages.

Понятие «адаптация» в области образования имеет свои особенности. В общем смысле адаптация – это процесс приспособления между личностью и окружающей её средой. Понятие адаптация в дошкольных образовательных организациях чаще связывают процессом приспособления воспитанников детских садов, которые впервые начинают привыкать к новой жизни в коллективе детского сада. Бесспорно, что эта проблема актуальна во все времена и всегда притягивает к себе внимание исследователей в области дошкольного образования. Однако намного реже мы слышим об адаптации молодых педагогов, впервые приступающих к работе в дошкольной организации. Эта проблема не менее актуальна, ведь чем быстрее и легче молодые педагоги будут приспосабливаться к новому месту работы, тем лучше будет процесс работы дошкольной организации в целом. Далеко не все молодые работники могут самостоятельно и без проблем адаптироваться на новом месте в дошкольной организации. Молодому педагогу зачастую нужна квалифицированная помощь со стороны руководства и педагогического коллектива. Снижению рисков адаптации может способствовать грамотное управление этим сложным процессом. Понятие «управление адаптацией» ещё менее раскрытое, чем понятие «адаптация». Поэтому ответы на вопросы о том, что же такое управление адаптацией молодого педагога и, более сложный и неясный, как же управлять адаптацией, нередко ставят в затруднительное положение, даже руководителей образовательных организаций. Отвечая на первый вопрос, можно сказать, что управлять адаптацией – значит помогать молодому специалисту как можно быстрее, мягче и легче приспособиться к новому коллективу, новым обязанностям, новой работе в целом [2]. Ответ на второй вопрос, во многом, зависит от выбора адекватных методов управления адаптацией, которые каждый руководитель подбирает самостоятельно, учитывая особенности работников. Большое значение при этом имеет проведение диагностических мероприятий, позволяющих руководителю дошкольной образовательной организации выявить причины низкого уровня адаптации молодого специалиста, и, в зависимости от выявленных причин, провести соответствующую работу с педагогическим коллективом.

Весь процесс адаптации можно разделить на несколько этапов:

- 1) Этап ознакомления (подготовительный) – период получения работником информации о новой организации в целом, о критериях оценки разных действий, о нормах поведения в коллективе;
- 2) Этап приспособления – период переориентации работника, признание ценностей в новой системе, но пока сохраняя многие свои установки;
- 3) Этап ассимиляции – период полного приспособления работника к среде;
- 4) Идентификация – личные цели работника отождествляются с целями трудовой организации [3].

Подготовительный этап является самым важным, т.к. именно в этот период педагог знакомится с организацией и коллективом, сопоставляет цели и возможности, узнает новое и учится использовать полученные знания на практике. Поэтому на этом этапе руководителю образовательной организации следует уделить особое внимание молодому педагогу, подобрать индивидуальный подход, изучив перед этим сотрудника, его личностные качества, отношение к профессии [1].

Исследование, проведённое на базе детского сада № 35 г. Арзамаса Нижегородской области, позволило обозначить проблемы сложного вхождения молодого педагога дошкольной образовательной организации в профессию. Из десяти воспитателей детского сада шесть педагогов приняли участие в исследовании. Возрастной

состав рабочего коллектива: двое молодых педагога, чей стаж работы менее пяти лет, один педагог имеет стаж от пяти до десяти лет, три педагога с большим профессиональным опытом работы в сфере дошкольного образования, более десяти лет.

Затрудняющим фактором для проведения исследования было безуспешность поиска адекватного диагностического материала. Для выявления отношения воспитателей дошкольной образовательной организации к процессу управления адаптацией молодых педагогов была разработана анкета, состоящая из 16 вопросов.

1. Какой у Вас стаж работы в дошкольной организации:

- а) Менее 5 лет;
- б) от 5 до 10 лет;
- в) более 10 лет.

2. Возникали ли у Вас проблемы, связанные с адаптацией, в начале Вашей трудовой деятельности:

- а) Да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

3. Если да, то какие (можете выбрать несколько вариантов и/или написать свою проблему):

- а) Высокая физическая нагрузка;
- б) моральная неподготовленность;
- в) личностные проблемы в рабочем коллективе;
- г) разногласия с воспитанниками или их родителями;
- д) другое...

4. Считаете ли Вы, что молодому педагогу нужно помогать адаптироваться на новом месте работы?

- а) Да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

5. Согласны ли Вы, что адаптацией молодого педагога необходимо управлять?

- а) Да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

6. Используют ли в данной организации какие-либо методы управления адаптацией молодых педагогов?

- а) Да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

7. Если да, то какие (можете выбрать несколько вариантов):

- а) нормативные документы, например Положение об адаптации или о Наставничестве;
- б) организационные методы, например собеседование при отборе, программы адаптации;
- в) информационные методы, например памятка новичку, страничка нового сотрудника на сайте организации, информационная доска;
- г) средства обратной связи, например лист оценки молодого педагога, отзыв молодого педагога об эффективности управления адаптацией;
- д) другое...

8. Если в данной организации уделяют не достаточно внимания проблеме управления адаптацией, хотели бы Вы это изменить?

- а) Да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

9. Считаете ли Вы верным, что нужно создать программу управления адаптацией молодого педагога и применять её индивидуально к каждому молодому специалисту?

- а) Да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

10. Есть ли у вас предложения, которые могли бы учитываться при создании данной программы?

В анкете десятый вопрос был дан педагогам в свободной форме, позволяющей внести собственные предложения в программу управления адаптацией молодых педагогов в условиях дошкольной образовательной организации. Лишь два педагога ответили на этот вопрос. Сформулировать какие-либо предложения воспитатели затруднились, но выразили мнение, что при разработке программы помощи в адаптации молодых педагогов должны учитываться мнения, как молодых специалистов, так и более опытных коллег.

Итогом анализа результатов анкетирования являются следующие выводы:

1) трое из шести воспитателей имели проблемы адаптации в начале своей трудовой деятельности;
 2) моральная неподготовленность – наиболее частая проблема адаптации у тестируемых педагогов;
 3) все шесть педагогов считают, что молодому педагогу нужно помогать адаптироваться на месте работы;
 4) большинство педагогов считают, что адаптацией молодого педагога необходимо управлять;
 5) в данной дошкольной организации используют методы управления адаптацией молодых педагогов в недостаточной мере;

6) половина педагогов хотели бы, чтобы в организации управляли адаптацией молодых специалистов;

7) четыре педагога считают, что необходимо создать программу помощи адаптации молодого педагога и применять её индивидуально к каждому начинающему специалисту.

Вывод по тестированию: в дошкольной образовательной организации №35 г. Арзамаса программа управления адаптацией молодых педагогов находится на стадии развития и разработки.

Второй этап констатирующего эксперимента - анкетирование воспитателей. Подобрана анкета для молодого воспитателя дошкольной образовательной организации. Анкета направлена на более глубокое изучение педагогов и их отношение к профессии. Это поможет руководителю в управлении адаптацией молодых педагогов.

Проанализировав ответы педагогов на вопросы анкетирования, сделаны выводы:

1) профессию воспитателя педагоги выбрали благодаря любви к детям;
 2) главное в профессии воспитателя - видеть результат труда, уметь общаться с детьми, принимать и любить детей такими, какие они есть;
 3) воспитатель должен обладать такими личностными качествами, как доброта, выдержка, толерантность, ответственность;

4) в период адаптации большая часть педагогов испытывали страх не уследить за детьми и неуверенность в своих силах;

5) педагоги оценивают положительно различные стороны своей профессиональной подготовки;

6) отношение педагогов к выбранной профессии после начала профессиональной деятельности у большинства изменилось к лучшему;

7) в работе педагоги столкнулись с такими трудностями, как непонимание и безответственное отношение со стороны родителей;

8) педагоги больше всего нуждаются в помощи при повышенной утомляемости, снижению работоспособности, неуверенности в уровне своей профессиональной подготовки;

9) все педагоги положительно отзываются о взаимоотношениях в коллективе;

10) все педагоги в ближайшее время ставят перед собой цель постоянного профессионального роста, повышения категории;

11) воспитатели стараются использовать все возможные источники для повышения своего профессионального роста, в том числе мастер-классы, семинары и вебинары;

12) на педагогическом поприще педагоги хотели бы достичь уважения, видимого результата своих трудов;

13) на отношения педагогов к своей работе влияют все факторы, предоставленные в анкете;

14) в работе коллектива педагогов привлекает доверие, возможность профессионального роста;

15) педагогам хотелось бы изменить материальную базу детских образовательных организаций и уменьшить наполняемость групп;

16) если бы кому-либо из педагогов представилась возможность вновь выбрать профессию, все бы стали воспитателями.

Анализ полученных данных позволил более подробно изучить работу педагогов, их отношение к профессии и выявить проблемы, препятствующие успешной работе, в том числе адаптации в начале профессиональной деятельности. Это поможет руководителю организации в выборе методов управления адаптацией молодых педагогов, а также даст руководителю базовую информацию о своих подчинённых, что поможет находить индивидуальный подход к каждому сотруднику и учитывать их сильные и слабые стороны.

Список литературы / References

1. Адаптация персонала [Электронный ресурс]. – URL: <https://goo.gl/fd3FM8> (дата обращения: 6.12.2016).
2. Кибанов А. Я. Об управлении трудовой адаптацией / А. Я. Кибанов // Кадровик. – 2008. - № 2. – С. 4-7.
3. Мелихов Ю. Е. Управление персоналом: портфель надежных технологий: учеб.- практ. пособие. - М.: Дашков и К, 2010. – 342 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Adaptacija personala [Personnel adaptation] [Electronic resource]. – URL: <https://goo.gl/fd3FM8> (accessed: 6.12.2016). [in Russian]
2. Kibanov A. Ja. Ob upravlenii trudovoj adaptaciej [On the management of labor adaptation] / A. Ja. Kibanov // Kadrovik. – 2008. - № 2. – P. 4-7. [in Russian]
3. Melihov Ju. E. Upravlenie personalom: portfel nadezhnyh tehnologij: ucheb.- prakt. Posobie [Personnel management: portfolio of reliable technologies: teaching practical manual]. - M.: Dashkov i K, 2010. – 342 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.005>Худoley Г.С.¹, Ларин С.Н.²¹Кандидат экономических наук, главный специалист

АНО ДПО Институт международных стандартов учета и управления

²Кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник

ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №16-06-50014а(ф) «Модульные технологии подготовки квалифицированных специалистов: внедрение инновационных форм обучения, преимущества и перспективы, проблемы и пути их решения»

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБУЧАЮЩЕГО МОДУЛЯ**Аннотация**

В статье обосновано, что системообразующим элементом модульных технологий обучения является обучающий модуль. Уточнена современная трактовка понятия «модуль» и показана целесообразность его применения как современного инновационного педагогического инструментария развития модульных технологий обучения. Выявлены основные инновационные преимущества модульных технологий по сравнению с традиционными формами обучения. Представлено описание структурных характеристик обучающего модуля применительно к практике применения модульных технологий обучения в образовательном процессе.

Ключевые слова: модуль обучения, модульные технологии обучения, структурные характеристики, дидактический контент, тематическая единица.

Khudoley G.S.¹, Larin S.N.²¹PhD in Economics, Chief Specialist,

ANO DPE Institute of International Standards of Accounting and Management,

²PhD in Engineering, Leading Researcher,

FGBUS Central Economic Mathematical Institute RAS

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, Project №16-06-50014a (f)

"Modular technologies for training qualified specialists: introduction of innovative forms of training, advantages and prospects, problems and ways to solve them"

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF TRAINING MODULE**Abstract**

The paper proves that the training module is a core element of modular learning technologies. The modern interpretation of the "module" concept is specified and the expediency of its application as a modern innovative pedagogical tool for the development of modular learning technologies is shown as well. The main innovative advantages of modular technologies are revealed in comparison with traditional forms of education. The description of the structural characteristics of the training module is presented referred to the practice of applying modular learning technologies in the educational process.

Keywords: training module, modular training technologies, structural characteristics, didactic content, thematic unit.

Введение

Процесс информатизации всех сфер жизнедеятельности общества в современных условиях приобретает все большую важность и значимость. Вполне естественно, что он затронул и образовательную сферу, основной задачей которой во все времена была подготовка квалифицированных и компетентных специалистов. В качестве адекватного ответа на новые вызовы общественного развития в образовательной сфере сформировалась инновационная теория информационного модульного обучения. Одной из форм ее практической реализации стали модульные технологии обучения (МТО), которые могут разрабатываться как по отдельным образовательным дисциплинам, так и в рамках их комплекса в целях обучения и подготовки квалифицированных специалистов, обладающих требуемым набором профессиональных компетенций. Системообразующими элементами МТО являются обучающие модули. В данной статье будут конкретизированы и обоснованы основные структурные характеристики обучающего модуля.

Основная часть**1. Инновационные преимущества модульных технологий обучения**

Как показывает педагогическая практика, МТО обладают рядом инновационных преимуществ по сравнению с традиционными технологиями обучения и подготовки квалифицированных специалистов. Они заключаются в следующем. Во-первых, использование дидактического контента в рамках МТО предоставляет обучаемым более широкую самостоятельность в усвоении новых объемов знаний посредством выбора индивидуальных траекторий обучения по совокупности образовательных дисциплин той или иной профессиональной направленности. Во-вторых, применение МТО в образовательном процессе коренным образом преобразует функциональные составляющие деятельности педагогов и обучаемых, а именно: у педагогов основной акцент смещается с лекционной на консультационную деятельность; у контингента обучаемых появляется возможность вместо пассивного восприятия дидактического контента использовать активные методы его усвоения в процессе обучения. В-третьих, у педагогов, применяющих МТО в образовательном процессе, появляются дополнительные возможности для промежуточного контроля уровня усвоения дидактического контента контингентом обучаемых по завершении изучения каждого модуля. По результатам этого контроля для каждого обучаемого педагог может своевременно скорректировать индивидуальные траектории обучения по совокупности образовательных дисциплин той или иной профессиональной направленности. В-четвертых, применение МТО в образовательном процессе позволяет обучаемым более качественно усваивать новые объемы знаний по совокупности образовательных дисциплин путем пошагового изучения завершенных по содержанию дидактического контента модулей. В-пятых, применение МТО в образовательном процессе обеспечивает обучение и подготовку квалифицированных специалистов в соответствии с набором

требований по их будущей профессиональной специализации, что практически исключает необходимость их адаптации к конкретным видам профессиональной деятельности. В-шестых, использование МТО в процессе обучения и подготовки квалифицированных специалистов обеспечивает значительное повышение самостоятельности обучаемых в усвоении новых объемов знаний в соответствии с индивидуальными траекториями их обучения, а также более глубокое усвоение новых объемов знаний при помощи качественного промежуточного контроля и дополнительных возможностей взаимодействия с педагогом в процессе обучения [1].

2. Структурные характеристики модуля как основного элемента модульной технологии обучения

С позиций методического обоснования понятий в современной педагогике структуризация образовательных дисциплин на модули представляет собой важную часть всей системы профессионального образования, поскольку без этого подхода к получению новых знаний современная дидактическая система в части применения МТО не сможет успешно выполнять возлагаемые на нее функции подготовки компетентных специалистов [2].

Понятие «модуль» происходит от латинского слова *modulus*, которое в настоящее время трактуется разными специалистами как мера или мерная единица, имеющая измерение величина или коэффициент [3]. Основная цель структуризации образовательных дисциплин на модули заключается в разделении дидактического контента предметной области на отдельные тематические единицы в зависимости от решаемых ими педагогических и профессиональных задач, выборе для каждой тематической единицы наиболее эффективных форм и технологий ее изучения, а также согласование изучения тематических единиц по временным периодам и их объединение в модульных программах для изучения образовательных дисциплин. На этом основании можно считать, что модуль представляет собой интегративную форму разных видов обучения в рамках дидактического контента предметной области той или иной образовательной дисциплины. При этом пределы модуля зависят от включенного в него объема дидактического контента предметной области образовательной дисциплины, а также установленных при его формировании комплекса теоретических знаний, практических умений и навыков, необходимых обучаемым в будущей профессиональной деятельности.

Как правило, дидактический контент модуля отражает существо предметной области одной из тем образовательной дисциплины. Однако представленный в модуле дидактический контент должен быть четко структурирован, а сам модуль – логически завершенным. Это значит, что в модуле как отдельном элементе модульной программы обучения должны быть четко определены цели обучения, задачи и уровни изучения его дидактического контента, определены получаемые в результате обучения навыки и умения. Другими словами при использовании МТО каждый обучаемый должен четко знать цели своего обучения, а также связанные с ними основные понятия, навыки и умения, выражаемые в конкретных профессиональных компетенциях. Таким образом, в отличие от ранее применявшихся педагогических технологий применение МТО неразрывно связано с измерением всех компонентов образовательного процесса, включая и количественные меры оценки уровня усвоения контингентом обучаемых новых объемов знаний [4]. Для постоянного контроля уровня знаний обучаемых в МТО предусмотрены различные тесты, которые позволяют осуществлять контроль практически на всех этапах обучения.

В структурных характеристиках модуля как основного элемента МТО заложены его принципиальные отличия от применявшихся ранее систем обучения, а именно:

- дидактический контент предметной области образовательной дисциплины представлен в форме логически самостоятельных информационных модулей, изучение которых обучаемыми происходит в соответствии с заранее определенными целями;
- использование модулей в образовательном процессе коренным образом изменяет формы отношений между педагогами и контингентом обучаемых, позволяя при этом им осуществлять как коллективное, так и личностно направленное общение;
- применение МТО в образовательном процессе способствует увеличению времени самостоятельного изучения дидактического контента для всего контингента обучаемых, что стимулирует каждого обучаемого к самостоятельному планированию своего образования, повышению уровня его самостоятельности в организации того процесса, осуществлении его контроля и оценки уровня освоения знаний;
- наличие модулей способствует повышению индивидуальности образовательного процесса при организации изучения отдельных образовательных дисциплин каждым обучаемым.

В условиях организации образовательного процесса на основе применения МТО модуль выступает в качестве основного целевого функционального элемента, в котором дидактический контент предметной области образовательной дисциплины или их комплекса объединен при помощи информационной технологии его изучения в современную педагогическую систему, обладающую высоким уровнем логико-структурной цельности. С указанных позиций каждый модуль в современных МТО представляет собой завершенную логико-структурную форму тематической единицы дидактического контента предметной области образовательной дисциплины, в составе которой можно выделить познавательную и профессиональную характеристики. В этой связи следует учитывать, что функциональное содержание познавательной характеристики имеет преимущественно информационно-теоретическую направленность на усвоение обучаемыми новых объемов знаний, а функциональное содержание профессиональной характеристики имеет преимущественно деятельностно-практическую направленность на овладение обучаемыми профессиональными навыками и умениями на базе усвоенных ими знаний.

В среднем примерный объем изучения одного модуля образовательной дисциплины по модульной программе должен составлять от 8-ми до 16-ти академических часов лекционных занятий и количества часов самостоятельных занятий обучаемых, исходя из структуры и объема дидактического контента предметной области изучаемой дисциплины.

Заключение

Использование МТО в процессе обучения делает учебно-познавательную деятельность контингента обучаемых более целенаправленной и эффективной. Это происходит за счет взаимодействия представленного в учебно-методических планах и программах обучения структурированного дидактического контента и современных

информационной технологий, что позволяет индивидуализировать процесс обучения, осуществлять промежуточный и итоговый контроль уровня усвоения новых знаний, получать необходимые консультации со стороны педагога, а при необходимости корректировать индивидуальные траектории обучения. При этом модуль становится важным элементом всего образовательного процесса, поскольку он включает в себя дидактический контент предметной области образовательной дисциплины в разрезе тематических единиц, учебно-методический план его изучения, а также методическое сопровождение для педагога и обучаемых, в котором раскрывается последовательность достижения ими целей обучения.

Список литературы / References

1. Larin S.N., Stebenyaeva T.V., Lazareva L.Y. Practical application of modern educational technology in higher education. // «Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives». Proceedings of the 6-th International symposium (January 15, 2015). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. – 2015. – 328 P. – Pp. 82-87.
2. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016 - 2020 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р.
3. Гнитецкая Т.Н., Иванова Е.Б., Плотников В.С. Определение понятия учебного модуля и основы формирования его содержания на примере курса общей физики // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – №12.
4. Худолей Г.С., Ларин С.Н. Модульные технологии обучения как инновационная форма и инструментарий современных педагогических технологий // «Актуальные вопросы науки»: Материалы XXIV Международной научно-практической конференции (10.03.2016). – М.: Издательство «Спутник+», 2016. – 180 с. – С. 127-133.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Larin S.N., Stebenyaeva T.V., Lazareva L.Y. Practical application of modern educational technology in higher education. // «Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives». Proceedings of the 6-th International symposium (January 15, 2015). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. – 2015. – 328 P. – Pp. 82-87. [in Russian]
2. Konceptija Federal'noj celevoj programmy razvitiya obrazovaniya na 2016 - 2020 gody. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29.12.2014 g. # 2765-r. [The concept of the Federal target program of education development for 2016 - 2020 years. Approved by the Federal Government on December 29, 2014 № 2765-p]. [in Russian]
3. Gniteckaja T.N., Ivanova E.B., Plotnikov V.S. Opredelenie ponjatija uchebnogo modulja i osnovy formirovaniya ego soderzhaniya na primere kursa obshhej fiziki [Definition of a training module and the basis for the formation of its content on the example of the course of General Physics] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem [Recent studies of social problems]. – 2012. – #12. [in Russian]
4. Hudolej G.S., Larin S.N. Modul'nye tehnologii obuchenija kak innovacionnaja forma i instrumentarij sovremennyh pedagogicheskix tehnologij [Modular technology of training as an innovative form and tools of modern pedagogical technologies] // «Aktual'nye voprosy nauki»: Materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (10.03.2016) [«Actual problems of science»: Articles XXIV International scientific-practical conference (03/10/2016)]. – М.: «Sputnik+», 2016. – 180 p. – Pp. 127-133. [in Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в базу данных WorldCat.

WorldCat — крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. База создается совместными усилиями более чем 72 тыс. библиотек из 170 стран мира в рамках организации OCLC.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.004>Худолей Г.С.¹, Стебеньяева Т.В.²¹Кандидат экономических наук, главный специалист, ²кандидат экономических наук, ведущий специалист,
АНО ДПО Институт международных стандартов учета и управления*Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект №16-06-50014а(ф) «Модульные технологии подготовки квалифицированных специалистов: внедрение
инновационных форм обучения, преимущества и перспективы, проблемы и пути их решения»***МОДУЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА****Аннотация**

В статье представлены результаты исследования особенностей организации образовательного процесса на основе использования модульных технологий обучения. Выявлены и обоснованы инновационные свойства модульных технологий обучения, которые позволяют индивидуализировать образовательный процесс применительно к запросам обучаемых. Определено, что применение модульных технологий обучения основано на модульном принципе формирования образовательных программ и учебно-методических планов, а также структуризации дидактического контента образовательных дисциплин в рамках отдельных модулей. Показано содержание модульных программ обучения и наличие вариативности содержания модулей. Сделан вывод о том, что модульные технологии обучения являются одной из инновационных форм использования современного информационного инструментария в процессе обучения.

Ключевые слова: образовательный процесс, модульные технологии обучения, инновационные свойства.Khudoley G.S.¹, Stebenyayeva T.V.²¹PhD in Economics, Chief Specialist, ²PhD in Economics, Leading Specialist,
ANO DPE Institute of International Standards of Accounting and Management*The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, Project №16-06-50014a (f)
"Modular technologies for training qualified specialists: introduction of innovative forms of training, advantages
and prospects, problems and ways to solve them"***MODULAR DESIGN OF EDUCATIONAL PROCESS****Abstract**

The paper presents the result of the study of the educational process organization features based on the use of modular teaching technologies. The innovative properties of modular teaching technologies allowing to individualize the educational process in relation to the needs of trainees are revealed and grounded. It is found that the use of modular teaching technologies is based on the modular principle of the formation of educational programs and educational and methodical plans, as well as structuring of the didactic content of educational disciplines within individual modules. The content of modular training programs is shown and the content of modules is variable. The conclusion is as follows: the modular learning technologies are one of the innovative forms of modern information tools usage in the learning process.

Keywords: educational process, modular teaching technologies, innovative properties.**Введение**

Исторический опыт свидетельствует о том, что на каждом новом этапе развития общества происходит формирование новых запросов к образовательной системе, направленных, прежде всего, на подготовку квалифицированных специалистов в соответствии с потребностями нового устройства общества. На рубеже XX-XXI веков основной парадигмой развития общества стала информатизация практически всех сфер его жизнедеятельности. Этот процесс не мог обойти стороной образовательную сферу, поскольку без совершенствования ее развития оказалось практически невозможным получить ожидаемые результаты в развитии остальных сфер жизнедеятельности общества. В свою очередь, информатизация образовательной сферы стала отправной точкой для масштабных изменений и внедрения инновационных преобразований на всех уровнях образовательного процесса – от начального до высшего профессионального образования. В результате в качестве современного направления развития педагогической теории оформилась инновационная теория информационного модульного обучения, основными формами практической реализации которой стали модульные технологии обучения (МТО), формируемые как в рамках отдельных дисциплин, так и их комплекса для профессионального образования и подготовки квалифицированных специалистов разного профиля. В данной статье будут конкретизированы некоторые из ее основных положений, а также обоснованы особенности технологии модульного построения образовательного процесса.

Основная часть**1. Инновационные свойства модульных технологий обучения**

Основным назначением использования МТО в образовательном процессе является обеспечение его индивидуализации: по содержанию дидактического контента, по темпам усвоения новых знаний в процессе обучения, по уровню самостоятельности обучаемых, по методам и способам обучения, по формам промежуточного и итогового контроля, а также самоконтроля уровня усвоения новых знаний обучаемыми [1].

В числе основных инновационных свойств формирования МТО можно выделить следующие:

1) переход от традиционного обучения к деятельностному обучению;

Его реализация способствует повышению осознанного усвоения обучаемыми новых объемов знаний путем активных и систематических действий. При этом применение МТО преобразует образовательный процесс, делая его более управляемым и рефлексивным. Во многом это происходит благодаря четкому знанию педагогами предметной области изучаемой образовательной дисциплины или их комплекса, грамотной постановки ими целей изучения этой предметной области, эффективному применению методов мотивации обучаемых к практическому применению МТО

в качестве инновационных форм и современного педагогического инструментария, а также разработке системы промежуточного и итогового контроля уровня усвоения знаний контингентом обучаемых.

2) практическая реализация идеи развивающего обучения;

В соответствии с этим положением образовательный процесс представляется в форме цикличной спирали, когда завершение одного цикла (витка спирали) актуального развития обучаемого становится началом следующего цикла его развития, но уже на более высоком уровне. Применение МТО помогает реализовать это положение путем дифференциации дидактического контента изучаемой предметной области образовательной дисциплины на отдельные модули, определения различных временных периодов для их изучения, а также посредством применения разнообразных форм организации образовательного процесса (индивидуальной, в парах постоянного или переменного состава, групповой и т.д.).

3) использование современных информационных технологий и программных средств для формирования МТО;

При помощи реализации этого положения достигается: требуемая в образовательном процессе четкость и логичность действий обучаемых, поддерживается индивидуальный темп работы с дидактическим контентом предметной области образовательных дисциплин, осуществляется регулярный промежуточный контроль уровня усвоения новых знаний обучаемыми, стимулируется самоконтроль и взаимный контроль уровня усвоения ими новых знаний.

4) интенсификация и оптимизация образовательного процесса путем практического использования МТО;

Реализация этого положения способствует достижению желаемого результата в форме усвоения новых объемов знаний обучаемыми при минимальных затратах времени, сил и средств как со стороны педагога, так и со стороны контингента обучаемых [2].

2. Особенности построения образовательного процесса на основе модульных технологий обучения

Как известно, применение модульной структуры для формирования образовательных программ, использование в образовательном процессе МТО, внедрение кредитной системы и компетентного подхода в обучении являются важнейшими принципами Болонской декларации. Как свидетельствует международная практика, в современных условиях наиболее результативными становятся такие образовательные программы, в которых удалось органично совместить все указанные выше особенности построения образовательного процесса [3]. Только в этом случае можно говорить о подлинном внедрении инновационного педагогического инструментария и МТО в образовательный процесс.

Применение МТО в построении образовательного процесса следует рассматривать как способ его организации на основе использования модульного принципа формирования образовательных программ и учебно-методических планов, а также структуризации дидактического контента образовательных дисциплин в их рамках. Для повышения эффективности усвоения обучаемыми новых объемов знаний необходимо выполнять требования комплексного подхода, в соответствии с которыми модульный принцип должен использоваться при формировании как самих образовательных программ, так и учебно-методических планов, а также структуризации дидактического контента предметных областей образовательных дисциплин в разрезе отдельных модулей.

Отличительная особенность использования МТО заключается в том, что дидактический контент предметных областей образовательных дисциплин структурируется в отдельные, но взаимосвязанные между собой организационно-методические модули, объем дидактического контента предметных областей образовательных дисциплин в которых может изменяться в зависимости от дидактических целей обучения, профиля специализации и текущего уровня усвоения обучаемыми новых объемов знаний [4]. При этом эффективность обучения будет значительно выше, если удастся найти такое сочетание модулей, которое обеспечит достаточную гибкость при выборе конкретного дидактического контента предметных областей образовательных дисциплин для обучения определенного контингента обучаемых и самостоятельного усвоения ими новых объемов знаний путем достижения дидактических, специальных и профессиональных целей в ходе образовательного процесса.

Изменение общепринятой структуры образовательных программ и устоявшихся подходов к организации образовательного процесса в высшей школе сегодня требует определенных усилий от педагогического сообщества для его ускоренной адаптации и перехода к практическому использованию МТО. Применение модулей при формировании образовательных программ является еще одной важной особенностью использования МТО для индивидуализации образовательных траекторий усвоения новых объемов знаний обучаемыми и открытия для них возможности мобильного обучения в рамках международных процессов интеграции образовательных систем разных стран.

В качестве еще одной особенности построения образовательного процесса на основе применения МТО следует отметить достаточно вариативный состав модулей, используемых в рамках образовательных программ [5]. Так, в МТО могут входить такие виды модулей:

1) модули базовых дисциплин, которые обязательны для изучения всего контингента обучаемых и предназначены для формирования общепрофессиональных компетенций, не связанных с конкретной специальностью непосредственно;

2) модули профильных дисциплин, которые обязательны для изучения по специальности, поскольку в них представлен дидактический контент, составляющий основной объем знаний по конкретной специальности и направленный на формирование у контингента обучаемых заданного уровня профессиональных компетенций;

3) дополнительные модули по индивидуальному выбору в рамках конкретной специальности, в которых представлен дидактический контент, направленный на формирование у контингента обучаемых дополнительных профессиональных компетенций в рамках этой специальности;

4) дополнительные модули по индивидуальному выбору, которые не относятся к конкретной специальности, но направлены на формирование у контингента обучаемых дополнительных компетенций, востребованных в будущей профессиональной деятельности (информационные технологии, иностранные языки и др.).

При организации образовательного процесса на основе МТО сначала формируется модульная программа обучения по конкретной специальности, которая включает в свой состав модульный учебно-методический план и комплекс модульных программ для изучения образовательных дисциплин, входящих в этот план.

Модульный учебно-методический план для конкретной специальности и уровня профессионального образования делится на ряд специализированных частей гуманитарной, общетехнической, естественнонаучной и профессиональной направленности, которые, в свою очередь, включают в себя различные наборы образовательных дисциплин. В частности они могут быть представлены набором дисциплин обязательных для изучения по конкретной специальности, дополнительных дисциплин по выбору обучаемых в рамках изучения специальности, а также дисциплин по выбору обучаемых, изучение которых не является обязательным по конкретной специальности. В составе модульных программ для изучения образовательных дисциплин представлены комплексы модулей обучения, которые содержат необходимый дидактический контент по каждой тематической единице предметной области изучаемых дисциплин, систему управления действиями обучаемых по его изучению, методические рекомендации по изучению каждой тематической единицы предметной области, а также систему контроля уровня знаний обучаемых дидактического контента каждой тематической единицы предметной области изучаемых дисциплин.

Модульные программы для изучения образовательных дисциплин имеют принципиальные отличия от традиционных программ обучения. Прежде всего, в модульных программах для изучения образовательных дисциплин четко регламентируется время аудиторного обучения и время самостоятельного изучения тематических единиц предметной области образовательных дисциплин. Такой подход освобождает педагога от выполнения им значительной части информационных функций.

В общем случае схема формирования модульных программ для изучения образовательных дисциплин включает в себя ряд составляющих, а именно:

- конкретные цели и задачи обучения;
- полный состав требований к уровню компетенций обучаемых по окончании изучения образовательных дисциплин;
- основные характеристики для каждого модуля дисциплины: перечень тематических единиц предметной области, краткий дидактический контент по каждой тематической единице, учебно-методические планы лекционных, семинарских и практических (лабораторных) занятий, темы курсовых работ и контрольных заданий, график их выполнения и сдачи;
- краткие характеристики основных организационно-методических форм и методов обучения и контроля уровня усвоения новых объемов знаний контингентом обучаемых;
- описание системы оценки уровня знаний контингента обучаемых.

В составе модульных программ для изучения образовательных дисциплин может быть практически любое число модулей. Их количество, как правило, определяется в зависимости от объемов дидактического контента, характеризующего предметные области различных дисциплин, а также его структуризации на отдельные модули. В учебно-методическом плане число модулей в рамках программ изучения различных дисциплин разбивается на один или несколько академических периодов обучения.

При этом процесс изучения образовательных дисциплин по модульным программам в каждом академическом периоде должен предусматривать промежуточный или итоговый контроль уровня знаний обучаемых.

Заключение

Организация образовательного процесса на основе применения МТО повышает уровень самостоятельности обучаемых и открывает для них дополнительные возможности самореализации за счет повышения их мотивации к обучению. Кроме того, МТО позволяет каждому обучаемому гарантированно усвоить объемы новых знаний в соответствии с основными требованиями новых образовательных стандартов. Тем самым модульное построение образовательного процесса наполняет его индивидуализированными по содержанию методами обучения, способствует повышению уровня самостоятельности обучаемых, а также позволяет грамотно дозировать учебно-познавательную нагрузку каждого обучаемого и осуществлять контроль уровня усвоения им новых объемов знаний в процессе обучения.

На основании изложенного можно заключить, что МТО являются одной из инновационных форм использования современного информационного инструментария для развития педагогических технологий. Их применение в практической деятельности ВУЗов по подготовке и обучению квалифицированных специалистов способствует усвоению контингентом обучаемых большего объема новых знаний за счет: отсутствия обусловленности организации образовательного процесса от временных, пространственных, бытовых, социальных и ряда других факторов; развития самостоятельных форм и методов обучения; повышения мотивации обучаемых посредством успешного обучения на достижение конкретных целей и решение задач будущего трудоустройства; обеспечения реализации полученных знаний в практической деятельности.

Список литературы / References

1. Королева В.В. Модульное обучение как один из способов повышения качества подготовки специалиста // Молодой ученый. – 2015. – №3. – С. 787-790.
2. Худoley Г.С., Стебеньева Т.В. Модульные технологии обучения как инновационные составляющие современных педагогических технологий // Международный научно-исследовательский журнал. – № 2(44). – Ч. 4, Февраль. – 2016. – С. 53-56.
3. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016 - 2020 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2014 г. № 2765-р.
4. Гнитецкая Т.Н., Иванова Е.Б., Плотников В.С. Определение понятия учебного модуля и основы формирования его содержания на примере курса общей физики // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – №12.

5. Чибиков А.С. Проблемно-модульная технология в профессиональном обучении высокотехнологичным профессиям и специальностям // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Том 4. – № 2 [Электронный ресурс]. URL - <http://mir-nauki.com/PDF/10PDMN216.pdf> (дата обращения 09.02.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Koroleva V.V. Modul'noe obuchenie kak odin iz sposobov povysheniya kachestva podgotovki specialista [Modular training as a way to improve the quality of specialist training] // Molodoj uchenyj [Young scientist]. – 2015. – #3. – Pp. 787-790. [in Russian]

2. Hudolej G.S., Stebenjaeva T.V. Modul'nye tehnologii obucheniya kak innovacionnye sostavljajushhie sovremennyh pedagogicheskikh tehnologij [Modular technology of training as innovative components of modern pedagogical technologies] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – # 2(44). – Ch. 4, Fevral'. – 2016. – Pp. 53-56. [in Russian]

3. Konceptiya Federal'noj celevoj programmy razvitiya obrazovaniya na 2016 - 2020 gody. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29.12.2014 g. # 2765-r. [The concept of the Federal target program of education development for 2016 - 2020 years. Approved by the Federal Government from 29.12.2014, № 2765-p]. [in Russian]

4. Gniteckaja T.N., Ivanova E.B., Plotnikov V.S. Opredelenie ponjatija uchebnogo modulja i osnovy formirovaniya ego soderzhaniya na primere kursa obshhej fiziki [Definition of a training module and the basis for the formation of its content on the example of the course of General Physics] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem [Recent studies of social problems]. – 2012. – # 12. [in Russian]

5. Chibakov A.S. Problemno-modul'naja tehnologija v professional'nom obuchenii vysokotehnologichnym professijam i special'nostjam [Problem-modular technology in the professional training of high-tech professions and specialties] // Internet-zhurnal «Mir nauki» [Internet magazine «World of Science»]. – 2016. – Том 4. – # 2 [Electronic resource]. URL - <http://mir-nauki.com/PDF/10PDMN216.pdf> (accessed: 09.02.2017). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.061>

Чистякова Н.Н.¹, Лашкова Г.Н.²

¹ORCID: 0000-0003-1756-7452, Кандидат педагогических наук, доцент,

²ORCID: 0000-0001-9952-8902, Старший преподаватель,

Череповецкий государственный университет

К ВОПРОСУ О ДИАГНОСТИКЕ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИКИ К ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

Подготовка бакалавров в высших учебных заведениях на современном этапе развития образования требует постоянной диагностики сформированности профессиональных компетентностей обучающихся, среди которых серьезное внимание уделяется готовности бакалавров педагогики к формированию гражданской идентичности младших школьников. Предметом диагностики является оценка результатов деятельности обучающихся. Основными методами диагностирования можно считать тестирование, рейтинговая оценка самостоятельной работы, анкетирование обучающихся. С точки зрения результативности проведенной диагностики является использование самооценки и оценка педагога.

Ключевые слова: ФГОС ВО, гражданская идентичность, готовность, педагогическая диагностика, этапы диагностики.

Chistiakova N.N.¹, Lashkova G.N.²,

¹ORCID: 0000-0003-1756-7452, PhD in Pedagogics, Associate Professor,

²ORCID: 0000-0001-9952-8902, Assistant Professor,

Cherepovets State University

ON THE DIAGNOSTICS OF BACHELORS' IN EDUCATION APTITUDE TO DEVELOP CIVIL IDENTITY OF PRIMARY SCHOOLCHILDREN

Abstract

Bachelor training at the present stage of higher education development demands constant diagnostics of students' professional competences, where much attention is given to the aptitude of undergraduate students who are being trained in Education to develop civil identity of primary school children. The subject of diagnostics is students' activities results assessment. The main methods of diagnostics are testing, ranking score of students' independent work, questionnaires. Regarding effectiveness of the performed diagnostics we consider self-assessment and professors' assessment.

Keywords: FSES HE, civil identity, aptitude, pedagogical diagnostics, stages of diagnostics.

Формирование гражданской идентичности в современном мире является приоритетным вопросом государственной политики. Особую значимость, на наш взгляд, он приобретает в начальной школе и, соответственно, в подготовке будущих учителей к профессиональной деятельности.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) рассматривают вопросы готовности бакалавров к формированию гражданской идентичности младших школьников как часть компетентности педагога.

В социологическом словаре [4] гражданская идентичность определяется, как «1) осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющие для индивида значимый смысл; 2) феномен

надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующее ее как коллективного субъекта».

Категория «готовность» [3, С. 136–147] – это конечный продукт компетентности педагога, состояние и качество профессионала, условие его включения в педагогическую деятельность, что соответствует требованиям Профессионального стандарта.

Подготовка бакалавров, кроме повышения качества обучения, требует постоянного исследования готовности их к профессиональной деятельности, в частности к формированию гражданской идентичности младших школьников, что является предметом рассмотрения в данной статье. Согласно специфике указанной готовности, методы диагностики должны адекватно оценивать ее уровень. К таким методам можно отнести тестирование, рейтинговую оценку самостоятельной работы, анкетирование обучающихся и др.

Обращаясь к определению "педагогическая диагностика", следует взять за основу понятие данное В.С. Аванесовым [1, С.122], который рассматривает педагогическую диагностику как систему "...специфической деятельности педагогов и педагогических коллективов, призванная выявить определенные свойства личности для оценки (измерения) результатов воспитания, образования и обучения". На наш взгляд, данное определение является наиболее емким и содержательным.

Диагностика уровня готовности бакалавров педагогики к формированию гражданской идентичности младших школьников может включать несколько этапов.

Первый этап содержит постановку цели диагностирования, критериев и уровней указанной готовности бакалавров.

Главная цель этапа – получить оперативную информацию о готовности бакалавров эффективно использовать технологии формирования гражданской идентичности младших школьников. Критериями являются [2, С.11-12]: мотивационный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий. Показателями оценки критериев готовности явились умения: использовать современные научно - обоснованные приемы, методы и средства формирования гражданской идентичности; планировать и осуществлять учебную/внеучебную деятельность с учетом направленности на её формирование; применять диагностический инструментарий; включать учеников в деятельность школы, города, области; использовать систему информационного обеспечения, позволяющую эффективно управлять процессом воспитания гражданственности у младших школьников.

Указанные критерии и показатели позволили определить уровни (высокий, средний, ниже среднего, низкий) готовности бакалавров к формированию гражданской идентичности младших школьников:

- высокий уровень: готовность полностью соответствует указанным показателям;
- средний уровень: готовность частично соответствует указанным показателям;
- уровень ниже среднего: готовность соответствует 50% указанных показателей;
- низкий уровень: готовность не соответствует указанным показателям.

Второй этап включает определение методов и методического инструментария диагностирования.

В эмпирическом исследовании участвовали бакалавры 3-4 курсов по направлению подготовки - педагогическое образование, профиль - начальное образование. Для диагностики были выбраны: тестовая оценка знаний, рейтинговая оценка самостоятельной работы студента, анкетирование. Для выявления уровня указанной готовности бакалавров были использованы методики: Кто Я? (тест); «Мое отношение к малой родине» (анкета).

Основная цель тестирования - получение объективной информации о результатах подготовки обучающихся в виде ответов на задания. Использованы различные типы тестов – закрытые и открытые. По форме закрытые тесты подразделяются на тесты с альтернативными ответами, множественного выбора, становления соответствия, восстановления последовательности. Рейтинговая оценка самостоятельной работы осуществлялась нами на основе комплекса заданий и технологической карты дисциплин. Анкетирование включало вопросы из области знаний, необходимых для формирования готовности бакалавров к формированию гражданской идентичности младших школьников.

Третий этап содержит диагностическую работу. Для тестирования и анкетирования выделяется определенное время на практическом занятии. Рейтинговая оценка проводилась в течение семестра и учитывалась при итоговой аттестации (на экзамене, зачете).

Четвертый этап представляет собой анализ полученных результатов исследования. В качестве формы анализа результатов диагностики использовались таблицы и диаграммы, которые послужили основой для оценки каждого студента в отдельности и всех испытуемых. Анализ проведенного нами исследования показал невысокий уровень готовности бакалавров к формированию гражданской идентичности младших школьников. Так, большинство (32,3 %) студентов обладают средним уровнем готовности; 30,7% имеют низкий уровень; 29,7% - высокий и 7,3% - ниже среднего. Только 13,3% будущих учителей уверены в своей готовности осуществлять соответствующую деятельность.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости проведения дальнейшей работы по совершенствованию готовности бакалавров к формированию гражданской идентичности обучающихся в начальной школе.

Одним из средств, позволяющих выпускнику овладеть указанной готовностью, является научно - методическое обеспечение учебного процесса, под которым мы понимаем планирование, разработку и создание оптимальной системы (комплекса) учебно-методической документации и учебно-методических средств обучения.

На наш взгляд, научно - методическое обеспечение учебного процесса будет способствовать эффективной подготовке бакалавров к формированию гражданской идентичности младших школьников при соблюдении следующих педагогических условий:

- планирование, разработка и создание учебно - методических материалов (УММ);
- внедрение УММ в учебный процесс.

Учебно - методические материалы могут включать: рабочий учебный план; программы дисциплин; методические указания по изучению дисциплин и подготовке к различным видам занятий, текущему контролю знаний и промежуточной аттестации; учебные пособия; дидактические материалы для самоконтроля, текущего контроля знаний и промежуточной аттестации (сборники заданий, контрольных работ, тесты для самоконтроля и т.п.); практикумы. В состав УММ могут также включаться дополнительные информационные ресурсы: учебные (учебники, учебные пособия, тексты лекций, хрестоматии), информационно-справочные (справочники, словари, в том числе терминологические) и другие материалы.

Работа по указанному направлению, на наш взгляд, будет эффективно влиять на уровень подготовки будущих учителей к формированию гражданской идентичности младших школьников.

Список литературы / References

1. Аванесов В.С. Композиция тестовых заданий : учебная книга / В.С. Аванесов. - Изд. 3-е, доп. - М.: Центр тестирования, 2002. - 240 с. ISBN 5-94635-071-4
2. Маслова Т.М. Патриотическое воспитание младших школьников / Т.М. Маслова // Национально-региональный компонент: ежемесячный научно-методический журнал «Начальная школа» - М, 2007. - № 4. - С.11-12 doi:10.12737/issn.1998-0728
3. Чистякова Н.Н., Лашкова Г.Н. Формирование у бакалавров педагогики (направление подготовки - начальное образование) готовности к воспитанию патриотизма младших школьников / Н.Н. Чистякова, Г.Н. Лашкова // Крымский научный вестник. - 2016. - № 3 (9). - С. 136-147.
4. Социологический словарь. URL: http://mirslovarei.com/content_soc/identichnost-grazhdanskaja-11418.html (дата обращения: 10.01.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avanesov V.S. Kompozicija testovyh zadaniy: uchebnaja kniga [Composition of test tasks] / V.S. Avanesov. 3rd edition, dop. - M.: Centr testirovaniya, 2002. - 240, p. ISBN 5-94635-071-4. [in Russian]
2. Maslova T.M. Patrioticheskoe vospitanie mladshih shkol'nikov [Patriotic education of younger schoolchildren] / T.M. Maslova // Nacional'no-regional'nyj komponent: ezheemesjachnyj nauchno-metodicheskij zhurnal «Nachal'naja shkola» - M, 2007. - № 4. - P.11-12 10.12737/issn.1998-0728. [in Russian]
3. Chistjakova N.N., Lashkova G.N. Formirovanie u bakalavrov pedagogiki (napravlenie podgotovki - nachal'noe obrazovanie) gotovnosti k vospitaniju patriotizma mladshih shkol'nikov [The formation of bachelors of pedagogy (direction of preparation - elementary education), readiness, and education of patriotism to the younger students] / N.N. Chistjakova, G.N. Lashkova // Krymskij nauchnyj vestnik. - 2016. - № 3 (9). - P. 136-147. [in Russian]
4. Sociologicheskij slovar' [Sociological dictionary]. - URL: http://mirslovarei.com/content_soc/identichnost-grazhdanskaja-11418.html (accessed: 10.01.2017). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.051>

Чоросова О.М.¹, Герасимова Р.Е.², Соломонова Г.С.³

¹Доктор педагогических наук, ²Кандидат педагогических наук, ³начальник отдела научных исследований и проектов ИНПО СВФУ, Северо-Восточный федеральный университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация.

Определены методологические основания исследования феномена непрерывного профессионального образования, в качестве которых выступают системно-функциональный, интегративный, социально-педагогический подходы; роль и место ДПО в контексте социально-экономического развития РС (Я); обобщены результаты опроса населения РС (Я) по выявлению его отношения к дополнительному профессиональному образованию, а также опроса среди педагогов РС (Я) по оценке качества современного образования; собраны, изучены и обобщены статистические и документальные материалы, отражающие состояние и динамику развития региональной системы ДПО РС (Я); разработана модель интегративной системы непрерывного профессионального образования с апробацией на базе ИНПО СВФУ; выявлены особенности развития системы ДПО в РС (Я); разработаны теоретические основания развития интегративной системы непрерывного профессионального образования: сущность и содержание, приоритетные функции, базовые характеристики, цель и стратегии, принципы развития; концепция и модель развития интегративной системы непрерывного профессионального образования РС (Я); разработаны методические рекомендации.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, интегративная система непрерывного профессионального образования, трансформация, глобальные тренды, человеческий потенциал, трудовые ресурсы, безграничная сетевая образовательная организация.

Chorosova O.M.¹, Gerasimova R.E.², Solomonova G.S.³

¹PhD in Pedagogy, ²PhD in Pedagogy, ³Head of the Department of Scientific Research and INPO NEFU projects, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract

This study implemented the systemic-functional, integrative methodological and socio-pedagogical approaches to the study of the phenomenon of continuing professional education, and its role and place in the context of socio-economic development of the Republic of Sakha (Yakutia). We conducted the survey both of the general population of the republic and

their evaluation of the continuing professional education and of teachers in order to assess the quality of modern education. Additionally, we collected, analyzed and summarized the official documents and statistics that reflect the conditions and dynamics of development of regional vocational training in Sakha Republic. These analyses assisted in outlining of the preliminary model and guidelines of an integrative system of continuing professional education at the Institute of Continuing Professional Education NEFU, the specifics of continuing education development in the area, and the theoretical foundation of an integrative system of continuous professional education (its nature and content, prioritized functions, basic characteristics, goals and strategic development principles).

Keywords: continuing professional education, integrative system of continuing professional education, transformation, global trends, human capital, human resources, unlimited network, educational organization.

В 2016 г. в рамках Второй Комплексной научной экспедиции РАН в Республике Саха (Якутия) отдельное исследование проводилось по оценке региональной системы образования, в том числе проведено изучение современного состояния и особенностей развития системы дополнительного профессионального образования в Республике Саха (Якутия) в соответствии с социально-экономическим развитием региона. Подробный отчет о результатах научно-исследовательской работе, проведенной сотрудниками Института непрерывного профессионального образования Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова доступен на сайте университета [1].

Сложности в определении **методологических подходов** к изучению данной темы объясняются существующими сегодня тенденциями в изучении непрерывного образования, основным компонентом которого является дополнительное профессиональное образование: «Методология исследования непрерывного образования во многом является до конца не познанной, и в педагогике это область знаниевых лакун, заполнить которые можно лишь коллективными усилиями, дискуссионными обсуждениями проблем методологического характера» [2]. Одна из них связана с тем, что в исследованиях непрерывного профессионального образования и сегодня уделяется недостаточное внимание личностному подходу: «Исследованиям непрерывного образования недостает внимания к комплементарности непрерывного образования, к его подчас неожиданным эффектам, к отклонениям от заданного институциями курса на развитие тех или иных свойств личности, на анализе не достигнутых результатов» [2].

Исследователи поднимают в работах вопросы, связанные с интегративным и междисциплинарным подходами к исследованию дополнительного профессионального образования в контексте непрерывного образования: «Появления неклассической методологии исследования обучения в течение жизни следует ожидать на пересечении различных областей знания, поскольку она должна приобрести *междисциплинарный характер*» [3].

В работе использован комплекс количественных и качественных **методов исследования**: изучение научной литературы, нормативных правовых документов; статистических данных в области ДПО, аналитических материалов, анкетирование, опрос, интервью и др.

Рассмотрение непрерывного профессионального образования в качестве социального института обуславливает актуальность интегративного подхода [4], предполагающего использование комплекса методов, интеграцию возможностей различных областей научного знания: «одновременно с системными объектами (наукой, техникой, производством, образованием, человеком, природой, обществом и др.) происходит уплотнение, новообразование, взаимопроникновение в самой методологии, усложнение ее инфраструктуры, междунучного взаимодействия универсального типа на основе теории и практики интеграции и дифференциации в обосновании системных объектов» [5, с. 8].

В понятие *непрерывное профессиональное образование* интегрированы и непрерывность образования – Lifelong Learning (LLL), и дополнительное профессиональное образование как неотъемлемый компонент непрерывного образования: «Непрерывное ДПО – это дополнительное профессиональное образование, в основе которого заложен принцип непрерывности, направленной на компенсацию недостающего профессионального знания у специалистов, возникающего в силу объективного отставания базового образования от потребностей динамично развивающейся практики» [6, с. 6].

Основные результаты работы: определены методологические основания исследования феномена непрерывного профессионального образования, в качестве которых выступают системно-функциональный, интегративный, социально-педагогический подходы; роль и место ДПО в контексте социально-экономического развития РС (Я); выявлены особенности развития системы ДПО в РС (Я); собраны, изучены и обобщены статистические и документальные материалы, отражающие состояние и динамику развития региональной системы ДПО РС (Я); проведен опрос населения Якутии для выявления его оценки современного состояния дополнительного профессионального образования в Якутии (более 3000 чел.); социологическое исследование среди педагогов республики с охватом более 1000 чел.; разработана модель интегративной системы непрерывного профессионального образования с апробацией на базе ИНПО СВФУ [7], [8]; определены ее приоритетные функции, базовые характеристики, цель и стратегии, принципы развития.

В ходе исследования выявлены индикаторы и показатели региональной системы дополнительного профессионального образования, в том числе: удельный вес трудоспособного населения, охваченного ДПО, в общей численности населения – 33,9%; количество образовательных организаций, реализующих дополнительные профессиональные программы – 67; число институтов ДПО – 4; число образовательных центров – 20; удельный вес организаций ДПО, имеющих собственные типовые здания – 4,4% и др. Среди получивших дополнительное профессиональное образование в форме повышения квалификации и профессиональной переподготовки лидируют определенные социально-профессиональные группы: госслужащие, врачи, педагоги, юристы, а также инженерные кадры. Значительно меньше охват дополнительным профессиональным образованием рабочих кадров. Достаточно низкий уровень повышения квалификации у предпринимателей.

В регионе выявлено противоречие между имеющимся потенциалом (наличие кадровых, научно-методических и материально-технических, информационно-коммуникационных и др. ресурсов) для реализации современных форм

дополнительного профессионального образования, включая сетевое, дистанционное образование, электронное обучение и отсутствием запроса со стороны организаций и предприятий реального сектора экономики, социальной сферы и бизнеса на обучение своих кадров на территории РС (Я) силами и ресурсами лицензированных образовательных организаций, реализующих дополнительные профессиональные программы.

На ближайшую перспективу обозначены следующие задачи в сфере непрерывного профессионального образования:

1. Комплексная оценка основных тенденций развития региональной системы дополнительного профессионального образования РС (Я);
2. Создание эффективной системы опережающего дополнительного профессионального образования с широким использованием технологий дистанционного образования, электронного обучения и сетевого образования;
3. Формирование региональной интегративной системы непрерывного профессионального образования, развивающей человеческий потенциал и обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Республики Саха (Якутия).

Решение этих задач обуславливается необходимостью:

- устранения диспропорций между требованиями Проффессиональных стандартов, компетенциями, формируемыми в соответствии с образовательными стандартами (ФГОС), квалификационными запросами компаний и предприятий региона и квалификационными дефицитами работающих специалистов;
- адаптации и развития трудовых ресурсов в соответствии с Национальной рамкой квалификацией РФ в условиях объективных трансформационных процессов; развития человеческого потенциала в интересах устойчивого развития РС (Я), северо-восточного региона РФ.

Социально-экономическая значимость решения поставленных задач заключается в том, что будут создаваться условия для обеспечения доступности и качества дополнительного профессионального образования в РС (Я); разработаны механизмы: синхронизации тенденции развития дополнительного профессионального образования с квалификационными запросами предприятий и организаций реального сектора экономики, социальной сферы и бизнеса, потребностью региональной экономики в трудовых кадрах, ориентированности дополнительных профессиональных программ на требования профессиональных стандартов; опережающее обучение в соответствии с насущными и прогнозируемыми потребностями территорий республики в трудовых кадрах.

Интегративность системы непрерывного профессионального образования СВФУ обуславливается и сетевым характером реализации непрерывного профессионального образования, ее субъектными компонентами, которыми выступают субъекты различных сфер общества, не только образования. Личность также и прежде всего интегрирована в эту систему: сегодня дополнительное профессиональное образование должно гибко и мобильно реагировать на образовательные запросы общества, рынка труда и личности, в конечном счете определяясь необходимостью решения глобальных задач развития человеческого капитала республики для моделирования, проектирования ее будущего.

Основные выводы и рекомендации.

В результате исследования были сделаны выводы о необходимости: 1) формирования устойчивой обратной связи между государством, основными потребителями образовательных услуг и самой системой ДПО посредством мониторинга эффективности деятельности образовательных учреждений и разработки процедур независимой оценки качества образовательных услуг; 2) регулярной экспертизы ДПП, реализуемых образовательными организациями, на основе Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 1 июля 2013 г. № 499); 3) изучения представлений работодателей о новых подходах в разработке и реализации ДПП, спроса со стороны реального сектора экономики, бизнеса и социальной сферы на квалификации специалистов, спроса работодателей на программы непрерывного обучения персонала, а также оценки возможных барьеров и ограничений доступности подобных услуг; 4) развития государственно-общественного партнерства в развитии инновационных образовательных кластеров; 5) внедрения в деятельность образовательных организаций в сфере ДПО, независимо от форм собственности, статистического инструментария МОиН РФ, утвержденного Приказом Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) №409 от 10 августа 2016 года; 6) разработки единой Концепции развития системы ДПО в регионе.

Список литературы / References

1. Отчет НИР ИНПО за 2016 г. / Составители: Чоросова О.М., Герасимова Р.Е., Соломонова Г.С. Электронный ресурс. URL: <https://s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/instituty/ipkp/folder/> (дата обращения 20.01.2017 г.)
2. Роботова А.С. О некоторых вопросах методологии изучения феномена «непрерывное образование» // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный ежеквартальный журнал. – 2014. – Вып. 2 (6). – С. 1-15. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://LLL21.petrstu.ru> (дата обращения 20.12.2016 г.)
3. Колесникова И. А. Непрерывное образование как феномен XXI века: новые ракурсы исследования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 1. URL: <http://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=1941> (дата обращения 18.12.2016 г.)
4. Симонова Т.М. Интегративный подход к исследованию социальных проблем. Электронный ресурс. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/04/28/1214162178/Simonova_2009_N1-5.pdf (дата обращения 18.12.2016 г.)
5. Беляева А.П. Интегративная теория и практика многоуровневого непрерывного профессионального образования. - СПб.: Институт профтехобразования РАО, 2002. - 240 с.
6. Белова Е.Н. Теоретико-методологические основы непрерывного и дополнительного профессионального образования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. - №4 (26). – С. 64-68. Электронный ресурс. URL: cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-nepreryvnogo-i-dopolnitelnogo-professionalnogo-obrazovaniya. (дата обращения 18.12.2016 г.)
7. Чоросова О.М. Непрерывное профессиональное образование педагогов в Республике Саха (Якутия) // Педагогика. 2015. №10. С. 65-69.

8. Chorosova Olga M., Gerasimova Rozaliia E., Solomonova Galina S., Zakharova Nadezda I. Northern Teacher in Conditions of the Current Renewal Processes in Education // The European Proceedings of Social&Behavioral Sciences EpSBS eISSN: 2357-1330; Future Academy, 2016; IFTE 2016: 2nd International Forum on Teacher Education. [Electronic resource]. URL: <http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/IFTE2016VolumeXII>. (accessed: 14.11.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Otchet NIR INPO za 2016 g. [Research Report of the Institute of Continuing Professional Education] / Sostaviteli: Chorosova O.M., Gerasimova R.E., Solomonova G.S. [Electronic resource]. URL: <https://s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/instituty/ipkp/folder/>. (accessed: 20.01.2017). [in Russian].

2. Robotova A.S. O nekotorykh voprosakh metodologii izuchenija fenomena «nepreryvnoe obrazovanie» [On some Issues of Methodology for Studying the Phenomenon of "Continuing Education"] // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek: nauchnyj elektronnyj ezhekvartal'nyj zhurnal [Continuing Education: XXI century]. – 2014. – V. 2 (6). – S. 1-15. [Electronic resource] URL: <http://LLL21.petsu.ru> (accessed: 20.12.2016). [in Russian]

3. Kolesnikova I. A. Nepreryvnoe obrazovanie kak fenomen XXI veka: novye rakursy issledovaniya [Continuing Education as a Phenomenon of the XXI century: new perspectives of Research] // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. [Continuing Education: XXI century]. 2013. V. 1. [Electronic resource] URL: <http://lll21.petsu.ru/journal/article.php?id=1941> (accessed: 18.12.2016). [in Russian]

4. Simonova T.M. Integrativnyj podhod k issledovaniju social'nyh problem. [The integrative approach to the study of social problems]. [Electronic resource]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/04/28/1214162178/Simonova_2009_N1-5.pdf (accessed: 18.12.2016). [in Russian]

5. Beljaeva A.P. Integrativnaja teorija i praktika mnogourovnevnogo nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya [Integrative Theory and Practice of Multilevel Continuous Professional Education]. - Spb.: Institut proftehhobrazovaniya RAO, 2002. -240 s. [in Russian]

6. Belova E.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy nepreryvnogo i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Theoretical and methodological bases of continuing and further vocational training] // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University]. – 2013. - №4 (26). – S. 64-68. [Electronic resource]. URL: cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-nepreryvnogo-i-dopolnitel'nogo-professional'nogo-obrazovaniya. (accessed: 18.12.2016). [in Russian]

7. Chorosova O.M. Nepreryvnoe professional'noe obrazovanie pedagogov v Respublike Saha (Jakutija) [Continuing Professional Education of Teachers in the Republic of Sakha (Yakutia)] // Pedagogika. [Pedagogy]. 2015. №10. S. 65-69. [in Russian].

8. Chorosova Olga M., Gerasimova Rozaliia E., Solomonova Galina S., Zakharova Nadezda I. Northern Teacher in Conditions of the Current Renewal Processes in Education // The European Proceedings of Social&Behavioral Sciences EpSBS eISSN: 2357-1330; Future Academy, 2016; IFTE 2016: 2nd International Forum on Teacher Education. [Electronic resource]. URL: <http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/IFTE2016VolumeXII>. (accessed: 14.11.2016).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.087>

Зайцева Л.А.

Аспирант, Красноярского государственного института искусств

ОРГАНЫЕ ТАБУЛАТУРЫ П. АТТЕНЬЯНА: К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются ранние органные ноты парижского нотопиздателя Пьера Аттеньяна (1531). В отечественном музыковедении данные нотные образцы изучаются поверхностно и шаблонно, поэтому в статье делается акцент на ранее неизвестные факты, связанные с историей и причиной происхождения органных сборников, дается характеристика нотного текста с указанием фактурных, метроритмических и гармонических особенностей. В качестве нотного примера используются оригинальные фрагменты органных сборников XVI века. Так же, в статье представлен обзор исторического пространства, в котором создавались органные сборники. В результате исследования обнаружено влияние органных композиций из сборников Пьера Аттеньяна на дальнейшее развитие органной музыки западноевропейских стран, в особенности – Франции.

Ключевые слова: органные табулатуры, Пьер Аттеньян, литургия.

Zaitseva L.A.

Postgraduate student, Krasnoyarsk State Institute of Arts

ORGAN TABLATURE P. ATTENYANA: THE HISTORY OF ORIGIN

Abstract

This article is devoted to the early organ music books of Parisian music publisher Pierre Attenan (1531). In the domestic musicology these sheet music samples are studied superficially and stereotypedly. Therefore this essay is accentuated on the earlier unknown facts connected with the history and the reasons of origin of organ sheet music books. Also characteristics of the musical text including texture, rhythmical and harmonic features are given in this paper. Besides, the original fragments of organ sheet music collections of the 16th century are shown. The work also provides historical review of the period when the sheet music collections were created. As a result of this research was the discovery of the influence of organ compositions of Pierre Attenan's music books on the further development of organ music in West European countries and especially in France.

Keywords: organ tablature, Pierre Attenan, liturgy.

Данная статья представляет собой попытку познакомить читателя с одним из ценных памятников и первых образцов нотной письменности, который специально был создан для клавишных инструментов – Органными книгами 1531 года. На сегодняшний день о существовании столь ранних нотных образцов знают как зарубежные, так и отечественные музыковеды. Однако, имеющаяся информация в отечественной музыковедческой литературе не так полноценна и обстоятельна. Органные книги 1531 года под редакцией Пьера Аттеньяна упоминаются в таких исследованиях как «Клавирная музыка Испании, Англии, Нидерландов, Франции, Италии, Германии XVI - XVIII веков» Друскина М.С., «Из истории органной мессы» Барановой Т.Б., «Французский клавесинизм» Брянцевой В.Н., «История французской органной музыки. Очерки» Кривицкой Е.Д. и др. Тем не менее, перечисленные работы не освещают ряд таких вопросов как, например, история и причины появления органных книг, особенности нотного письма, предполагаемое авторство органных композиций. В данной статье осуществляется попытка восполнить эту пустующую нишу в отечественном музыковедении.

В начале 1531¹ года одно из первых французских нотоиздательств в Париже, руководителем которого был Пьер Аттеньян², печатает семь сборников инструментальных пьес для клавишных инструментов, которые пользовались большой популярностью среди современников³. Из семи сборников, пять были изданы в течение четырех месяцев – с января по апрель 1531 года, два других были без указания даты выпуска, и появились они, предположительно, немного раньше или чуть позже, т.к. Аттеньян обычно выпускал нотные издания одного жанра следом друг за другом. Четыре сборника представляли собой табулатуры переложения вокальных шансон и танцев (гальярды, паваны, басдансы, бранли), а остальные три предназначались для литургического репертуара органистов. Именно последним трем сборникам будет уделено особое внимание. Ведь уникальность и историческая ценность этих нот заключается в том, что это первые ноты, предназначенные для органной музыки, которая звучала исключительно в литургическом пространстве.

Во времена Пьера Аттеньяна французские церкви активно соперничали между собой в пышности и роскошности органов. Однако органистов и священнослужителей волновала общая проблема, которая долгое время оставалась не разрешенной, а именно: что и как исполнять на органе во время богослужения?

Корнелиус Агриппа⁴ отмечал, что в торжественные моменты Литургии на органе играютя легкомысленные мелодии. На Соборе 1528 года был установлен запрет появляться в церкви мимам и гистрионам, которые играли на цитрах и тамбурах. Отныне в церкви можно было услышать лишь орган.

Довольно долго органистам не хватало соответствующего репертуара для богослужений. Органисту не оставалось ничего иного, как играть перед службой и после те же арии, что звучали на венчаниях, семейных праздниках и собраниях. Собственно, на службе орган аккомпанировал пению хора, причем орган и хор чередовали исполнение как Ординария мессы, так и кантиков, и гимнов. Стиху, исполняемому хором, отвечал орган, играя прелюдию на основе соответствующего хора.

Нет сомнений в том, что многочисленные просьбы органистов побудили парижского издателя Пьера Аттеньяна составить сборники, необходимые для литургии, ведь отнюдь не каждый органист был способен создавать музыкальные импровизации на библейский текст Литургии или какого-либо другого богослужения. Однако, неизвестно точное имя того, кто попросил Аттеньяна создать пьесы для органа или сделать переложения для этого инструмента. Возможно, что эти произведения сочинил не один композитор, и в создании этих сборников могли принимать участие несколько музыкантов.

Таким образом, французский нотоиздатель преследовал важную и исторически значимую цель: впервые в истории западноевропейского нотопечатания он создает органные сборники, которые соответствовали исключительно нуждам богослужения.

Популярность аттеньяновских сборников была невероятно высока. В нотных магазинах конца XVI века невозможно было найти экземпляр этого издания. В 1623 году французский органист Жан Титлуз⁵ писал, что печатные органные табулатуры во Франции практически стерты из памяти. Отметим, что впервые в истории западноевропейского нотопечатания парижский издатель позаботился об отделении пьес друг от друга, предназначенных для светского и церковного музицирования. Другие авторы того же времени, например, Марк Антонио ди Болонья (1523) и Леонард Клебер (1524), наоборот, объединяли вместе вокальные мотеты и шансон, инструментальные фантазии и Кугие.

Итак, обратимся к содержанию органных книг Пьера Аттеньяна. В состав этих сборников входят версеты для Ординария мессы, версеты для Магнификата в восьми тонах и Te deum⁶. Интересно обратить внимание на оригинальный заголовок, предвещающий нотный текст⁷ (рис. 1).

¹ Если обратиться к грегорианскому календарю, то это январь, февраль, март 1530 г. и апрель 1531 г., т.к. Пасха была 9 апреля.

² Пьер Аттеньян (1494-1552) – французский музыкальный издатель, нотоиздатель, основатель (вместе с Отеном) одного из лидирующих музыкальных издательств в Париже (1528).

³ Эти сборники предназначались для клавишных инструментов – органа и эпинета. Возможно, что сборники могли подойти для любого клавишного репертуара.

⁴ Корнелиус Агриппа, или Генрих Корнелиус Неттесгеймский (1486-1535) – астролог, астроном, философ, врач, алхимик, богослов и др.

⁵ Жан Титлуз (1563-1633) – композитор, органист, представитель французской органной школы.

⁶ Оригинальные названия сборников: пятый сборник – «Tabulature pour le jeu d'Orgues, Espinettes et Manicordions sur le plain chant de Cunctipotens et Kyrie Fons. Avec leurs Et in terra, Patrem, Sanctus et Agnus Dei»; шестой сборник – «Magnificat sur les huit tons avec Te Deum laudamus et deux Preludes, le tout mys en tabulature des Orgues Espinettes et Manicordions, et telz semblables instrumentz»; седьмой сборник – «Treze Motetz musicaux avec ung Prelude, le tout reduict en la Tabulature des Orgues Espinettes et Manicordions et telz semblables instrumentz».

⁷ «Табулатуры для органов, спинетов и монокордов на темы Cunctipotens и Kyrie fons, с их Et in terra, Patrem, Sanctus и Agnus dei, все впервые напечатанные в Париже Пьером Аттеньяном...»; «с привилегией короля на три года».

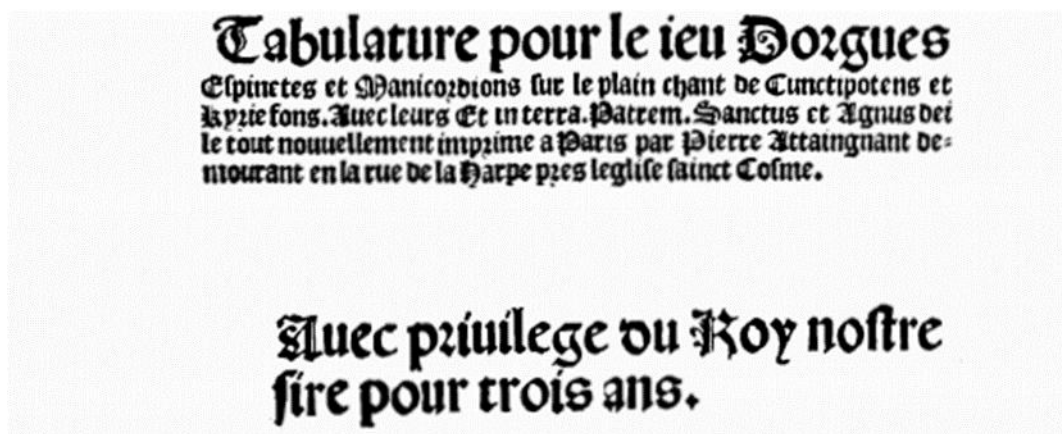

Рис. 1 – Заголовок к органной табулатуре П. Атеньяна

Известно, что Атеньян первым во Франции стал использовать в нотопечатании передвижные металлические литеры, которые иногда используются и по сей день. В литерях, изготовленных для Атеньяна гравером Пьером Оеном, каждой ноте или группе нот сопутствовала часть нотоносца. Как ни странно, нотный текст рассматриваемых органных сборников представляет собой вполне привычную для современного взгляда картину: ноты органных табулатур располагаются на двух пятилинейных нотоносцах. Исключением, в данном случае, может быть только использование автором ромбовидной формы нот – семибравис, и более мелких длительностей. В конце пьес можно увидеть прямоугольник, который скорее всего можно сравнить с целой длительностью. Что касается метрической стороны, то в основном органные табулатуры написаны в трехдольном или четырехдольном размерах, в некоторых же случаях отмечено явление переменности, например, переход с четырёхдольного на шестидольный размер. Хотя, как отмечает автор расшифровки рассматриваемых сборников, никакое обозначение размера не будет абсолютно верным. Тактовые черты, за несколькими исключениями в конце строк, расчерчены регулярно. Лиги отсутствуют, это можно объяснить особенностями используемых литер, которые позволяют напечатать только небольшой фрагмент нотоносца. Там, где было бы привычнее увидеть лигу, используются ноты с точкой, даже в случаях, когда удлинение длительности затрагивает соседний такт. Однако точка не всегда обозначала только удлинение ноты. Как уточняет автор, точка, расположенная над или под нотой, могла расшифровываться как повышение или понижение ноты (рис. 2). Далее он пишет, что для случайных знаков альтерации им была сохранена традиция повторять их на протяжении такта, поэтому альтерация принадлежала той ноте, перед которой она была расположена.

Рис. 2 – Фрагмент из органной табулатуры П. Атеньяна

Гармонический тритон и прочие диссонансы в табулатурах встречаются не так часто, но по словам автора, они использовались в практике гораздо чаще, чем об этом упоминают музыкальные теоретики XVI века. Исполнительская практика относилась к ним вполне терпимо, не говоря об органистах, буквально злоупотребляющих им⁸.

Автор табулатур иногда ставит перед исполнителем сложную задачу, когда «выключает» один из голосов фактуры. То ли он настолько увлекается гармоническим развитием двух голосов, что забывает про третий, то ли он считает, что органисты скорее всего смогут самостоятельно воспроизвести гармонию и дополнить аккорды, которые записаны довольно условно. Возможно, это элементарный недостаток композиторской техники автора, когда один из голосов замолкает на время. Отметим, что голос может пропадать для того, чтобы оттенить экспозицию важной темы или, например, подчеркнуть значимость имитационного развития. Таким образом, недостающие фрагменты музыкального текста в некоторых случаях были восполнены современными расшифровщиками, которые, в свою очередь, опирались на мелодию хора или реконструировали ее аналогично голосам контрапункта.

⁸ Смотрите, например, во второй *Kyrie* первой мессы, 4 такт; в стихах *Qui tollis* et *In Gloria dei* первой *Gloria*.

Изучая табулатуры органных книг возникает следующий вопрос: какие композиции являются транскрипцией, а какие авторскими оригинальными сочинениями? Редкие имитационные вступления голосов, ограниченное и непостоянное число голосов, протяженность мелодических линий, обилие гамм и секвенций, наличие мелодии григорианского хора в качестве *cantus firmus* – все эти признаки позволяют утверждать, что автор органных месс задумал их именно для органа и написал в жанре вариаций на кантус фирмус⁹. Что касается пьес для Магнifikата и Мотетов, то в данном случае сложно утверждать, что они составлены из транскрипций, к тому же эти пьесы лишены единства: здесь встречаются как переложения, так и оригинальные композиции.

Градуалы Парижа в начале XVI века обычно включали в себя Ординарии месс «Kyrie fons bonitatis» и «Cunctipotens». Они были в обиходе парижской епархии на протяжении нескольких веков, подвергаясь лишь незначительным изменениям. Именно эти мессы включены в органные сборники Пьера Аттеньяна, подтверждая практику частого обращения к ним. Обычно исполнение мессы «Kyrie fons» было возможно во время некоторых праздников: понедельник Пасхальной седмицы и Пятидесятницы, Богоявление, воскресение после Введения и Рождества Пресвятой Богородицы и др.; для всех остальных воскресных дней Пасхи и Пятидесятницы и для переходящих праздников служебник предписывает исполнение мессы «Cunctipotens». Что касается Магнifikата и Te Deum, то в начале XVI века существовали бесчисленные варианты их напевов, это создает определенную трудность в определении первоисточника.

Любопытно еще одно обстоятельство. По-видимому, Аттеньян считал, что обычный небольшой орган встречается во французских церквях намного чаще, нежели крупные органы. Скорее всего, он не рассчитывал, что его табулатуры будут исполнять на органах с дополнительным мануалом, как, например, в церкви Сан-Морис д'Анжер (сконструирован в 1507-1513 годах Понтиусом Жуссомом). Так как ножная клавиатура использовалась не во всех церквях, автор сочинял таким образом, чтоб исполнитель мог обходиться двумя руками. Однако, органисту, играющему на инструменте с ножной клавиатурой, не составит труда играть на ней басовый голос или выделять проведение хора в теноре.

Органные табулатуры под редакцией Пьера Аттеньяна появляются в первой половине XVI века, когда инструментальная музыка еще не владела своим профессиональным языком, индивидуальными приемами и средствами выражения. Скорее всего это были переложения танцевальной или вокально-хоровой музыки. Спустя практически столетие, где-то к XVII веку в западноевропейской музыке будет сформирован свой специфический инструментальный репертуар, в котором для каждого инструмента будут найдены типичные характерные жанры и средства музыкальной выразительности. Все западноевропейские органные школы – немецкая, английская, французская, итальянская, испанская – будут обращаться к литургическим органным жанрам, таким как органная месса, органный магнifikат. Однако только во французской органной школе эта традиция продолжит существовать еще длительный период, вплоть до начала XVIII века. Поэтому, не случайно именно во Франции появляется первый органник сборник, предназначенный для литургии, который даст толчок для рождения французской национальной органной традиции.

Список литературы / References

1. Друскин М. С. Клавирная музыка Испании, Англии, Нидерландов, Франции, Италии, Германии XVI - XVIII веков / М. С. Друскин. – Ленинград: ГосМузИздат, 1960. – 285 с.
2. Баранова Т. Б. Из истории органной мессы / Т. Б. Баранова // Историко-теоретические вопросы западноевропейской музыки: от Возрождения до романтизма. – Москва, 1978. – вып.40. – С.143-157.
3. Брянцева В.Н. Французский клавесинизм / В.Н. Брянцева. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 376 с.
4. Кривицкая Е.Д. История французской органной музыки. Очерки / Е. Д. Кривицкая. – 2-е изд. – М.: Композитор, 2010. – 336 с.
5. Deux livres d'orgue parus en 1531 chez Pierre Attaignant, transcription et introduction par Yvonne Rokseth / Y. Rokseth. – Paris: Heugel et Cie, 1967. – 59 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Druskin M. S. Klavirnaia muzyka Ispanii, Anglii, Niderlandov, Francii, Italii, Germanii XVI - XVIII vekov [Clavier music of Spain, England, Netherlands, France, Italy, Germany XVI - XVIII centuries] / M. S. Druskin. – Leningrad: GosMuzIzdat, 1960. – P. 285. [in Russian]
2. Baranova T. B. Iz istorii organnoj messy [From the History of Organ Mass] / T. B. Baranova // Istoriko-teoreticheskie voprosy zapadnoevropejskoj muzyki: ot Vozrozhdenija do romantizma [Historical and theoretical aspects of Western music from the Renaissance to Romanticism]. – Moskva, 1978. – vyp.40. – P. 143-157. [in Russian]
3. Brjanceva V.N. Francuzskij klavesinizm [French klavesinizm] / V.N. Brjanceva. - SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000. – P. 376. [in Russian]
4. Krivickaja E.D. Istorija francuzskoj organnoj muzyki. Oчерки [History of French organ music. Sketches] / E. D. Krivickaja. – 2-е изд. – М.: Композитор, 2010. – P. 336. [in Russian]
5. Two organ books were published in 1531 by Pierre Attaignant with transcription and introduction by Yvonne Rokseth / Y. Rokseth. - Paris: Heugel and Cie, 1967. – P. 59.

⁹ Название сборника месс недвусмысленно указывает на это: «Табулатура на plain-chant Kyrie...». И совершенно иное мы видим в названии «Гри мотета» «переложение на табулатуру для органа...».

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.043>

Иванова Е.В.

ORCID: 0000-0002-3174-5772, Аспирант,

Российский Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

**ВЫСТАВКА «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УБРАНСТВО РУССКИХ ДВОРЦОВ XVIII ВЕКА»
В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ 1946 ГОДА: К ВОПРОСУ О ВОЗРОЖДЕНИИ МУЗЕЙНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИГОРОДАХ ЛЕНИНГРАДА ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация

Статья посвящена истории возрождения музейной жизни в пригородных дворцово-парковых комплексах Ленинграда после Великой Отечественной Войны. Основываясь на архивные материалы, автор описывает первую послевоенную выставку произведений декоративно-прикладного искусства в Александровском дворце в городе Пушкине, которая явилась отправной точкой для дальнейшего развития послевоенной выставочной деятельности в пригородных дворцах-музеях. Актуальность статьи определяется отсутствием в музейной жизни пригородов 40-х годов XX века практики издания путеводителей и каталогов временных выставок, в связи с чем данный период музейной деятельности пригородных дворцов является недостаточно включенным в актуальный научный дискурс.

Ключевые слова: выставочная деятельность, Александровский дворец, пригороды Ленинграда, послевоенные выставки, музей-заповедник.

Ivanova E.V.

ORCID: 0000-0002-3174-5772, Postgraduate student, Russian State pedagogical university of A.I. Herzen

**THE EXHIBITION "ART DECORATION OF THE RUSSIAN PALACES OF THE 18TH CENTURY"
IN THE ALEKSANDER PALACE IN 1946: TO THE QUESTION OF REVIVAL OF MUSEUM ACTIVITY
IN SUBURBS OF LENINGRAD AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract

The article is devoted to the history of the revival of Museum life in the suburban Palace and Park ensembles of Leningrad after the Great Patriotic War. Based on archival materials, the Author describes the first post-war exhibition of works of decorative art in the Alexandrovsky palace in Pushkin, which was the starting point for the further development of post-war exhibition activity in the museums-reserve. The practice of publishing guides and catalogs of temporary exhibitions was not typical for the suburban palaces-museums in the 40-ies of XX century. In this regard, this period of museum activities is not included in the actual scientific discourse.

Keywords: exhibition activity, Aleksandrovsky palace, suburbs of Leningrad, post-war exhibitions, museum-reserve.

Среди вопросов исторического музееведения вопросы возрождения дворцово-парковых комплексов пригородов Ленинграда, пострадавших в ходе Второй мировой войны, занимают особое место. Временные выставки, организованные сразу же после освобождения музейных комплексов, являлись способом подтверждения статуса дворцов-музеев как центров культуры. В этом контексте история первых послевоенных выставок, организованных на территории пушкинских дворцов-музеев, представляет существенный научный интерес для изучения с нескольких точек зрения.

Во-первых, из-за нанесенного в ходе боевых действий ущерба дворцам и павильонам Пушкина восстановление существовавшей в стенах музея довоенной экспозиции в кратчайшие сроки не представлялось возможным. Единственным способом реализации музейной коммуникации, как важного компонента социальной функции культурного учреждения, становятся временные выставки произведений декоративно-прикладного искусства.

Во-вторых, временные выставки становятся способом демонстрации культурных ценностей, постепенно возвращавшихся из эвакуации. Важно отметить, что помимо музейных предметов из коллекций Екатерининского и Александровского дворцов, в выставочных залах экспонировались произведения искусства из дворцов-музеев всех пригородов Ленинграда. Это позволяло, хоть и фрагментарно, в рамках выставочного пространства одного дворцово-паркового комплекса воссоздать образ интерьеров всех пригородных дворцов-музеев, находившихся на тот момент времени в разрушенном состоянии.

В-третьих, одной из главных задач государства первых послевоенных лет было восстановление культурного сектора страны, и именно первые временные выставки стали демонстрацией и отражением музейной работы, как важной части строительства поствоенной культуры.

Исследовательский интерес к данному направлению послевоенной музейной деятельности продиктован тем, что для выставочных проектов 40-х годов не была характерна практика издания иллюстрированных каталогов и путеводителей. Именно поэтому, данный период музейной жизни пригородных дворцов-музеев является недостаточно включенным в актуальный научный дискурс. В силу этого, основным источником для исследования выставочной деятельности 40-х годов XX века послужили архивные документы музеев-заповедников «Павловск» и «Царское Село», а также материалы из фондов Государственного архива литературы и искусств, посвященных деятельности Центрального хранилища.

Первые шаги со стороны государственного сектора, направленные на возрождение пригородных дворцов-музеев Ленинграда, начинаются еще за долго до окончания Великой Отечественной Войны. С целью сохранения разрушенных дворцов-музеев и восстановления их музейных фондов, решением Совнаркома республики при Управлении по делам искусства Ленгорисполкома уже в июле 1943 года был создан Отдел музеев, парков и памятников [1]. После реорганизации Управления искусств в Отдел культурно-просветительной работы приказом от 10 мая 1945 года было принято решение о создании Центрального хранилища Ленинградских пригородных дворцов-музеев, которое должно было стать центром сосредоточения культурных ценностей, постепенно возвращавшихся из эвакуации.

Помимо определения основных функций нового подразделения и вопросов его структурного подчинения, данным приказом предусматривалась передача в ведение нового музейного хранилища Александровского дворца в городе Пушкин. Такое решение было связано в первую очередь с тем, что после снятия блокады города среди всех сожженных и разрушенных дворцов Александровский оставался наиболее сохранившимся [2, Л. 1]. Наличие во дворце не до конца разрушенных залов, пригодных для размещения в них первой послевоенной выставки, и определило значимую роль пушкинского дворцово-паркового комплекса в восстановлении прерванной войной музейной жизни пригородов Ленинграда.

Осенью 1944 года по решению правительства первые ящики с эвакуированными культурными ценностями из Новосибирского фонда были возвращены в Ленинград. Однако Сарапульское хранилище до конца 1945 года оставалось в здании Краеведческого музея Удмуртии. Товарный поезд из города Сарапул с тридцатью вагонами, заполненными музейными ценностями, прибыл на железнодорожную станцию Детское Село 25 декабря 1945 года [3, Л. 36-38]. Практически сразу же по решению директора Центрального хранилища А.М. Кучумова произведения искусства были размещены в заранее подготовленных помещениях Александровского дворца [4, С. 346].

Вскоре после возвращения музейных предметов из эвакуации научные сотрудники Центрального хранилища приступили к реализации экспозиционно-выставочной деятельности, для осуществления и координации которой был создан специальный отдел во главе с В.В. Лемус [5, С. 457].

Подготовка к первой временной выставке «Художественное убранство русских дворцов XVIII века» началась в 1946 году, когда старший научный сотрудник Центрального хранилища М.В. Дергачева приступила к работе по вскрытию ящиков с музейными ценностями и по подбору экспонатов для предстоящей выставки [6, Л. 1-3].

Выставка открылась 9 июня 1946 года в бывших служебных комнатах Александровского дворца, не имевших на тот момент времени архитектурно-художественного оформления. При разработке экспозиционного плана выставки научный отдел Центрального хранилища ставил перед собой две основные задачи. В первую очередь, воссоздав в выставочных залах дворцовые интерьеры пригородов Петербурга XVIII века, научные сотрудники стремились показать их историю развития в России после петровских реформ. Хронологическое представление в выставочных залах восстановленных интерьеров позволило бы продемонстрировать развитие художественных стилей, характерных для различных этапов становления нашей страны. Кроме того, представленные в выставочных залах предметы декоративно-прикладного искусства отечественных мастеров отразили бы развитие видов национального искусства в России на протяжении XVIII столетия.

Вся выставка располагалась в четырех зала Александровского дворца, которым предшествовала вводная экспозиция. В двух небольших комнатах, задрапированных светлой тканью, раскрывалась история возникновения царских дворцов в Петербурге и его окрестностях, а также процесс превращения их в художественно-исторические музеи после Великой Октябрьской Революции. В основном стены данного зала были оформлены фотоматериалами 1944-1946 годов, показывающими разрушения пригородов в период немецкой оккупации и начало восстановительных работ. Помимо этого, на стенах вводных выставочных комнат были размещены акварели с архитектурными видами Москвы и интерьерами царских теремов XVII века, выполненные художниками А.Х. Кольбом и О.А. Кадолом.

Как уже отмечалось ранее главным художественным решением основных выставочных залов стало воспроизведение в них фрагментов отделки дворцов Пушкина, Павловска, Петергофа и Гатчины.

Важно отметить, что в оформлении воссозданных интерьеров помимо образцов русского декоративно-прикладного искусства активно использовались первоклассные образцы западноевропейских мастеров. Так, например, в «Петровском зале» был воссоздан уголок дубового кабинета Петра I с использованием резных панно работы резчика Н. Пино из Большого дворца Петергофа, а воспроизведенный интерьер зала в Монплезире был оформлен картинами художников А. Сило, В.К. Хеда, Ф. Бооль и Д. Тенирса младшего.

Елизаветинская эпоха пышного барокко была представлена некогда украшавшей Екатерининский дворец кариатидой резного дерева по рисунку архитектора Б.Ф. Растрелли, живописным медальон художника Дж. Велериани из Большого Петергофского дворца, а также портретами императрицы кисти художника К. Ванлоо. Вдоль одной из стен, затянутой золотистым шелком ручной работы с рисунками фазанов и лебедей, был размещен гарнитур мебели середины XVIII века, выполненный также по рисункам Б. Растрелли (рис. 1).

Рис. 1 – Архив ГМЗ «Павловск», «Елизаветинский» зал

Еще один зал Александровского дворца был разделен на несколько выставочных зон: левая была посвящена эпохе царствования императрицы Екатерины Великой, а правая воспроизводила уголок «Китайского кабинета» во дворце XVIII века. Задрапированные тканью стены левой половины зала были декорированы портретами императрицы кисти художника М. Шибанова, портретами дочерей Павла I в исполнении Д.Г. Левицкого, а под произвольной развеской картин красовался стальной туалетный гарнитур работы Тульских оружейных мастеров. Во второй половине зала, в воссозданном уголке Китайского кабинета, была выставлена ваза резного пекинского лака, некогда украшавшая интерьеры Екатерининского дворца [7].

В качестве центральной выставочной доминанты «Павловского зала» можно отметить гобелен «Дон Кихот разговаривает с очарованной головой» работы мастера Козетта по эскизам Ш. Каупеля. Напротив гобелена, в простенке между окнами зала, разместился стол красного дерева с балюстрадой из точеной слоновой кости, выполненный по проекту архитектора В. Бренны для Михайловского замка. В настоящее же время и резной стол, и французский гобелен XVIII в. размещены на постоянной экспозиции Павловского музея-заповедника в «Ковровом кабинете» и в библиотеке Императрицы Марии Федоровны [8], [9]. Также, как и в остальных залах, на стенах «Павловского» экспонировались портреты членов императорской семьи, выполненные мастерами XVIII столетия. Значимое место в зале отводилось витрине с фарфоровым туалетным прибором императрицы Марии Федоровны из шестидесяти шести предметов работы Севрской фарфоровой мануфактуры (рис. 2).

Рис. 2 – Архив ГМЗ «Павловск», витрина с фарфоровым туалетным прибором императрицы Марии Федоровны

10 ноября 1946 года выставка была закрыта и размонтирована. Несмотря на то, что выставка просуществовала недолго, ее открытие произвело ажиотаж среди жителей освобожденного Ленинграда. Всего за пять месяцев работы ее посетило порядка семи с половиной тысяч человек [10]. В первую очередь, выставка вселила надежду в переживших войну ленинградцев и музейных сотрудников о возможном возрождении знаменитых пригородных дворцов-музеев, о чем свидетельствуют записи в книгах отзывов.

Кроме этого, анализ первых послевоенных книг отзывов, как инструмента включения посетителя в процесс музейной коммуникации, свидетельствует об отклике музейной аудитории на поставленные задачи первой послевоенной выставки: стремление научных сотрудников Центрального хранилища продемонстрировать культурные ценности, вернувшиеся из эвакуации, и желание возродить дворцово-парковые ансамбли в кратчайшие сроки. Вот, например, один из таких откликов: «Счастлива видеть опять то, чем любовались в счастливые дни до прихода сюда фашистов-вандалов и что считали погибшим. Большое спасибо тем, кто сумел сохранить все то, что мы видим сегодня и что еще надеемся увидеть во вновь восстановленных наших сокровищницах искусства и культуры. А.И. Вешнеровская. Вильнюс» [11, Л. 2].

Таким образом, первая послевоенная выставка, разместившаяся в залах Александровского дворца, стала толчком для дальнейшего развертывания на территории Пушкинского дворцово-паркового комплекса активной выставочной деятельности, которая будет продолжаться под эгидой Центрального хранилища вплоть до его слияния с дирекцией Павловского дворца-музея в 1956 году [12].

Список литературы / References

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 387. Оп. 1. Д. 202.
2. ГМЗ «Царское Село», музейная коллекция «Рукописные материалы – XV». Инв. № 1531 (Воронов М. Г. Из истории восстановления Ленинградских пригородных дворцов-музеев после Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Эксплуатационно-выставочная деятельность Ц.Х.М.Ф.). Л. 1.
3. ГМЗ «Царское Село», музейная коллекция «Рукописные материалы – XV». Инв. № 1316 (Лемус В. В. Историческая справка об эвакуации музейных ценностей из г. Пушкин (1941-1945 гг.). Л. 36-38.
4. Гузанов А. Н. К истории Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов-музеев / А. Н. Гузанов // Судьбы музейных коллекций: материалы VI Царскосельской науч. конф. – СПб., 2000. – С. 346.
5. Беланина В. А. Центральное хранилище музейных фондов пригородных дворцов / В. А. Беланина // Хранители: XI Царскосельская науч. конф. – СПб., 2005. – С. 457.
6. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 387. Оп. 1. Д. 21 (Отчет работы старшего научного сотрудника Дергачевой М.В. за второй квартал 1946 года. (9 июля 1946 г.). Л. 1-3.
7. Архив ГМЗ «Павловск». Инв. № 3854 (Фотоальбом выставки «Художественное убранство русских дворцов XVIII века»).
8. Ковровый кабинет: [Электронный ресурс] // Государственный музей-заповедник «Павловск». СПб., 2013-2017. URL: <http://www.pavlovskmuseum.ru/about/palace/layout/10/642/> (дата обращения: 16.02.2017).
9. Библиотека императрицы Марии Федоровны: [Электронный ресурс] // Государственный музей-заповедник «Павловск». СПб., 2013-2017. URL: <http://www.pavlovskmuseum.ru/about/palace/layout/10/651/> (дата обращения: 16.02.2017).
10. Архив ГМЗ «Павловск». Инв. № 3854 (Фотоальбом выставки «Художественное убранство русских дворцов XVIII века»).
11. Архив ГМЗ «Павловск». Инв. № 3544 (Книга отзывов выставки «Художественное убранство русских дворцов XVIII века»). Л. 2.
12. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 387. Оп. 1. Д. 202.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga. F. 387. Op. 1. D. 202. [Central state archive of literature and art of St. Petersburg. F. 387. I. 1. F. 202] [in Russian]
2. GMZ «Tsarskoye Selo», muzejnaja kolekcija «Rukopisnye materialy – XV». Inv. № 1531 [The state Museum «Tsarskoye Selo», museum collection «Manuscripts –XV». Inv. № 1531]. (Voronov M. G. Iz istorii vosstanovlenija Leningradskih prigorodnyh dvorcov-muzeev posle Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 godov. Jekspluatacionno-vystavocnaja dejatel'nost' C.H.M.F. [From history of restoration of the Leningrad suburban palaces museums after the Great Patriotic War of 1941-1945. Exhibition activity of C.S.M.C.]). L. 1. [in Russian]
3. GMZ «Tsarskoye Selo», muzejnaja kolekcija «Rukopisnye materialy – XV». Inv. № 1316 [The state Museum «Tsarskoye Selo», museum collection «Manuscripts –XV». Inv. № 1316]. (Lemus V.V. Istoricheskaja spravka ob jevakuacii muzejnyh cennostej iz g. Pushkin (1941-1945 gg.) [The historical information about evacuation of museum values from Pushkin (1941-1945)]). L. 36-38. [in Russian]
4. Guzanov A. N. K istorii Central'nogo hranilishha muzejnyh fondov prigorodnyh dvorcov-muzeev [History of the Central storage of museum collections of suburban palaces museums] / A. N. Guzanov // Sud'by muzejnyh kolekcij: materialy VI Carskosel'skoj nauch. konf. [Destinies of museum collections: materials of VI the Tsarskoye Selo scientific conference] – SPb, 2000. – P. 346. [in Russian]
5. Belanina V. A. Central'noe hranilishhe muzejnyh fondov prigorodnyh dvorcov [Central storage of museum collections of suburban palaces] / V. A. Belanina // Hraniteli: XI Tsarskosel'skaja nauch. konf. [The keepers: XI Tsarskoye Selo scientific conference] – SPb., 2005. – P. 457. [in Russian]
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga. F. 387. Op. 1. D. 21 [Central state archive of literature and art of St. Petersburg. F. 387. I. 1. F. 21]. (Otchet raboty starshego nauchnogo sotrudnika Dergachevoj M.V. za vtoroj kvartal 1946 goda. (9 ijulja 1946 g) [Report of work of the senior researcher of the M. V. Dergacheva for the second quarter of 1946. (9 July 1946)]. L. 1-3. [in Russian]

7. Arhiv GMZ «Pavlovsk». Inv. № 3854 [Archive of the state Museum «Pavlovsk». Inv. № 3854]. (Fotoal'bom vystavki «Hudozhestvennoe ubranstvo russkikh dvorcov XVIII veka» [Photo album of the exhibition "Art Decoration of the Russian Palaces of the 18th Century"]). [in Russian]
8. Kovrovyy kabinet [The Carpet Study]: [Electronic resource] // Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Pavlovsk» [The State museum Pavlovsk]. SPb., 2013-2017. URL: <http://www.pavlovskmuseum.ru/about/palace/layout/10/642/> (accessed: 16.02.2017). [in Russian]
9. Biblioteka imperatricy Marii Fedorovny [The Library of Maria Feodorovna]: [Electronic resource] // Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Pavlovsk» [The State museum Pavlovsk]. SPb., 2013-2017. URL: <http://www.pavlovskmuseum.ru/about/palace/layout/10/651/> (accessed: 16.02.2017). [in Russian]
10. Arhiv GMZ «Pavlovsk». Inv. № 3854 [Archive of the state Museum «Pavlovsk». Inv. № 3854]. (Fotoal'bom vystavki «Hudozhestvennoe ubranstvo russkikh dvorcov XVIII veka» [Photo album of the exhibition "Art Decoration of the Russian Palaces of the 18th Century"]). [in Russian]
11. Arhiv GMZ «Pavlovsk». Inv. № 3544 [Archive of the state Museum «Pavlovsk». Inv. № 3544]. (Kniga otzyvov vystavki «Hudozhestvennoe ubranstvo russkikh dvorcov XVIII veka» [Visitors book of the exhibition "Art Decoration of the Russian Palaces of the 18th Century"]). L. 2. [in Russian]
12. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga. F. 387. Op. 1. D. 202. [Central state archive of literature and art of St. Petersburg. F. 387. I. 1. F. 202] [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.134>

Кузьмина Т.Г.

Аспирант, Красноярский государственный институт искусств

ВКЛАД ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТАНОВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКА: ОПЫТ ПРОШЛОГО

Аннотация

Статья посвящена деятельности ссыльных декабристов и иных представителей интеллигенции в Минусинске XIX – начала XX веков. На основе документальных и раритетных источников, выявленных в ГАКК, Минусинском государственном архиве, Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова, Минусинском драматическом музее, а так же ряде дореволюционных периодических изданий в статье выявляется значимость деятельности музыкально-творческой интеллигенции не только для художественной жизни южной части Красноярского края, но и для всего Сибирского региона в целом.

Ключевые слова: история музыкальной культуры, Красноярский край, Минусинск, декабристы.

Kuzmina T.G.

Postgraduate student, Krasnoyarsk State Institute of Arts

CONTRIBUTION OF INTELLECTUALS TO FORMATION OF ACADEMIC MUSICAL CULTURE OF MINUSINSK: EXPERIENCE OF PAST

Abstract

The paper is devoted to the activities of exiled Decembrists and other intellectuals in Minusinsk of the XIX - early XX centuries. Based on documentary and rare sources, identified in the State Archive of Krasnoyarsk Krai, the Minusinsk State Archive, the Minusinsk Museum of Local History N.M. Martyanov memorial, the Minusinsk Drama Museum, as well as a number of pre-revolutionary periodicals, the paper reveals the significance of the activities of the musical and creative intellectuals, not only in the artistic life of the southern part of the Krasnoyarsk Krai, but for the entire Siberian region as a whole.

Keywords: history of musical culture, Krasnoyarsk Krai, Minusinsk, Decembrists.

Музыкальное регионоведение – одно из важных направлений современного отечественного музыкознания. На рубеже XIX – XX веков особенно возрос интерес исследователей к изучению культуры Сибири, о чем свидетельствует появление монографий, посвященных музыкальной жизни Томска, Иркутска, Красноярска... «Белым пятном» вплоть до настоящего времени остается юг Красноярского края. Музыковедческие научно-исследовательские работы, посвященные культурно-музыкальной жизни данного региона, отсутствуют. Это обусловлено тем, что в 1930-м году произошло разделение Минусинского округа Енисейской губернии на Хакасскую автономную область и остальные земли, вошедшие в состав Красноярского края. В центре внимания исследователей оказалась культура хакасского этноса, а проблема становления собственно академической музыкальной культуры, центром которой стал Минусинск, осталась неизученной. В данной статье на основе различных исторических, преимущественно, архивных источниках предпринята попытка восполнить пробел в истории становления академической музыкальной культуры на юге Красноярского края XIX – начала XX веков.

Объектом исследования является музыкально-театральная жизнь выдающихся деятелей культуры города Минусинска. Предмет исследования – региональная специфика музыкально-театральной жизни на юге Красноярского края, выявляемая в контексте общероссийских и региональных социокультурных особенностей в целом.

Формирование интеллигенции на юге Красноярского края началось приблизительно в 30-х – 40-х годах XIX века, когда, благодаря процветанию золотопромышленности, в Минусинск все чаще стали приезжать ученые, архитекторы, художники, музыканты, купцы. Основополагающее значение для становления академической музыкальной культуры города в XIX веке имела деятельность политических ссыльных, в частности, декабристов и поляков-революционеров, попавших в немилость Государя и выдворенных из центральной части России в глухую Сибирь на «исправление». И, хотя в Сибири издавна отбывали ссылку в чем-либо провинившиеся государственные преступники, такого стечения

элитной части общества, как после декабрьского восстания 1825-го года в Петербурге и революционных движений 1863-го – 1864-го годов в Польше Зауралье еще не знало. Так, в 30-е – 40-е годы XIX века, после окончания срока каторжных работ, в Минусинский округ на поселение были направлены 11 декабристов. Первыми, в 1829 году, в Минусинск прибыли Семен Григорьевич Краснокутский и Сергей Иванович Кривцов. В 1832-м и 1833-м годах друг за другом в Минусинск приехали братья Павел Петрович и Александр Петрович Беляевы, несколькими годами позже – Николай Иванович Кривцов и братья Крюковы – Александр Александрович и Николай Александрович, а в 1839 году, вместе со своей семьей, Николай Осипович Мозгалецкий. Двое декабристов – Петр Иванович Фаленберг и Александр Филиппович Фролов – были направлены в село Шушенское, а Алексей Иванович Тютчев – в поселок Курагинское Минусинского округа Енисейской губернии.

Если в Минусинском округе к началу 30-х годов XIX века и существовали первоначальные формы любительского музицирования, то с появлением декабристов культурно-музыкальная жизнь региона стала намного богаче, появился мощный импульс для становления и развития профессионального музыкального искусства. Судя по документальным источникам, имея дворянское образование, в Минусинске декабристы играли на музыкальных инструментах, неплохо пели, совместно музицировали, из центральной части России им высылали ноты [10]. А.П. Беляев обладал прекрасным голосом – басом. Еще в Петровском каземате он пел в хоре под управлением П.Н. Свистунова и, находясь на поселении в Минусинске, имел обыкновение во все воскресные и праздничные дни петь на клиросе. «В Минусинске братья Беляевы почти каждый день посещали богослужение в церкви Спаса, пели в церковных хорах и особенно любили петь обедню Бортнянского» [5]. О пении в церковном хоре в Минусинске имеются воспоминания и самого Александра Петровича: «В 8 часов благовестили к обедне. Подавались длинные и очень покойные дроги, и все ехали в церковь. Мы с братом и Николаем Александровичем (*Крюковым – К. Т.*) занимали правый клирос, так как всегда пели в Минусинске обедню Бортнянского. Возле стояли любители подтягивать, между которыми был М.И. Свешников, живший в Шуше (*село Шушенское, Минусинского округа – К. Т.*)... У него был бас» [1, С. 235]. Музыка была неотъемлемой частью жизни и быта декабристов повсюду, где бы они ни находились. Еще отбывая наказания в тесных казематах читинского острога, декабрист Н.И. Лорер в своих записках вспоминает: «... между нами были отличные музыканты, как то: Ивашев, Юшневский, Вадковский, оба брата Крюковых. Они в совершенстве владели различными инструментами... Когда явились скоро рояли, скрипки, виолончель, составлялись оркестры, Свистунов, зная отлично вокальную музыку, составил из нас превосходный хор и дирижировал им.... Бывало, народ обступит... и слушает со вниманием гимны и церковное пение наше... Лучшие голоса были бас – братьев Крюковых, сопрано – А.Н. Тютчева, тенор – Щ. Ростовского [цит. по: 4, С. 28]. «Песни Тютчева ... вызывали настоящий восторг. Особенно хорошо Алексей Иванович умел петь русские народные песни» [2, С. 71].

По воспоминаниям декабриста А.П. Беляев, ни один праздник не проходили без вечеров и ужинов, обязательно сопровождавшихся игрой на каких-либо инструментах, пением и танцами. Описывая свадьбу П.И. Фаленберга в Минусинске, он пишет: «После венчания – обед... много оживления придавала игра на скрипке Н.А. Крюкова, очень хорошего музыканта, и наше участие в хоре...» [1, С. 240]. И в другом месте: «... по возвращении домой тотчас поставили пюпитр и П.И. Фаленберг с Николаем Крюковым начали дуэт на скрипках...» [1, С. 234]. О декабристе С.И. Кривцове имеются воспоминания барона А.Е. Розена: «В первоначальном маленьком кругу нашем развлекали нас шахматы и песни С.И. Кривцова, питомца Фаленберга и Песталотти...» [цит. по: 2].

В становлении концертной и музыкально-педагогической деятельности на юге Красноярского края большое значение имело пребывание ссыльных поляков. Во второй половине XIX – начале XX века в Минусинске представители польской музыкальной интеллигенции занимали высокое общественное положение: избирались членами попечительских и педагогических советов, руководили оркестрами, участвовали в концертах, занимались музыкально-педагогической практикой. Профессиональное музыкальное образование целыми семьями получали Войцеховские, Коженевские, Косовановы и другие. Многие на музыкальном поприще добивались значительных успехов. Так, например, Болеслав Войцеховский, окончив московскую консерваторию по классу пения у известного оперного певца профессора И.Я. Горди, в Минусинске успешно занимался и концертной, и музыкально-педагогической практикой [3], [6], [8], [9].

Центром культурной жизни Минусинска рубежа XIX – начала XX веков, объединяющим представителей разных слоев населения для совместной творческой деятельности, было Минусинское Литературно-Музыкально-Драматическое Общество. На протяжении почти полувека, участниками Общества ставились драмы, оперы, оперетты, комедии, водевили, устраивались различные музыкальные вечера, концерты. Заметки о спектаклях и концертах нередко публиковались в Томской «Сибирской газете». Так, о первом известном на сегодняшний день минусинском спектакле – «Женитьба Белугина» и «Милые бранятся – только тешатся», состоявшемся 22-го ноября 1881-го года, в ней говорится следующее: «В прошлое воскресенье местным кружком любителей драматического искусства, давался спектакль в пользу Минусинского музея... В зале благородного собрания... поставлены были на сцену: «Женитьба Белугина» и «Милые бранятся – только тешатся». Спектакль удался, как нельзя лучше. Главная пьеса проведена была нашими любителями с успехом, вызвала у зрителей, по окончании представления, единодушный крик восторга и долго неумолкавший рукоплескание. [11, С. 1116].

Судя по местным концертно-театральным афишам и сибирским периодическим изданиям в целом, устойчивое «ядро» художественно-творческой интеллигенции, образовавшее основу закладываемых традиций регулярной театрально-музыкальной жизни Минусинска, преимущественно составили: Елена Константиновна Малинина, Николай Захарович Ярцев, Олимпиада Александровна Волконская [7, С. 33].

Историческая заслуга представителей интеллигенции в становлении и развитии академической музыкальной культуры на юге Красноярского края велика. Благодаря их деятельности еще в 30-х годах XIX века стал закладываться прочный фундамент для развития разносторонней художественной жизни и образования в городе, по современным меркам провинциальном, но по своей роли в развитии культуры в Восточной Сибири – весьма значительном.

Список литературы / References

1. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. / А. П. Беляев. – Красноярское Книжное издательство : Красноярск, 1990. – с. 199.
2. Ватин В. А. Кеннан в Минусинске / В. А. Ватин // Сибирские записки : литературный, научный и политический журнал. – Красноярск, 1916. – № 3. – С. 71-93.
3. Войцеховский Н. И. Мои воспоминания // Архив Минусинского краеведческого музея. Оп. 4, д. 227. Машинопись.
4. Злобин М. В. Декабристы А. А. и Н. А. Крюковы: биографический материал о жизни и деятельности // Минусинский городской архив. – 1989. Рукопись.
5. Искра Ильича : газета. – 1991. – № 16.
6. Кузьмина Т. Г. Б. Н. Войцеховский: минусинский музыкант, педагог / Т. Г. Кузьмина // Искусство глазами молодых : материалы VII международной (II Всероссийской) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / КГАМиТ. – Красноярск: ФГБОУ ВПО КГАМиТ. – 2015. – С. 104-106.
7. Кузьмина Т. Г. Литературно-Музыкально-Драматическое Общество в дореволюционном Минусинске / Т. Г. Кузьмина // Молодежь и наука 21 века : сб. статей лауреатов III Всероссийского (II международного) конкурса научных работ студентов и аспирантов / КГАМиТ, Красноярск. – 2015.
8. Минусинский вестник. – 1916. – № 43, с.1; № 46, с. 1.
9. Минусинский государственный архив, ф. 100, оп. 1, д. № 1-38. Переписка семей Н. Войцеховского и В. Кожневского (1870-1925, конвертированные письма, без указания дел).
10. Минусинский государственный архив, ф. 599, оп. 1, д. 262. Тематические запросы учреждений, граждан и ответы на них.
11. Сибирская газета. – 1881. – № 39.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Beljaev A. P. Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom [Recollections of a Decembrist of his past and experience] / A. P. Beljaev. – Krasnojarskoe Knizhnoe izdatel'stvo : Krasnojarsk, 1990. – 199 p. [in Russian].
2. Wojciechowski N. I. Moi vospominaniya [My memories] // Arhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeja. Op. 4, d. 227. Mashinopis'. [in Russian].
3. Zlobin M. V. Dekabristy A. A. i N. A. Krjukovy: biograficheskiy material o zhizni i dejatel'nosti [The Decembrists A. A. and N. A. Kryukov: biographical material about the life and work] // Minusinskij gorodskoj arhiv. – 1989. Rukopis'. [in Russian].
4. Iskra Il'icha : gazeta [Iskra Ilichia : newspaper]. – 1991. – N 16. [in Russian].
5. Ватин В. А. Kennan v Minusinske [Kennan in Minusinsk] / В. А. Ватин // Sibirskie zapiski : literaturnyj, nauchnyj i politicheskij zhurnal [Siberian papers : literary, scientific and political journal]. – Krasnojarsk, 1916. – N 3. – P. 71-93. [in Russian].
6. Kuz'mina T. G. B. N. Wojciechowski: minusinskij muzykant, pedagog [B. N. Wojciechowski: the musician and teacher of Minusinsk] / T. G. Kuz'mina // Iskustvo glazami molodyh : materialy VII mezhdunarodnoj (II Vserossijskoj) nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh [Art through the eyes of youth : materials of VII international (the II all-Russian) scientific conference of students, postgraduates and young scientists]. KGAMiT. – Krasnojarsk: FGBOU VPO KGAMiT, 2015. – P. 104-106. [in Russian].
7. Kuz'mina T. G. Literaturno-Muzykal'no-Dramaticheskoe Obshchestvo v dorevoljucionnom Minusinske [The Literature and Music and Drama Society] / T. G. Kuz'mina // Molodezh' i nauka 21 veka : sb. statej laureatov III Vserossijskogo (II mezhdunarodnogo) konkursa nauchnyh rabot studentov i aspirantov [Youth and science of the 21st century : collection of papers of winners of the III all-Russian (II international) competition of scientific works of students and graduate students]. – KGAMiT; Krasnojarsk, 2015. – P. 33-43. [in Russian].
8. Minusinskij vestnik [Vestnik of Minusinsk]. – 1916. – N 43, p.1; N 46, p. 1. [in Russian].
9. Minusinskij gosudarstvennyj arhiv, f. 599, op. 1, d. 262. Tematicheskie zaprosy uchrezhdenij, grazhdan i otvety na nih [The thematic requests of the institutions, citizens and the answers to them]. [in Russian].
10. Minusinskij gosudarstvennyj arhiv, f. 100, op. 1, d. N 1-38. Perepiska semej N. Wojciechowskogo i V. Kozhenevskogo (1870-1925, konvertirovannye pis'ma, bez ukazaniya del) [Correspondence of the families of N. Wojciechowski and V. Korzeniowski (1870-1925, converted the letters, without specifying the cases)]. [in Russian].
11. Sibirskaja gazeta [Siberian newspaper]. – 1881. – N 39. [in Russian].

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.049>

Лаврентьева Е.С.

Аспирант, ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания»

при Министерстве культуры Российской Федерации,

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРОБНИЦЫ БОГОРОДИЦЫ В ЭПОХУ КРЕСТОНОСЦЕВ: ПЕРЕУСТРОЙСТВО ИЛИ СОХРАНЕНИЕ КОНСТРУКЦИИ?**Аннотация**

В данной статье рассматриваются особенности восстановления Гробницы Богородицы в эпоху Крестовых походов и характерные черты архитектурного убранства, определяющие стиль крестоносцев. Оформление экстерьера кувуклии, внутри которой находится святой Гроб, было создано согласно определенной программе. Ее стены были оформлены слепой аркатурой. Арки имели слегка стрельчатую форму. Предположительно, на уровне капителей располагался скульптурный фриз. Стены завершались карнизом с растительным орнаментом. Кувуклия церкви Успения в Гетсимании восстанавливалась почти в одно время с кувуклией Храма Гроба Господня под покровительством латинского патриарха Иерусалима Арнульфа де Роола. Обе святыни являлись первыми объектами, восстановленными крестоносцами. Однако созданный в 12 веке облик кувуклии Богородицы, напоминавший миниатюрную церковь, в настоящее время почти утрачен. На базе сохранившихся фрагментов декоративного убранства была создана реконструкция кувуклии. Это позволило поставить вопрос о замысле восстановительных работ крестоносцев: заключался ли он в переустройстве, или же в сохранении конструкции.

Ключевые слова: Гроб Богородицы, кувуклия, церковь Успения в Гетсимании, Первый Крестовый поход, архитектура Иерусалима.

Lavrentyeva E.S.

Postgraduate Student,

The State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of Russian Federation

RESTORATION OF THE TOMB OF THE VIRGIN MARY DURING CRUSADES: REARRANGEMENT OR PRESERVATION OF ITS CONSTRUCTION?**Abstract**

In this article the crusader restoration features is under consideration in case of the architectural appearance of aedicule which contains the Tomb of the Virgin Mary. The walls of aedicule were surrounded with blind arcade in which two entrances were located from the north and west. The arches of this arcade had slightly-lowered pointed form. Presumably at the level of capitals there was a sculptural frieze; higher on the facade there was a limbum with inscription. The end of the façade was decorating with cornice. The aedicule of the Assumption church in Gethsemane and the aedicule of the Church of the Holy Sepulchre were restored in one time together under the patronage of the Latin patriarch of Jerusalem Arnulf von Chocques. Both shrines were the first objects restored by crusaders. However the appearance of the Virgin aedicule created at the beginning of 12th century and reminded a church is almost lost now. Some architectural fragments of decoration were preserved. The reconstruction of crusader aedicule was created on the remained material. All of this can help in the definition of the main line of the crusader restoration works: rearrangement or preservation of the architectural construction.

Keywords: Tomb of the Virgin Mary, aedicule, the church of the Assumption in Gethsemane, First Crusade, the architecture of Jerusalem.

Introduction

The Crusades began at the end of the 11th century with the speech of the Pope Urban II who appealed to support the Byzantine emperor Alexios I Komnenos in his military campaign against the Seljuk Turks. This appeal arose to the First Crusade during which the Holy Jerusalem was conquered 15 July 1099 and was under the Latin rule until 2 October 1187 when it was surrendered to Salah ad-Din. Later the city was won back by Franks again and was held on till 1244.

As soon as Crusaders declared Jerusalem the capital of the new Christian state, the Kingdom of Jerusalem, the great campaign of church restoration began which was lasted throughout the first half of the 12th century and led to new architectural style formation, "crusader style". Restoration of the main shrines in Christian world, the Tomb of Jesus and the Tomb of the Virgin Mary, was the most important purpose primarily realized.

The aim of this study is the analysis of the unique architectural appearance of aedicule which is contained the Tomb of the Virgin, and the definition of the main line of the crusader restoration works: rearrangement or preservation.

The Church of the Assumption in Gethsemane

In 12 century the first restoration works began with aedicule of the Tomb of Christ in the Church of the Holy Sepulchre and aedicule of the Tomb of the Virgin in the Church of the Assumption in Gethsemane. It was started in the 1110-s under the patronage of the Latin patriarch of Jerusalem Arnulf von Chocques [3, P. 60; 5, P. 63; 7, P. 289].

The church of the Assumption is located on the southern side of Mount of Olives and separated from the old City of Jerusalem with the Kidron Valley where there was a river which had dried up by the beginning of the 20th century. The architectural appearance of the church and its interior belongs to the Crusaders time. In the first half of the 12th century Benedictines built the abbey which was located on the area of the church of the Assumption and to the West where now an olive garden is situated [3, P. 60; 6, P. 118].

In accordance with medieval plans of Jerusalem and written sources it is known that the church had a double structure: a crypt and the upper church. Nowadays there is only the crypt with beautiful entrance on south from which the great stairs leading down to the naos of the Church and aedicule.

The aedicule itself is located in the eastern part of a crypt and its glorious appearance assimilates by the whole church. Presumable date of its creation is the second half of the 5th century when the space of necropolis (kokhim) in the rock was transformed to the round church crypt with the purpose to select the funeral chamber with the Tomb of the Virgin. Due to the

creation of centric space the adjacent burials were destroyed except one which is near of the aedicule, inside the northern rock wall [3, P. 20–30].

The aedicule of the Tomb of the Virgin Mary

The size of aedicule permits to get walk around it. It looks like the church inside the crypt. There are two small doorways: one is an entrance from the west, the second one is an entrance from the north. It seems that the second doorway was created shortly before the beginning of crusader restoration works for better pilgrim movement. There is a place for the liturgy and for the prayers of pilgrims inside the aedicule.

The aedicule has no foundation. Its modern basement (conserved from 12th century) concludes the remains of the rock walls which initially were full value walls. Over time the fragility of the rock occasioned for the walls building with block stones. During the crusader restoration a large amount of precious stone and metals were in use. The interior of the aedicule was faced with marble of ashy color that defined its local origin [7, P. 302].

Also there is no possibility to give an extant date of the beginning and ending of this restoration. But according to comparison of written sources created during the first half of 12th century one can see the approximate dates. One of the brightest descriptions of Tomb of the Virgin belongs to the Russian Abbot Daniel, "The Life and Pilgrimage of the Russian Abbot Daniel in the Holy Land" (1106–1107). It is thought that he saw and described all shrines of Jerusalem before the Crusader restoration [1, P. 175].

From the letter of the Jerusalem patriarch Arnulf von Chocques it is known that restoration of the Tomb of the Virgin had been entrusted to Benedictine monks and by 1112 works had been begun already [2, P. 60]. At the same time the aedicule in the Church of the Holy Sepulchre was restored and completed by 1119. Restoration of both aedicules was the events connected with activity of the patriarch Arnulf and was lasted from 1112 to 1118 or maybe less [3, P. 60–62], [7, P. 288–289].

After the restoration works by Franciscans in 1972–1974 a number of architectural and sculptural fragments of the 12th century were revealed [3, Plates 29–34]. Some of them decorate the aedicule exterior till nowadays, e.g. a sculptural lintel of the door of the northern façade. There are two decorative scrolls with fantastic animals, the most favorite motive of medieval sculptors, and a human figure in the middle of the lintel surface. Scholars thought the origin of this lintel referred to the 12th century. But according to stylistic and iconographic analysis it is clear that such relief can be referring to Early Christianity. It seems that the lintel was used as a spolia for decorating the aedicule during the restoration of the 12th century.

The walls are surrounded with remains of sixteen columns bases of early Crusaders time, diameter of the column – 17 cm. earlier there was a blind arcade continued on all four walls with intercolumniation – c. 46 cm. The unique feature of this blind arcade is **the odd number of columns** on each wall of the aedicule which is constructed with the angular column belonging to both facades at the same time. Usually there is even number of columns on the Christian church façades.

In the pre-crusader text of the Abbot Daniel it is mentioned that in width aedicule had "four inches in both directions" [1, P. 175]. One inch is equal to c. 46 cm. One can see his words indicated to the length of space between columns, thus coincided with intercolumniation. For the reason that Abbot Daniel saw the Byzantine aedicule before the beginning of restoration works, his words indirectly demonstrates that restorers kept appearance of a shrine which became a traditional for the Christian world. At the same time crusaders added new architectural features such as slightly lowered pointed arches.

Possible reconstruction of the crusader aedicule

There were a lot of architectural fragments found in the northern arm of a crypt: cornices, abacuses, capitals, other decorative remains. Their small sizes were the reason to think that these fragments were a part of the decorative program of aedicule. According to M. Piccirillo pieces of small spiral columns could be used in the crusader ciborium construction which was on the top of aedicule by the analogy with the aedicule of the Church of the Holy Sepulchre [3, P. 77]. And the unique fragment of the arcade skewback demonstrated the connection of two arches into one arch shoe. Definitely that was a special feature of the crusader architecture. The sarcophagus with three round windows was also made by medieval masters of the first quarter of the 12th century [4, P. 145], [7, P. 302].

The only reconstruction of aedicule was offered by A. Prodomo [3, P. 74, Fig.], [19, P. 59–82]. The following composition of the wall façade was consisted of blind arcade with slightly-pointed arches, sculptural frieze at the level of capitals, limbum (the cornice above the arches with inscriptions), and sculptural cornice completed the façade. On the top of the aedicule there was a ciborium stood above the oculus of the cupola. The dome of the ciborium was based upon six pair of spiral columns and completed with a small dome. One can find such reconstruction is rather apposite [7, P. 301–302].

Unfortunately the crusader aedicule couldn't preserve its initial appearance. During next centuries in written sources it was described as a small chapel, square in the plan without any decorative program. No one can say precisely when the aedicule lost its beautiful decorations.

Conclusions

The architectural image of aedicule always had a huge value for Christian world. That is the cause why the restoration works during Crusaders time aimed to preserve the construction and its decorative program not to rearrange. The analysis of the remained fragments and reconstruction has shown that the previous shape of aedicule and decoration of its walls weren't changed: all measurements used earlier were kept and formalized the appearance of crusader aedicule.

However there were some new architectural features in the appearance of the aedicule after restoration works, e.g. using the slightly lowered pointed arches of the blind arcade was a distinctive feature of crusader architecture. Therefore the restoration in 12th century showed there was only one prototype for aedicule recovery – the previous aedicule created by Byzantine architects. Such position of restoration program characterized crusaders builders as renovators but also as preservers of Holy Shrines.

Список литературы / References

1. Daniel the Abbot. 'The life and journey of Daniel, abbot of the Russian land' // Wilkinson J., Hill J., Ryan W. F. Jerusalem pilgrimage, 1099–1185 / J. Wilkinson, J. Hill, W. F. Ryan. – London: Hakluyt Society, 1988. – P. 120–176.
2. Letter from the Patriarch Arnulfus of Rohes (Arnulf von Chocques), 1112 // Bagatti B. New Discoveries at the Tomb of the Virgin Mary in Gethsemane / B. Bagatti. – Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1975. – P. 60.

3. Bagatti B., Piccirillo M., Prodomo A. New Discoveries at the Tomb of the Virgin Mary in Gethsemane / B. Bagatti. – Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1975. – 95 p.
4. Corbo V. C. Ricerche archeologiche al Monte degli Ulivi / V. C. Corbo. – Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1965. – 167 p.
5. Folda J. The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098–1187 / J. Folda. – New York: Cambridge University press, 1995. – 714 p.
6. Johns C. N. The Abbey of Saint Mary in the Valley of Jehoshaphat / C. N. Johns // The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine. – 1939. – Vol. VIII. – P. 117–136
7. Pringle D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus. Vol. III: The City of Jerusalem / D. Pringle. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 506 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.069>

Логина М.В.

ORCID 0000-0003-1405-0976, Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ФОРМ В СЦЕНИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ: ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ*Аннотация*

В статье рассматривается экспрессия (выразительность) как искусствоведческая проблема, получившая оформление в трудах отечественных исследователей С. М. Волконского и С. М. Эйзенштейна и имеющая актуальность для современных исследований по эстетике, философии искусства. Определена многозначность экспрессионистских теорий и специфика выразительности в сценическом искусстве; показана актуальность проблемы выразительности в русском и зарубежном искусстве XX столетия.

Ключевые слова: выразительность, экспрессия, форма, интонация, пластика.

Loginova M.V.

ORCID 0000-0003-1405-0976; PhD in Philosophy, Professor

National Research Mordovia State University

EXPRESSIVENESS OF FORMS IN SCENIC ART: ART CRITICISM ASPECT*Abstract*

The article deals with the expression (expressiveness) as the art criticism problem that has been studied in works of native researchers S. M. Volkonsky and S. M. Eisenstein and has relevance for modern research in esthetics, art philosophy. The polysemy of expressionistic theories and specifics of expressiveness in scenic art is defined; relevance of the expressiveness problem in the Russian and foreign art of the XX century is demonstrated.

Keywords: expressiveness, expression, form, intonation, plasticity.

Обсуждение проблемы экспрессии в сценическом искусстве как специфического феномена не ограничивается вычленением его локальных технических единиц (или их совокупности) в художественном контексте. Проблема оказывается многозначной и многослойной в силу ее глубокой причастности к проблеме выражения/выразительности человеком своей сущности во внешних формах и касается внешней выраженности всех объектов реальности, природы, универсума.

Сложилось несколько традиций в изучении выразительности, которые условно можно обозначить как психолого-физиогномическое, восходящее к Ч. Дарвину, Л. Клагесу, философско-эстетическое, идущее от Аристотеля и искусствоведческое (Г. Вельфлин). В современной гуманитарной науке это понятие приобретает статус категории и связано с разработкой онтологического подхода к культуре и искусству. Проблема выразительности в общетеоретическом аспекте посвящен ряд работ [5], [6]. В данной статье содержится анализ экспрессии в искусствоведческом аспекте.

В начале XX века в исследовании Вельфлина прозвучала мысль, что сила творческой неповторимости способна изменить язык искусства и придать ему в «определенную эпоху, только определенную “форму выражения”» [2, С. 384]. Он выявил свойства линейности и живописности, плоскости и глубины, замкнутой и открытой формы в живописи, архитектуре. Вельфлин акцентирует формы подражания и декоративности, красоты и выразительности, отмечая периодичность эволюции в наблюдаемом им искусстве начала XX века.

В сфере сценического искусства понятия выражения, выразительности приобретают особое значение, однако их сложно интегрировать в общее содержание, т.к. в синтетическом виде искусства феномен выразительности многообразен и с трудом поддается определению.

В обобщающем труде по театру П. Пави определяет выразительность как «экспрессионистскую» концепцию. Он отмечает, что театральная выразительность мыслится в соответствии с классицистским видением как экстерииоризация и выявление глубинного смысла, как движение изнутри вовне. Экспрессия в классической традиции реализуется в актерской технике (жестах, мимике, теле). Однако недостаток классической выразительности заключается в том, что она завышает значение содержания в «ущерб выразительной материи» [7, С. 47]. Именно актер через выражение внутреннего содержания раскрывает выразительную форму.

В истории искусства выразительность содержательно связана с экспрессионизмом нач. XX века. Изучая это направление искусства, английский эстетик Х. Осборн пришел к выводу, что вопрос о «выражении» оказался теоретически более сложным, чем привычное толкование его как трагического состояния бытия [9].

Исследователи экспрессионизма признают его разноликость, объединяющим моментом которой являются больше

философия и психология, чем стиливые признаки. Обостренная чувственность, переживание страха и «желание говорить громким голосом, а то и кричать», – таковы признаки экспрессионизма, которые выделяет Д.В. Сарабьянов [8, С. 471]. Экспрессионизм свидетельствует не только о глубинном изменении сознания, но поисках выразительной формы, теоретическим осмыслением которой занялась феноменология.

Увлечение Г.Г. Шпет конструктивными концепциями феноменологии, герменевтики выводит на разработку проблемы смысла, а позднее на создание трудов, в которых основное внимание уделяется анализу субъекта, субъективности и экспрессии. В своих обоснованиях в духе гегелевской традиции он утверждает, что дискуссии по фундаментальным вопросам эстетики (красоты и характерности, идеала и реальности) касаются, в основном, вопроса отношения внутренних форм «поэтических и экспрессивно-символических» [10, С. 215].

Применительно к области искусствознания, Шпет рассматривает театр как самостоятельное сценическое искусство, спецификой которого является экспрессия. Поэтому искусствознание должно пересмотреть методологию изучения сценического искусства с позиций «естественной экспрессивности и ее условного символического оформления» [10, С. 215]. Это чрезвычайно точная постановка проблемы, требующая дальнейшего развития. Однако его идеи были разработаны лишь в виде эстетико-феноменологических фрагментов. Шпет отмечает, что внутренние формы погружены в бытие и организуют его как «алгоритмы осуществляемого смысла» [10, С. 203]. При этом выразительное отличается от эстетического удовольствия тем, что оно не сводится к внешнему выражению как оформленности при помощи «простых акустических или оптических дат».

Дискуссии о выразительной форме оказались в центре внимания теоретиков и практиков искусства, т.к. вопрос заключался в том, является ли произведение искусства чистой формой или выражением духовной субстанции. Рассматриваемая как со-бытие, экспрессивная форма объединяет витальность (жизненный порыв) и феноменологическую интенциональность (направленность, энергичность). Событийность выразительной формы заключается в достижении тождества между субъектом и объектом.

Отметим, что идеи приложения выразительности к сценическому искусству были представлены С.М. Волконским. С 1910-х г. он активно печатается в журналах, поддерживает новые течения в искусстве, пропагандируя методы музыкально-ритмического воспитания (ритмики) Э. Жак-Далькроза и систему выразительных жестов Ф. Дельсарта.

Волконский не только проводник чужих идей, но и выразитель оригинальных идей в области искусствознания и эстетики. Способности человека проявляются и воспринимаются двояко, – либо зрением, либо слухом. Концептуально это находит выражение в определении бинарных оппозиций (зрение–слух, пространство–время, тело–голос, пластика–речь), проявляющихся в сценическом искусстве. В книге «Человек на сцене» [4] рассматриваются визуальные формы выражения (телоположение и телодвижение). Вербальным формам выразительности (звуку, слову, речи) посвящена работа Волконского «Выразительное слово», в которой он пишет: «Слишком много говорят у нас о чувствах и слишком мало обращают внимания на то, что речь есть механика, такая же механика, как телодвижение: человек весь – машина» [3, С. 10]. Он уделяет внимание вопросам актерской техники, т.к. через голос и жест проявляется «живчик» сценического действия. Особая роль принадлежит жесту, усиливающему значение слова и интонации.

Практическая система подготовки актера Волконского позднее повлияла на взгляды теоретика кино, режиссера С. М. Эйзенштейна, который также придавал значение интонации, связывая ее не только с голосом, но и пластикой актера [11, С. 460]. Здесь нельзя не упомянуть учение Б. В. Асафьева об интонации, тяготевшего к общеэстетической ее трактовке: «Мысль, чтобы стать звуково выраженной, становится интонацией... Интонация – качество осмысленного произношения» [1, С. 211, 259]. В его концепции интонирование – деятельность человеческого интеллекта, особая интонационная форма мышления.

Выразительное соединение пластики и музыки, с точки зрения Волконского, не довольствуются формой, стремятся осмыслить себя содержанием; пластика осуществляется в пантомиме, а музыка – в слове. В этом заключается диалектика сценического искусства, «снимающего» напряженность бинарной оппозиции «пространство–время», «зрение–слух», «тело–голос».

Пластике (жесту) придавали значение многие деятели сценического искусства. История театра свидетельствует о том, как в последние годы своей режиссерской деятельности К. С. Станиславский подводил актеров к необходимости не только взглядом и мимикой, но всем телом выражать сущность сценической ситуации. М. Чехов называл пластическую выразительность «красноречием тела», обучая актеров тому, чтобы через телесность выражать духовность. Тело актера превращается, тем самым, в форму для передачи содержания, т.е. содержательную форму. Дальнейшая разработка проблем пластической выразительности представлена у С.М. Эйзенштейна: «Она и только она [человеческая выразительность] – надежная опора и источник, питающий мастерство формы» [11, С. 248]. Лаконичная форма изложения представляет квинтэссенцию его мыслей о режиссерском творчестве. Задача режиссера заключается в создании выразительных образов. «Выразительное – “разящее” – воздействующее», – заключает он [11, С. 321]. Для Эйзенштейна выразительность – основа бытия искусства, необходимая для понимания внутренних закономерностей искусства. Он делает вывод о необходимости изучения не только теории выразительности человека, но и истории эволюции выразительности как категории культуры.

Таким образом, значение выразительной формы в сценическом искусстве состоит не только в напряженной передаче индивидуальных черт исполнителя, но и эмоциональном «напряжении» зрителей. Являясь со-бытийной по своей природе, экспрессия, сближает человека с миром, т.к. актер на сцене изображает внешне то, что в нем существует внутренне.

Список литературы / References

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев. – Л. : Музыка, 1971. – 376 с.
2. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусства. Проблема эволюции стиля в новом искусстве / Г. Вельфлин. – СПб. : Мифрил, 1994. – 398 с.

3. Волконский С. М. Выразительное слово. Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетике : речи в жизни и на сцене / С. М. Волконский. – СПб. : Сириус, 1913. – 215 с.
4. Волконский С. М. Человек на сцене / С. М. Волконский. – СПб. : Аполлон, 1912. – 183 с.
5. Логинова М. В. Проблема молчания в культуре / М.В. Логинова// *Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Т. 3: Культурная динамика* / Отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб. : Алетейя, 2008. С. 309-320.
6. Логинова М. В. Выразительность молчания как проблема эстетической онтологии / М. В. Логинова – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. 2003 – 168 с.
7. Пави П. Словарь театра / П. Пави. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
8. Сарабянов Д. В. В ожидании экспрессионизма и рядом с ним / Д. В. Сарабянов // *Искусствознание*. – 2002. – № 2. – С.471–480.
9. Современная западноевропейская и американская эстетика / Под ред. Е. Г. Яковлева. – М. : Университет, 2002. – 224 с.
10. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова / Г. Г. Шпет – М. : Ком Книга, 2006. – 216 с.
11. Эйзенштейн С. М. Психологические вопросы искусства / С. М. Эйзенштейн. – М. : Смысл, 2002. – 335 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Asafyev B.V. Muzykanlaya forma kak protsess [Music form as a process] / B.V. Asafyev – L. : Musyka, 1971. – 376 P. [in Russian]
2. Velflin G. Osnovnyye ponyatiya istorii iskusstva. Problema evolyutsii stilya v novom iskusstve [Basic concepts of history of art. The problem of evolution of style in new art] / G. Velflin. – Spb. [Saint Petersburg] : Mifril, 1994. – 398 P. [in Russian]
3. Volkonskiy S. M. Vyrazitelnoye slovo. Opyt issledovaniya I rukovodstva v oblasti mekhaniki, psikhologii i estetike : rech v zhizni I na stsene [Expressive word. Experience of research and management in the field of mechanics, psychology, philosophy and esthetics: speeches in life and on stage] / S. M. Volkonskiy – Spb. [Saint Petersburg] : Sirius, 1913. – 215 P. [in Russian]
4. Volkonskiy S. M. Chelovek na stsene [A man onstage] / S. M. Volkonskiy – Spb. [Saint Petersburg] : Apollon [Apollo], 1912. – 183 P. [in Russian]
5. Loginova M. V. Problema molchaniya v culture. [The problem of silence in culture] / M. V. Loginova // *Fundamentalnyye problem kulturologii: V 3: Kulturnaya dinamika* / Otv. red. D. L. Spivak. [Fundamental problems of cultural science: In 4 v. V. 3: Cultural dynamics / Editor in chief D. L. Spivak.] – Spb [Saint Petersburg] : Aleteya, 2008. P. 309-320. [in Russian]
6. Loginova M. V. Vyrazitelnost' molchaniya kak problema esteticheskoi ontologii [Expressiveness of silence as esthetic ontology problem] / M. V. Loginova – Saransk : Izdatelstvo Mordovskogo Universiteta [Mordovia State University publishing house]. 2003 – 168 P. [in Russian]
7. Pavi P. Slovar' teatra [The dictionary of theatre] / P. Pavi – M. : Progress, 1991. – 504 P. [in Russian]
8. Sarabyanov D. V. V ozhidanii ekspressionizma i ryadom s nim [Waiting for expressionism and being next to it] / D. V. Sarabyanov // *Iskusstvovoznanie* [Art criticism]. – 2002. – № 2. – P. 471–480. [in Russian]
9. Sovremennaya zapadnoevropeiskaya i amerikanskaya estetika [Modern Western European and American esthetics] / Pod. red. E. G. Yakovleva [Editor in chief E. G. Yakovlev]. – М. : Universitet [University], 2002. – 224 P. [In Russian]
10. Shpet G. G. Vnutrennyaya forma slova [The inner form of the word] / G. G. Shpet M. : Kom Kniga, 2006. – 216 P. [in Russian]
11. Eisenstein S. M. Psikhologicheskiye voprosy iskusstva [Psychological issues of art] / S. M. Eisenstein – М. : Smysl, 2002. – 335 P. [in Russian]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIESDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.139>**Баркова О.И.**

ORCID: 0000-0002-2868-7700, кандидат философских наук, Юридическое агентство «Антикризисный центр»

**ЕВРОПЕЙСКИЙ УРБАНИЗМ МОДЕРНА. РУССКИЙ УРБАНИЗМ ЭПОХИ АМПИР.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ****Аннотация**

Дезиндустриализация городов-миллионников, демунципализация городского хозяйства за счет его приватизации, привели к снижению жизненного уровня огромного количества горожан, спаду их реальных доходов, послужили катализатором постоянно ужесточающейся борьбы за существование. Проблема роста городской бедности потеряла перспективу разумного решения средствами дальнейшего развертывания урбанизма, чреватого либо планомерным расформированием городов, либо стихийной пауперизацией и вымиранием населения. Возможно, распад социума приведет к новому объединению, сначала в малые, а потом во все укрупняющиеся сообщества. Но, какого культурного типа? Возможен ли возврат к городу модерна или эпохи ампира? Есть ли такие предпосылки?

Ключевые слова: дезиндустриализация, демунципализация, резонность концентрации населения в городах, промышленная социальность, постиндустриальная социальность, эпоха ампира.

Barkova O.I.

ORCID: 0000-0002-2868-7700, PhD in Philosophy, Law firm "Crisis Management Group"

EUROPEAN MODERN URBANISM. EMPIRE-STYLE RUSSIAN URBANISM. CULTURAL DIFFERENCES**Abstract**

Deindustrialization of cities with a million-plus population, demunicipalization of urban economy has resulted in reduction in the living standards of large number of citizens, decline in the real incomes, and led to a struggle for existence which is constantly getting severe. The problem of urban poverty growth has lost a perspective of reasonable solution by means of further development of urbanism, which can result in a systematic dissolution of cities or a spontaneous pauperization and extinction. Was the disintegration of society predetermined to make a formation of communities, being small at first, and gradually increasing, happen in turn? What cultural type they will belong to? Is it possible to return to the city of Modernity or the Empire style epoch?

Keywords: deindustrialization; demunicipalization; reason for concentration of population in urban areas; industrial sociality; post-industrial sociality; Empire style epoch.

По М. Фуко, центральное понятие всякого государства — дисциплинирование совокупности населения. Но «наложение рациональных систем на нечто, быстро движущееся, беспокойное и постоянно ускользающее весьма проблематично». [3] Одним из главных контролеров над подданными в централизованном государстве стал город. М. Фуко отмечал усиление контроля над передвижением населения по мере превращения государства в империю. Ампи́р – стиль зрелого *этатизма* (от фр. *Etat* – государство). Александр Бенуа писал, что город ампира «является произведением искусства и питомником государственной эстетики» [1, С. 12]. Париж, Вена, Петербург – это декорации к торжественной мистерии жизни. Арена культурной монополии избранного сословия – дворянства.

Столицы и крупнейшие города административного значения стали городами-ансамблями. Упорядочивание уменьшило энтропию. Но дальнейшее углубление урбанизации актуализировало процесс «заморозки» и «кристаллизации» общества.

Ещё большему повышению роли урбанизации в архитектонике государства способствовала эпоха модерна. Культурная монополия дворянства была разрушена вторжением вкусов третьего сословия. «На протяжении десятков лет и Петербург и Москва оставались дворянскими столицами и лишь к концу века, вместе с ростом промышленности, начали развиваться как метрополисы. Из экономического и политического доведка к деревне город постепенно превратился в самостоятельный очаг национальной культуры» [1, С. 7]. Продуктом развития техники стала технологизация городов, привнесение технической эстетики, дизайна. Вокруг создания материальных ценностей сформировалась невиданная ранее форма социальной – огромный производственные коллективы (в западном варианте – корпоративного типа, в России – по типу общин). Промышленная социальность стала важнейшей «скрепой» нации, фундировавшей всё бытие общества – от дружбы и взаимопомощи людей, их продвижения по социальной и имущественной лестнице до создания семей и династий.

В Европе этатизм и индустриализм оказались вещами несовместными этически и культурно. Индустриализм запада сопровождался идеей свободного рынка, выхода государства из экономики – «*Laissez-faire*».

Промышленный расцвет, пришедший в России на советский период, не сопровождался поощрением частной инициативы. В Европе с усилением государства ослаблялась частная инициатива, и наоборот. Расцвет промышленности, сделавший города высокотехнологичными, привел к закату ампира (ансамблевости, государственной символики, иерархичности планировки).

Внезапно грянувшая на Западе дезиндустриализация привела к угасанию промышленной социальности. «Промышленный пролетариат, а тем более «организованный и сознательный рабочий класс» – дело прошлое. < ... > Его практически нет, поскольку нет прежних громадных заводов и фабрик. Те, кто раньше шел на завод, идут в офис, в магазин, в автосервис и в охрану. Разбухшая сфера услуг поглотила рабочий класс и отчасти сделала его нерабочим; превратила в людей, которые не производят даже услуг в простом и понятном смысле слова «услуга» [2].

В Российской Империи этатизм и индустриализм вступили между собой в непримиримое противоречие, приведшее к Октябрьской революции. Русский этатизм превратился в советский. Органы государственной власти необыкновенно усилились, возглавив индустриализацию. Пики двух волн урбогенеза синхронно пришлись на

советскую эпоху. Возникло специфическое советское понятие: «сталинский ампи́р», вбиравшее всё лучшее из планировочно-архитектурного наследия петровской и екатерининской эпох, помноженное на промышленную мощь и грандиозный послевоенный энтузиазм. Ещё одна особенность русского ампира – «восточный» вектор развития.

В течение полутысячи лет, начиная с XV века, Россия непрерывно развивалась в восточном направлении, не успевая в стремительном обретении новых территорий за их полноценным освоением. Попадая по мере продвижения во всё менее цивилизованные районы. Излишне долго задержавшись на этапе строительства «чернового цикла», мы так и не перешли во многих населенных местах к этапу их украшения.

Советский ампи́р как художественное оформление атрибутов государственной власти, сочетался с не менее парадным оформлением заводов, электростанций и т.п., которые царили над обществом, а власть была «при них». В «сталинском ампи́ре» городу как совокупности жилищ была отведена служебная роль, второстепенная, а может, и третьестепенная по отношению к промышленному производству. Город в русской истории всегда служил для какой-то грандиозной цели. И не был «вещью в себе», но «вещью для нас».

Сегодня положение города, его смыслы меняются вновь. Инициаторы глобализма всеми силами пытаются отвлечь Россию как от этатизма, так и от индустриализма, навязывая *новую урбанистическую доктрину гиперурбанизации*. Города народов, которые не смогли противостоять этой *новой доктрине*, выглядят как клоны друг друга. Постиндустриальный город – это, главным образом «кристаллизация оседлости», но одновременно это искусственное, контрструктурное образование – город-каша. Причем, кристаллизованная, замороженная.

Дезиндустриализация городов-миллионников, демуниципализация через приватизацию городского хозяйства, привели к снижению жизненного уровня огромного количества горожан, спаду их реальных доходов, послужили катализатором постоянно ужесточающейся борьбы за существование. Проблема городской бедности потеряла перспективу разумного решения средствами дальнейшего развертывания урбанизма. По данным Росстата постиндустриальные города-миллионеры перегоняют сельскую местность по уровню безработицы. Начиная с 2014 г. рост занятости РФ наметился в селах. Доля людей, занятых интеллектуальным трудом в гипер урбанизированном обществе слишком мала. Гиперурбанизация – это новый вид *ложной урбанизации*. Если не будут приняты меры по плановому расформированию ложных городов, наступит, либо стихийная пауперизация и вымирание их населения, либо «одеревеневание», а в районах, окружающих нынешние супер города возникнут огромные пятна застройки сельского типа. Обществу в эпоху «постиндустриализма» осознающему тщету навязанной извне, поданной в готовом виде стратегии, придется предпринимать меры для спасения людей. Распад социума не может длиться бесконечно. Произойдет новое объединение в малые, а потом во все укрупняющиеся сообщества. Возможно, вернутся черты модерна или ампира.

Город русского ампира был богат институциями (Табель о рангах, Императорская Академия художеств, Императорские театры, министерство Двора, Церемониальная часть и т.д.). Город модерна – это город технологий.

Российский цивилизационный урбаногенетический код располагает к построению совокупности взаимосвязанных городов, являющихся центрами организации территорий. Государство здесь – контролер баланса между городами как центрами территорий. Образно говоря, Россия «обречена на ампи́р».

Но, скорее всего, из социокультурного кризиса страну выведет не государство, а гражданское общество, предложив новую философию и архитектуру социального пространства. Как это уже было однажды во времена народного ополчения Минина и Пожарского.

Список литературы/References

1. Берар, Е. Империя и город / Ева Берар; пер. с франц. М.Неклюдовой. –М.: Новое литературное обозрение, 2016 – 344 с.
2. Драгунский, Д. Денис Драгунский о возвращении пролетарской диктатуры [Электронный ресурс] / Д. Драгунский. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/6094725.shtml> (дата обращения: 25.01.2017).
3. Урри, Дж. Мобильности [Электронный ресурс] /Дж. Урри. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mobilnosti> (дата обращения 05.02.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berard, E. le crépuscule du Pétersbourg impèrial [Imperiya I gorod] [Empire and the city] / Ewa Berard; per. s franc. M.Nekljudovoj. –М.: Новое литературное обозрение, 2016 –344 p. [in Russian]
2. Dragunskij D. Denis Dragunskij o vozvrashhenii proletarskoj diktatury [Denis Dragunskij on the return of the proletarian dictatorship] [Electronic resource] .<https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/6094725.shtml> (accessed: 25.01.2017).
3. Urri, Dzh. Mobil'nosti [Urry, J.. Mobility]/ Urry, J.. . [Electronic resource] : <http://cyberleninka.ru/article/n/mobilnosti> (accessed: 05.02.2017). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.099>

Потапчук Е.Ю.

Кандидат культурологии, доцент,

Тихоокеанский государственный университет

МОТИВ СНА В РОМАНЕ М. ПАВИЧА «ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ»**Аннотация**

В данной статье рассматриваются система образов и структура романа М. Павича «Хазарский словарь». Автор публикации обнаруживает, что классик постмодернизма – М. Павич – использует сон не только как мотив и художественный образ, но и литературное произведение в целом, а также литературно-философское творчество вообще уподобляет сновидению, поскольку это состояние позволяет человеку осуществить прорыв в сферу трансцендентного. Изложенные в статье наблюдения и обобщения позволяют точнее понять художественные идеи и принципы М. Павича и литературного постмодернизма.

Ключевые слова: М. Павич, «Хазарский словарь», мотив сна, философия художественного творчества, идея культурного единства.

Potapchuk E.Y.

PhD in Culture Studies, Associate Professor,

Pacific National University

MOTIVE OF DREAM IN THE NOVEL "DICTIONARY OF THE KHAZARS" BY M. PAVIC**Abstract**

This paper presents the images and the structure of "Dictionary of the Khazars" novel by M. Pavic. The Author of this study reveals that the classic of postmodernism, M. Pavic, uses a dream not only as a motive and artistic image, but also a literary writing as a whole, as well as literary and philosophical creativity in general he compares to a dream, since this state allows a person to make a breakthrough in the transcendental field. The observations and generalizations presented in the paper allow to understand artistic ideas and principles of M. Pavic and literary postmodernism more precisely.

Keywords: M. Pavic, "Dictionary of the Khazars", motive of dream, philosophy of art, idea of cultural unity.

Моему сербскому другу с благодарностью

Произведения Милорада Павича (1929–2009) давно уже признаны литературной классикой и образцом постмодернистского искусства. Наиболее известное и нашумевшее в свое время его творение «Хазарский словарь» (1984) оценивается как роман нового типа, в котором значение читателя в конструировании смыслов художественного текста соразмерно значению автора, его создавшего. В пояснении к нему Павич говорит, что суть чтения состоит как раз в том, чтобы обнаружить в произведении свои собственные смыслы. «Каждый читатель сам сложит свою книгу в одно целое... и **получит от этого словаря, как от зеркала, столько, сколько в него вложит** (выделено мной. – Е.Ю.П.)» [1, С. 22]. Равенство же творчества читателя и писателя в смыслоконструировании Павич передает образами двух людей, держащих пуму, набросив на нее с двух сторон лассо. «Если они захотят приблизиться друг к другу, пума бросится на одного из них, так как лассо ослабнет... Поэтому с таким трудом могут приблизиться один к другому тот, кто пишет, и тот, кто читает, между ними общая мысль...» [1, С. 23]. Критиком автор иронично отводит роль обманутого мужа, потому что они «узнают новость последними» [1, С. 24], под которой, скорее всего, понимается новое видение текста, прорастающее в ходе живого чтения.

В «Хазарском словаре» значительную роль играют сновидения [2, С. 64]. Своеобразной его сюжетной осью является сон кагана, в котором тот увидел ангела, сказавшего: «Господу угодны твои намерения, но не дела твои» [1, С. 269]. Авторитетный хазарский священник заявил, что сон случаен, и этим объяснением лишь рассердил правителя, поэтому были приглашены три философа из разных стран для толкования увиденного им сна. Каган со своим народом решил перейти в веру того мудреца, который даст лучшее разъяснение сновидения. Поэтому при дворе хазарского правителя встретились представители трех религий – христианства, ислама, иудаизма. Их беседа и получила название «Хазарской полемики», вокруг которой разрастаются события, слои, образы и мотивы романа Павича.

Арабский представитель полемики сказал кагану, что «вопрос следует расценивать как несуществующий», и «безразлично, какой из ответов правильный» [1, С. 146]. Таким образом, подчеркивается, что существует множество интерпретаций события или текста. Но это не только постмодернистская установка для восприятия произведения, но и структурная особенность «Хазарского словаря». Одно и то же событие имеет несколько версий – христианскую, арабскую и еврейскую, которые изложены в трех частях «Словаря» – «Красной», «Зеленой» и «Желтой» книгах. Ряд статей представлены во всех трех разделах – это сквозные темы и персонажи романа (Атех, каган, хазары). Трехчастность и триадность используется в композиции и образной системе этого произведения Павича. Герои «Хазарского словаря» образуют тройки соответственно трем культурам – христианской, мусульманской и еврейской: участники хазарской полемики – это Кирилл, Фараби ибн Кора и Исаак Сангари; хронисты – Мефодий Солунский, Спаньярд аль-Бекри, Иегуда Халеви; современные исследователи хазар – Исайло Сук, Абу Кабир Муавия и Дорота Шульц; ловцы сновидений – Аврам Бранкович, Юсуф Масуди и Самуэль Коэн; демоны – Никон Севаст, Ябир ибн Акшани и Ефросиния Лукаревич. Все они, так или иначе, имеют отношение к созданию или изучению хазарской энциклопедии. Кроме того, обнаруживаются двойничество персонажей, например, Ябир ибн Акшани (XVII в.) вынырнул из воды бельгийцем Ван дер Спаком в 1982 г., Доротея Шульц думает словами хазарского кагана, в ней переродившаяся Ефросиния Лукаревич узнает Коэна, Доротея пишет письма себе молодой в Краков, Ефросиния оборачивается принцессой Атех, ее любовник Мокадаса аль-Сафер проснулся арабским ученым Спаньярдом аль-Бекри, кир Бранкович задушен во сне вместо доктора Сука и т.д. В миропонимании Павича прошлое и настоящее «осуществляется в разных местах и в разных лицах одновременно, в один и тот же миг» [1, С. 327]. Таким образом,

события романа дублируются и дробятся до бесконечности, представляясь как бы отраженными во множестве осколков зеркала.

Эта множественность трактовок характеризует и сновидения героев. Б. Килборн указывает, например, что в талмуде, сновидения рассматриваются как бессмысленные, а их значение – зависимым от истолкования, и, следовательно, они меняются при любой попытке их объяснить [3, С. 127]. Неистолкованное же сновидение уподобляется непрочитанному письму [1, С. 244]. Сон воспринимается как «своеобразный прорыв в высшую сферу» [4], через него человек «может соприкасаться с вечностью», поскольку сон – «некая форма временной смерти» [4], когда дух становится на время свободным.

В «Хазарском словаре» также имеется объяснение природы сновидений. В момент засыпания, между сном и явью мышление человека освобождается. «В такие мгновения перегородка между мыслями и миром становится пористой, она пропускает человеческие мысли на свободу» [1, С. 156]. Во сне человек видит не тем зрением, что наяву, [1, С. 191], в человеческих сновидениях проявляется божественное знание, в них «Божии письма прильют и вытеснят... письма человеческие» [1, С. 241]. По этой причине повествования Павича напоминают сновидения. Отказавшись от линейности, он вернулся к механизму потока сознания, снов, устного народного творчества в своем повествовании [5]. В представлении этого писателя, книги тождественны сновидениям. Таким образом, литературное, как и философское творчество – вариант иррационального проникновения в мир духа, вечности, который сродни снам. В концепции Павича, по наблюдению М. Адамович, «возникает трактовка литературы как области проявленной вечности» [4]. «Из сна можно выйти только в повесть», замечает по этому поводу герой Павича» [4]. Напрашивается вывод, что секта ловцов сновидений во главе с принцессой Атех, о которых повествуется в романе, – метафора, под которой скрываются писатели и мыслители, и поэтому хазары – это собирательный образ творческой интеллигенции. Хазарские лица трудно запомнить, потому что они отличаются особенностью «каждый день пробуждаться как бы кем-то другим, с совершенно новым и неизвестным лицом» [1, С. 28]. Видимо, имеется в виду и преображение, и растворение мастеров в своих произведениях, и возможность множества их разнообразных пониманий. При этом еще встречаются ложные хазары (видимо, писатели-конъюнктурщики), которые тоже умеют говорить по-хазарски, но недолго, и стремятся извлечь выгоду из своего сходства. По этому поводу Павич писал, что для литературного произведения «важную роль играет происхождение. Есть «породистые» государства, со славным и древним происхождением, а есть государства, как винные мухи, на один сезон. То же самое и романы... Подобно государству он может иметь родословную, а может быть выскочкой» [5].

Члены секты ловцов снов (читай: писатели и мыслители) способны направлять в человеческие сновидения свои или чужие послания. Путешествуя по чужим душам, они гонятся за добычей – идеями, образами, мыслями. Заныривание в сновидения приближает ловцов к проникновению в тайну мироздания, поскольку «на дне каждого сна лежит Бог» [1, С. 76]. В «Хазарском словаре» поясняется, что сны – это не просто ночные видения, это мгновения просветления, когда человек принакает к первосмыслу [1, С. 334]. В финале погони образы, перемещающиеся из сновидения в сновидение, могут умереть. Итак, творец («ловец снов») – это своеобразное «кладбище», поскольку он своей деятельностью фиксирует, и тем самым убивает, неуловимые и непередаваемые идеи и образы. Доктор Сук размышляет о том, что человеческие мысли «при соприкосновении со словами точно так же быстро гаснут, как слова при соприкосновении с мыслями. Нам остается только то, что сможет пережить это взаимное убийство» [1, С. 97].

Ловцов снов подстерегают и другие опасности. В мистическом искусстве можно достигнуть совершенства, и тогда откроется бессмысленность самой художественной деятельности, а это приводит к творческому бесплодию, потому что тому, «кто приходит к концу пути, путь больше не нужен, поэтому он ему и не дается» [1, С. 76]. Возможны также сложности в сфере отношений творца с обществом и окружающим миром. Принцесса Атех предупреждает, например, что, читая сны, можно подняться к Богу, но, спускаясь в этот мир с высоты, на которую поднялся, можно совершить ошибку. «Плохой спуск может свести на нет счастливое восхождение» [1, С. 77].

Мышление автора «Хазарского словаря» отличается диалектичностью, поэтому, и человеческий сон сложен и противоречив: с одной стороны на дне его – Бог, а с другой, сон – это искушение, «сад дьявола» [1, С. 18]. Сновидения следует тщательно мыть, поскольку они «страшно воняют» [1, С. 128], может быть, от того, что – человеческие, а может быть от долгого хождения и чередования с такой же «потрепанной явью», ведь «все сны уже давно известны истории человечества» [1, С. 18]. Группы, слои общества или даже целые поколения под влиянием ловцов могут видеть одни и те же сны.

Целью творческого процесса выступает понимание, что «любое пробуждение – это лишь ступень в процессе освобождения от сна» [1, С. 158]. За этими словами Павича, скорее всего, стоит мысль о единстве мира, которое сначала постигается, а затем восстанавливается в ходе философско-художественного творчества. Во сне, вокруг которого вращается хазарская полемика, каган понял, что «нет больше сна, ни яви, ни пробуждения, ни погружения в сон. Все это единый и вечный день и мир» [1, С. 221].

А. И. Демина отмечает, что сначала «персонажи «Хазарского словаря» кажутся созданными из живой плоти» [6, С. 180], однако при дальнейшем рассмотрении оказывается, они – «чувственное воплощение абстрактных понятий» [6, С. 180]. Павич выходит на надличностный уровень именно потому, что каждый человек, отдельная судьба, любые события и знаки вплетены в мировое единство, они бесценные нити, затканые в единую ткань бытия. «Хазарский словарь» – это «своеобразный утопический проект всеединства через язык, знак, символ» [6, С. 184], через культуру.

Для Павича, например, посланная через Ангела «Божественная книга» имеет три уровня, которые усвоены народами в том порядке, который им подходит. Слой аллюзий и переносных значений представляет христианскую церковь, следующий слой, охватывающий оккультные значения, – еврейский, а последний – слой пророчества – исламское учение. Таким образом, человечество имеет дело с одной Книгой, единым знанием, единым миром, единой культурой, единство которых было утрачено, но восстанавливается в ходе духовных усилий. Некоторые герои «Хазарского словаря» осознают недостаточность только одной собственной культуры и необходимость культурного

синтеза (например, Масуди Юсуф, Самуэль Коэн, Доротея Шульц). Не случайно, все языки кажутся «зеркалами, отражающими свет иным образом» [1, С. 163].

Именно поэтому в «Повести об Адаме Рухани» утверждается, что если соединить все человеческие сны, то будет достигнуто первоначальное единство – «третий разум мира», ангельский предок человека [1, С. 158]. Этот мифический первочеловек «рассеян во снах людей... И как ловцы снов... ныряли в сны людей, пытаясь по крупицам извлекать тело Адама Кадмона из воображаемого во снах людей мира, так и каждый из нас воплощает своими действиями большими и малыми заключенные в нашей культуре потенции человека» [7, С. 13]. Огромное тело Адама Рухани (Кадмона) воплотится при условии восстановлении утраченного единства культуры, когда «будут собраны вместе все три рассказа о трех ловцах снов, и тогда будет видна истина» [1, С. 162], а в «истине есть место для всего» [1, С. 172]. Изначально существовал один хазарский (читай: культурный) словарь ловцов снов и один язык. Но сербский философ – не восторженный мечтатель, а тонкий наблюдатель и глубокий мыслитель, в его «Зеленой книге» (в исламских источниках) содержатся горькие пояснения о том, что деятельности по воссозданию мирового единства всегда будут препятствовать «несколько второстепенных шайтанов» [1, С. 198]. Никон Севаст, под именем которого жил на Балканах в XVII в. Сатана, замечает, что с теми, кто ненавидит друг друга не существует никаких проблем, поскольку «враги одинаковы или же со временем становятся одинаковыми» [1, С. 60], имея ввиду их бескультурье. Темные силы всех трех миров будут противодействовать тем, кто действительно отличается друг от друга – подлинным носителям культуры (интеллигенции), – так как они «стремятся узнать друг друга, потому что **различия им не мешают** (выделено мной. – Е.Ю.П.)» [1, С. 60], следовательно, именно они-то и способны к культурному синтезу. Особое обострение противоречий между «шайтанами» и «ловцами снов» предсказывается в конце XX в., потому что в этот период ловцы наиболее близко приблизятся к Творцу [1, С. 198]. Именно поэтому демоны трех миров, обернувшись семьей бельгийцев Ван дер Спаков, устраняют в 1982 г. в Царьграде (так в романе именуется Стамбул) трех исследователей «Хазарского словаря».

Противостоянием трех культур объясняется трехчастная структура романа Павича: три ловца снов отчаянно стремятся друг к другу. Бранкович и Коэн видят друг друга во сне, пока один спит, другой – бодрствует. Такая пара – подарок для путешествующих по человеческим снам художников, поскольку эти два человека представляют собой частички первосмысла (тела Адама), «находящиеся в различных фазах», «на разных ступенях лестницы разума» [1, С. 160] – на подъеме к Небу или на падении вниз. Только так, в диалектике может быть раскрыт изначальный смысл. Эта противоречивость проявляется, например, в том, что «шайтан видит Бога, а люди нет» [1, С. 172]. Павич устами этого шайтана предупреждает о возможностях мысли, говоря, что первое слово (в литературе ли, в философии ли) «всегда как яблоня со змеем вокруг ствола, корнем в земле и кроной в небе» [1, С. 172] – рождает целый мир и несет в себе искушение. Однако велика и награда за такие возможности, так как «рассказывающий что-то сегодня сможет рассказать это и завтра, тот же, кто слушает, может слушать лишь раз» [1, С. 174]. Показательно, что именно шайтан из «Зеленой книги» вторит Павичу, говоря, что «в истине можно найти только то, что сам в нее вложишь» [1, С. 172]. Во встревожившем кагана сне мудрецы увидели несовпадение намерений (они от Бога) и результатов (они от человека) деятельности людей. Это противоречие лишь констатируется, но не осуждается [1, С. 265].

История дьявола (Никона Севаста) из еврейского ада, сбежавшего в ад христианский, описывает природу искусства и творчества. Буйный сердцем он рисовал прекрасные фрески в церквях, составляя для самого себя послание на будущее. «Работал он левой рукой, фрески его были красивыми, но их невозможно было запомнить, они как бы исчезали со стен, стоило только перестать на них смотреть» [1, С. 85]. Подлинной силы Никон достиг, когда на охоте «поймал собственную душу», причем она была тождественна оленю (природе) и архангелу (трансцендентному). Молитва, с которой обратился Севаст к ней, где просил помощи в восхвалении глубины и славы этой души, была услышана, и он стал великим мастером. Преодолев себя и переложив по завету архангела Гавриила кисть в правую руку (а он – левша), Никон начал с радостью работать. «Его новые иконы и фрески запоминались на всю жизнь» [1, С. 88]. Севаст объяснял, что он работает «с чем-то похожим на словарь красок, а зритель из слов этого словаря сам составляет фразы и книги, то есть картины» [1, С. 89], художник только наносит краски на стену в их «природном виде», а тот, кто смотрит, «перемешивает их своими глазами, как кашу» [1, С. 89]. «Кто лучше сварит кашу, получит хорошую картину» [1, С. 88]. В этом и заключается тайна искусства. Одно «но»: хорошую кашу не сварить из плохой крупы. Художник и является мастером подачи материала – красок и знаков. Утратил свое мастерство Никон Севаст, снова переложив кисть из правой руки в левую. Нет, он не отвернулся от Бога и не вернулся к Сатане, но молодые живописцы стали писать так же хорошо как Никон, искусство которого сначала было для них недостижимым образцом. В этом заключается трагедия творца и незаслуженное (или заслуженное? – за дерзость) наказание за творчество: последователи, повторяя и развивая новаторство, превращают его в обыденность. Сбылось некое заклятие, оставленное архангелом. Севаст хотел все начать сначала, он «вернулся туда же, откуда он начал движение от левой к правой руке» [1, С. 90], но бросил свое занятие, поняв, что наказан, потому что утратил важные составляющие подлинного искусства – оригинальность, новизну, неповторимость, – не хотел быть как остальные, любой, каждый. Вот уж, действительно, в глубине всякого сна (творчества) – кладбище и вонючий труп (у Павича – коня), саркастично сообщающие о бессмысленности художественной деятельности [1, С. 164]. Художественной – да, но не человеческой вообще, поэтому в «Заключительных замечаниях о пользе этого словаря» писатель представляет, что его читатели – юноша и девушка, – страдавшие в одиночестве, благодаря его книге найдут друг друга, и «тогда она перестанет иметь для них какой бы то ни было смысл» [1, С. 349]. С неподражаемой самоиронией Павич соглашается с бессмысленностью творчества, но все же указывает назначение искусства – служить продолжению жизни, осуществлению бытия, не обезличенного, а воплощенного во вполне конкретных людях (мужчине и женщине), которые, общаясь (и по поводу художественных произведений, в том числе), реализуют свое человеческое назначение, придающее подлинный смысл всему – любовь, «и это стоит гораздо дороже, чем любое чтение» [1, С. 349]. Только это единство – единство мужчины и женщины – значимо для Павича, поэтому он создал две версии своего «Словаря» – мужскую и женскую, – которые, в конце концов, должны способствовать встрече двух начал –

мужского, характеризующего рационализмом и трагизмом раздвоения и расщепления, и женского, в котором, преобладают чувства, интуиция, радость созидания [8, С. 41], а значит, и воссозданию утраченной, единственно подлинной, целостности, потому что даже предвечный Адам, прачеловек был одновременно и мужчиной, и женщиной.

Список литературы / References

1. Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон. Мужская версия / Пер. с серб. Л. Савельевой / М. Павич. – СПб. : Азбука-классика, 2003. – 352 с.
2. Компаниец В. В. Сновидческое миромоделирование в прозе В. В. Ерофеева / В. В. Компаниец, Н. Ф. Брыкина // Вестник Волжского государственного университета. – 2009. – Серия 8. – Вып. 8. – С. 59–67.
3. Kilborn B. Dreams, catharsis and anxiety / B. Kilborn // American Journal of Psychoanalysis. – 2013. – No 73. – P. 121–137.
4. Адамович М. Внутренняя сторона ветра. Проблема времени и вечности в прозе Милорада Павича [Электронный ресурс] / М. Адамович // Вопросы литературы. – 2003. – № 6. – URL: <http://pavich.h16.ru/adamovich.html> (дата обращения: 09.02.2017).
5. Павич М. Роман как держава [Электронный ресурс] / М. Павич // Электронная библиотека «Литмир». – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=186672&p=1> (дата обращения: 25.02.2017).
6. Демина А. И. Структура и функции героя в романах Лоренса Дарелла «Александрийский квартет» и Милорада Павича «Хазарский словарь» / А. И. Демина // Вестник Самарского университета. – Серия «Философия. Филология». – 2011. – № 1 (9). – С. 176–184.
7. Конев В. А. Модусы субъективности в культуре / В. А. Конев // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 1 (112). – С. 9–14.
8. Демина А. И. Византийская концепция знака в романе Милорада Павича «Хазарский словарь» / А. И. Демина // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 39–44.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Pavich M. Hazarskij slovar: Roman-leksikon. Muzhskaja versija [Dictionary of the Khazars: a novel-lexicon. Male version] / M. Pavich. – SPb. : Azbuka-klassika, 2003. – 352 p. [in Russian]
2. Kompaniec V. V. Snovidcheskoe miromodelirovanie v proze V. V. Erofeeva [Dreamlike the modeling world in the prose of V. V. Yerofeev] / V. V. Kompaniec, N. F. Brykina // Vestnik Volzhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Volga state University]. – 2009. – P. 59–67. [in Russian]
3. Kilborn B. Dreams, catharsis and anxiety / B. Kilborn // American Journal of Psychoanalysis. – 2013. – No 73. – P. 121–137.
4. Adamovich M. Vnutrennjaja storona vetra. Problema vremeni i vechnosti v proze Milorada Pavicha [The inner side of the wind. The problem of time and eternity in the prose of Milorad Pavic] [Electronic resource] / M. Adamovich // Voprosy literatury [Questions of literature]. – 2003. – № 6. – URL: <http://pavich.h16.ru/adamovich.html> (accessed: 09.02.2017). [in Russian]
5. Pavich M. Roman kak derzhava [The Novel as a State] [Electronic resource] / M. Pavich // Jelektronnaja biblioteka «Litmir» [Digital library «Litmir»]. – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=186672&p=1> (accessed: 25.02.2017). [in Russian]
6. Demina A. I. Struktura i funkcii geroja v romanah Lorensa Darella «Aleksandrijskij kvartet» i Milorada Pavicha «Hazarskij slovar» [Structure and function of the hero in the novels of Lawrence Darrell's «Alexandria Quartet» and of Milorad Pavic «Dictionary of the Khazars»] / A. I. Demina // Vestnik Samarskogo universiteta. – Serija «Filosofija. Filologija» [Bulletin of Samara University. – Series «Philosophy. Philology»]. – 2011. – № 1 (9). – P. 176–184. [in Russian]
7. Konev V. A. Modusy subektivnosti v kulture [Modes of subjectivity in culture] / V. A. Konev // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Samara University]. – 2014. – № 1 (112). – P. 9–14. [in Russian]
8. Demina A. I. Vizantijskaja koncepcija znaka v romane Milorada Pavicha «Hazarskij slovar» [Byzantine sign concept in the novel of Milorad Pavic «Dictionary of the Khazars»] / A. I. Demina // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Samara University]. – 2007. – № 5/2 (55). – P. 39–44. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.036>Сурова Е.Э.¹, Васильева М.А.²¹ORCID: 0000-0002-4652-1130, Доцент, Доктор философских наук,²ORCID: 0000-0002-8874-4623, Аспирант,

Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ СРЕДЫ НА РЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ**Аннотация**

Авторы рассматривают современный язык общения в Интернете. Его специфика вместе с актуальными особенностями групповой и межличностной коммуникации в значительной мере выражает своеобразие социального взаимодействия в информационной культуре. В статье анализируется влияние новых инструментов репрезентации на принципы и стратегии идентификации современного человека. Авторы представляют процессы репрезентации неотделимыми от процессов конструирования идентичности и рассматривают их вместе через призму актуальных явлений коммуникативной среды.

Ключевые слова: репрезентация, идентификация, Интернет, коммуникация, кластер.

Surova E.E.¹, Vasilyeva M.A.²¹ORCID: 0000-0002-4652-1130, PhD in Philosophy,²ORCID: 0000-0002-8874-4623, Postgraduate student,

Institute of Philosophy, St.Petersburg State University

IMPACT OF THE INTERNET ON REPRESENTATION AND IDENTIFICATION STRATEGIES**Abstract**

Authors analyze a modern language of communication in the Internet. Its features illustrate actual tendencies of changing in social interactions system and transformation of communication between groups (clusters) and individuals in the information culture. The article discusses an impact of new instruments of representation on strategies and principles of identification in modern situation. Authors present representation and Self-construction as inseparable processes and scrutinize them through a prism of actual phenomena of communication sphere.

Keywords: representation, identification, Internet, communication, cluster.

Современная коммуникативная среда создает небывалые возможности для репрезентации границ Собственного в публичном пространстве с помощью новых языковых и визуальных средств. Скорость информационного потока позволяет индивиду репрезентировать изменения самости быстрее, чем он может их осознать. Поэтому репрезентация идентичности в пространстве коммуникации становится отображением ускользающего от субъекта «Я». Осуществляется она за счет использования средств как технического порядка, так и средств «выразительности». Формирующийся язык коммуникации как «инструмент» репрезентации оказывается доступен каждому пользователю социальных сервисов. Этот язык выходит за рамки вербальных средств, обращаясь к дополнительным визуальным компонентам, что позволяет говорить о «посталфавитной» коммуникации.

«Посталфавитная» репрезентационная система в первую очередь может рассматриваться как этап в создании глобального языка коммуникации. Интернет-мемы становятся популярными по всему миру (их исследования основываются на идеях Р. Докинза [2], Ф. Хайлигена [10], С. Блекмор [9], Д. Рашкова [6] и др). Эмодзи (идеограммы, применяемые пользователями электронных устройств при частной переписке в смс и различных почтовых приложениях, при размещении общедоступных текста в блогах и социальных сервисах) и эмодзи (пиктограммы, изображающие эмоцию и составленные из знаков препинания, в отличие от эмодзи, появились у пользователей спонтанно) являются сегодня интернациональным средством добавления экспрессивности в текст. Помимо этого, культурная глобализация способствует узнаваемости и распространенности «статусных предметов», объектов, используемых в селфи. Данные визуальные образы получают специфические коннотации на уровне функционирования локальных языков, однако в целом они имеют значение, в идеале понятное любой группе вне зависимости от территориального местоположения участников, их численности, национальной или социокультурной принадлежности.

Интернет сам по себе является одним из важнейших каналов культурной глобализации, которые были подробно рассмотрены авторами книги «Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире». [1] Современный язык повседневного общения только усиливает его влияние. При этом, глобальность никоим образом не приравнивается к унификации, поскольку речь идет о появлении коммуникативных групп, кластеров, которые между собой могут значительно отличаться даже в плане использования и интерпретации одних и тех же образов. Тем не менее, речь в данном случае идет об обращении к глобальной «копилке» образов, составляющих «питательную среду» для повседневных представлений.

С появлением новых технологических возможностей изменяются стратегии взаимодействия людей, создавая приватно-публичные зоны, формирующие Мы-идентичность и кластерные сообщества. Подробно это явление рассматривал Г. Рейнгольд. [7] Он же ввел понятие кластеров – сообществ, появившихся в новых условиях, в «духе информационализма» (М. Кастельс [3]), характеризующихся произвольным установлением границ, определяемых ситуативно. Их появление можно считать качественным изменением социального мироустройства. Не смотря на то, что такие общественные образования инновационны, исследователи, подразумевая большее значение для их построения «горизонтальных взаимодействий», прибегают к метафорам «Нового Средневековья». Но их принципиальным отличием является неустойчивость «принадлежности», т.е. членства в таких группах. Кроме того, индивид сегодня включен в неограниченное число подобных сообществ как в оффлайн, так и в онлайн режиме. Кластерная организация социокультурного пространства подразумевает тотальность «социальных сетей», которые

обладают существенной властью по отношению к режиму персональной повседневной жизни и выбору стратегий идентификации.

Непрерывное порождение новых Мы-идентичностей определяет не просто многообразие, но многомерность структуры современного общества. Вариативность связей между различными узлами и группами, их спонтанность и непредсказуемость, вызванная зачастую иррациональными, эмоциональными порывами, создают жизнеспособную систему, неизмеримую в категориях социальной иерархии. Отношения между кластерами формируют новый образ социального.

Кластеры в том виде, в котором они представлены в Интернете, декларируют стратегии репрезентации *общества в целом*. Интернет-коммуникация дала каждому индивиду возможность создавать представление о социуме, современном ему, позволила самостоятельно посмотреть на то, чем живут различные Другие в их непосредственной повседневной явленности. Это повлекло за собой, с одной стороны, большую осведомленность об инаковости, с другой – создало необходимость подчеркнуть отличие Собственного от Другого даже там, где оно минимально. Более того, потребовало выстроить некую «иерархию инаковости».

Постоянный контакт с множественными Другими меняет индивидуальное восприятие общества как системы и создает новое представление о социальном как мозаичном и многоголосом. Впервые вопрос о мозаичном восприятии электронного текста «через интервалы» в противоположность линейности прочтения книги, поставил М. Маклюен. [4] Причем, он показал, что меняется и стратегия чтения книг («по диагонали»), поскольку речь уже идет о получении информации, а не связанного повествования. О влиянии СМИ на формирование мозаичного восприятия писал и А. Мольт, поскольку отмечал возрастающий поток информации, а также каналов ее передачи. [5] Данный автор продемонстрировал, что средства массовой информации начинают выполнять такие общественные функции как образование и воспитание, но снижают порядок дифференцированности знания, различия значимости информации, произвольно определяя ценности.

Кластерная организация социума органично воспринимается в такой мозаичной тактике информационного отбора. Для отдельного индивида формирование кластеров со своими проектами, темами, символическими кодами и наборами смыслов также означает качественное изменение восприятия Собственного. Возможность сочетания различных групп, вовлеченность в проекты хотя бы на виртуальном уровне, приобщение к новому опыту посредством медиа технологий привели к значительному расширению границ Собственного в коммуникативном пространстве. При этом, такое расширение требует постоянного фиксирования, отображения с помощью современной системы репрезентации, которая представляет собой бесконечно пополняющийся набор маркеров. Каждый индивид, вовлеченный в сетевую коммуникацию, волен выбирать и сочетать эти маркеры, чтобы отметить изменения границ личного опыта, репрезентировать себя.

Так, с помощью визуальных объектов (мемов, смайлов, эмотиконов и др.) складывается новый способ рассказа о Собственном – то, что можно назвать нарративной идентичностью. Повествование о себе, точнее, наиболее актуальная его версия, в данном случае не рассказывается, а *демонстрируется* посредством «посталфавитного» языка коммуникации на персональной страничке пользователя в социальной сети. Постоянные отсылки к различным культурным объектам, использование множества технологий, креативный подход к интерпретации смыслов, отсутствие четкой последовательности – получившийся набор знаков сложно даже назвать гипер-текстом, поскольку утрачивается важное для этого понятия свойство связности. При этом происходит уменьшение использования алфавита и традиционного текста для передачи информации. Текст, фиксирующий нарратив, например, повествование о себе, замещается наглядным и эффективным набором изображений, который гибок, требует меньшей ответственности, чем «слово» и, следовательно, не столь существенно оказывает давление на индивида.

Принципиальная свобода в формировании персонального репрезентативного набора символов, их мобильность относительно друг друга обеспечивают невероятно легкую замену элементов, добавление и удаление смыслов. В итоге, на определенном уровне оказывается легче справляться с травмами, создавать выборочную репрезентацию, подгонять существующую реальность под репрезентируемый идеал. В целом, это способствует разрыву между субъектом и его образом в сети. Репрезентация культурной идентичности в виртуальном пространстве отражает скорее не то, кем человек является, но то, кем он *хочет быть*, каким он хочет предстать перед конституирующим взором Другого.

Нацеленность на ироничное отражение действительности, характерное для современных коммуникативных стратегий, не преуменьшает значимость репрезентации как своеобразного современного варианта рефлексии, а, скорее, делает ее объекты приоритетными и «жизненными». Активное вовлечение в виртуальную коммуникацию требует апелляции к реальной жизни, подтверждения реальности. Без публикации действие или явление теряет значимость в переживании индивида. Как пишет об этом Б. Г. Соколов: «Не последнюю роль в трансформации форм чувственности играет, конечно, та медиальная среда, которая теперь уже «почти» вмонтирована в сам рецептивный аппарат. Ибо любой наш акт экзистирования имеет все больше и больше шансов состояться лишь тогда, когда использует как уже безальтернативного посредника медиальную среду Интернета». [8, С. 145] Отсюда вытекают различные жанровые особенности инструментов репрезентации, например, селфи: автопортреты из путешествий, спортзала, ресторана, из дома во время болезни и т.д., – которые рассказывают о событиях в жизни индивида, превращают его в информацию, делают «наличным» для виртуального пространства. Учитывая значение виртуальной среды сегодня, это оказывается важным моментом.

Все перечисленные моменты позволяют рассматривать репрезентацию идентичности в Интернете как проект пользователя, создающего образ Собственного, а вместе с ним и Собственное как таковое. Персональная идентичность, в силу своих особенностей и направленности на групповое социальное взаимодействие, дает основания для такого подхода, а современная система репрезентации – возможность его реализации.

Язык Интернет-среды, в котором преобладает иконический знак, стремится к высокой скорости считывания смыслов и претендует сегодня на статус глобального средства коммуникации. Элементы этого языка позволяют

создавать различные наборы маркеров культурной и социальной идентичности, произвольно связанных между собой по желанию индивида. Такой набор отражает изменчивую позицию субъекта, через него реализуются основные идентификационные практики.

Список литературы / References

1. Бергер П. Л., Хантингтон С. Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире, под ред. Бергера П. Л., Хантингтона С., М.: Аспект Пресс, 2004, 397 с.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген, М.: Мир, 1993, 201 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе, Екатеринбург: У-Фактория при участии изд-ва Гуманитарного у-та, 2004, 327 с.
4. Маклюэн. М. Понимание медиа: внешнее расширение человека, М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007, 464 с.
5. Моля А. Социодинамика культуры, М.: Изд-во ЛКИ, 2008, 416 с.
6. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание, М.: Ультра. Культура, 2003, 368 с.
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция, М.: Фаир-Пресс, 2006, 416 с.
8. Соколов Б.Г. Онтология чувственности (Концептуализация Homo Aestheticus. Часть II), СПб.: Изд-во РХГА, 2015, 292 с.
9. Blackmore, S.J., The Meme Machine, Oxford University Press, Oxford, 1999, 264 p.
10. Heylighen F. Selfish Memes and the Evolution of Cooperation // Journal of Ideas. Vol. 2., 1992, 202 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berger P. L., Hantington S. Mnogolicaya globalizaciya: kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World] edited by Berger P. L., Hantington S., M.: Aspekt Press, 2004, 397 p. [in Russian]
2. Dokinz R. Jegoistichnyj gen [The Selfish Gene] M.: Mir, 1993, 201 p. [in Russian]
3. Kastel's M. Galaktika Internet. Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshhestve. [The Internet Galaxy, Reflections on the Internet, Business and Society.] Ekaterinburg U-Faktoriya pri uchastii izdatel'stva Gumanitarnogo universiteta, 2004, 327 p. [in Russian]
4. Makl'ujen. M. Ponimanie media: vneshnee rasshirenie cheloveka. [Understanding Media: The Extensions of Man] M.: Giperbboreja, Kuchkovo pole, 2007, 464 p. [in Russian]
5. Mol' A. Sociodinamika kul'tury. [Sociodynamics of culture] M.: Izdatel'stvo LKI, 2008, 416 p. [in Russian]
6. Rashkoff D. Mediavirus! Kak popkul'tura vozdejstvuet na soznanie. [Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture] M.: Ultra. Kultura, 2003, 368 p. [in Russian]
7. Rejngol'd G. Umnaja tolpa: novaja social'naja revoljucija. [The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier] M.: Fair-Press, 2006, 416 p. [in Russian]
8. Sokolov B.G. Ontologija chuvstvennosti (Konceptualizacija Homo Aestheticus. Chast' II). [Ontology of sensuality (Conceptualization of Homo Aestheticus. Part II)] SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2015, 292 p. [in Russian]
9. Blackmore, S.J., The Meme Machine, Oxford University Press, Oxford, 1999, 264 p.
10. Heylighen F. Selfish Memes and the Evolution of Cooperation // Journal of Ideas. Vol. 2. 1992, 202 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.137>

Дроздов А.И.

ORCID: 0000-0001-6081-2295, Кандидат исторических наук, доцент,

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЗДНЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАКАСИИ)

Аннотация

Рассматривается влияние мирового кризиса на развитие отечественной исторической науки, обосновывается приоритетность экономической истории на современном этапе. Раскрываются основные принципы модернизационной парадигмы, показаны возможности ее применения в изучении экономической истории Хакасии. Проанализированы основные тенденции развития региона в период позднеиндустриальной модернизации, охарактеризованы ее основные черты. Приведены статистические данные, отражающие динамику развития народного хозяйства.

Ключевые слова: экономическая история, позднеиндустриальная модернизация.

Drozдов A.I.

ORCID: 0000-0001-6081-2295, PhD in History, associate professor, Khakas state university named after Katanov N.F.

ECONOMIC ASPECT OF THE LATE INDUSTRIAL MODERNIZATION (A CASE STUDY OF KHAKASSIA)

Abstract

The effect of the global crisis on the development of the Russian historical science is studied in the article; the priority of economic history at the present stage is substantiated as well. The basic principles of the modernization paradigm are disclosed, showing the possibility of its application in the study of the economic history of Khakassia. The author analyzes the main trends in development of the region during the late industrial modernization, its main features are characterized. The statistical data, reflecting the dynamics of economic development are presented as well.

Keywords: economic history of the late modernization.

В 2008 г. в условиях процесса глобализации начался очередной мировой экономический кризис, который оказал заметное влияние и на развитие отечественной исторической науки. Как и в советский период, экономическая история становится одним из приоритетных направлений исследований.

По оценке бывшего министра финансов РФ А.Л. Кудрина, представленной им в 2008 г., только на протяжении 2003–2008 гг. удельный вес товаров сырьевой направленности в российском экспорте вырос с 67,1 до 84,2%, а доля «нефтегазовой составляющей» в доходной части бюджета – с 31 до 54%. На наличие политических ошибок в стратегии развития страны указал, выступая с докладом на Всемирном экономическом форуме в г. Давосе (28 января – 1 февраля 2009 г.), занимавший тогда должность Председателя Правительства РФ В.В. Путин. Он отметил, что кризис проявил имеющиеся проблемы: неразвитый финансовый рынок, чрезмерную сырьевую ориентацию экспорта и экономики в целом [4].

В сложившихся условиях необходимо обращение к опыту исторического развития СССР и его отдельных регионов во второй половине XX в. Среди специалистов, изучающих экономическую историю, отсутствует единство мнений относительно инструментария анализа исторического прошлого. Все больший гносеологический потенциал набирает теория модернизации. Несмотря на параллельное сосуществование различных ее вариантов, последняя опирается на три исходных принципа.

1) Объект изучения в рамках данной парадигмы – реально функционирующее «современное общество», которое, как правило, раскрывается через характеристику его как капиталистического или западноиндустриального.

2) Теория модернизации исходит из утверждения, что «современное» – это, прежде всего западное общество, возникшее в недрах европейской цивилизации, и в последующем распространившееся по миру в виде схожей модели развития или в виде ее отдельных ценностей и целей.

3) Модернизационная парадигма предполагает, что для отстающих стран наиболее эффективные возможности возникают в процессе воспроизведения отработанных схем и моделей социально-экономического развития, при этом нередко признается необходимость учета национальной специфики [17, С. 101, 102].

Сквозь призму теории модернизации в советском социуме именно в послевоенное время осуществлялась позднеиндустриальная модернизация. Она относилась к третьему социально-техничко-экономическому типу модернизации (в США прошла в 1914–1929 гг., в Западной Европе – в 1930-х – 1950-х гг., в СССР – в 1950-х – 1980-х гг.) [11, С. 32, 33], [1, С. 7–9]. Данный тип модернизации создал предпосылки для формирования постиндустриального общества, включая сектор инновационной экономики.

В технико-технологическом аспекте исходные пункты позднеиндустриальной модернизации включали в себя преобразование трудовой деятельности на основе ее научной и инженерной организации, переориентацию производства на массовый выпуск стандартной продукции. В.А. Красильщиков полагает, что позднеиндустриальная (фордистско-кейнсианская) модернизация позволила создать систему поточно-конвейерного производства для массового потребления, ставшую основой государства благосостояния [7, С. 86, 87].

Относительно хронологических рамок реализации указанного типа модернизации в СССР исследователи расходятся во мнениях. Превалирует точка зрения о ее начале в середине 1950-х гг. и относительно завершении в 1980-е гг. [14, С. 175, 176]. Однако некоторые ученые, в частности Е.Т. Артемов, дают другую датировку: двадцать послевоенных лет [2, С. 10], т.е. период середины 1940-х – середины 1960-х гг.

Недостаточно разработанной представляется проблематика динамики позднеиндустриальной модернизации как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Российскими историками опубликованы лишь отдельные публикации, посвященные некоторым ее аспектам: научно-технической политике, деятельности интеллигенции, системе управления промышленностью и пр. [12], [8], [9].

С нашей точки зрения хронологические границы осуществления позднеиндустриальной модернизации в отдельных районах страны нуждаются в уточнении. В Хакасской автономной области данный тип модернизации утвердился в середине 1960-х – 1980-е гг., при этом имел незавершенный характер. Нижняя граница – середина 1960-х г. – это начало реализации курса мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС, направленного на совершенствование промышленности и сельского хозяйства, повышение их эффективности. Выбор рубежа 1980 – 1990-х гг. в качестве верхней хронологической границы обусловлен тем, что в это время в экономике утвердились новые формы хозяйствования, принципиально отличавшиеся от прежних, и обусловившие в 1990-е гг. процесс деиндустриализации региона.

Направленность экономического развития Хакасии в исследуемый период определялась не только хозяйственной реформой А.Н. Косыгина, но и партийно-государственными решениями о формировании Саянского территориально-производственного комплекса (ТПК), принятые в рамках программы освоения Сибири. Идея создания Саянского комплекса – результат исследований ученых, проводившихся под руководством Совета по изучению производительных сил (СОПС) в 1956–1960 гг. [18, С. 4]. После одобрения этой идеи Госпланом СССР на протяжении восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) СОПС совместно с проектными институтами установил территориальные границы комплекса, его структуру и основные направления развития [15, Л. 4]. На XXIV съезде КПСС (1971 г.) было решено начать формирование Саянского ТПК, а постановлением XXV съезда КПСС его развитие было продолжено [10, С. 282], [6, С. 76]. «Комплексная схема развития и размещения производительных сил Красноярского края на 1971–1980 гг.» [19] отводила Хакасии роль центра указанного комплекса.

Рост народнохозяйственного потенциала Хакасской автономной области на протяжении рассматриваемого периода был значительным. Общий объем валовой продукции промышленности области в 1965–1985 гг. увеличился в 5,5 раза, а среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства – в 1,2 раза [20, С. 12, 25]. К середине 1980-х гг. доля промышленности в общем объеме производства индустрии и сельского хозяйства области достигла 87,7% [13, Л. 22]. Преобладание удельного веса промышленности – один из признаков установления в регионе структуры хозяйства, характерной для индустриального общества.

Развитие экономики Хакасии во многом происходило за счет ввода в эксплуатацию новых объектов. Только в промышленности области в течение 1965–1985 гг. количество предприятий выросло с 94 до 105 [3, Л. 1], [13, Л. 1]. Особенно успешной в этом отношении была девятая пятилетка (1971–1975 гг.), когда в регионе было построено около 150 предприятий и производств [16, Л. 2].

Одним из ключевых показателей позднеиндустриальной модернизации был уровень механизации производства. В Хакасии этот показатель был представлен неравномерно. Параллельно развивались предприятия со сравнительно высокомеханизированными видами работ и заводы с низким уровнем механизации труда тех же видов производственной деятельности. Применение современных станков и оборудования сочеталось с использованием тяжелого ручного труда на вспомогательных работах [5, С. 101].

В целом, середина 1960-х – 1980-е гг. стали для Хакасии периодом, в рамках которого были созданы основы современного экономического потенциала. Однако, так же как и в стране в целом процессы позднеиндустриальной модернизации в регионе имели незавершенный характер, что было обусловлено как субъективными, так и объективными причинами.

Список источников и литературы / References

1. Алексеев В. В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 3–20.
2. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. Специальность 07.00.02 – Отечественная история: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Е. Т. Артемов. – Новосибирск: УК БКИ, 2007. – 38 с.
3. ГКУ РХ «Национальный архив». – Ф. Р-46. – Оп. 1. – Д. 643.
4. Единая электронная научно-технологическая база России – цели и перспективы. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=637306> (дата обращения: 10.01.2017).
5. Карачаков Д. М. Технический прогресс в промышленности и строительстве Хакасии (1961–1980 гг.) / Д. М. Карачаков // Из истории советской Хакасии – Абакан: Краснояр. кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1986. – С. 97–111.
6. Коммунистическая партия в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 13. – М.: Политиздат, 1986. – 150 с.
7. Красильщиков В. А. Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России / В. А. Красильщиков // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 1 / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – С. 83–160.
8. Кузьмина В. М. Деятельность творческой интеллигенции в условиях позднеиндустриальной модернизации (1985–1991 гг.) / В. М. Кузьмина // Перспективы науки. – 2011. – № 18. – С. 55–57.
9. Матвеев А. П. Система управления промышленностью строительных материалов во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: региональный уровень / А. П. Матвеев // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 54–60.
10. Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1971. – 599 с.
11. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М.: Агентство «ИНФРОМАРТ», 1994. – 116 с.
12. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации / Е. Т. Артемов; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – М.: РОССПЭН, 2006. – 255 с.
13. ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив». – Ф. 2. – Оп. 19. – Д. 212.
14. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев; Уральское отделение РАН. Ин-т истории и археологии. – М.: Наука, 2000. – 246 с.
15. Рукописный фонд ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» (далее ХакНИИЯЛИ). – Д. 1252.
16. Рукописный фонд ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ». – Д. 1141.
17. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. – СПб.: Наука, 1998. – 796 с.
18. Соколова В. В. Саянский народно-хозяйственный комплекс (Опыт научной разработки и внедрения) / В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1974. – 208 с.
19. ФКУ «Российский государственный архив экономики» (РГАЭ). – Ф. 399. – Оп. 3. – Д. 922.
20. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. – Абакан: Б. и., 1990. – 100 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alekseev V.V. Raspad SSSR v kontekste teoriy modernizatsii i imperskoy evoliutsii [Collapse of the Soviet Union in the context of the modernization theories and imperial evolution] / V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva // Otechestvennaya istoriya [National History] - 2003. – No 5. – P. 3–20. [In Russian]
2. Artemov E.T. Nauchno-tehnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdnieindustrialnoy modernizatsii [Scientific and technical Policy in the Soviet model of late industrial modernization.] Speciality 07.00.02 - History: Abstract of the thesis for the degree of doctor of historical sciences / E.T. Artemov. - Novosibirsk: UK BKI, 2007. - 38 p. [In Russian]
3. «Natsionalniy arkhiv» ["National Archives"] - F. R-46. - Op. 1. - D. 643. [In Russian]
4. Edinaya elektronnyaya nauchno-tehnologicheskaya baza Rossii – tseli i perspektivy. [Single electronic scientific and technological base of Russia – goals and outlooks.] - URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=637306> (accessed: 01.10.2017). [In Russian]
5. Karachakov D.M. Tekhnicheskii progress v promyshlennosti i stroitelstve Khakassii (1961–1980 gg.) [Technical progress in industry and construction of Khakassia (1961–1980)] / D.M. Karachakov // Iz istorii sovetskoy Khakassii [From the history of the Soviet Khakassia] - Abakan: Krasnoyar. Publ. house. Khakas. Dep., 1986. - P. 97–111. [In Russian]

6. Kommunisticheskaya partiya v rezolutsiyakh i resheniyakh siezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1898–1986). [Communist Party in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenary Meetings of the Central Committee (1898–1986).] - V. 13. - M.: Politizdat, 1986. - 150 p. [In Russian]
7. Krasil'shchikov V.A. Modernizatsiya: Zarubezhnyy opyt i uroki dlia Rossii [Modernization: International Experience and Lessons for Russia] / V.A. Krasil'shchikov // Modernizatsiya Rossii: usloviya, Preposilky, shansy. Sbornik stattei i materialov. Vypusk 1 [Modernization of Russia: conditions, assumptions chances. Collection of works and materials. Issue No 1] / ed. by V.L. Inozemtsev. – M.: Center for Post-Industrial Studies, 2009. - P. 83-160. [In Russian]
8. Kuzmina V.M. Deyatel'nost' tvorcheskoy intelligentsii v usloviakh pozdneindustrialnoy modernizatsii (1985-1991 gg.) [Activities of Creative intellectuals in a late industrial modernization (1985-1991).] / V.M. Kuzmin // Perspektivy nauki [Prospects of science.] - 2011. - No 18. - P. 55-57. [In Russian]
9. Matveev A.P. Sistema upravliniya promyshlennosti i stroitel'nykh materialov vo vtoroy polovine 1940-kh – nachale 1950-kh godov: regionalnyi uroven' [Management system in construction materials industry in the second half of 1940s – early 1950s: the regional level] / A.P. Matveev // Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the University of Chuvashia.] - 2012. - No 2. - P. 54-60. [In Russian]
10. Materialy XXIV siezda KPSS [Proceedings of the XXIV Congress of the CPSU] - M.: Politizdat, 1971. - 599 p. [In Russian]
11. Modernizatsiya: zarubezhnyy opyt i Rossiya [Modernization: foreign experience and Russia.] - M.: Agency "INFOMART", 1994. - 116 p. [In Russian]
12. Nauchno-tehnicheskaya politika v sovetskoj modeli pozdneindustrialnoy modernizatsii [Science and Technology Policy in the Soviet model of late industrial modernization] / E.T. Artemov // In-t istorii i arheologii UrO RAN. [Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences] - M.: ROSSPEN, 2006. - 255 p. [In Russian]
13. «Natsionalnyy arkhiv» ["National Archives".] - F. 2 - Op. 19 - AD 212. [In Russian]
14. Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII-XX veka [The experience of Russian modernization in XVIII-XX centuries] / Ed. by V.V. Alekseev; Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Institute of History and Archaeology. - M.: Nauka, 2000. - 246 p. [In Russian]
15. Rukopisnyy fond GBNIU RKh «Khakasskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazika, literatury i istorii» [Manuscript fund of "Khakass Research Institute of Language, Literature and History" (hereinafter HakNIYaLI)]. – D. 1252. [In Russian]
16. Rukopisnyy fond GBNIU RKh «KHakNIYaLI». [Manuscript fund of GBNIU PX "HakNIYaLI".] – D. 1141. [In Russian]
17. Ryazanov V.T. Ekonomicheskoye razvitiye Rossii: Reformy i rossiyskoye khoziaystvo v XIX–XX vv. [Economic Development of Russia: Reforms and the Russian economy in the XIX-XX centuries.] / V.T. Ryazanov. – S.Pb.: Nauka, 1998. - 796 p. [In Russian]
18. Sokolikova V.V. Sayanskiy narodno-khoziaystvennyy kompleks (Opyt nauchnoy razrabotki i vnedreniya) [Sayan national economy (Experience of scientific development and implementation)] / V.V. Sokolikova. - M.: Misl, 1974. - 208 p. [In Russian]
19. «Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki» ["Russian State Archives of Economics" (RGAE).] - AF 399 - Op. 3. - AD 922. [In Russian]
20. Khakasskaya avtonomnaya oblast' v tsifrakh za 60 let. [Khakass Autonomous Region in figures for 60 years.] - Abakan and B., 1990. - 100 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.054>

Коломейцева О.А.

ORCID: 0000-0003-3194-3995, Старший преподаватель, магистр археологии и этнологии,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (Алматинский филиал)

ЗАМЕТКИ О ПОЕЗДКЕ ГОСПОДИНА ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА СТЕПНОГО КРАЯ В 1885 ГОДУ ПО СЕМИРЕЧЕНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация

Статья посвящена ретроспективной информации, содержащейся в архивном деле № 130 фонда № 64 Центрального Государственного архива Республики Казахстан. В деле присутствуют сведения о поездке по Семиреченской и Семипалатинской областям в 1885 году главным начальником Степного края. В статье приводятся особенности оформления документов в данном деле, в котором содержится количественные данные об экономическом, социальном положении региона, национальном составе населения, имеются сведения о замечаниях главного начальника Степного края и поощрении им работников за отличное исполнение своих обязанностей.

Ключевые слова: дело, документ, заметки, исторический источник, документоведение, архив, начальник Степного края, канцелярия Степного генерал-губернатора

Kolomeitseva O.A.

ORCID: 0000-0003-3194-3995, Senior lecturer, master of archaeology and ethnology,
St.-Petersburg Humanitarian University of trade unions, Almaty branch

NOTES ABOUT THE TRIP OF THE MAIN CHIEF OF STEPPES ROUND SEMIRECHENSKY AND SEMIPALATINSK AREAS IN 1885 AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract

The article is devoted to the retrospective information contained in the archival case № 130 fund № 64 of the Central State archive of the Republic of Kazakhstan. The case contains the information about the trip of the Main Chief of Steppes around Semirechensky and Semipalatinsk areas in 1885. The article adduces the peculiarities of the official registration of

papers in the given case where there are the quantitative data about economic and social status of the region, the national structure of the population, and also there are data on the remarks of the Main Chief of Steppes and his encouragement of workers for the excellent implementation of their duties.

Keywords: a case, a document, notes, a historical source, office-work, archive, the Chief of Steppes, the General-Governor of the Steppes office

Дело 130 фонда 64 «Канцелярия Степного генерал-губернатора» Центрального Государственного архива Республики Казахстан включает в себя всего лишь 35 страниц, но содержание его достаточно информативно, так как позволяет исследователю ознакомиться непосредственно с делопроизводством в Степном Крае в 80-х годах XIX века. Архивный документ традиционно считается основным источником информации о развитии документооборота в определенный исторический период: «Не менее существенна информация о господствующих в тот или иной период развития общества системах документирования (не путать с организацией делопроизводства), о влиянии на них политических, экономических, культурных, ментальных и прочих факторов» [1, С. 27]. В самом деле содержатся документы, оформленные согласно существовавшим тогда правилам. Данные требования были изложены в письмовниках [2, С. 25], как и копии резолюций, письма подчиненных, переписка военных губернаторов, обращения к начальнику Степного края об утверждении второго фельдшера при враче в Лепсинском уезде.

Целью данной статьи является изучение особенности ведения служебных записей во время поездки с целью ознакомления с проблемами региона на примере данного архивного дела.

Записки в поездке были составлены по приказу Господина Главного Начальника Степного Края Штабным офицером для поручений Генерального штаба, подполковником (к сожалению, подпись неразборчива). Должность составителя Записок для Степного края достаточно высокая, что говорит о том большом значении, которое придавалось этой поездке Главным Начальником. Почерк, которым велись записи, разборчив и легко читается, однако листы разных размеров указывают на возможный недостаток материала для письма во время поездки по Семиречинской и Семипалатинской областям. Сами записи состоят из 18 пунктов.

Каждый пункт посвящен тому или иному вопросу, а иногда содержит рекомендации для его скорейшего решения, например: «В Каракалинске мужской и женский Интернаты найдены в хорошем состоянии. Заведующий мужским Интернатом просил разрешения перенести здание столярной мастерской на другое место, чтобы при новой перекладке сделать его светлым и более теплым. Г.Главный Начальник края разрешил просьбу исполнить, с израсходованием потребных денег из специальной суммы» [4, Л. 24, оборотная сторона].

В ряде пунктов указывается на необходимость проведения ремонтных работ, а также о переводе учреждений в более подходящие для этой цели здания: «Его Высокопревосходительство высказал мысль, что нельзя ли приспособить для острога каменное здание архива и приказал это для памяти записать» [4, Л. 24, оборотная сторона]. Имеются в заметках указания о нуждах воинских частей в помещении во время передислокации на новые места службы: 5) Предложить Военному Губернатору Семиреченской области приказать составить инструкцию, в которой заключались бы указания о сохранении зданий, выстроенных киргизами для проходящих воинских команд» [4, Л. 24, оборотная сторона].

В отдельных пунктах содержатся замечания о плачевном состоянии некоторых строений, которые нуждаются в скорейшем ремонте: «1) На Бельюгаской почтовой станции (вторая от Баян-аула к Каркаралы) здание очень ветхо и без крыши; 6) Копальский городской приемный покой требует основательного ремонта. Печи полопались, стены и крыша протекают, полы растрескались и покособились, ворота готовы упасть. Сарай для дров разрушается» [4, Л. 24, оборотная сторона]. Данные заметки содержат интересную информацию о составленном акте, посвященном вопросу недостаточного финансирования местного бюджета для решения имеющихся проблем в области: «Актом, составленным 14 мая 1885 года Комиссией в присутствии депутата от Уездного Правления (офицера по воинской части капитана Абрамова) удостоверено, что недостает общественных денег 2.240 руб.75 коп.» [4, Л. 24, оборотная сторона].

Денежные средства в акте были распределены следующим образом: «Жалование для оспенных учеников на 1885-1886 гг. – 2000 р. На содержание приемного покоя – 120 р., пожертвованных в 1883 г. и 1884 г. Старшины Консуйского на медикаменты – 120 р. Полученных в 1883 г. от Уездного Начальника на приобретение хирургических инструментов и приборов – 180 р. 75 к.» [4, Л. 24, оборотная сторона]. Упоминается в данном деле второй акт о выделении кредита для покупки медицинских препаратов и для оплаты работы местного фельдшера: «Другим актом этой же Комиссии от того же числа удостоверено, что из кредита открытого по Капальскому Казначейству Уездному Капальскому врачу не достает, (добавлено после 284 р.85 к.), а именно; на приобретение медикаментов – 218 р. 19 к., на жалование фельдшеру при уездном враче – 66 р. 66 к.» [4, Л. 25].

В заметках содержатся сведения о проявлении заботы в отношении сироты, оставшегося без попечения родителей: «7) О малолетке Карабулакского поселка Павле Ауырмядинове, которого Г. Главный Начальник края пожелал отдать в Верненский приют сообщено секретарю приюта Г. Пантусову 1 июля за № 147 для доклада попечителю приюта» [4, Л. 25]. В заметках содержится замечания о вредности уничтожения местных кустарников и введении запрета на их вырубку: «Бывши на Хоргосе Г.Главный Начальник края изволил заметить, что истребление саксаула и вообще растительности на песчаных барханах подготавливает переход их в движущиеся пески, а это может повлечь за собою засыпку пашен и даже селений. Поэтому истребление саксаула и вообще растительности на песчаных барханах, идущих по берегам рек Или и Хоргоса, должно быть воспрещено» [4, Л. 25].

В пунктах 8, 9 речь идет об улучшении озеленения края и замечаниях о недобросовестном отношении казаков к очистке улиц поселка, где они проживают, а также отсутствию у них навыков экономного использования водных ресурсов региона: «8) В саду около Чингильдинской почтовой станции следует посадить продуктивные деревья; 9) Карабулакский поселок нечисто содержится, и казаки этого поселка не умеют хозяйственно управиться с водою для поливов» [4, Л. 25, оборотная сторона].

В данном архивном деле есть не только замечания, рекомендации и распоряжения, но также имеются поощрения за отлично выполненную работу разными местными чиновниками: «Верненский городской приемный покой и уездная аптека найдены в отличном порядке. Уездный врач просил поощрить чем-нибудь службу оспенника Соколова (фамилия подчеркнута)» [4, Л. 24, оборотная сторона]. Отмечается качественная работа почтового трактата, который заботами коллежского асессора представлен в заметках как образцовый: «Почтовый не тракт от Сергиополя до ст. Азибулак находящийся в ведении коллежского Асессора Катаева, найден в полном порядке. Лошади очень хороши и хорошо выезжены. Сбруя крепкая. Почтовые повозки доброкачественны, ямщики вежливые, управлять лошадьми умеют, и почти все знают говорить по русски. На станциях чисто. Трактат обходится не дорого. Принявши его в растрепанном виде, Г. Катаев завел все хозяйство и имеет еще экономию в виде заготовленного фуража» [4, Л. 26, оборотная сторона]. Имеются также в заметках и жалобы от местного населения на невыполнение решений судей и местных государственных органов землепользования: «16) Киргизы Уруковской волости заявляли, что землемер отрезал на урочищах Тахтамыш, Малдакошкан и Аккудук земли в юртовый надел станицы Павлодарской. Земли эти находятся в черте областных дач и принадлежат Уруковской волости. В 1878 году из-за этих земель возник спор с казаками и был решен в пользу киргиз» [4, Л. 27]. На этом заметки по поездке завершаются.

В самом начале документа приводятся краткие статистические данные на двух листах, сведения представлены в виде рапорта Каркалинского уездного начальника Д. Вараксина за номером № 8640. В рапорте речь идет о состоянии Каркалинского уезда на сентябрь 1886 года: «Его Высокопревосходительству Господину Степному Генерал-Губернатору от Каркалинского Уездного Начальника. Рапорт (по центру документа). Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству что в Каркалинском Уезде благополучно» [4, Л. 4 сторона].

Затем перечисляются сведения об уезде (в центре документа выделено подчеркиванием слова «В Уезде»), а затем приводятся данные с новой строки и с большой буквы: «Городское поселение - 1; Казачья станица - 1; Киргизских волостей - 21» [4, Л. 4]. Отдельно представлена информация о городском поселении: «В городском поселении (по центру документа): Уездное управление - 1;

Местная команда - 1 (в документе отсутствуют сведения о характере команды и ее обязанностях в данном уездном правлении);

Церковь - 1;

Мечеть - 1;

Школ при ней - 2,

Школ киргизских (интернаты) - 2, (численность детей, обучающихся в школах, в документе отсутствует),

Продовольственный магазин - 1» [4, Л. 4].

В рапорте дается почисленно количество домов и указывается при этом национальность владельцев, однако конкретно указана только численность домов, принадлежащих русским переселенцам, количество домов представителей других национальностей суммировано: «Домов: Русских жителей - 13; Татар, сартов, ташкенцев и киргиз - 183» [4, Л. 4]. Из вышеперечисленного следует, что в данном уезде преобладали численно представители местного населения, русских переселенцев было меньше, отдельный интерес вызывает то, что данные дома принадлежат не только киргизам, но также татарам, ташкенцам и сартам, можно сделать предположение о достаточно тесном взаимодействии представителей данных национальностей.

В особую статью была выделена казачья станица. В ней имелось: «Станичное правление - 1; Городских училищ - 2 (из них одно мужское, одно женское)» [4, Л. 4]. К сожалению, отсутствуют сведения о количестве обучающихся в данных училищах.

В Каркалинском уезде находились и специальные службы, которые, по всей видимости, подчинялись уездному начальнику и содержались за счет местного уездного бюджета: «Военный лазарет - 1; Почтовое отделение - 1; Тюремное помещение - 1; Запасной магазин - 1» [4, Л. 4]

Указывается также количество домов в станице и число жителей по сословиям, причем данные приведены отдельно по национальному составу и гендерному признаку: «Домов: Казачьих жителей - 70; Разночинцев - 74;

В киргизских волостях юрт - 30.664;

Жителей:

В городском поселении:

Русских муж. - 144; жен. - 49;

Татар, сартов и ташкенцев 161 - 155;

В казачьей станице 400-389;

В киргизских волостях 70.082-56.212» [4, Л. 4, оборотная сторона]. Согласно приведенным данным весьма существенно преобладание мужского населения над женским в Каркалинском уезде вне зависимости от национальности, только в казачьих станицах разрыв между мужчинами и женщинами не столь значительный. Общая численность населения 127.592 человека, мужчин - 70.787, женщин - 56.805. В рапорте отсутствуют сведения о возрастном составе жителей данного уезда.

Приводятся также сведения о посевах в данной местности зерновых культур: «Казачьими жителями посеяно собственно на казачьей земле разного хлеба - 42 десятины, на киргизских участках - 71 десятины. В киргизских волостях - 2.287 десятин» [4, Л. 5]. К сожалению, не совсем понятно, кому принадлежат посевы в киргизских волостях, оседлым казакам или казачьим станичникам, либо русским переселенцам, арендующим земельные участки для занятия хлебопашеством у местного населения. В архивном деле приведены данные о количестве поголовья крупного и мелкого рогатого скота других животных: «У казачьих жителей (в центре документа):

Лошадей - 1232;

Рогатого скота - 622;

Баранов и козлов - 2.370;

Верблюдов - 22;

В киргизских волостях:

Верблюдов – 26.239;

Лошадей – 89.444;

Рогатого скота – 20.325;

Баранов и козлов – 553.126» [4, Л. 5]. Местное население согласно вышеприведенным данным владело большим количеством поголовья скота, что свидетельствует о значительных успехах скотоводства в данном регионе. Общая численность поголовья скота в Каркаралинском уезде согласно рапорту – 693.380 голов. Преобладание мелкого рогатого скота над крупным рогатым скотом в 27 раз.

Таким образом, данное дело содержит ценную ретроспективную информацию не только о поездке Главного начальника Степного края, но и статистические данные, приведенные уездным начальником, которые позволяют сделать нам выводы о численности населения, количестве поголовья скота, наличии школ и интернатов в данном населенном пункте во второй половине XIX века.

Список литературы / References

1. Старостин Е.В. Архивное источниковедение: терминологические споры / Е.В. Старостин // Источниковедение и краеведение в России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту – М.: 2000 – 509 с.

2. Медушевская О.М. Архивоведение и источниковедение: проблема междисциплинарного взаимодействия / О.М. Медушевская // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе – М.: 1997 – С.11–15. Она же. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. – 368 с. Теория исторического познания: Избранные произведения / О.М. Медушевская. – М.: Университетская книга, 2010. – 576 с. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды / О.М. Медушевская. – М.: 2013. – 463 с.

3. Янковая В.Ф. Русское делопроизводство в сборниках образцов документов конца XVIII-начала XX века // Советские архивы – 1989. № 4. С. 25.

4. Центральный государственный архив республики Казахстан. Фонд 64. Опись 1. Дело 130. Списки нижним чинам Омской полицейской команды представляемых к награде, докладная записка Сергиопольского уездного врача о найме другого фельдшера при уездном враче. Замечания главного начальника Степного края во время поездки его в 1885 года по Семипалатинской и Семиреченской области. 13 июля 1883 года – 6 сентября 1885 года. 35 листов.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Starostin E.V. Arkhivnoe istochnikovedenie: terminologicheskie spory [The archival source study: terminological disputes] / E.V. Starostin // Istochnikovedenie i kraevedenie v Rossii. Sbornik k 50-letiyu sluzheniya Sigurda Ottovicha Shmidta Istoriko-arkhivnomu institute [The source and local lore study in Russia. The collection to the 50 anniversary of the service of Sigurd Ottovich Schmidt to the Historical-archival institute] – М.: 2000 – P. 509. [in Russian]

2. Medushevskaya O.M. Arkhivovedenie i istochnikovedenie: problema mezhdistiplinarnogo vzaimodeystviya . [Archival and source study: the problem of interdisciplinary interaction] / O.M. Medushevskaya // Arkhivovedenie i istochnikovedenie otechestvennoy istorii. Problemy vzaimodeystviya na sovremennom etape [Archival and source study of local country history. The problems of interaction at the present stage] – М.: 1997 – P.11-15. [in Russian]. Она же [The same author]. Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii [The theory and methodology of cognitive history] / O.M. Medushevskaya. – М.: Rossiyskiy gosudarstvennyy humanitarnyy universitet [Russian State Humanitarian University] – 2008. – P. 368. [in Russian]. Она же [The same author]. Teoriya istoricheskogo poznaniya: Izbrannye proizvedeniya [The theory of historical knowledge: the selected works] / O.M. Medushevskaya. – М.: Universitetskaya kniga [The theory of historical knowledge: the selected works] – 2010. – P. 576. [in Russian]

3. Yankovaya V.F. Russkoe deloproizvodstvo v sbornikakh obraztsov dokumentov kontsa XVIII-nachala KhKh veka [The Russian office-work in the collections of samples of documents of the late XVIII - early XX centuries] / V.F. Yankovaya // Sovetskie arkhivy [the Soviet archives] – 1989. – № 4. – P. 25. [in Russian]

4. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv respubliki Kazakhstan. Fond 64. Opis'1. Delo 130. Spiski nizhnim chinam Omskoy politseyskoy komandy predstavlyaemykh k nagrade, dokladnaya zapiska Sergiopol'skogo uездного vracha o nayme drugogo fel'dshera pri uездном vrache. Zamechaniya glavnogo nachal'nika Stepnogo kraya vo vremya poezdki ego v 1885 goda po Semipalatinskoy i Semirechenskoy oblasti. 13 iyulya 1883 goda – 6 sentyabrya 1885 goda. 35 listov. [The Central state archive of the Republic of Kazakhstan. The location of the case: Fund 64. Inventory 1 case 130. Lists of the lower ranks (soldiers) of the Omsk police command recommended for a decoration, the report of the Sergiopol'sky district doctor about hiring of other medical assistant for the district doctor. The remarks of the Main Chief of Steppes during his in 1885 trip round the Semipalatinsk and Semirechensky area. 13 July 1883 – 6 September 1885. 35 sheets]. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.118>Федорова Т.В.¹, Степанов А.В.²¹ORCID: 0000-0003-2316-3999, Кандидат исторических наук, доцент²ORCID: 0000-0002-9583-0132, магистрант,

Иркутский государственный университет

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ****Аннотация**

В статье на основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются, особенности организации разведывательной деятельности российских дипломатических и военных ведомств на территории Китая во второй половине XIX – начале XX веков. Раскрывается значение секретной переписки русских дипломатов с министерством иностранных дел и Главным управлением Генерального штаба в вопросах стратегического развития международных отношений на Дальнем Востоке, а также методы и формы работы российских спецслужб.

Ключевые слова: разведка; военный агент (атташе); агентурные сведения; министерство иностранных дел; Главное управление Генерального штаба.

Fedorova T.V.¹, Stepanov A.V.²¹ORCID: 0000-0003-2316-3999, PhD in History, Associate Professor,²ORCID: 0000-0002-9583-0132, undergraduate student,

Irkutsk state University

**THE ACTIVITIES OF RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE ON CHINESE TERRITORY IN THE LATE
XIX - EARLY XX CENTURIES****Abstract**

This article is based on the archive documents introduced for scientific use for the first time and considers the specific of the organization of intelligence activities of the Russian diplomatic and military departments in the territory of China in the second half of XIX – at the beginning of the 20th centuries. The article reveals the value of confidential correspondence of the Russian diplomats with the Ministry of Foreign Affairs and Head department of the General Staff in questions of a strategic development of the international relations in the Far East, and also methods and forms of work of the Russian intelligence agencies.

Keywords: investigation; military agent (attache); intelligence; Ministry of Foreign Affairs; Head department of the General Staff.

Российско-Китайские отношения имеют давнюю историю и на современном этапе развития государственная политика наших стран направлена на укрепление и расширение подобного взаимодействия. Но рассматривая вопрос сотрудничества Российской и Китайской империй конца XIX - начала XX вв., следует отметить, что оно носило достаточно сложный и противоречивый характер. Важным фактором являлось и то, что Россия, желая решить вопрос о разграничении территорий на Дальнем Востоке, и укреплении своих позиции в Китае становилась противником таких государств как Япония, и Великобритания, а также затрагивала интересы Франции, США и Германии. Поэтому разведывательная деятельности российских военных и дипломатических специалистов носила здесь не только политический, но и военно-стратегический аспект.

Характерной чертой Дальневосточного региона в конце XIX – начале XX вв., являлось то обстоятельство, что разведывательную деятельность здесь вели, с одной стороны представители дипломатических ведомств: военные агенты (атташе), генеральные консулы, посланники, тайные советники, которые в большей степени вели внешнюю и агентурную разведку и подчинялись непосредственно министерству иностранных дел. С другой стороны, военной разведкой занимались офицеры Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), Штаба Приамурского военного округа и в частности входящая в его состав пограничная стража Заамурского округа, а также с 1899 г. офицеры слушатели Восточного института и тайные агенты, вербованные из числа местного населения

Следует отметить, что уже в начале 50-х гг. XIX в. для Китая начинается период давления на его правительство таких европейских держав как Великобритания и Франция. Уже в 1854 г. дипломатически представители этих государств прибыли в провинцию Китая Чжили, с требованием учредить в его столице свои постоянные дипломатические миссии, а начавшаяся в 1856 г. 2-я Опиумная война создавала угрозу англо-французской оккупации Пекина. В этих условиях заключенный в мае 1858 г. в Айгуне «Договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле» [1, С. 86] способствовал его сближению с Российской империей. А после подписания в Тяньцзине 1 (13) июня того же года «Трактата» между Россией и Китаем об определении взаимных отношений стало возможным и создание здесь российской дипломатической миссии. Но поддержание стабильности в отношениях между двумя державами оставалось достаточно важной задачей в условиях «Илийского кризиса» 1879-1881 гг., когда конфликтная ситуация создала угрозу войны между странами. Поэтому деятельность спецслужб и в большей степени русских военных агентов (атташе) способствовало сохранению здесь столь шаткого равновесия.

Первые военные агенты начали работу в Китае в начале 80-х годов XIX в. В 1883 г. военным агентом здесь был назначен делопроизводитель Военно-учёного комитета Главного штаба (ВУК ГШ) полковник Генерального штаба (ГШ) Н.Я. Шнеур, которого на данном посту в 1886 г. сменил подполковник (с 1888 г. - полковник) Генерального штаба Д.В. Путята [2, С. 38-43].

В связи со стратегическим значением и обширностью территорий Китайской империи, со второй половины 90-х годов XIX в. встала острая необходимость аккредитации здесь двух военных агентов. В результате, с 1896 ими являлись полковники К.И. Вогак и Н.С. Сумароков. Последнего в 1900 г. заменил полковник К.Н. Дессино. А с назначением К.И. Вогака в свиту его императорского величества в октябре 1903 г. его сменил профессор

Николаевской академии Генерального штаба полковник Ф.Е. Огородников [3, Л. 11]. Местом пребывания К.И. Вогака являлся Тяньцзинь, а с осени 1903 г. – Чифу. Военный агент К.Н. Дессино дислоцировался в Шанхае [4, С. 23]. Кроме того, на территории Китая совместно с военными агентами выполняли поручения разведывательного характера и служащие дипломатических, финансовых и торговых учреждений, а также промышленники, купцы, журналисты и сотрудники Духовной миссии.

Усилению деятельности специалистов разведки в Китае способствовала японо-китайская война 1894-1895 гг. Безоговорочная победа японской армии и флота над численно превосходящими, но технически отсталыми войсками китайской армии произвела впечатление не только на сторонних наблюдателей, но и на представителей спецслужб. В результате, начинается постепенное сближение России и Китая. С апреля по май 1896 г. согласно высочайшему повелению, российский военный агент в Китае К.И. Вогак был прикреплен к чрезвычайному китайскому посольству Ли Хун-чжана, одного из влиятельных китайских сановников, прибывшего в Россию для присутствия при торжестве коронации [5, Л. 40] Николая II. В результате, уже 22 мая (3 июня) 1896 г. в Москве был подписан российско-китайский секретный союзный договор, по которому Россия и Китай заключают оборонительный союз против Японии. Первая статья данного договора гласила: «Всякое нападение Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи будет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора» [6, С. 3]. В свою очередь К.И. Вогак так же способствовал тому, чтобы китайская сторона в 1896 г. дала согласие на приглашение в китайскую армию российских военных инструкторов. Характеристику личности военного агента К.И. Вогака, в своих воспоминаниях дает генерал от инфантерии В.Е. Флуг, который в 1900 г. на пути из Пекина в Тяньцзинь остановился для осмотра русской концессии, и имел возможность общаться с ним лично. Он писал: «К.И. Вогак, произведенный еще в годы войны в генерал-майоры, продолжал состоять в Тяньцзине в должности военного агента, я здесь с большим удовольствием снова повстречался с этим обаятельным человеком, которому наше правительство все же не могло найти надлежащего применения, хотя общий голос всех, знавших его, указывал на него, как на готового кандидата на пост посланника в Китае или Японии. Но такое назначение было не во вкусе нашего иностранного ведомства» [7, Л. 12–13]. О высокой квалификации Константина Ипполитовича свидетельствуют и материалы его послужного списка, из которого следует, что он прослужил на Дальнем Востоке в должностях военного агента в Китае и Японии 11 лет. «Участвуя в делах против китайцев в 1900-1901 гг. генерал Вогак, за боевые отличия, был награжден чином генерал-майора и орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами» [5, Л. 2], а также имел награды иностранных государств: японский орден Священного сокровища 3-й степени, японский орден восходящего солнца 3-й степени, медаль японского общества красного креста, командорский крест Аннамского ордена дракона, китайский орден Двойного дракона 2 класса 3-й степени и др. [5, Л. 36], всего за период службы в Дальневосточном регионе получил 9 наград иностранных держав.

Таким образом, действия военного агента способствовали развитию двустороннего сотрудничества государств, но успех в этом деле обеспечивался не только посредством переговоров, но и в результате упорной разведывательной деятельности. К методам разведывательной работы военных атташе, дипломатических представителей, относилось изучение армии той страны, в которой он находился, наблюдение за маневрами, учениями и парадными, за отдельными ее представителями в обществе и при случайных встречах, а также анализ военной литературы и прессы, формирование сети тайных агентов-осведомителей («конфидентов») [8, С. 3]. Обязанности, возложенные на военных агентов в Китае достаточно подробно определены в наставлении, изданном в 1900 г., из которого следовало, что второму агенту поручалось «непосредственное военное наблюдение за южной частью, поддерживая постоянную связь с агентом в северной части, взаимно дополняя и проверяя добываемые обоими вами сведения» [9, Л. 86]. А также на него возлагалось: наблюдение за составом, деятельностью и подготовкой к войне китайских вооруженных сил (сухопутных и морских); наблюдение за соперничеством и деятельностью, по преимуществу в военном и морском отношении иностранных инструкторов и прочих военных представителей главным образом Японии, Англии и Германии; доставление сведений об укрепленных пунктах, китайских и иностранных, преимущественно приморских; доставление военно-статистических сведений разного рода; наблюдение за железными дорогами строящимися капиталистами разных стран (при этом отмечалось, что было бы желательным, чтобы агенты проезжали по этим дорогам лично) [9, Л. 86]. Помимо периодических донесений, важные из которых должны были отправляться по телеграфу, военному агенту предлагалось ежегодно представлять в Главный штаб отчет о годовой деятельности [9, Л. 87]. Получаемые сведения анализировались, обрабатывались и передавались в виде секретных рапортов, писем, шифрованных телеграмм в министерство иностранных дел, Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), а также штаб Приамурского военного округа.

Особенности организации разведывательной деятельности российских спецслужб в Китае, как и в других Азиатских государствах, были связаны с некоторыми проблемами. Во-первых, в системе руководства и подчинения ее нескольким ведомствам одновременно. Если учесть тот факт, что в основном агентурной разведкой занималось военное министерство, а в указанный период его генерал-квартирмейстерская часть [8, С. 4], то результаты разведывательной деятельности военных агентов, их секретные донесения, из которых в основном черпалась информация о положении в стране их местонахождения, передавались в первую очередь в министерство иностранных дел, а уж потом в другие министерства и ведомства.

Во-вторых, нельзя не отметить, существовавшую достаточно остро, проблему финансирования. Если на нужды военных агентов в европейских государствах тратилось в среднем почти 9000 руб. в год, то на те же потребности военного агента в Китае выдавали 5000 руб. в год [10]. Что в свою очередь сильно ограничивало его возможности не только в плане передвижения по стране с целью сбора информации, но и создании здесь агентурной сети.

В-третьих, проблему составляло и отсутствие достаточного количества специалистов, обеспечивающих эффективность работы военных агентов в этой стране, о чем свидетельствует рапорт военного агента полковника Дессино от 7 (20) августа 1900 г. «Как на военного агента в Китае на меня возложено представление донесений по почте и телеграфу, в Главный штаб вашему превосходительству и командующему войсками Приамурского военного

округа, а также и сообщение части сведений нашему посланнику в Пекин. Таким образом, каждое из донесений должно быть написано в трех, а теперь с освобождением посланника, иногда в четырех экземплярах. По отношению к телеграммам работы еще больше, потому что в Главном штабе и Хабаровске придется шифровать шифром военного комитета Главного штаба, вашему превосходительству – шифром военного министерства...и наконец теперь придется шифровать третьего рода шифром посланнику.

Такое количество письменных работ, при том по большей части одного и того же содержания, отнимает много труда и времени, которые могли бы быть с большей пользою употреблены на разведку при нынешних обстоятельствах весьма нелегкую и обыкновенно производящуюся вне стен дома. Помимо этого, события теперь так быстро изменяются, что и при меньшей переписке уследить за всем очень трудно и требуется большое время на чтение и наблюдение» [11, Л. 99]. Далее К.Н. Дессино просит о назначении ему в помощники офицера для работ по переписке, а также для командировок на разведки, с учетом знания присланным специалистом французского языка. В свою же очередь Генеральный штаб не был настроен удовлетворять подобного рода просьбы специалистов разведки в полной мере.

Проблем добавило, и обострение отношений между Россией и Китаем связанное с народным восстанием ихэтуаней в столичной провинции Чжили летом 1900 г. Об этом свидетельствует секретный рапорт военного агента в полковника Дессино, который в июле 1900 г. сообщал об обострении ситуации «Доношу вашему превосходительству, что шанхайский губернатор Юань Шикай приказал разрушить христианские храмы в провинции и уничтожить могилы миссионеров, что уже сделано у г. Цзи-нань-фу (столица), а также призывает народ к оружию на защиту отечества, от иностранцев» [11, Л. 6]. В результате ввод войск на территорию Маньчжурии для охраны зоны Российских железных дорог, спровоцировал дальнейший конфликт, китайская армия была разбита, и уже 1 (13) августа 1900 г. был взят Пекин. В сентябре была оккупирована большая часть Маньчжурии, власти других приграничных территорий не решились начать военные действия против России. Эти события не только нарушили сложившийся порядок отношений, но и усложнили деятельность по сбору разведанных. Из письма русского посланника в Пекине Лессара князю Оболенскому о деятельности русской миссии в Пекине в 1903 г. отмечается, что «В Китае положение очень тревожное; наше неопределенное положение вероятно вызывает потрясение и принудит нас присоединить Маньчжурию так как продление оккупации без присоединения в виду местных условий и вмешательства иностранцев невозможно» [12, Л. 3].

Кроме того, остро стоял вопрос языковой подготовки специалистов разведки, в том числе со знанием китайского языка в Дальневосточном регионе, которая началась лишь с открытием здесь в 1899 г. Восточного института [13, С. 15]. В результате им приходилось пользоваться услугами местного населения, а его легко было перевербовать, в том числе и японским правительством, чем оно и воспользовалось в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Судебные дела Хуэйдеского уездного суда по обвинению китайских подданных в шпионаже свидетельствуют о японских лазутчиках-китайцах, посылаемых в район расположения российских войск. К примеру, китайцы Ван-цай и Сыдошень задержанные в г. Маймаке старались собрать сведения о российских войсках [14, Л. 281], а задержанный в д. Даганцзядянь китаец Лиитед Лийчинтза расспрашивал часового о том «какие здесь солдаты стоят, сколько их, какие войска находятся в соседней деревне, давно ли мы здесь стоим, далеко ли от сюда железная дорога» [14, Л. 102], при этом вел разговор на русском языке.

Война 1904-1905 гг. наложила еще один отпечаток на разведывательную деятельность российских спецслужб и в первую очередь она вскрыла большие недостатки в общей системе руководства и информирования. Основной проблемой русской военной разведки накануне войны, как отмечает Е.Ю. Сергеев, являлась незавершенность процесса ее структурной организации, смешение функций различных ведомств (прежде всего военного и дипломатического) и столкновение амбиций руководителей разных уровней, которые опирались на информацию, поступающую от официальных и негласных представителей России за рубежом. Кроме того, практическую работу по обработке поступающей информации и доведению ее до высшего руководства империи по-прежнему выполнял Главный штаб, в составе которого приказом военного министра от 11 апреля 1903 г. было образовано специальное 7-е отделение по военной статистике иностранных государств во главе с полковником М.А. Адабашем [15, С. 80].

После 1905 г. активность Российских спецслужб на территории Китая значительно усиливается, что в свою очередь связано с отрицательными результатами русско-японской войны. Кроме того, китайское правительство начинает активно сотрудничать с Японией, которая стремится к расширению сферы влияния на Дальнем Востоке. Это подтверждается секретной депешей чрезвычайного посланника и полномочного министра в Токио Бахметева Юрия Петровича от 1 июля 1906 г. за № 30, в которой раскрывается вопрос о стремлении Японии подчинить своему влиянию Китай. Он пишет следующее: «До меня дошло из достоверных источников, что японское правительство продает китайскому 100 000 ружей и 24 орудия и посылает вице-королю Чилийскому военного советника и двух инструкторов...настоящая крупная продажа трудно объясняется, и противоречит подозрению, что Япония может быть имеет намерение воспользоваться слабостью Китая. Но возможное передвижение в близком времени равновесия Европейского влияния в Пекине уже со всех сторон обсуждается здесь и токийское правительство, как громко кричат все газеты, не хочет остаться в стороне, а намерено играть собственную и чуть не первостепенную роль в судьбе соседнего государства» [16, Л. 1].

Подобного рода донесения усиливали подозрения Главного управления Генерального штаба и о секретных сношениях китайского правительства с Японией. Но в свою очередь, открытые действия в этом направлении могли еще больше ухудшить положение России в этом регионе. Выход находят в расширении агентурной сети, в том числе и на территории восточной Монголии. Из секретной телеграммы чрезвычайного посланника и полномочного министра в Пекине Дмитрия Дмитриевича Покотилова от 4 (17) августа 1906 г. следует, что возвращающийся из поездки по Монголии и Хайларскому округу подполковник Хитрово, высказал соображения о будущем плане действий в этом регионе. «Он предполагает организовать под своим руководством в Харбине особую агентуру из трех офицеров Заамурского округа на которых было бы возложено ближайшее ознакомление с восточной Монголией. Цель – поддержание постоянной связи с князьями и завязание прочных сношений с населением на коммерческой почве. В

этом последнем отношении агентура эта явится разведчиком для имеющих по возможности развиваться в этой Китайской Восточной железной дороге и ближайших отделений русско-китайского банка в Харбине, Цицикаре и Хайларе. Общий расход на содержание всей агентуры не превысит 1000 руб. в год, каковую сумму я и выразил согласие ассигновать из представленных в мое распоряжение на этот предмет средств» [16, Л. 8]. В результате агентурная разведка Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, который осуществлял деятельность по сбору информации в частности в таких китайских городах как Цицикар, Гирин, Куанченцзы и др. выявила нестабильность в отношениях с Китаем и усилении давления на его правительство Японии. Так из донесений от 7 июля 1907 г. следует, что в г. Куанченцзы «японцами устроено разведывательное бюро. При входе в это бюро вывешена таблица с надписью по-китайски, воспрещающая вход в бюро посторонним лицам» [17, Л. 18]. Так же было установлено, что заведует бюро полковник Морита, который одновременно являлся и начальником полиции и жандармов. «При бюро много служит шпионов китайцев, которые ежедневно являются к Морита с докладом; при встречах с русскими шпионы стараются расспрашивать о численности русских войск и о личном характере русских начальствующих лиц» [17, Л. 18]. Разведка выявила и то, что «японские офицеры и разъезды для съемки местности стали появляться и в районе восточной ветки китайской восточной железной дороги: 14 апреля в Нингуту прибыл японский офицер и при нем 10 штатских японцев. Японцами этими производится съемка местности в окрестностях Нангана. 16 апреля в Нингуту приехал еще один японский офицер, с охраной от китайских войск» [17, Л. 50]. К середине июня того же года информация донесений разведки о деятельности японских шпионов на территории Китая становится все тревожнее, под подозрение попадает даже японский консул в Куанченцзах, разведка от 15 июня 1907 г. доносит: «По произведенным наблюдениям, консул ночью переодетый часто посещает фанзу, в которой останавливаются проезжие японцы. Замечена будто бы также переписка консула с русскими революционерами, от которых получают прокламации. Для проверки этого слуха приняты меры. Японские публичные дома по словам агентов, будто бы через консула субсидируются японским правительством» [17, Л. 45].

О японских шпионах в той же разведке дается 12 донесений, и наиболее важные говорят о сборе ими информации о численности русских войск, дислокации, проверке карт местности. «Семь японских шпионов поселились на ст. Яомынь, среди них один замечен в военной форме. Этими шпионами собираются от китайских властей сведения о числе и расположении русских войск. С этими же расспросами они иногда обращаются к нашим солдатам, преимущественно, если удастся встретить их в нетрезвом виде» [17, Л. 45].

Разведка в г. Харбине 23 января 1909 г. доносит о недавно выпущенном японским генеральным консулом сочинении «Промышленность Северной Мньючжурии», а также отмечается, что «господин Каваками лично объехал большую часть своего района и не затруднился даже предпринять далеко не легкое и безопасное путешествие от Гирина до Харбина по Сунгари на джонке» [17, Л. 136]. «В том же направлении, но в военном отношении, ведет работу не раз уже упоминавшийся в сводках Штаба подполковник Морита, который закончил описание Маньчжурии, собирает теперь материалы по Монголии. В своем распоряжении Морита имеет значительные средства (до 18 тыс. в год) и целый штат постоянных служащих» [17, Л. 136]. Также усиливается деятельность японских разведывательных бюро, и тайных агентов на китайской территории.

В результате с 1911 г. после учреждения при окружных штабах военных округов особых контрразведывательных отделений, предназначенных специально для борьбы с военным шпионством и усилении языковой подготовки военных специалистов, с учетом установленной штабом Приамурского военного округа системы военной разведки способствует командированию на территорию Китая офицеров-слушателей Восточного института. Это отражено как в разведывательных заданиях для выпускников института, так и в тематике их выпускных квалификационных работ. Приведем для примера некоторые из них: офицер Зелись «Описание Тушетухановского аймака»; офицер Левицкий «Описание поездки из Владивостока через Новониколаевск, Ханчун, Янцзитин в Людагоу в 1908 г.»; офицер Руденко «Маньчжурия. Колонизация»; офицер Кохан. «Новейший учебник китайской истории (перевод)»; офицер Фрелих «Город Мукден» [18, Л. 1]. Кроме того, некоторые офицеры по собственной инициативе во время отпуска занимались не только изучением языков, но и внешней разведкой. Так младший офицер 5-го Сибирского стрелкового полка поручик Волковинский после четырехлетнего пребывания в Южной Маньчжурии, куда он ездил в отпуск, который посвятил изучению китайского языка и сбору информации, представил рапорт о дислокации китайских войск, там расположенных [18, Л. 7–9].

Таким образом, еще одним направлением разведки стала деятельность по языковой подготовке специалистов, которые одновременно занимались и внешней разведкой, предоставляя ценные данные в штаб округа. Это в свою очередь связано с укреплением позиций японской армии в Китае.

В результате, до начала Первой мировой войны российская разведка на территории Китайской империи вела достаточно активную работу, нельзя сказать, что с 1914 г. эта деятельность прекратилась, скорее, в большей степени она сконцентрировалась на контрразведке, в связи с тем обстоятельством, что именно через территорию Китая планировались и совершались побеги австро-венгерских военнопленных, которые были сосланы во время войны в Сибирь и на Дальний Восток.

Таким образом, следует сделать вывод, что в конце XIX – начале XX вв., в связи с необходимостью сближения двух империй, на территории Китая формируются дипломатические миссии, которые посредством деятельности военных агентов не только устанавливали международные связи, но и вели активную разведывательную деятельность. Особенности развития Дальневосточного региона, связанные с этим проблемы и как результат неудачи в русско-японской войне, потребовали расширения разведывательной сети и включения в ее состав пограничных подразделений, в том числе и разведку Заамурского округа пограничной стражи, а необходимость языковой подготовки специалистов разведки способствовала расширению круга деятельности офицеров Восточного института, которые также занимались сбором стратегически важных данных в Китае.

Список литературы / References

1. Дацышен В. Г. История Российско-Китайских отношений (1618-1917 гг.) / В. Г. Дацышен. – Благовещенск, 2004. – 276 с.
2. Дацышен В. Г. Русский военный советник в Китае полковник П.П. Воронов / В. Г. Дацышен // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 5. – С. 38 – 43.
3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3148. Док. 11 об.
4. Сергеев Е. Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии 1904 – 1905 гг. / Е. Ю. Сергеев. – М.: КМК, 2010. – 219 с.
5. Российский государственный военно-исторический арх. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11020. Док. 40 об.
6. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов / А. В. Шишов. – М.: Вече, 2001. – 576 с.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р 6683. Оп. 1. Д. 5. Док. 12–13.
8. Деревянко И. В. Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг. / И. В. Деревянко. – М.: Эксмо, 2005. – 416 с.
9. Российский государственный военно-исторический арх. Ф. 486. Оп.1. Д. 346. Док. 86 – 87.
10. Фалько С. А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.). – [электронный ресурс] / С. А. Фалько. – URL: https://ricolor.org/rz/kitai/rossia/13_03_2016 (дата обращения: 25.04.2016).
11. Российский государственный военно-исторический арх. Ф. 14370. Оп.1. Д.3. Док. 6–99 об.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Оп.1. Д. 139. Док. 3.
13. Серов В.М. Становление Восточного института (1899 - 1909) / В. М. Сергеев // Известия восточного института. – 1994. – № 1. – С. 15–18.
14. Российский государственный военно-исторический арх. Ф. 14378. Оп. 2. Д. 9. Док. 102–281.
15. Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904-1905 гг.) / Е. Ю. Сергеев // Отечественная история. – 2004. – №3. – С. 80–83.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 559. Оп.1. Д.3. Док. 1–8.
17. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп.11. Д. 10. Док. 18 - 136 об.
18. Российский государственный военно-исторический арх. Ф. 155 ф. Оп. 3. Д.20. Док. 1–9 об.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dacyshen V. G. Istorija Rossijsko-Kitajskih otnoshenij (1618-1917 gg.) [The history of Russian-Chinese relations (1618-1917.)] / V. G. Dacyshen. – Blagoveshhensk, 2004. – 276 p. [in Russian].
2. Dacyshen V. G. Russkij voennyj sovetnik v Kitae polkovnik P.P. Voronov [Russian military adviser in China Colonel P.P. Voronov] / V. G. Dacyshen // Voenno-istoricheskij zhurnal [Military history journal] – 2012. – № 5 P. 38.- 43. [in Russian].
3. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive. Fund 400. Inventory 21. Case 3148. Document 11 reverse side]. [in Russian].
4. Sergeev E. Ju. Voennaja razvedka Rossii v bor'be protiv Japonii 1904 – 1905 gg. [Military intelligence of Russia in the struggle against Japan in 1904 – 1905] / E. Ju. Sergeev. – M.: KMK, 2010. – 219 p. [in Russian].
5. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive. Fund 409. Inventory 2. Case 11020. Document 40 reverse side]. [in Russian].
6. Shishov A.V. Rossiya i Japoniya. Istorija voennykh konfliktov [Russia and Japan. The history of military conflicts] / A. V. Shishov. – M.: Vechе, 2001. – 576 p. [in Russian].
7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation. Fund R 6683. Inventory 1. Case 5. Document 12-13]. [in Russian].
8. Derevjanko I. V. Russkaja razvedka i kontrrazvedka v vojne 1904-1905 gg. [Russian intelligence and counterintelligence in the war of 1904-1905] / I. V. Derevjanko. - M.: Jeksmo, Jauza, 2005. – 416 p. [in Russian].
9. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive. Fund 486. Inventory 1. Case 346. Document 86 – 87]. [in Russian].
10. Fal'ko S. A. Rossijskaja voenno-diplomaticeskaja sluzhba v Kitae v jepohu pravlenija Aleksandra III (1881–1894 gg.) [Russian military and diplomatic service in China during the reign of Alexander III (1881-1894)] [Electronic resource] / S. A. Fal'ko. – URL: https://ricolor.org/rz/kitai/rossia/13_03_2016/ (accessed: 25.04.2016). [in Russian].
11. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive. Fund 14370. Inventory 1. Case 3. Document 6-99 reverse side]. [in Russian].
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation. Fund 568. Inventory 1. Case 139. Document 3]. [in Russian].
13. Serov V. M. Stanovlenie Vostochnogo instituta (1899 - 1909) [The formation of the Oriental Institute (1899 - 1909)] / V. M. Sergeev // Izvestija vostochnogo instituta [Proceedings of the Oriental Institute]. –1994. –№ 1. – P.15-18. [in Russian].
14. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive. Fund 14378. Inventory 2. Case 9. Document 102-281]. [in Russian].
15. Sergeev E. Ju. Voennaja razvedka Rossii v bor'be s Japoniej (1904-1905 gg.) [Military intelligence of Russia in the struggle with Japan (1904-1905)] / E. Ju. Sergeev // Otechestvennaja istorija [National history]. – 2004. – №3. – P. 80-83. [in Russian].
16. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation. Fund 559. Inventory 1. Case 3 Document 1-8]. [in Russian].
17. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region. Fund 25. Inventory 11. Case 10. Document 18 - 136 reverse side]. [in Russian].
18. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive. Fund 155. Inventory 3. Case 20. Document 1-9 reverse side]. [in Russian].

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCOLOGYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.090>Андронникова О.О.¹, Ветерок Е.В.²¹ORCID: 0000-0002-1756-7682, Кандидат психологических наук,²ORCID: 0000-0003-4303-1985, Кандидат психологических наук,

Новосибирский государственный педагогический университет

ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАРУШЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**Аннотация**

Описана специфика изучения виктимного поведения в современной психологии. Рассмотрены гендерные аспекты виктимного поведения в контексте социализации личности. Обнаружено, что понятие «гендер» целесообразно рассматривать в системе таких категорий, как «гендерная технология», «гендерная идентичность», «гендерная дифференциация», «гендерная роль», «гендерная стратификация», «гендерный стереотип», «гендерная идеология». Выявлено, что гендер как социальный конструкт формируется в процессе социализации субъекта и усваивается в виде комплекса стереотипов поведения, включающих восприятие себя и окружающего мира, идентификацию социальной реальности. Обнаружено, что гендерные различия проявляются в разных сферах, в характере виктимизации, в распространенности и специфике видов насилия.

Ключевые слова: виктимное поведение, социализация, гендерный аспект.

Andronnikova O.O.¹, Veterok E.V.²¹ORCID: 0000-0002-1756-7682, PhD in Psychology,²ORCID: 0000-0003-4303-1985, PhD in Psychology,

Novosibirsk state pedagogical University

GENDER CHARACTERISTICS OF VICTIM BEHAVIOR AS A RESULT OF VIOLATION IN SOCIAL DEVELOPMENT**Abstract**

The paper concerns the specificity of the victim behavior in modern psychology, considering the gender aspects of victim behavior in the context of socialization. The authors found that it is worthwhile to consider the term "gender" in the system of such categories as "gender technology", "gender identity", "gender differentiation", "gender role", "gender stratification," "gender stereotype", "gender ideology". It was found that gender as a social construct is formed during the process of socialization of the subject and is adopted in the form of complex behaviors, including the perception of the person and the world, identification of the social reality. Besides, it was found that gender differences appear in various spheres, in the nature of the victimization, the prevalence and the specificity of types of violence.

Keywords: victim behavior, socialization, gender aspect.

В современной науке проблема социальной адаптации рассматривается в контексте влияния на психологическое здоровье личности. При этом известно, что повышенный уровень социализации формирует социально желаемое поведение, снижая степень психологического благополучия личности, что обуславливает развитие виктимного поведения. Виктимное поведение представляет собой поведение, отклоняющееся от норм безопасного поведения и реализующееся во множестве социальных, психических и моральных проявлений. Формы виктимного поведения проявляются в социальных ожиданиях, стереотипах, установках и формируют нормы реагирования на различные жизненные ситуации [2, С. 9].

Специфика общественной действительности воздействует на поведение личности, которая парциально воспринимает и опосредует влияние в соответствии с индивидуально-типологическими особенностями субъекта, а система отношений, в свою очередь, воздействует на социальную реальность [4, С. 45].

Гендерные различия опредмечены совокупностью социальных и внесоциальных факторов, к которым относятся географические, климатические, биологические и ряд других факторов. Специфика данных различий может быть проанализирована в контексте понятия гендера как социального пола [2, С. 11].

О.О. Андронникова отмечает, что формирование и трансформация гендерных ролей на протяжении онтогенеза детерминируются различными внешними факторами. На основании наблюдений за родителями и значимыми взрослыми ребенок учится быть похожим на людей определенного гендера. Культура современного общества обуславливает соответствующие стереотипы женственности и мужественности, необходимые в контексте взаимодействия с социальной реальностью. Взрослый человек принимает свою гендерную роль или конфликтует с ней, выбирая определенный жизненный сценарий [1, С.26].

Понятие «гендер» обозначает социокультурные аспекты пола, в отличие от биологических и физиологических. Статус пола обусловлен комплексом факторов, позволяющих субъекту осознать половую роль или самоидентифицировать гендерную принадлежность. Различия полов основаны на значимых элементах культуры, ментальности, геополитических факторах и т.п. Гендер также рассматривается как социальный конструкт, включающий в себя ряд параметров, определяющих статус человека в социуме [8, С. 56].

Гендерные особенности связаны с соответствующими мужскими и женскими стилями поведения и формами культуры, относительно которых формируются отношения субъектов. Гендерная позиция зависит от комплекса различных факторов, которые позволяют индивиду осознать собственную половую роль и самоидентифицировать гендерную принадлежность. Гендерные различия в социальной реальности основаны на фундаментальных положениях, детерминированных спецификой культуры, ментальности, традициями и т.п. Мужская и женская социокультурные традиции имеют ряд различий в представлениях о мировом порядке, в мироощущении, которые

могут рассматриваться в контексте эстетического и логического аспектов. Взаимодействие с позиции мужского гендерного типа реализуется в рамках логического доминирования, а женскому типу будут соответствовать эстетические параметры. Взаимосвязь мужских и женских характеристик, представленных различными гендерными типами, определяет духовный мир общества, учитывающий каждую смысловую позицию в социальных отношениях [8, С. 52].

О.О. Андронникова отмечает, что понятие «гендер» важно рассматривать в системе ряда категорий.

Гендерные технологии представляют собой закономерности конструирования представлений о половой идентичности личности посредством репрезентации ценностно-значимых сферах: политике, религии, образовании, средствах массовой информации, искусстве, моде и т.п. Основными гендерными технологиями являются такие, как: языки, традиции, обряды, особенности воспитания.

Гендерная идентичность рассматривается как переживание себя как представителя определенного пола, детерминированное фемининностью и маскулинностью, формирующимися в процессе интеграции в общество.

Гендерная дифференциация является процессом, обуславливающим особенности формирования соответствующего гендера посредством наполнения биологических различий определенным социальным значением. Процессы гендерной дифференциации начинаются в пренатальный период и являются биологически детерминированными. Дж. Манн, А. Ерхард описывают ряд стадий гендерной дифференциации, шесть из которых выступают как биологические, две – как психологические стадии. Под воздействием внутриутробных нарушений или социальных воздействий могут происходить деформации процессов гендерной дифференциации.

Гендерная роль рассматривается как тип общественных ролей, к которым относится совокупность стереотипов поведения, детерминированных общественными ожиданиями в контексте биологического пола.

Гендерная стратификация представляет собой процесс, детерминированный социальной стратификацией в контексте гендерной принадлежности. В основе гендерной стратификации лежит представление о неравной социальной позиции мужчин и женщин. Специфика гендерной стратификации рассматривается в рамках феминистских теорий.

Гендерные стереотипы описываются как представления, связанные с психологическими особенностями или особенностями поведения определенной гендерной общности. Гендерные стереотипы регулируют отношение к представителям гендера на уровне специфических упрощенных моделей, связанных с процессами восприятия предметов и явлений окружающего мира [1, С. 30].

Гендер как социальный конструкт развивается в процессе социализации субъекта и усваивается в виде комплекса стереотипов поведения, включающих восприятие себя и окружающего мира, идентификацию социальной реальности [1, С.32].

В современной науке описана теория гендера как социального конструкта, в рамках которой гендерная дифференциация рассматривается как процесс и результат социализации индивида. Гендерная социализация ребенка формируется в постнатальный период, когда родители начинают обучать его гендерной роли мальчика или девочки. Гендерная социализация в этом контексте включает в себя ряд основных направлений. Одним из направлений является усвоение гендерно-схематизированной схемы переработки информации, то есть готовности усваивать информацию о себе в контексте понятий «мужское-женское», формируемой в результате работы гендерной схемы (когнитивной структуры настроенной на поиск и группировку специфической информации).

Второе направление включает в себя внедрение гендерной схемы в структуру Я-концепции ребенка, что позволяет ребенку научиться использовать схему селекции не только для поступающей извне информации, но и в отношении к самому себе [5, С. 190].

В процессе онтогенеза у ребенка формируются определенные модели поведения, установки и ценности посредством интериоризации. При этом, как мальчики, так и девочки подчиняются одинаковым стандартам, касающимся соблюдения мер безопасности или уважения к старшим. Тем не менее, мальчики и девочки учатся также некоторым различным способам поведения, в частности, тому, как следует вести себя друг с другом и каковы их обязательства друг перед другом и социумом. Данные ожидания касаются также виктимного поведения. При этом ожидания связаны не только с социально одобряемым поведением, но и с отклонениями от норм поведения, в частности, в контексте виктимного поведения.

Виктимность рассматривается как психологическое отклонение, закрепленное в привычных формах поведения, обуславливающих потенциальную или реальную предрасположенность личности становиться жертвой. Л.Э. Кузнецова, А.Н. Ерошенко отмечают, что виктимность определяется системой индивидуально-личностных характеристик, способствующих формированию дезадаптивного стиля реагирования индивида, препятствующего психологическому благополучию личности [6, С. 74].

Исследование Е.Н. Аракелян показало, что факторы риска формирования виктимного поведения личности как женского, так и мужского пола могут быть различными. Гендерные особенности могут проявляться в различных сферах жизни и деятельности субъекта, в специфике виктимизации индивида, в соотношении определенных видов насилия. В частности, участникам исследования Е.Н. Аракелян, как девушкам, так и юношам, свойственна повышенная степень опыта пережитого насилия в онтогенезе. Автором обнаружена достоверно значимая гендерная специфика типа предрасположенности к виктимному поведению. Выявлено, что лица мужского пола предрасположены к активному виктимному поведению, лица женского пола – к пассивному виктимному поведению. Также обнаружено, что мужчинам свойственно деструктивное поведение, женщинам – зависимое поведение [3, С. 63]. Исследование Е.В. Логутовой также показало, что лицам женского пола, в том числе фемининным, свойственно зависимое поведение [7].

На основании выделенных гендерных характеристик можно предположить, что виктимное поведение обусловлено нарушением социализации в процессе онтогенеза и дизонтогенеза. Деформация социального развития личности

детерминирует формирование риска развития виктимного поведения, дезадаптации, деструктивные формы взаимодействия в социуме.

Таким образом, формирование и трансформация гендерных ролей на протяжении онтогенеза детерминируются различными внешними факторами. Культура современного общества обуславливает соответствующие стереотипы женственности и мужественности, необходимые в контексте взаимодействия с социальной реальностью. Взрослый человек принимает свою гендерную роль или конфликтует с ней, выбирая определенный жизненный сценарий. Понятие «гендер» обозначает социокультурные аспекты пола, в отличие от биологических и физиологических. Статус пола обусловлен комплексом факторов, позволяющих субъекту осознать половую роль или самоидентифицировать гендерную принадлежность. Различия полов основаны на значимых элементах культуры, ментальности, геополитических факторах и т.п. Гендер также рассматривается как социальный конструкт, включающий в себя ряд параметров, определяющих статус человека в социуме. Виктимность определяется системой индивидуально-личностных характеристик, способствующих формированию дезадаптивного стиля реагирования индивида, препятствующего психологическому благополучию личности. Деформация социального развития личности детерминирует формирование риска развития виктимного поведения, дезадаптации, деструктивные формы взаимодействия в социуме.

Список литературы / References

1. Андронникова О. О. Гендерная дифференциация в психологии / О. О. Андронникова. – М.: Вузовский учебник: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 264 с.
2. Андронникова О. О. Специфика сценария жизненного пути у виктимных мужчин и женщин различной гендерной дифференциации / О. О. Андронникова // Международная научная школа «Парадигма». Лето-2015. В 8 т. Т.4: Психология: сборник научных статей / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. – Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. – С. 8-21.
3. Аракелян К. Н. Опыт пережитого насилия и склонность к виктимному поведению подростков: гендерный аспект / К. Н. Аракелян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. – 2014. – №4. – С. 58-65.
4. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения / Ю. А. Клейберг. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. – 160с.
5. Клецина И. С. Самореализация и гендерные стереотипы / И. С. Клецина // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 188-202.
6. Кузнецова Л. Э., Ерошенко А. Н. Психологические особенности проявления виктимного поведения у современной молодежи / Л. Э. Кузнецова, А. Н. Ерошенко // Актуальные вопросы современной психологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 73-75.
7. Логутова Е. В. Гендерные особенности виктимного поведения старших школьников / Е. В. Логутова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18304> (дата обращения: 30.01.2017).
8. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – 479с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andronnikova O. O. Gendernaja differenciacija v psihologii [Gender differentiation in psychology] / O. O. Andronnikova. – М.: Vuzovskij uchebnik: NIC INFRA-M, 2013. – 264 p. [in Russian]
2. Andronnikova O. O. Specifika scenarija zhiznennogo puti u viktimnyh mužhchin i zhenshhin razlichnoj gendernoj differenciacii [The specifics of the scenario path of life from the victimization of men and women of different gender differentiation] / O. O. Andronnikova // Mezhdunarodna nauchna shkola «Paradigma» [International scientific school «Paradigm»]. Ljeto-2015. 8 v. V.4: Psychology: scholarly articles / Edited. A. V. Berlov, L. F. Chuprov. – Varna: CNII «Paradigma», 2015. – P. 8-21. [in Russian]
3. Arakeljan K. N. Opyt perezhitogo nasilija i sklonnost' k viktimnomu povedeniju podrostkov: gendernyj aspekt [The experience of violence and the propensity for victim behavior in adolescents: the gender dimension] / K. N. Arakeljan // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik of Saint Petersburg University]. Series 12. Sociology. – 2014. – №4. – P. 58-65. [in Russian]
4. Klejberg Ju. A. Psihologija deviantnogo povedenija [Psychology of deviant behavior] / Ju. A. Klejberg. – М.: TC Sfera, pri uchastii «Jurajt-M», 2001. – 160p. [in Russian]
5. Klecina I. S. Samorealizacija i gendernye stereotipy [Self-actualization and gender stereotypes] / I. S. Klecina // Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti [Psychological problems of self-identity] V. 2. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 1998. – P. 188-202. [in Russian]
6. Kuznecova L. Je., Eroshenko A. N. Psihologicheskie osobennosti projavlenija viktimnogo povedenija u sovremennoj molodezhi [Psychological peculiarities of manifestations of victim behavior among the youth] / L. Je. Kuznecova, A. N. Eroshenko // Aktual'nye voprosy sovremennoj psihologii [Actual problems of modern psychology]: proceedings of the second Intern. scientific. Conf. (Chelyabinsk, February 2013). – Cheljabinsk: Dva komsomol'ca, 2013. – P. 73-75. [in Russian]
7. Logutova E. V. Gendernye osobennosti viktimnogo povedenija starshih shkol'nikov [Gender characteristics of victim behavior of older students] / E. V. Logutova // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern problems of science and education]. – 2015. – № 1-1.; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18304> (data obrashhenija: 30.01.2017). [in Russian]
8. Praktikum po gendernoj psihologii [Workshop on gender psychology] / Edited. I. S. Klecinov. – SPb.: Piter, 2003. – 479p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.017>Бубнова И.С.¹, Рерке В.И.²¹ORCID: 0000-0001-9549-7248, Кандидат психологических наук, доцент,²ORCID: 0000-0002-7722-8287, Кандидат психологических наук, доцент

Иркутский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ САООТНОШЕНИЯ У НАРКОЗАВИСИМОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ**Аннотация**

В статье представлены результаты эмпирического исследования самооотношения у наркозависимой молодежи в процессе социальной реабилитации. Выявлены следующие особенности: недифференцированность оценок себя и других, низкая степень интереса к своему внутреннему миру, самопознанию, слабая осознанность своего «Я», наличие конфликтующих между собой стремлений. Данная статья будет интересна специалистам в различных отраслях психологии и социальной педагогики.

Ключевые слова: наркотическая зависимость, самооотношение, самопринятие, реабилитация.

Bubnova I.S.¹, Rerke V.I.²¹ORCID: 0000-0001-9549-7248, PhD in Psychology, Associate Professor,²ORCID: 0000-0002-7722-8287, PhD in Psychology, Associate Professor,

Irkutsk State University

STUDY OF SELF-ATTITUDE OF DRUG ADDICTED YOUTH DURING SOCIAL REHABILITATION**Abstract**

The paper presents the results of the empirical study of self-attitude of drug-addicted youth during their social rehabilitation. The following features are revealed: the lack of differentiation of oneself assessment as well as the assessment of others, a low degree of interest in one's inner world, self-knowledge, weak awareness of person's identity, the existence of conflicting aspirations. This paper is of interest to specialists in various branches of psychology and social pedagogy.

Keywords: drug addiction, self-attitude, self-acceptance, rehabilitation.

Проблема наркотической зависимости является одной из самых серьезных проблем на сегодняшний день. Вместе с тем следует отметить, что как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях очень мало внимания уделяется изучению самооотношения личности и его влиянию на формирование наркозависимого поведения. Стоит отметить, что самооотношение является очень важным структурным образованием личности в юношеском и зрелом возрасте и при определенных обстоятельствах именно эта сфера может существенно деформироваться, что нередко ведет к изменению поведения, в частности, к появлению такой его асоциальной формы, как наркомания [1].

Анализ научной литературы позволяет выделить трехкомпонентное строение самооотношения личности, которое включает в себя когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты [2]. Учет структуры самооотношения обуславливает его пересмотр в соответствии с другими аспектами, например, в контексте социальных установок личности и определяет внимание к изучению содержания психологической составляющей наркотической зависимости, вопросам реабилитации выздоравливающих.

В своем исследовании мы рассмотрим особенности структурных компонентов самооотношения у лиц с наркозависимым поведением. Нами были обследованы 15 лиц, страдающих наркотической зависимостью, в возрасте от 18 до 27 лет, которые проходят курс реабилитации. Для изучения особенностей самооотношения нами был применен тест-опросник «Самоотношение» (В.В. Столина, С.Р. Пантелеева) и методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн.

Обратимся к описанию результатов по опроснику «Самоотношение». Так, по шкалам «Интегральное самооотношение» и «Самоуважение» у молодых людей с наркотической зависимостью были получены следующие результаты: низкие значения по шкале «Интегральное самооотношение» были выявлены у 67% опрошенных респондентов, что свидетельствует о присутствии у них признаков недифференцированности собственного «Я»; по шкале «Самоуважение» средние значения были получены у 40% опрошенных респондентов, что свидетельствует о недостатке положительного отношения к себе у наркозависимых, отсутствие четких критериев оценки себя. Низкие показатели по данной шкале были выявлены у 60% опрошенных, что говорит о том, что у них отмечается недостаточная сформированность веры в свои силы, энергетического потенциала, положительной оценки собственных возможностей, способности контролировать свою жизнь.

Результаты по шкале «Аутосимпатия» позволяют сделать вывод о том, что 63% опрошенных респондентов отличаются недостатком самопринятия, наличием самообвинения, эмоциональных реакций к себе негативного характера, таких как раздражение, самоприговор, низкая самооценка и т.д.

Анализ ожиданий положительного отношения к себе у лиц, страдающих наркотической зависимостью, позволил сформулировать следующие выводы: у 63% опрошенных установлены низкие значения по данному показателю, что свидетельствует о том, что наркозависимые преимущественно склонны ожидать от окружающих негативное отношение к себе.

Результаты диагностики по шкале «Самоинтерес» показал, что у 40% опрошенных респондентов интерес к себе является поверхностным и неустойчивым. 60% опрошенных свойственны низкие значения по данной шкале, что говорит о том, что у наркозависимых интерес к себе, к своему внутреннему миру является недостаточно сформированным и отражает формирование негативного отношения к себе.

Обобщая результаты, полученные в ходе проведения настоящего опросника В.В. Столина, С.Р. Пантелеева, можно констатировать, что в структуре самооотношения наиболее проблемными являются сферы отношения к себе и восприятия отношения к другим людям. В то же время в общей структуре самооотношения проявляется недостаточная

сформированность самоуважения и аутосимпатии. Для того, чтобы более глубоко проанализировать особенности самоотношения, обратимся к результатам, полученным в ходе проведения дополнительных шкал данного теста.

Так, обобщая результаты, полученные в ходе проведения дополнительных шкал, считаем возможным констатировать следующее: у лиц, из числа наркозависимой молодежи, недостаточно сформирован самоинтерес (67%) и самопонимание (60%), собственная личность на фоне имеющейся зависимости не представляет особенного интереса, отмечается постоянная озабоченность проблемой физического самочувствия, предупреждение или купирование ломки – всё это деформирует отношение личности к себе, на первый план выступают совершенно другие потребности и мотивы. Таким образом, в структуре самоотношения молодежи, страдающей наркотической зависимостью, наиболее проблемными сферами являются принятие себя, саморукводство, самопонимание, наличие интереса к себе, восприятие отношения других и самоуважение.

Далее при помощи методики Дембо-Рубинштейн мы оценили сформированность самооценки у людей, страдающих наркотической зависимостью и находящихся на этапе реабилитации. Результаты изучения самооценки личности свидетельствуют о том, что разные стороны своей личности молодые люди, страдающие наркотической зависимостью, оценивают примерно в одном континууме и эти показатели являются заниженными. Так, по шкале «Здоровье» оценки распределились следующим образом: высокие значения – 0%, средние – 67%, низкие 33%, что свидетельствует о том, что свое здоровье большинство лиц, страдающих наркотической зависимостью, оценивает как достаточно «хорошее» и только часть опрошенных респондентов осознает проблемы.

Показатели по шкале «Ум, способности» свидетельствуют, что только 7% опрошенных оценивают высоко свои умственные способности, остальные респонденты считают, что они у них сформированы недостаточно.

Обратимся к шкале «Характер» высокие значения составили – 20%, средние – 53%, низкие 27%. В оценке характера, лица, страдающие наркотической зависимостью, также характеризуются недооценкой себя как личности в целом, так и отдельных своих качеств.

Результаты шкалы «Умение делать своими руками» следующие: высокие значения не выявлены, средние присутствуют у 73% испытуемых, низкие у 27%. Из результатов исследования следует, что у лиц, из числа наркозависимой молодежи, недостаточно сформированы разнообразные навыки и поэтому оценивают они способности невысокого.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в оценке многих сторон своей жизни люди, страдающие наркотической зависимостью, склонны давать низкие оценки самим себе и оценивать себя как недостаточно здоровых, с неразвитыми способностями, характером, внешностью, способностями делать что-то самостоятельно. Показатели уверенности в себе близки к средним значениям, как и показатели ума и способностей. Мы полагаем, что психологический комфорт обуславливает потребность в сохранении какого-то душевного равновесия и гармонии, в соответствии с этим наркозависимые могут положительно оценивать свой ум, свои способности, особенно это может проявляться в умении добыть деньги на очередную дозу или обмануть кого-то.

Таким образом, анализ полученных данных в исследовании позволил нам выделить проблему формирования положительного самоотношения у наркозависимой молодежи как одну из важнейших составляющих социальной реабилитации. Это связано с тем, что позитивное восприятие себя и других людей, чувство уверенности в себе, умение управлять собственной жизнью поможет людям преодолеть наркотическую зависимость и конструктивно реадaptироваться в социуме.

Список литературы / References

1. Перке В.И., Бубнова И.С. К вопросу о жизнестойкости в структуре личностных ресурсов лиц с наркозависимым поведением//Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. – 2012. – № 17.– С. 70-74.
2. Перке В.И., Бубнова И.С. О некоторых особенностях мотивационно-потребностной сферы личности подростков-наркоманов//Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 5.– С. 210-215.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rerke V.I., Bubnova I.S. K voprosu o zhiznestojkosti v strukture lichnostnyh resursov lic s narkozavisimym povedeniem [The question of vitality in personal sources of people with drug-dependent behavior] // Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii obrazovanija [Collection of scientific works of East Siberian State academy of education].— 2012. – № 17. – P. 70-74. [in Russian]
2. Rerke V.I., Bubnova I.S. O nekotoryh osobennostjakh motivacionno-potrebnostnoj sfery lichnosti podroستkov-narkomanov [About the peculiarities of motivational-recuirement scope of personality of drag addict teenagers]// Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Collection of scientific works of Buryat State University] – 2010. – № 5. – P. 210-215. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.093>

Маралов В.Г.

ORCID: 0000-0002-9627-2304, Доктор психологических наук,

Череповецкий государственный университет

**СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ ИЛИ РАЗНООБРАЗИЕ И ИЗМЕНЕНИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА ДВУХ
ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ****Аннотация**

Статья посвящена исследованию двух жизненных ориентаций: ориентации на спокойную стабильную и безопасную жизнь, и ориентации на постоянный поиск, разнообразие и изменения. Актуальность проблемы обусловлена значимостью жизненных ориентаций в построении человеком своего жизненного пути. Было сделано предположение о том, что ориентации на стабильность, безопасность или постоянные изменения будут определяться уровнем выраженности потребностей в безопасности, мотивацией достижения успеха и избегания неудач, готовностью к риску, а также базовыми личностными характеристиками (экстраверсия-интроверсия и др.). В качестве конкретных методик исследования использовались тесты Майерс-Бриггс, Элерса, Шуберта, авторские опросники по выявлению потребностей в безопасности и отношения людей к опасностям и др. В исследовании приняли участие 112 студентов Череповецкого государственного университета. В результате была дана психологическая характеристика двух типов ориентаций студентов на стабильность или изменения в жизни, а также ориентации, в которой сочетаются и стремление к стабильности и безопасности, и к изменениям. Подученные результаты могут быть использованы в процессе подготовки педагогических и психологических кадров, а также в деятельности психологической службы вузов.

Ключевые слова: жизненные ориентации, базовые личностные характеристики, мотивация достижения успеха и избегания неудач, готовность к риску, потребности в безопасности, отношение к опасностям, саморазвитие.

Maralov V.G.

ORCID: 0000-0002-9627-2304, PhD in Psychology,

Cherepovets state university

**QUIET LIFE OR DIVERSITY AND CHANGES: CHARACTERISTICS OF TWO LIFE ORIENTATIONS
OF STUDENTS****Annotation**

The article investigates two life orientations: focus on a quiet secure and stable life, and focus on a constant search, diversity and changes. This problem is relevant due to the significance of life orientation in forming of a personal's way of living. The authors suggest that a focus on stability, security, or permanent changes is determined by the level of security needs, motivation in achieving success and avoiding failure, risk appetite, as well as the basic personal characteristics (extroversion-introversion, and others). The authors used specific methods of research: Myers-Briggs test, Ehlers test, Schubert test, and own checklists in order to identify the need in security and attitudes of people to danger. 112 students of Cherepovets State University took part in the study. As a result, it has been given a psychological characteristic of two types of student attitudes on stability or changes in life and orientations, which combine a pursuance of both stability (and security), and changes. The obtained results can be used in the preparation of pedagogical and psychological training, as well as in the activities of the psychological service of universities.

Keywords: life orientation, basic personal characteristics, motivation to achieve success and avoid failure, risk appetite, security needs, relation to hazards, self-development.

Введение. Каждый человек по своему выстраивает свой жизненный путь, преодолевает трудности и препятствия. Психологами давно замечено, что выбор траектории этого движения во многом определяется жизненными ориентациями, под которыми понимают совокупность ценностей, интегрированных личностью применительно к собственной жизни. Известно, что для одних людей значимость приобретают собственные достижения, для других – признание, для третьих – семья и т.п.

Особое внимание учеными уделяется ориентациям, связанным с обеспечением безопасности. Еще в рамках гуманистического психоанализа было замечено, что в качестве ведущего противоречия, обуславливающего способы построения жизни, выступает противоречие между стремлением к безопасности и удовлетворением многочисленных потребностей человека. Согласно К. Хорни [13], это противоречие разрешается путем выбора одного из путей взаимодействия с социальным окружением: движения к людям, движения против людей, движения от людей. По Э. Фромму [12] – посредством выбора одного из возможных путей «бегства от свободы»: авторитаризма, деструктивности, автоматического конформизма, наконец, приобретения опыта позитивной свободы.

В современных исследованиях предпринимается попытка дальнейшего исследования этой проблемы. В частности А. А. Грачев [1] выделяет три типа жизненных ориентаций: дефицитарную ориентацию, ориентацию на самореализацию и духовную ориентацию. Эти ориентации конкретное свое выражение находят в ориентациях на: безопасность, влияние, принятие другими, признание, самореализацию, служение, ответственность и взаимопомощь. Е. Ю. Коржова [2] в зависимости от доминирующих жизненных ориентаций описывает 4 типа людей. Это типы преобразователя, потребителя, пользователя и гармонизатора.

С позиций рассматриваемой проблемы особую значимость приобретают работы, в которых предпринимается попытка вычленировать ориентации на стабильность, безопасность и активное преобразование, изменение жизни, связанное с риском. Здесь, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на исследования В. А. Петровского [7], который выделил и охарактеризовал две тенденции реагирования людей при встрече с опасностями: стремление избегать опасностей и движение навстречу опасностям. Реакция избегания обусловлена врожденными защитными, индивидуально-приобретенными и ценностно-обусловленными механизмами. Реакция движения к опасности также

может быть детерминирована врожденными ориентировочными реакциями, «жаждой острых ощущений» и ценностно-обусловленным стремлением к опасности. С. Т. Посохова [9], характеризуя процессы адаптации личности, выделяет две стратегии адаптации: стратегию самораскрытия и стратегию самосохранения. Стратегия самораскрытия - это стратегия преобразования себя, условий, прежнего образа жизни. Стратегия самосохранения обусловлена стремлением к безопасности, сохранением в неизменном виде сложившегося образа жизни, боязнью взять на себя ответственность за принятие рискованных решений.

Таким образом, современные исследования показывают, что жизненные ориентации человека многообразны, они могут анализироваться с различных позиций. Если рассматривать их с позиций безопасности, то можно выделить два типа жизненных ориентаций: ориентацию на стабильность и безопасность жизни, и ориентацию на изменения, преобразование себя, своего образа жизни и окружения. В соответствии с этим возникает вопрос, почему одни люди ориентированы на стабильность, безопасность, комфортные условия существования, а другие, наоборот, стремятся к изменениям, разнообразию жизни, несмотря на возможные трудности и опасности?

Непосредственным поводом для организации предлагаемого в настоящей статье исследования послужила дискуссия, которая «разгорелась» в одной из студенческих групп, где автор вел занятия по курсу «Психология личности». На обсуждение был поставлен вопрос: «Откажитесь ли вы, ради своей безопасности и безопасности близких людей от своих жизненных целей, карьеры и личностного роста». Студенты спонтанно разделились на две группы. Одна группа доказывала, что в жизни главное спокойствие, безопасность, семья, любовь близких людей, стабильная работа, пусть и не очень высоко оплачиваемая. Другая группа была явно ориентирована на изменения, карьеру, личностный рост и достижения.

Итак, цель настоящего исследования состояла в выявлении роли мотивационных и личностных факторов в формировании ориентаций на безопасность, стабильность или изменчивость жизни. Было сделано предположение о том, что ориентация на стабильность, безопасность или постоянные изменения и преобразование будет определяться уровнем выраженности потребностей в безопасности, мотивацией достижения успеха и избегания неудач, готовностью к риску, а также некоторыми базовыми личностными характеристиками, например, экстраверсией-интроверсией.

Методы исследования. С целью выявления ориентации студентов на стабильность или изменчивость жизни нами использовалась следующая процедура. Студентов просили оценить в 10-балльной шкале, свои жизненные устремления: «Чего вы хотите в жизни: власти, признания, денег, высоких достижений, любви близких, спокойной жизни и стабильности, постоянного саморазвития?». В контексте заявленной проблемы особо нас интересовала реакция испытуемых на уровень выраженности устремленности к спокойной и стабильной жизни.

Личностные особенности студентов изучались с помощью теста Майерс-Бригс [11], который дает возможность выявить некоторые базовые характеристики личности, выделенные К. Г. Юнгом. Отношение студентов к опасностям, а также уровень выраженности потребностей в переживании чувства опасности, чувства безопасности, обеспечения безопасности исследовалось с помощью разработанных нами специальных опросников [3], [4], [5]. Готовность личности к риску изучалась с помощью теста Шуберта [10], мотивация достижения успеха и избегания неудачи – посредством тестов Элерса [8]. В исследовании приняли участие 112 студентов направления «Психология» и специальности «Психология служебной деятельности» Череповецкого государственного университета (средний возраст – 20 лет).

Результаты. Обратимся к основным результатам исследования. Прежде всего, дадим характеристику выборки испытуемым по всем исследуемым параметрам. Жизненные устремления студентов отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Жизненные устремления студентов (%)

Уровень	Жизненные устремления						
	Власть	Признание	Деньги	Высокие достижения	Любовь близких	Спокойная жизнь и стабильность	Постоянное саморазвитие
Высокий	4	9	14	39	55	29	48
Средний	16	48	38	48	32	32	34
Низкий	80	43	48	13	13	39	18
Итого:	100	100	100	100	100	100	100

Характеризуя выборку студентов со стороны их жизненных устремлений (таблица 1), следует констатировать, что для них наиболее значимы любовь и признание со стороны близких, стремление к постоянному саморазвитию и достижениям. В меньшей мере выражены стремления к власти, признанию со стороны общества и деньгам. Это вполне объяснимо, так как студенты еще находятся на стадии обучения, не включены в активную профессиональную жизнь, поэтому «власть», «признание» и «деньги» еще не актуализированы в их жизненных устремлениях в должной степени. Их в большей степени волнует то, что связано с их непосредственной ситуацией сегодняшнего дня. Иными словами, важны взаимоотношения в кругу близких людей, стремление проявлять себя в настоящее время и в будущем с позиций достижения результатов и, поскольку они находятся на стадии профессиональной подготовки, естественным является высокая оценка своих устремлений к саморазвитию. Что касается устремленности к спокойной и стабильной жизни, то здесь наблюдается примерно равномерное распределение испытуемых. Почти треть (29%) - ориентирована на спокойную и стабильную жизнь. Для 32% испытуемых характерно, с одной стороны, стремление к спокойной и стабильной жизни, с другой, - готовность к возможным изменениям и разнообразию, которые могут таить в себе неизвестность и угрозы. 39% - в большей мере ориентированы на разнообразие, изменчивость, встречу с опасностями.

Результаты уровня выраженности мотивационных и личностных качеств по всей выборке испытуемых отражены в таблице 2.

Таблица 2 – Уровень выраженности мотивационных и личностных факторов

Группы факторов	Конкретизация факторов	Процент
Факторы E-I – экстраверсия - интроверсия	E – экстраверсия	54
	I- интроверсия	32
	Смешанный тип	16
Факторы S-N – сенсорный - интуитивный	S - сенсорный	55
	N - интуитивный	43
	Смешанный тип	2
Факторы T-F – мыслящий - чувствующий	T - мыслящий	38
	F – чувствующий	55
	Смешанный тип	7
Факторы J-P – решающий - воспринимающий	J - решающий	75
	P - воспринимающий	20
	Смешанный тип	5
Мотивация достижения успеха и избегания неудачи	Достижение успеха	23
	Избегание неудачи	36
	Одновременно высокий уровень мотивации достижения успеха и избегания неудачи	21
	Низкий уровень мотивации достижения успеха и избегания неудачи	20
Готовность к риску	Высокий уровень готовности к риску	25
	Средний уровень готовности к риску	48
	Низкий уровень готовности к риску	27
Потребности в опасности и в безопасности	Потребность в переживании чувства опасности	25
	Потребность в переживании чувства безопасности	38
	Потребность в обеспечении безопасности	70
Показатели отношения к опасностям	Чувствительность к опасностям	39
	Преобладание адекватных способов реагирования в ситуациях угрозы	41
	Стремление к преувеличению опасностей	23
	Стремление к игнорированию опасностей	20

Примечание: по ряду факторов сумма процентов не равна 100, это связано с тем, что по некоторым показателям возможно сочетание тех или иных параметров.

Рассмотрим последовательно каждую группу мотивационных и личностных факторов (таблица 2). Обследование студентов с помощью теста Майерс-Бригс показало, что практически по всем изучаемым параметрам, кроме факторов «J-P», получено распределение, приближающееся к нормальному. Другими словами, нельзя сказать, что какой-либо тип явно превалирует. Например, экстраверты составляют 54%, интроверты – 32%, смешанный тип (оба показателя выражены в равной степени) – 16%. Что касается факторов «J-P» (решающий – воспринимающий), то здесь наблюдается явное преобладание студентов, предпочитающих упорядоченный и спланированный образ жизни (фактор J) – 75%, чем таких, кто ориентирован на спонтанность и гибкий образ жизни – 20%.

Анализ мотивации достижения успеха и избегания неудач показал, что здесь 23% - ориентировано на успех, 36% - на избегание неудач. В то же время немало и таких студентов, у которых одновременно выражено и стремление к успеху, и стремление избегать неудач – 21%. Примерно таков же процент студентов (20%), у которых мотивация достижения и избегания выражена слабо.

Готовность к риску – имеет распределение, близкое к нормальному. Около половины испытуемых имеет средний уровень готовности к риску, и по 25% - либо высокий, либо низкий уровни.

В силу специфики рассматриваемой здесь проблемы, нас особо интересовали показатели, связанные с выраженностью потребностей в безопасности и отношением студентов к опасностям. Как видно из приведенных в таблице 2 данных, у 25% испытуемых ярко выражена потребность в переживании чувства опасности, у 38%, наоборот, выражена потребность в переживании чувства безопасности. У большинства испытуемых – 70%, в достаточной мере выражена потребность в обеспечении безопасности, что, несомненно, является положительным фактом. Понятно, что суммарное значение выраженности указанных потребностей превышает 100%, так как у различных людей данные потребности могут по-разному сочетаться. Возможен вариант, когда потребность в переживании чувства опасности сочетается с потребностью в обеспечении безопасности, что побуждает личность, рискуя, предпринимать при этом меры безопасности. Часто встречается и такая комбинация, когда у индивида одновременно выражена и потребность в переживании чувства безопасности и потребность в обеспечении безопасности, и слабо выражена потребность в переживании чувства опасности. Относительно отношения студентов к опасностям, были получены следующие результаты. Высокую сензитивность (чувствительность) к угрозам

проявляют 39% испытуемых. Адекватно реагируют в ситуациях угрозы - 41%, преувеличивают их значение, то есть проявляют тревожный способ реагирования – 23%, и склонны игнорировать опасности - 20%.

Охарактеризовав выборку испытуемых по всем исследуемым параметрам, обратимся к центральной проблеме настоящего исследования, то есть к выявлению взаимосвязей уровней выраженности устремленности к спокойной и стабильной жизни с мотивационными и личностными факторами. Здесь возможны два варианта представления и обработки данных. При первом варианте можно представить данные по всем исследуемым факторам в процентах в группах испытуемых с высоким, средним и низким уровнем устремленности в спокойной и стабильной жизни. А затем, используя критерий Фишера (ϕ^* -угловое преобразование), проанализировать различия по группам, полученные по тем или иным факторам. При втором варианте можно посмотреть не различия, а связь, используя дихотомический коэффициент корреляции Пирсона (ϕ). В нашем случае мы предпочли второй вариант. Преимущество его состоит в том, что он позволяет сразу оценить всю картину в целом, то есть ответить на вопрос, какие факторы определяют тот или иной уровень устремленности личности к спокойной жизни или к изменениям и переменам. Результаты корреляционного анализа отражены в таблице 3.

Таблица 3 – Матрица корреляций стремления к спокойной и стабильной жизни с мотивационными и личностными факторами

Факторы	Высокий уровень стабильности	Средний уровень стабильности	Низкий уровень стабильности
Е – экстраверсия	$\phi = -0,20$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,18$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,02$
I- интроверсия	$\phi = 0,24$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,06$	$\phi = -0,16$, при $p \leq 0,05$
S - сенсорный	$\phi = 0,41$, при $p \leq 0,01$	$\phi = 0,01$	$\phi = -0,38$, при $p \leq 0,001$
N - интуитивный	$\phi = -0,39$, при $p \leq 0,01$	$\phi = 0,02$	$\phi = 0,34$, при $p \leq 0,01$
T - мыслящий	$\phi = -0,08$	$\phi = -0,14$	$\phi = 0,21$, при $p \leq 0,05$
F – чувствующий	$\phi = -0,07$	$\phi = 0,23$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,16$, при $p \leq 0,05$
J - решающий	$\phi = 0,27$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,13$	$\phi = -0,13$
P - воспринимающий	$\phi = -0,21$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,14$	$\phi = 0,06$
Достижение успеха	$\phi = -0,16$, при $p \leq 0,05$	$\phi = -0,20$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,33$, при $p \leq 0,01$
Избегание неудачи	$\phi = 0,02$	$\phi = 0,21$, при $p \leq 0,05$	$\phi = -0,22$, при $p \leq 0,01$
Достижение успеха + избегание неудачи	$\phi = 0,25$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,17$, при $p \leq 0,05$	$\phi = -0,06$
Высокая готовность к риску	$\phi = -0,09$	$\phi = -0,39$, при $p \leq 0,01$	$\phi = 0,46$, при $p \leq 0,01$
Средняя готовность к риску	$\phi = -0,22$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,25$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,04$
Низкая готовность к риску	$\phi = 0,33$, при $p \leq 0,01$	$\phi = 0,10$	$\phi = -0,40$, при $p \leq 0,01$
Потребность в переживании чувства опасности	$\phi = -0,09$	$\phi = -0,29$, при $p \leq 0,01$	$\phi = 0,34$, при $p \leq 0,01$
Потребность в переживании чувства безопасности	$\phi = 0,49$, при $p \leq 0,001$	$\phi = -0,10$	$\phi = -0,40$, при $p \leq 0,01$
Потребность в обеспечении безопасности	$\phi = 0,25$, при $p \leq 0,01$	$\phi = 0,29$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,50$, при $p \leq 0,01$
Сензитивность (чувствительность) к опасностям	$\phi = 0,22$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,10$	$\phi = -0,10$
Преувеличение опасностей	$\phi = 0,31$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,11$	$\phi = -0,18$, при $p \leq 0,05$
Игнорирование опасностей	$\phi = -0,11$	$\phi = -0,16$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,25$, при $p \leq 0,01$
Высокий уровень стремления заслужить любовь и признание близких	$\phi = 0,17$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,31$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,45$, при $p \leq 0,01$
Средний уровень стремления заслужить любовь и признание близких	$\phi = -0,17$, при $p \leq 0,05$	$\phi = -0,23$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,31$, при $p \leq 0,01$, при $p \leq 0,01$
Низкий уровень стремления к саморазвитию	$\phi = 0,22$, при $p \leq 0,01$	$\phi = -0,22$, при $p \leq 0,05$	$\phi = 0,01$

Примечание: в таблице отражены только те факторы, по которым хотя бы в одной группе испытуемых была получена статистически значимая связь (не ниже 5% уровня значимости).

У студентов с высоким уровнем стремления к спокойной и стабильной жизни обнаружена положительная корреляционная связь с факторами I – интроверсия ($\varphi = 0,24$, при $p \leq 0,01$), S – опора при восприятии информации на свои органы чувств, а не на интуицию ($\varphi = 0,41$, при $p \leq 0,01$), J – предпочтение упорядоченного и спланированного образа жизни ($\varphi = 0,27$, при $p \leq 0,01$). Студенты данной группы ориентированы одновременно и на достижение успеха, и на избегание неудач ($\varphi = 0,25$, при $p \leq 0,01$), но не готовы рисковать ($\varphi = 0,33$, при $p \leq 0,01$). В структуре потребностей доминирует потребность в переживании чувства безопасности ($\varphi = 0,49$, при $p \leq 0,001$), выражена также и потребность в обеспечении безопасности ($\varphi = 0,25$, при $p \leq 0,01$). Они сензитивны (чувствительны) к опасностям ($\varphi = 0,22$, при $p \leq 0,01$), предпочитают преувеличивать их значение ($\varphi = 0,31$, при $p \leq 0,01$). Для них большое значение приобретает любовь и признание со стороны близких людей ($\varphi = 0,17$, при $p \leq 0,05$), и меньшую роль играет стремление к саморазвитию ($\varphi = 0,22$, при $p \leq 0,01$).

У студентов со средним уровнем устремленности к спокойной и стабильной жизни выявлена положительная связь факторами E – экстраверсия ($\varphi = 0,18$, при $p \leq 0,05$), F – чувствующий, то есть принятие решений на основе своих убеждений и ценностей ($\varphi = 0,23$, при $p \leq 0,01$). Такие студенты в большей мере ориентированы на избегание неудач ($\varphi = 0,21$, при $p \leq 0,05$), но готовы при этом в случае необходимости идти на разумный риск ($\varphi = 0,25$, при $p \leq 0,01$). У них чаще выражена потребность в обеспечении безопасности ($\varphi = 0,29$, при $p \leq 0,01$). Они не игнорируют угрозы ($\varphi = 0,16$, при $p \leq 0,05$), то есть либо реагируют адекватно, либо в ряде случаев преувеличивают их. Для них значима любовь и признание со стороны близких людей ($\varphi = 0,31$, при $p \leq 0,01$). Выявлена отрицательная связь с низким уровнем устремленности к саморазвитию ($\varphi = -0,22$, при $p \leq 0,05$), то есть для них характерна либо высокий, либо умеренный уровень стремления к саморазвитию.

У студентов с высоким уровнем стремления к изменениям, к динамике жизни, не исключающего встречи с опасностями, выявлена отрицательная связь с фактором I – интроверсия ($\varphi = -0,16$, при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует, что они чаще являются либо экстравертами, либо принадлежат к смешанному типу. Выявлена положительная связь с факторами N – интуитивность ($\varphi = 0,34$, при $p \leq 0,01$), и T – ориентация на мышление ($\varphi = 0,21$, при $p \leq 0,05$). То есть они принимают решения, основываясь на логике и объективных соображениях, однако опираясь при этом на собственные предчувствия. Они ориентированы на достижение успеха ($\varphi = 0,33$, при $p \leq 0,01$), проявляют высокую готовность к риску ($\varphi = -0,40$, при $p \leq 0,01$). У них доминирует потребность в переживании чувства опасности ($\varphi = 0,34$, при $p \leq 0,01$), выражено стремление игнорировать опасности ($\varphi = 0,25$, при $p \leq 0,01$). Любовь и признание близких для них имеет значение, но не такое большое, как для студентов предыдущих групп ($\varphi = 0,31$, при $p \leq 0,01$, при $p \leq 0,01$). Значимых связей с уровнями стремления к саморазвитию не обнаружено.

Обсуждение результатов. Попытаемся проинтерпретировать полученные результаты. Есть все основания утверждать, что в основе ориентаций на спокойную и стабильную жизнь или на изменения и перемены, несмотря на возможные опасности, лежат потребности в безопасности.

Исследование показало, что у студентов с высоким уровнем ориентации на спокойную жизнь доминирует потребность в переживании чувства безопасности, которая может сочетаться с потребностью в обеспечении безопасности. Такая структура потребностей обуславливает, с одной стороны, стремление к достижению успеха и одновременно к избеганию неудач, с другой стороны, – желание не идти даже на умеренный риск. Это, в свою очередь, порождает чувствительность к угрозам, а также стремление эмоционально реагировать в ситуациях опасности, преувеличивая на всякий случай их значение. Данный вывод согласуется с полученными нами ранее результатами о том, что сочетание потребностей в переживании чувства безопасности и в обеспечении безопасности чаще всего обуславливает тревожный тип реагирования в ситуациях угрозы [6]. Для испытуемых данной группы большое значение для обеспечения собственной безопасности приобретают хорошие отношения с ближайшим окружением. Поэтому для них значимо стремление заслужить любовь и признательность близких. В то же время следует отметить, что такая жизненная ориентация не стимулирует стремления к саморазвитию, так как это также связано с беспокойством и возможными неудачами. Если говорить о роли базовых личностных характеристик в формировании того или иного типа жизненных ориентаций, то нельзя однозначно утверждать, что, например, ориентация на спокойную и стабильную жизнь в большей степени свойственна интровертам, чем экстравертам. Мы можем говорить, опираясь на полученные данные, что интроверты в большей мере предрасположены к тому, чтобы стремиться к спокойной и безопасной жизни. Гораздо большее внимание, на наш взгляд, следует уделить фактору «J» – предпочтение упорядоченного образа жизни. Люди, которые привыкают к размеренности, упорядоченности жизни, где они сами планируют значимые для них события, будут болезненно воспринимать всякие нарушения в запланированном ходе событий, идентифицируя их как угрозу. Что также вносит свой вклад в указанный тип ориентации.

Иная картина наблюдается в противоположной группе студентов, которые не ориентированы на спокойную и стабильную жизнь. Они не выносят однообразия, для них первостепенную роль играют перемены в жизни, новые события, жажда острых ощущений. Здесь на первый план выдвигается потребность в переживании чувства опасности. На ее основе формируется мотивация достижения успеха, склонность нередко к неоправданному риску. Если такие люди встречаются с опасностями, то чаще всего они их игнорируют, «набивая себе шишки на лбу», но это их не останавливает. Для них любовь и признание со стороны близких, хотя и имеет значение, но не такое, как для студентов первой группы. В личностном плане, принимая решение, они не ориентируются на объективную информацию, получаемую с помощью органов чувств, а поступают по наитию, хотя и способны включать логику. Действуют по принципу «кавовь повезет». Чаще это проявляется у экстравертов или представителей смешанного типа.

Особое внимание хотелось бы обратить на студентов, у которых в равной степени проявляются две описанные ранее ориентации. Для них, с одной стороны, в жизни важна стабильность и предсказуемость, с другой, – они не чужды переменам и изменениям. В основе такой ориентации лежит потребность в обеспечении безопасности. Другими словами, все свои решения они принимают с учетом того ущерба и потерь, которые они могут понести. Это обуславливает и двойственность их мотивации. Студенты данного типа склонны к избеганию неудач, но не боятся

при этом идти на разумный умеренный риск. Они могут, как проявлять, так и не проявлять чувствительность к угрозам, однако не склонны их игнорировать, то есть реагируют либо адекватно, либо преувеличивают опасности. Наши предыдущее исследование показало, что чаще студенты с выраженной потребностью в обеспечении безопасности принадлежат к адекватному сензитивному типу [6]. Для них, так же, как и для студентов первой группы, значима любовь и признание со стороны ближайшего окружения, и характерен достаточно высокий уровень стремления к саморазвитию. Чаще такая ориентация проявляется у экстравертов, для которых первостепенное значение приобретают собственные убеждения и ценности.

Выводы. Таким образом, нами была предпринята попытка описать два крайних типа и один промежуточный тип жизненных ориентаций студентов, которые выражают разный уровень стремления людей к спокойной и стабильной жизни. Мы воздержимся от оценок того, какой тип ориентации лучше. Как было показано, каждый из них имеет свои как сильные, так и слабые стороны. С точки зрения обеспечения безопасности оптимальным является первый тип, однако ориентация на спокойную жизнь тормозит развитие личности, излишняя осторожность сдерживает принятие решений, связанных с достижением успеха и рискованными действиями. Второй тип ориентации, наоборот, делает жизнь более разнообразной и насыщенной, однако игнорирование опасностей и желание идти иногда на неразумный риск могут приводить к плачевным последствиям для личности. На наш взгляд, промежуточный тип жизненной ориентации является более предпочтительным, он предоставляет больше возможностей для маневра в отношениях человека с действительностью. Во-первых, здесь доминирует потребность в обеспечении безопасности, которая дает возможность человеку, если и рисковать, то рисковать разумно и оправданно. Во-вторых, она не позволяет беспечно относиться к опасностям и игнорировать их. В-третьих, такая тактика не тормозит, а стимулирует стремление личности к саморазвитию.

Полученные нами данные имеют определенное практическое значение, связанное с осознанием необходимости целенаправленного формирования у людей не столько потребности в переживании чувства безопасности, сколько потребности в обеспечении безопасности. Они могут быть использованы в процессе подготовки будущих педагогов и психологов, а также в деятельности психологической службы вузов.

Список литературы /References

1. Грачев А. А. Жизненные ориентации в прикладных психологических концепциях человека / А. А. Грачев // Известия РГПУ им А. И. Герцена. – 2008. - № 66. – С. 289- 294.
2. Коржова Е. Ю. Психология жизненных ориентаций человека / Е. Ю. Коржова. - СПб.: Изд-во РХГА, 2006 - 384 с.
3. Маралов В. Г. Разработка теста-опросника сензитивности к угрозам в юношеском возрасте / В. Г. Маралов, Е. Ю. Малышева, О. В. Нифонтова и др. // Перспективы науки. - 2012. - № 8. - С. 32-37.
4. Маралов В. Г. Разработка теста-опросника по выявлению способов реагирования в ситуациях опасности в юношеском возрасте / В. Г. Маралов, О. В. Смирнова, Е. Л. Перченко и др. // Альманах современной науки и образования.- 2012. - № 12-1 (67). - С. 92-96.
5. Маралов В. Г. Разработка теста-опросника для диагностики у людей потребностей в безопасности / В. Г. Маралов, М. А. Кудак, О. В. Смирнова и др. // Ученые записки Череповецкого государственного университета. - 2016. - № 1. - С. 12-17.
6. Маралов В. Г. Взаимосвязь потребностей в безопасности с типами отношения людей к угрозам (на примере студенческой молодежи) / В. Г. Маралов // Международный научно-исследовательский журнал. - 2017. - № 1-3 (55). - С. 128-134.
7. Петровский В.А. Личность в психологии / В. А. Петровский. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 512 с.
8. Практикум по возрастной психологии: Учебн. пособие / Под. Ред Л. А. Голвей, Е. Ф. Рыбалко. – СПб.: Речь, 2002. – 694 с.
9. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 624 с.
10. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Д. Я. Райгородский - Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001. - 672 с.
11. Шалаева Т. И. Использование типологического опросника Маейрс-Бригс в практике работников службы занятости: Методическое пособие / Т. И. Шалаева. - Саратов: ПМУЦ, 2002. - 49 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. - М.: Прогресс, 1990. - 272 с.
13. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. - М.: Прогресс. 1993. - 220 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Grachev A. A. Zhiznennyye orientacii v prikladnyh psihologicheskikh koncepciyah cheloveka [Vital orientations in applied psychological concepts of the person] / A. A. Grachev // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena. [Hercen Russian State Pedagogical University Bulletin] – 2008. - № 66. – P. 289- 294.
2. Korzhova E. YU. Psihologiya zhiznennykh orientacij cheloveka [Psychology of vital orientations of the person] / E. YU. Korzhova. – St. Petersburg: Izdatelstvo Russkoi hristianskoi gumanitarnoi akademii. [Russian Christian Humanitarian Academy Bulletin], 2006 - 384 p.
3. Maralov V. G. Razrabotka testa-oprosnika senzitivnosti k ugrozam v yunosheskom vozraste . [Development of the test questionnaire of sensitivity to threats at youthful age] / V. G. Maralov, E. YU. Malysheva, O. V. Nifontova, etc. // Perspektivy nauki. [Prospects of science] - 2012. - № 8. - P. 32-37.
4. Maralov V. G. Razrabotka testa-oprosnika po vyyavleniyu sposobov reagirovaniya v situatsiyah opasnosti v yunosheskom vozraste . [Development of the test questionnaire on identification of ways of reaction in danger situations at youthful age] / V. G. Maralov, O. V. Smirnova, E. L. Perchenko, etc. // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. [the Almanac of modern science and education] - 2012. - № 12-1 (67). - P. 92-96.
5. Maralov V. G. Razrabotka testa-oprosnika dlya diagnostiki u lyudej potrebnostey v bezopasnosti. [Development of the test questionnaire for diagnostics at people of needs for safety] / V. G. Maralov, M. A. Kudaka, O. V. Smirnova, etc. //

Uchenye zapiski Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. [Scientific notes of Cherepovets state university] - 2016. - № 1. - P. 12-17.

6. Maralov V. G. Vzaimosvyaz' potrebnostej v bezopasnosti s tipami otnosheniya lyudej k ugrozam (na primere studencheskoj molodezhi). [Interrelation of needs for safety with types of the relation of people to threats (on the example of student's youth)] / V. G. Maralov // Mezhdunarodnyj nauchno- issledovatel'skij zhurnal. [the International research magazine] - 2017. - № 1-3 (55). - P. 128-134.

7. Petrovskij V.A. Lichnost' v psilogii [Person in a psychology] / V. A. Petrovskij. - Rostov-na-Donu: Feniks [Phoenix], 1996. - 512 p.

8. Praktikum po vozrastnoj psilogii: Uchebnoe posobie [Workshop on age psychology: Education guidance] / Under edition of L. A. Golvej, E.F. Rybalko. - St.Petersburg.: Rech' [Speech], 2002. - 694 p.

9. Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy. [Psychology of adaptation and social medium: modern approaches, problems, prospects] / Editor-in-chief L.G. Dikaya, A. L.Zhuravlev. - Moscow: Institut psilogii Rossijskoj Akademii Nauk [Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences], 2007. - 624 p.

10. Rajgorodskij D.YA. Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie [Practical psychodiagnosis. Techniques and tests. Educational guidance] / D. YA. Rajgorodskij - Samara: Izdatel'skij dom «BAHRAH-M» [BAHRAH-M publishing house], 2001. - 672 p.

11. Shalaeva T.I. Ispol'zovanie tipologicheskogo oprosnika Maejrs-Brigs v praktike rabotnikov sluzhby zanyatosti: Metodicheskoe posobie. [Use of a typological questionnaire of Mayeyrs-Brigs in practice of employees of the employment service: Methodical grant] / T.I. Shalaeva. - Saratov: Povolzhskij regional'nyj uchebnyj centr [Volga region regional training center], 2002. - 49 p.

12. Fromm E. Begstvo ot svobody. [Flight from freedom] / E. Fromm. - Moscow.: Progress, 1990. - 272 p.

13. Horni K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz. [Neurotic person of our time. Introspection] / K. Horni. - Moscow.: Progress. 1993. - 220 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.038>

Новиков П.В.

Кандидат психологических наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин,
Саранский кооперативный институт

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация

Статья посвящена развитию мыслительных действий и познавательной активности учащихся. Дается описание заданий, развивающих мышление и интеллектуальную активность учащихся. Охарактеризованы требования, необходимые для разработки творческих заданий. Рассмотрены проявления особенностей мыслительных действий учащихся, проявляющиеся при решении нестандартных задач. Отмечается, что педагог должен уметь решать задачи не только предметного обучения, но и владеть психотехнологиями интеллектуального и личностного развития учащихся.

Ключевые слова: мышление, мыслительные способности, познавательная активность, развивающие задания, условия развития творческого мышления.

Novikov P.V.

PhD in Psychology, professor of the Department of social and economic disciplines, Saransk Cooperative Institute
CREATIVE TASKS AS MEANS OF ACTIVATION OF STUDENTS' COGNITIVE ACTIVITY

Abstract

The article is devoted to the development of students' mental operations and cognitive activity. The description of tasks, developing thinking and intellectual activity of students are presented. We characterize the requirements necessary for the development of creative tasks. Mental peculiarities of students actions that appear at the solution of non-standard tasks are considered. It is noted that the teacher should be able to decide the tasks not only of the subject learning, but also possess psychological technologies of intelligent and personal development of pupils.

Keywords: thinking, thinking ability, cognitive activity, educational tasks, conditions of development of creative thinking.

Творческое, самостоятельное мышление все чаще рассматривается как универсальная способность, обеспечивающая успешное выполнение самых разнообразных видов деятельности. Развитие творческого мышления, таким образом, представляет собой одну из центральных линий личностного развития, именно оно позволяет человеку проявить свою индивидуальность и уникальность. Сейчас особенно важно, чтобы обучение в школе (и в вузе) становилось источником не только «технологической» оснащенности, но и личностного роста и, прежде всего, интеллектуально-творческого развития [1].

Формирование самостоятельности, креативности в мышлении, активности в поиске путей достижения поставленной цели предполагает решение учащимися (помимо учебных) нетиповых, нестандартных задач, имеющих иногда несколько способов решения, хотя и правильных, но в разной степени оптимальных. Для того чтобы решение таких задач способствовало действительному развитию активного, поискового мышления, оно должно быть организовано особым образом.

Чтобы сформировать у школьников полноценное мышление, необходимо в годы учебы уделять особое внимание направленному формированию у них фундаментальных мыслительных способностей – анализа, рефлексии, гибкости, оригинальности.

При разработке и проведении развивающих, творческих заданий следует учитывать требования: 1. Необходимо обеспечить «принятие» учащимися поставленной задачи. Для этого разрабатывается специальная вводная беседа, которая облегчает вхождение школьников в проблему, понимание ее смысла. 2. Важным показателем развития мышления учащихся является различная степень их самостоятельности при нахождении обобщенных способов решения новых задач. Поэтому необходимо определять не только зону актуального развития мыслительного действия учащихся, но и зону их ближайшего развития. С этой целью разрабатывается серия вспомогательных задач, которые последовательно предъявляются учащимся в том случае, если они не могут решить основную задачу [2, С. 113].

Любая задача предполагает наличие некоторых условий, которые должен учитывать решающий, если он не желает допустить ошибку. Умение учитывать все необходимые условия, сопровождающие решение задачи, есть умение рефлексировать. Упущение какого-либо условия рефлексирования при решении задачи приводит к ее ошибочному решению или незавершенности. В таких случаях следующий шаг в смысле развития можно осуществить с помощью подсказки. Подсказка выступает как бы призывом к повторному рефлексированию. Общая подсказка типа «Решите задачу еще раз», «Проверьте решение» содержит указание на необходимость учета всех условий рефлексирования. Подобные подсказки способствуют самостоятельному выделению учащимися необходимых и не учтенных им в первый раз условий рефлексирования, поэтому положительное реагирование на них подтверждает наличие исследуемого уровня развития мышления. Содержательная подсказка прямо указывает не необходимое и не учтенное условие рефлексирования. Прямая подсказка представляет собой указание на необходимость выполнения некоторых промежуточных действий, консультацию по невозпроизводимой в данный момент нужной информации. Принятие такого указания будет свидетельствовать об успешности используемого частного методического приема на пути обучения учащегося некоторому способу решения задачи или формирования навыка.

С целью развития творческого мышления и активизации мыслительной деятельности учащихся автором разработана серия развивающих заданий [2], [3]. В качестве примера рассмотрим некоторые из них.

Задание «Площади». Инструкция учащимся: «Вам нужно вычислить площади 10 геометрических фигур (количество фигур в задании может быть различным). Для вычисления площадей данных фигур достаточно знать, как вычисляются площади квадрата и прямоугольника. Напоминаем, как вычисляются площади квадрата и прямоугольника. Задачи нужно решать оптимальным способом. Если возникают вопросы, обсуждаем в индивидуальном порядке».

Нечетные задачи включают в себя разные фигуры, каждую из которых, в результате преобразования можно превратить в квадрат. Площади всех фигур в нечетных задачах одинаковы. Четные задачи содержат тоже разные фигуры, которые можно преобразовать в прямоугольники. Площади всех фигур в четных задачах также одинаковы.

Задачи можно решать эмпирическим способом, когда каждая фигура разбивается на несколько фигур (в виде квадратов и прямоугольников). Затем вычисляется площадь каждой фигуры и все площади суммируются. В данном случае каждую задачу (нахождение площади очередной фигуры) ученик решает, как новую. Такой способ вычисления нерациональный, требует много времени, разных вычислений, допускает много ошибок в вычислениях.

В то же время, задачи могут решаться теоретическим способом, когда в ходе решения какой-то задачи ученик может выявить общий принцип их построения, который состоит в том, что фигуры в нечетных задачах преобразуются в квадрат, а фигуры в четных задачах преобразуются в прямоугольник. Это наиболее оптимальный способ решения. При таком способе решения не нужны конкретные вычисления. Достаточно вычислить площади фигур № 1 и № 2 и после проведенного анализа преобразовать фигуры в прямоугольник или в квадрат. Если учащиеся долго не могут решить задачи, то им даются подсказки. Подсказка №1: Подумай, задачи можно решить другим, более оптимальным способом. Подсказка №2: Можно ли эти фигуры как-то преобразовать в другие фигуры. Подсказка №3: Можно ли фигуры превратить в квадрат (или прямоугольник).

Задание «Площади» проводилось с учащимися 7-х – 11-х классов. Только около 8 % школьников смогли решить задачи теоретическим способом. Основная часть учащихся применяли не эффективный способ решения.

Важной характеристикой самостоятельного мышления является его гибкость. Гибкость ума проявляется в степени изменчивости мыслительной деятельности, соответствующей меняющимся условиям исследуемой ситуации, решаемой проблемы. Противоположное качество – инертность ума – проявляется в склонности к шаблону, к привычным ходам мысли, в трудности переключения от одной системы действий к другой.

Для развития гибкости (пластичности) мышления учащимся можно предложить следующее задание (на примере данной задачи можно разработать целую серию однотипных задач). Условное название задания «Одинаковые части» (для школьников 5-х – 11-х классов). Учащимся предлагается задание, состоящее из двух частей. В первой части обучающимся задается фигура, которую надо разделить любым способом вначале на 3 части, затем на 4 части, одинаковые по форме и площади, таким образом, чтобы не осталось лишних частей фигуры. Данная фигура (см. рис. 1 а) состоит из 12 квадратов (клеточек) и в первом случае при делении распадается на три фигуры (см. рис. 1 б), каждая из которых состоит из четырех клеточек, а во втором случае, при делении получается четыре фигуры (см. рис. 1 в), состоящие из трех клеточек. В процессе решения задач первой части у учащихся вырабатывается определенный способ решения, они как бы настраиваются на решение задач одним способом: фигуру делят ровно по клеточкам.

Во второй части задания учащимся предлагается задача, которая не может быть решена старым способом, хотя по своему внешнему виду задача похожа на предыдущую (тоже фигура, состоящая из одинаковых клеточек, которую нужно делить). Во второй части школьникам задается фигура (квадрат), состоящая из 16 одинаковых клеточек, которую надо разделить любым способом на 5 частей, одинаковых по форме и площади. В инструкции также подчеркивается, что фигуру нужно разделить любым способом без остатка и чтобы не было наложения частей друг на друга.

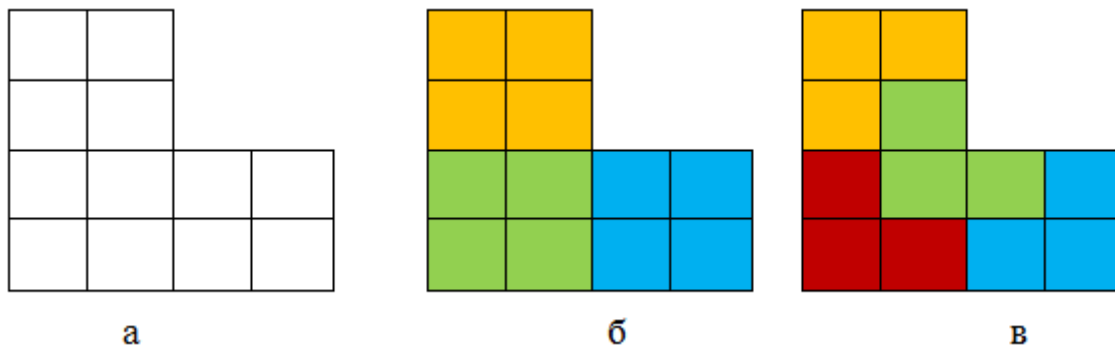

Рис. 1 – Фигура, предъявляемая в первой части задания (а), разделенная на три части (б), на четыре части (в).

Гибкость мышления выражаться в изменении или замене способа решения при обнаружении его несоответствия данным условиям. Другими словами, учащийся становится перед необходимостью отказаться от уже закрепленного способа действий, переделать его и заменить новым. Показателем гибкости мышления выступает, во-первых, способность человека увидеть новый способ в привычной ситуации, а во-вторых, скорость переделки прежнего способа и построения нового. Решение задачи во второй части предполагает другой способ: фигура делится не по клеткам, а «разрезается» на пять частей прямо по клеточкам (получается пять одинаковых прямоугольников).

Решение задач подобного типа и анализ действий школьников во время и после решения показали, что внимание учащихся сфокусировано главным образом на исполнительных действиях, осуществляемых по уже выработанному способу решения, а не на самом способе решения, что говорит о стереотипе действий. При решении задачи второй части учащиеся в основном заняты проблемой деления 16 клеток на 5 частей. Данный способ решения был «перенесен» из первой части задания, когда школьники легко разделили 12 клеток сначала на 3 части (по 4 клетки), а затем на 4 части (по 3 клетки). Для того, чтобы перестроить такие стереотипные действия, необходимо, чтобы школьники систематически анализировали и осмысливали собственную деятельность при решении различного рода как учебных, так и не учебных задач.

К заданию «Одинаковые части» была разработана серия вспомогательных задач, которые последовательно предъявляются учащимся в том случае, если они не могут решить основную задачу. Подсказка 1: «Ребята, надо делить не клеточки, а фигуру целиком». Подсказка 2: (рисуются пустой квадрат без клеточек) «Разделите данный квадрат на три части, равные по площади и форме». Подсказка 3: «Разделите квадрат на 5 частей». Разделите вашу фигуру на 5 частей.

В основе выполнения творческих заданий лежит исследовательский поиск, активизирующий познавательную деятельность учащихся. Решение нестандартной задачи, способ решения которой, как правило, не удастся сразу найти, требует длительного и внимательного исследования ее условий и опробование разных способов поиска. Кроме того, допускаются коллективные обсуждения, столкновения и соотнесения разных точек зрения, разных подходов к решению. Выполняя творческие задания, школьники приобщаются к самостоятельному поиску ответов на возникающие учебно-познавательные проблемы, у них формируются не только познавательные способности и интересы, но и такие ценные качества личности, как, настойчивость, трудолюбие, самокритичность, активность, объективность.

Список литературы / References

1. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей / Д. Б. Богоявленская. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
2. Новиков П. В. Мышление школьника: учебное пособие / П. В. Новиков; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2000. – 152 с.
3. Новиков П.В. Развитие анализа у учащихся в процессе учебной деятельности [Электронный ресурс] / Современные научные исследования. Выпуск 3 / Под ред. П. М. Горева и В. В. Утёмова. – Концепт. - 2015. - ART 85128. - URL: <http://e-koncept.ru/2015/85128.htm> - ISSN 2304-120X.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bogoyavlenskaya D.B. Psihologiya tvorcheskikh sposobnostej [Psychology of creativity] / D.B. Bogoyavlenskaya. - M.: Izdatelskij centr «Akademija», 2002. - 320 p. [in Russian]
2. Novikov P.V. Myshlenie shkolnika: uchebnoe posobie [Schoolboy Thinking: Textbook] / P.V. Novikov; Mordov. gos. ped. in-t. - Saransk, 2000. - 152 p. [in Russian]
3. Novikov P.V. Razvitiye analiza u uchashchihsya v processe uchebnoj deyatel'nosti [Development of the analysis of the students in the process of training activity] [electronic resource] / P.V. Novikov. - Sovremennye nauchnye issledovaniya [Modern science research]. Vyipusk 3 / Pod red. P.M. Goreva i V.V. Utyomova. - Kontsept. - 2015. - T. 13. - S. 636-640. - ART 85128. / - URL: <http://e-koncept.ru/2015/85128.htm> - ISSN 2304-120X. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.003>

Пак В.Д.

Студент, Национальный исследовательский Томский государственный университет

ВИДЫ ТРЕНИНГОВ КОМАНДООБРАЗОВАНИЯ**Аннотация**

Статья посвящена анализу и типологизации большого разнообразия командообразующих тренингов в три типа: обычные тренинги, веревочные курсы, командообразование с помощью технологии SNED. Указываются основные преимущества и недостатки каждого типа тренингов, ключевые факторы эффективности. Приводится перечень «командных навыков», которые должны стать результатом любого тренинга по командообразованию, в основе которых лежит понятие «команды» известных исследователей И. Саласа, Р. Берда и С. Таненбаума.

Ключевые слова: команда, командообразование, тренинг командообразования, веревочный курс rope course, технология SNED.

Pak V.D.

Student, National research Tomsk state university

TYPES OF TEAM-BUILDING TRAININGS**Abstract**

The article is devoted to analysis and typologization of team-building trainings in three types: regular training, rope courses, team building using the SNED technology. It indicate the main advantages and disadvantages of each type of training, some of the key performance factors. The article provides a list of "team skills", which should be the result of any team-building training and which are based on the concept of "team" of famous researchers J. Salas, R. Byrd and S. Tanenbaum.

Keywords: team, teambuilding, teambuilding-training, rope course, SNED-technology.

Несмотря на то, что пик моды на тренинги по командообразованию прошел, формирование команд остается одним из важнейших факторов повышения организационной эффективности. Многие успешные современные компании развивают новые продукты, решают актуальные проблемы и двигаются к обозначенным целям именно с помощью команд.

Существует множество определений понятия команда, мы остановимся на одном из классических определений И. Саласа, Р. Берда и С. Таненбаума: команда — малая группа, состоящая из 5 – 7, реже из 15 – 20 человек, которые разделяют цели, ценности и общие подходы к реализации совместной деятельности; имеют взаимодополняющие умения; принимают на себя ответственность за конечные результаты деятельности; способны исполнять любые внутрикомандные роли и определяют себя и своих партнеров принадлежащими к команде [1].

Сегодня на рынке бизнес-тренингов существует огромное количество предложений, касающихся именно тренингов по командообразованию. Но при этом, все их многообразие можно свести к трем основным видам тренингов:

- 1) обычные тренинги;
- 2) веревочные курсы;
- 3) технология SNED.

Под **обычными тренингами** мы подразумеваем те тренинги, которые носят традиционную форму деловых игр. Программ таких тренингов может быть бесконечно, поскольку тренинговых упражнений по данной тематике тоже очень много. Важно удерживать, что это должна быть не игра, а именно тренинг, что в английском языке означает «тренировка». То есть группа, пришедшая на тренинг и рассчитывающая в результате тренинга стать командой, должна тренировать некоторые особые «командные навыки». Чтобы ответить на вопрос, что это за навыки, можно обратиться к указанному выше определению, из которого можно увидеть, что группа должна научиться:

- договариваться по поводу общей цели;
- определять и договариваться по поводу общих ценностей, вырабатывать эффективные внутригрупповые правила и контролировать их соблюдение;
- вырабатывать общую стратегию работы, подходы к реализации совместной деятельности;
- определять и знать сильные и слабые стороны друг друга и в соответствии с ними распределять командные роли, необходимые для конкретной задачи;
- брать на себя ответственность за успех всей команды.

Вероятно, этот список можно дополнять (например, умением разрешать групповые конфликты).

Стоит отметить, что одним из ключевых факторов эффективности любого тренинга является профессионализм тренера, который должен суметь понять, что именно необходимо заказчику, разработать программу, которая будет адекватна заказу (либо скорректировать существующую), он должен оставаться именно в позиции тренера, не «аниматора», должен видеть и понимать групповую динамику, помогать группе рефлексировать пройденное обучение: хороший тренер на одной и той же программе может одной группе показать, что они пока ещё не являются идеальной командой, а другой, наоборот, дать ощущение сильной и сплоченной команды. В противном случае эти тренинги так и остаются на уровне игр, не дающих группе ничего кроме развлечения.

Веревоочные курсы (Ropes Course) — были разработаны в США для психологической и физической реабилитации участников войны во Вьетнаме в 60-е годы. Позднее веревочные курсы стали использоваться в США как тренинг по развитию навыков командообразования¹⁰. Тренинг пользуется популярностью как инструмент для создания эффективной команды и в настоящее время. Данный вид тренингов наиболее активный. Проводится за пределами помещения с использованием специального снаряжения, из-за чего и получил такое название.

¹⁰Корпоративный тренинг — <http://www.charisma.ru/korporativnoe-obuchenie/treningi-komandopostroeniya-i-komandnye-igry/verevochnyj-kurs> (дата обращения: 28.06.2012)

Традиционно можно выделить две основных части тренинга: «низкие упражнения» – выполняются обязательно всей группой без исключения и «высокие упражнения» – выполняются каждым участником отдельно, по желанию.

«Низкие упражнения» состоят из комплекса несложных упражнений на высоте до 2 метров, которые можно выполнить, работая только всей группой и при условии полной самоотдачи всех ее участников. Группа сообща разрабатывает тактику прохождения каждого упражнения, максимально учитывает индивидуальные возможности каждого участника, распределяет (если это требуется) роли и только после этого устремляется к цели, всячески поддерживая друг друга. Здесь ценится не физическая сила, ловкость, сноровка отдельного участника, а такие качества, как умение повести других за собой, вовлечь команду в игру, сфокусироваться и сфокусировать других на происходящем, сделать так, чтобы победа команды на данном упражнении стала общей целью для всех участников.

«Высокие упражнения» проходят на большей высоте (10-20 метров) и проходятся индивидуально всеми желающими. Эти упражнения обычно более сложны как физически, так и психологически, поэтому в них наибольшую ценность обретает поддержка команды. Выполняя эти упражнения, участники учатся преодолевать себя, свой страх, рисковать, добиваться поставленной цели – что всегда необходимо в командной работе.

Завершается веревочный курс очень простым общим упражнением, которое является логическим завершением тренинга.

Главное преимущество данного типа тренингов заключается в том, что в нем могут использоваться довольно сложные в физическом и психологическом плане упражнения, здесь тренер ничем не ограничен. Среди минусов можно отметить затратность — хорошие веревочные курсы стоят компаниям больших ресурсов.

Технология SNED. Это авторская технология формирования команды Г.Н. Сартан – широко известного тренера международной квалификации, доктора психологических наук. Этот тренинг значительно отличается от описанных выше, потому что в основе веревочных курсов и обычных тренингов лежит понимание команды в основном через такие категории как сплоченность, взаимоуважение, взаимопонимание, в технологии SNED проявляется более рациональный, научный подход. Само слово «тренинг» не лучшим образом подходит для этой программы – слово «технология», которое и стоит в названии более точно описывает тот процесс создания команды, о котором говорит автор. Тренинг является лишь частью программы, кроме него нужно выделить также

– большую диагностическую работу, которая обязательно должна предшествовать тренингу. «Проведение организационной диагностики предприятия позволяет выяснить цели и задачи предприятия, для решения которых необходимо командное взаимодействие; уточнить состав участников тренинга командообразования; подготовить план тренинга, максимально приближенный к запросам руководителя предприятия. Во время проведения организационной диагностики выясняются групповые нормы и правила предприятия. Выявляются формальные и неформальные коммуникации между сотрудниками предприятия. Уточняются цели и задачи формирования команды» [2].

– профессиональное послетренинговое сопровождение: «Сложность послетренингового сопровождения заключается в том, что нельзя описать алгоритм его проведения, так как он в каждом отдельном случае будет зависеть от поставленных целей и задач командообразования. Отличительной чертой послетренингового сопровождения является то, что оно происходит на самом предприятии без отрыва от работы сотрудников этого предприятия» [2].

Чтобы работать по этой технологии тренер должен быть и психологом, и управленцем, должен знать групповую динамику, обладать некоторыми знаниями из конфликтологии, а также иметь большой опыт в области создания команд. В результате применения технологии SNED должна получиться самоорганизующаяся команда (S), нацеленная на результат (N), обладающая большим энергетическим потенциалом (E), необходимым для их постоянной динамики (D)¹¹.

Минус этой технологии заключается в том, что она очевидно самая сложная и продолжительная по времени, также можно выделить еще более высокие требования к тренеру-консультанту, чем в первых двух случаях. Но эти недостатки перекрываются эффективностью технологии и долгосрочным эффектом.

В заключении отметим необходимость четкого понимания того, что любой тренинг командообразования лишь начинает формировать механизмы командной работы: после хорошего тренинга у команды есть первичные навыки внутрикомандной коммуникации, разработки командной тактики, есть представление о сильных и слабых сторонах членов команды и, соответственно, представление о том, кто какую роль может выполнять, в команде начинают формироваться внутренние правила. Эффективность команды будет продолжать расти в ходе реальной деятельности, решения реальных задач. Отдельный важный вопрос при создании любой команды — выбор членов команды, ведь в команду надо набирать людей, которые имеют предрасположенность к разным ролям и будут гармонично дополнять друг друга (эксперименты известного исследователя М. Белбина показали, что команды собранные из «самых умных» самые слабые — так называемый синдром «Апполона» [3]).

Список литературы / References

1. Танненбаум С., Берд Р, Салас Е. Построение эффективной команды: изучение концептуальных и эмпирических разработок / Проблемы, теория и исследования в промышленной и организационной психологии. – Оксфорд, 1992. – С. 117–153.
2. Сартан Г.Н. Тренинг командообразования. – СПб.: Речь, 2005. – 187 с.
3. Белбин М. Команды менеджеров. Секреты успеха и причины неудач / Пер. с англ. – М.: HIPPO, 2003. – 315 с.
4. Исакова М. Г. Тимбилдинг: раскрытие ресурсов организации и личности – СПб.: Речь, 2010. – 256с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Tannenbaum S., Berd R, Salas E. Postroenie ehffektivnoj komandy: izuchenie konceptual'nyh i ehmpiricheskij razrabotok [Team building and its influences on team effectiveness: an examination of conceptual and empirical

¹¹ Формирование управленческой команды. Технология «SNED» – <http://fkdconsult.ru/seminars/training/business/team-management/2929/> (дата обращения: 28.06.2016)

developments] / Problemy, teoriya i issledovaniya v promyshlennoj i organizacionnoj psihologii [Issues, Theory, and Research In Industrial Organizational Psychology]. – Oksford, 1992. – P. 117–153. [in Russian]

2. Sartan G.N. Trening komandoobrazovaniya [Team-building training]. – SPb.: Rech', 2005. – 187 p. [in Russian]

3. Belbin M. Komandy menedzherov. Sekrety uspeha i prichiny neudach [Management Teams. Why They Succeed or Fail] / Per. s angl. – M.: HIPPO, 2003. – 315 p. [in Russian]

4. Ishakova M. G. Timbuilding: raskrytie resursov organizacii i lichnosti [Teambuilding: discover of resources of organization and personal] – SPb.: Rech', 2010. – 256 p. [in Russian]

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.044>

Ерохин А.К.¹, Красножон Г.А.², Глушенко Н.А.³

¹ORCID: 0000-0001-6420-3040, доцент, кандидат философских наук,

Дальневосточный федеральный университет,

²доцент, ³старший преподаватель,

Тихоокеанский государственный медицинский университет

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Аннотация

В статье обобщены результаты теоретических исследований факторов, поддерживающих экстремизм. Выявляется связь между ксенофобией, этноцентризмом и экстремизмом, определяются ведущие причины перерастания экстремизма в этнонациональные конфликты. Из многочисленных причин экстремизма в данной статье внимание уделяется глобализации и социальному расслоению. Рассматриваются явные и скрытые цели и притязания экстремистов. Отмечаются противоречия между глобализацией и традиционализмом, усиливающими экстремистские тенденции. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к изучению экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, конфликт, традиции, этносы, экстремистская идеология.

Erokhin A.K.¹, Krasnozhan G.A.², Glushenko N.A.³

¹ORCID: 0000-0001-6420-3040, Associate professor, PhD in Philosophy,

Far Eastern Federal University,

²Associate professor, Senior Teacher,

Pacific State Medical University

EXTREMISM AS A SUPPORT FACTOR FOR ETHNONATIONAL CONFLICTS IN POLYCULTURE ENVIRONMENT

Abstract

The paper summarizes the results of theoretical studies of extremism supporting factors. The connection between xenophobia, ethnocentrism and extremism is revealed, the leading causes of the growth of extremism into ethnonational conflicts are determined as well. This paper focuses on globalization and social stratification among the numerous causes of extremism. The explicit and hidden goals and claims of extremists are considered in this work. The contradictions between globalization and traditionalism, which strengthen extremist tendencies are found. The conclusion is as follows: there is a strong need for an integrated approach to the study of extremism.

Keywords: extremism, conflict, traditions, ethnoses, extremist ideology.

Деликатная, требующая внимания и тщательно продуманной стратегии в оценках и высказываниях, проблема межэтнических отношений, в современном мире превратилась в предмет бурных политических дискуссий, провокаций и взаимных обвинений в нелояльности, нетолерантности и т.п. или наоборот, в предмет для объединения вокруг национального вопроса.

В поликультурных системах, стремительно изменяющихся в направлении универсальности, социальные группы ищут признаки, отделяющие их от других групп. Одним из таких наиболее значимых признаков является этническая принадлежность. Иногда, это приводит к тому, что целые общества или отдельные их представители начинают стремиться к дифференциации по социально-психологическим признакам. Однако чрезмерное акцентирование различий становится причиной непонимания, возникновения нетерпимости и конфликтов на уровне межличностных и общественных отношений. В конечном итоге различия становятся источником тлеющих конфликтов между социальными группами, разделенными по этническому признаку [1]. Особую опасность представляют затяжные, нерешенные конфликты в условиях глубокого социального неравенства и низкого качества жизни. Благодаря этому, тема этнического экстремизма сегодня относится к числу наиболее актуальных и бурно обсуждаемых.

Цель статьи заключается в теоретическом анализе подходов к этническому экстремизму с целью уточнить его природы и возможности преодоления.

К началу XXI века на земле почти не осталось регионов с монокультурным составом населения, большая часть современных стран мирового сообщества представляет собой сложные социально-культурные системы, в рамках которых сосуществуют представители различных этнических культур. Вместе с тем, в современном мире продолжается разделение мирового сообщества по социально-экономическим показателям на страны развитые и слаборазвитые, что, в свою очередь, не способствует гармонизации отношений в обществе.

В современной нестабильной ситуации в мире, когда исчезают одни социальные группы и на их месте появляются другие, этническая принадлежность часто выступает опорой постоянства для человека и группы. Именно этнос позволяет человеку ощутить свою общность с группой и обрести твердую почву под ногами в виде приобретенного социально-психологического статуса.

Статусность имеет для личности едва ли не главную роль в определении своего места в социуме и отношения к группам с иным статусом. Иной вызывает недоверие, подозрение, переходящие в агрессии, особенно если речь заходит о тех, кто иначе мыслит, совершает поступки, не укладывающиеся в привычные нормы, а главное, не отдает должного уважения этнической группе, претендующей на прочное положение в обществе. Эти подозрения и даже агрессия могут перерасти в экстремизм на почве этнических противоречий. Многие социологические исследования отмечают тенденции роста ксенофобных настроений в странах с низким уровнем жизни. Этнические группы обвиняют в «захвате» мест на рынке труда, разрастании этнического предпринимательства, что, в свою очередь нарушает сложившуюся социальную структуру, ведет к снижению заработной платы работников, имеющих устойчивое место в структуре занятости, усиливает неравенство. В свою очередь «понижение статуса создает почву для ксенофобских настроений и роста агрессии не только в низших слоях общества, а во всех strataх» [2, С. 101].

Но и в регионах с высоким уровнем жизни существует опасность агрессии и ксенофобии меньшинств, мигрантов, некоторых религиозных и социальных групп, находящихся на низшей ступени социальной лестницы. В подобных обществах противоречия выражены может быть даже глубже, чем в развивающихся странах. Контраст между группами образованных, привыкших к комфорту элитных групп и группами, не имеющими доступа к привилегиям, принадлежащим элите или среднему классу, выражен очень ярко. Конфликты, как проявление недовольства с двух сторон вынуждают к поиску причин конфликтов, среди которых возникает «виновный» групповой субъект – мигранты, власть, маргиналы, молодежь, меньшинства и т.д. Но сами меньшинства при этом, находятся в ситуации, когда они нуждаются в поддержке и толерантности. В отсутствие таковых агрессия и экстремизм нарастают в прямой прогрессии.

Можно с достаточно большой долей уверенности утверждать, что скорее социальное расслоение, а не низкий уровень социально-экономического положения приводит к экстремизму и агрессии.

Для этнических меньшинств процесс углубляющегося социального неравенства, дискриминации по национальному признаку является этнической катастрофой. Бедность, умноженная на оскорбление достоинства и унижения, создает благодатную почву для кризиса социальной и личной идентичности. Стремление найти себя, обозначить свою социально-групповую принадлежность имеет разные векторы: от возрождения интереса людей к консолидации в поликультурных общностях до ксенофобии и открытой агрессии, сопровождаемой тяжкими преступлениями против общества в целом. Европейские миграционные процессы являются ярким проявлением сплоченности разных по своему этническому происхождению групп, проявляющих открытую враждебность по отношению к принимающему обществу. Данные тенденции тесно связаны. Консолидация ущемляемых в своих правах или целях групп ведет к росту ксенофобии поскольку, как отмечают авторы, «в их основе лежат такие же социально-психологические механизмы противопоставления первичных общностей по принципу «мы – они» [2, С. 102]. «Они» воспринимаются как враги, виноватые в многочисленных проблемах, большинства. Особенно быстро растут подобные настроения в условиях социальных, политических или экономических кризисов. Но и меньшинства видят в большинстве угрозу своему существованию, а потому опирается на ценности, общие для группы и поддерживающие ее идентичность. А образ «чужого» используется именно как средство для сплочения «своих» [3].

Возможности появления и проявления экстремистских настроений и действия способствует и повышение интереса к собственным корням, истории, национальным традициям. В сложных, переломных условиях существования общества в целом, изменении культуры, культурных ценностей часть общества пытается сохранить и поддержать интерес к традиционализму. В свою очередь, при наличии образа врага и догматическом мышлении традиционализм может перейти крайнюю степень агрессии в форме радикальных идеологий, подстрекающих к радикальным действиям в виде терроризма, экстремизма и т.д.

Парадоксальны последствия радикализма. В борьбе с несправедливостью он не увеличивает, а уменьшает шансы на победу своих интересов. Вступая в противоречие с господствующими ценностями, радикальные группы обрекают себя на культурную и политическую изоляцию, способствуя, таким образом, новому витку ксенофобии и экстремизма.

Традиционалисты, радикалы часто винят в своей изоляции не себя, а процессы глобализации, изменяющие социальную структуру общества, нарушающие привычный уклад жизни, национальные традиции и т.п. Это – серьезная проблема, описанная во многих научных работах второй половины XX-начала XXI в.в.

Устойчивые, веками сложившиеся национальные миры рушатся, особенно если брать во внимание этнокультурные разломы между странами Севера и Юга. Национальные устои отступают под давлением модернизации: внедрения новых глобальных стандартов жизни, связей, отношений, урбанизации, разрушения привычной природной и социальной среды. Многие представители этнических общин покидают привычные места по причине захвата земель, строительства крупных предприятий в местах поселений, войн и т.д. Примером служат Таиланд, Сирия, Ирак и другие страны. Соответственно этнические группы разрушаются, связь индивида и этнической общности становится слабой или обрывается вовсе. Но не исчезает национальная идентичность, национальное самосознание, реагирующее на глобализационные процессы как на факт ущемления прав этноса, за которым должны последовать акты возмездия. Следовательно, можно признать, что одной, может быть даже главной причиной нарастания экстремизма является отставание традиционного от глобализационного, неадекватная реакция этносов на глобальные перемены, их неуверенность в будущем [4]. Неуверенность в себе, в будущем лишает индивида твердой почвы и порождает массы маргинальных личностей, особенно молодежи, которые становятся социальной базой экстремизма [5].

Таким образом, причины этнического экстремизма носят комплексный характер (от экономического или политического положения в стране до психологии личности и социальной группы). Поэтому изучать и решать эти проблемы необходимо с помощью комплекса средств различных наук (психологии, социологии, политологии), силами общественных и государственных организаций. Только совместными усилиями, через призму различных наук следует искать точки гармоничного взаимодействия представителей разных этнических сообществ.

Список литературы / References

1. Артемов А. А. Этнический экстремизм в России / А. А. Артемов, М. П. Клейменов // Противодействие этническому и религиозному экстремизму. Сборник материалов научно-практической конференции / отв. ред. М.П. Клейменов, М. С. Фокин. – Омск: Фонд развития юридического образования и правовой культуры, 2008. – С.58-59.
2. Балтабаев Д. Б. Причины этнического экстремизма / Д. Б. Балтабаев // Противодействие этническому и религиозному экстремизму. Сборник материалов научно-практической конференции. – Омск: ОмГУ, 2008. – С. 100-104.
3. Яхьяев М. Я. Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления [Электронный ресурс] / М. Я. Яхьяев // Экстремизм: база знаний. URL: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/684-lichnostno-psihologicheskie-korniektremizma> (Дата обращения: 16.04.2016).
4. Манапова В. Э. Влияние глобализации на рост этнического экстремизма [Электронный ресурс] / В. Э. Манапова // Экстремизм: база знаний. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/etnicheskij-ekstremizm/item/534-vliyanie-globalizacii-na-rost-etnicheskogo-ekstremizma> (Дата обращения: 21.04.2016).
5. Ерохина Л. Д. Конфликтогенные факторы экстремизма в молодежной среде / А. С. Тиманчук, А. К. Ерохин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 9 (51). – Часть 1. Сентябрь. – С. 123-128.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Artemov A. A. Etnicheskij ekstremizm v Rossii [Ethnic extremism in Russia] / A. A. Artemov, M. P. Klejmenov // Protivodejstvie etnicheskomu i religioznomu ekstremizmu / otv. red. M. P. Klejmenov, M. S. Fokin. – Omsk: Fond razvitija juridicheskogo obrazovanija i pravovoj kul'tury [The collection of articles from scientific-practical conference / ed. By M. P. Klejmenov and M. S. Fokin]. – Omsk: Omskiy State University, 2008. – pp. 58-59. [In Russian].
2. Baltabaev D. B. Prichiny etnicheskogo ehkstreimizma [Reasons of the ethnics extremism] / D. B. Baltabaev // Protivodejstvie etnicheskomu i religioznomu ehkstreimizmu [The collection articles from scientific-practical conference]. – Omsk: Omskiy State University, 2008. –pp. 100-104. [In Russian].
3. Yahyaev M. Y. Istoki i prichiny sushchestvovaniya ekstremizma kak negativnogo social'nogo yavleniya [The origins and causes of extremism as a negative social phenomenon] [Electronic resource] / M. Y. Yahyaev // Ekstremizm: baza znaniy [Extremism: base knowledge]. URL: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/684-lichnostno-psihologicheskie-korniektremizma> (accessed: 16.04.2016). [In Russian].
4. Manapova V. E. Vliyanie globalizacii na rost etnicheskogo ehkstreimizma [Impact of globalisation on the rise of ethnic extremism] [Electronic resource] / V. E. Manapova // Ekstremizm: baza znaniy [Extremism: base knowledge]. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/etnicheskij-ekstremizm/item/534-vliyanie-globalizacii-na-rost-etnicheskogo-ekstremizma> (accessed: 21.04.2016). [In Russian].
4. Erokhina L. D. Konfliktogennyye factory ekstremizma v molodezhnoj srede [Conflict-generating factors of extremism in the youth environment] / L. D. Erokhina, A. S. Timanchuk, A. K. Erokhina // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International research journal]. – 2016. – № 9 (51). – Ch.1. September. – P. 123-128. [In Russian].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.058>Коломейцева Н.А.¹, Нечай Е.Е.²¹ORCID: 0000-0002-7547-0512, кандидат политических наук,²ORCID: 0000-0002-8509-5728, кандидат политических наук,

Дальневосточный федеральный университет (ДФУ)

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПРИМОРСКОГО КРАЯ: АГРАРНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ИЛИ КОНКУРЕНТНЫЙ СЕГМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АТР**Аннотация**

В статье рассматривается состояние агропромышленного комплекса Приморского края в контексте социально-экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Авторы рассматривают факторы взаимодействия сельскохозяйственных предприятий Приморья с партнерами из Азиатско-Тихоокеанского региона и перспективы такого сотрудничества. Авторы приходят к выводу, что создание совместных предприятий и развитие инфраструктуры наиболее эффективно и в перспективе влечет за собой привлечение портфельных инвестиций.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс Приморского края, Азиатско-Тихоокеанский регион, инвестиции в сельское хозяйство, экономический потенциал, конкурентоспособность сельскохозяйственных предприятий.

Kolomeytseva N.A.¹, Nechay E.E.²¹ORCID: 0000-0002-7547-0512, PhD in Political Science,²ORCID: 0000-0002-8509-5728, PhD in Political Science,

Far Eastern Federal University (FEFU)

AGRICULTURE OF THE PRIMORYE: AGRARIAN PERIPHERY OR COMPETITIVE SEGMENT FOR INTERNATIONAL COOPERATION IN THE ASIA PACIFIC REGION**Abstract**

The article studies agroindustrial complex's state of the Primorye Territory in the context of socioeconomic development Asia-Pacific region. The authors consider the factors of interaction of agricultural enterprises of Primorye with partners from Asia Pacific and the prospects for such cooperation. The authors come to the conclusion that the most effective and appropriate for the Primorye Territory investments are not portfolio ones, but by the creation of joint ventures. For sustainable development of the sector it is required to develop infrastructure so that in the future it will become a competitive advantage in attracting portfolio investments.

Keywords: agro-industrial complex in Primorye Territory, Asia-Pacific Region, investment in agriculture, competitiveness of agricultural enterprises, economic potential.

In the present conditions of a significant reduction of international contacts between the major geopolitical powers, representing different regions of the world, the international activity of the subjects in the exercise part of the foreign policy functions will increase. In this context, the particular importance is the development of cross-border cooperation between Russian regions and foreign countries or even whole macro regions.

Cross-border region is a vast border area with its cultural community, political unity, the history of economic interactions, concentrating significant resources to the outside world, as well as economic, infrastructural and political opportunities for providing a transit. This suggests that not every border-zone can become a cross-border region, which, in essence, is the "membrane" of the state via which the whole country using the possibilities of a particular area that interacts with neighboring countries and regions of the world.

The resource potential of Primorsky Krai has always been at the heart of interest in cooperation with Russia from the Asia-Pacific region countries. The region has more than twenty years of experience in economic cooperation with the Asia-Pacific region. The export structure of the region traditionally made products of black and nonferrous metallurgy, the coal industry, fisheries and forestry. However, the relatively high export performance of the Primorye territory to the Asia-Pacific countries in a number of commodity groups in 1990-2000-ies did not testify about the development of cross-border cooperation in the Far East (not to mention trans-border). Vividly the nature of economic relations with the APR countries in those years was evident in the forest industry. Seaside timber companies sold high quality raw materials to China at low prices, where the finished products from the same tree massively went to domestic market.

The far Eastern region of Russia has never been considered by Asian partners as a cross-border, trans-border or even trade area in the essential understanding of these values. However, for countries in the Asia-Pacific region, the Primorye Territory has become a reliable and profitable supplier of natural resources, and its products export – the basis of rapid growth of Asia-Pacific economies. Such character of mutual relations of Russian and Asian territories did not lead to economic dependence of Asia-Pacific countries from the Russian raw materials in the first two decades of post-Soviet Russia its share in the structure of import of driving Asia-Pacific economies (such as China, Japan, South Korea, Singapore, Thailand, etc.) did not exceed 2%.

In recent years, the export structure of Primorsky Krai has changed significantly: by the end of 2014 the volume of agricultural exports from the region had increased significantly. The volume of timber, ferrous and non-ferrous metals, most commodities of FEC (Fuel and Energy Complex) [1, p. 253.], whereas in 2001 the volumes of export of food products and raw materials backed off volumes of export of machine-building production - 4 times, that of timber products – 2 times, fuel and energy production – by 1.5 times [2, P. 855]. In dollar terms the Primorye farmers have increased agricultural exports by more than 8 times for the recent 13 years.

In 2015, Primorsky Krai became the leader in terms of import substitution of agricultural products among all the regions of the Far East [3]. Gradually fulfilling the food security program, the Primorye agricultural enterprises export today to the Asia-Pacific countries sugar, eggs, meat products (pork, beef, horse meat, venison, lamb, Yak meat, deer, marbled meat), poultry (chicken, geese, turkeys), milk and dairy products, grains (corn, wheat), soya, and rice feed.

Agriculture industry is becoming a very perspective direction of development of interregional cooperation in the Asia-Pacific region. The Asian partners are turning their attention to the agricultural sector and agricultural production in the Primorye territory for several reasons.

First, the impressive agricultural potential of the Primorye Territory, legacy inherited from the Soviet system of collective farms. In the framework of the implementation of the policy of agricultural resettlement of the USSR in the period of 1960-1986 more than 160 thousand people from agricultural regions and republics of the Soviet Union were relocated to the Primorye Territory [4, P. 148]. In recent years, investors from the Asia-Pacific region are increasingly moving away from direct investments into the Primorye enterprises and invest in abandoned farms and purchase unprofitable farms. They are substituted by the agribusiness ventures with foreign or joint capital. Today there are more than 50 of such enterprises in the region, among the beneficiaries are Chinese and Korean companies and entrepreneurs.

Second, environmentally friendly products produced by the primorye farmers are in demand in the Asia-Pacific market. The quality standard of Russian food is higher than in the countries of the Asia-Pacific region. For example, in Russia the use of any additives in the production of milk is banned, when in China, even after the so-called "melamine scandal", the authorities never went on to prevent adding melamine, but only on the decrease of its share in the finished product – up to 2.5 mg per 1 kg of milk (or dairy product). An important step towards improving the quality of Russian products was the adoption of Federal laws on technical regulations of milk and dairy products, fat-and-oil products, juice products from fruits and vegetables, etc. in 2008, the Quality of Russian products of beef stock farming and crop production is currently regulated by the regulations adopted by the participants of the EurAsEC. These measures increased the competitiveness of Russian products on the world market, including in the countries of the Asia-Pacific region, where the income levels have increased significantly over the years, which has led to increased purchasing power in large parts of the population. So, if in 1990, the disposable income per capita in China was just over 1.5 thousand yuan, in 2010 it exceeded 19 thousand [5, p. 9].

Third, the cheapening of the Russian currency within two years by more than two times. This allows the Russian agricultural companies in order to attract foreign investors to cut the price of its own assets, in dollar terms, without losing much profit. The same applies to the implementation of the export of raw materials and products in the markets of the APR countries. Currently there exist 25 exporters-producers of agricultural products in the Primorye [6].

Fourth, socio-economic dependence of the Northern depressed areas of the PRC and the DPRK from trade ties with the Primorye territory in particular and Russia in whole. A three-fold increase in trade turnover between Russia and China, between Russia and North Korea over the past 15 years, happened primarily due to the transition of the leadership of the neighboring countries to the policy of aligning the economic potential of their regions. The termination or significant reduction in the rate of cooperation in these regions threatens the countries unemployment and increased social tensions. On this basis, and on the interest of the Primorye authorities to expand its foreign policy between the regional authorities of the Primorye and Northern Chinese province Heilongjiang, as well as with the authorities of the Northern port of Rajin, DPRK (Nason) numerous business and political contacts have been established. So, over the past few years, three investment forums between the Primorye territory and Heilongjiang province were held. Among the Chinese participants of the third forum, held in Vladivostok on 7 May 2015, around one third was represented by agricultural companies. In September 2013, there was a solemn opening of the restored section of the railway connecting the station of Khasan (the Primorye Territory) and the port of Rajin (DPRK), in which not only Russian and North Korean authorities, but also the South Korean partners were really interested. Thus, the cooperation of the Primorye agricultural business with the business communities of cross-border territories is basically a launching ground for entering the major markets of the Asia-Pacific Region.

Fifth, the growing population of the Asia-Pacific region. The Region is already a home to more than half of the world's population; the most populated countries and most densely populated regions of the world are among the countries of the Asia-Pacific Region. In the short term, the region's population by 2020, according to estimates, will exceed 60% of the world's population. This data speak in favor of the continuation of the trend of deficit in their own food and expansion of the supply of agricultural products, primarily from neighboring regions to meet the needs of the rapidly growing population.

Sixth, the formation of Free port of Vladivostok and territories of priority development in the Primorye Territory. The formation of areas of preferential taxation, simplified procedures for state registration, communications connected to the sites, is a great motivation to invest in this region. Today among residents of PDA (Priority Development Area) "Mikhaylovsky" there are 4 agricultural holdings which actively attract investments from Asia Pacific countries, and 2 of 3 agricultural residents of the Free port of Vladivostok are companies with foreign capital.

However, in order for foreign investments in the agro-industry of the region to go to its economic development potential, and its formation as a competitive segment in the Asia-Pacific region, it is necessary that the interacting partners from the Asia Pacific comply with the following:

1) Cooperation with foreign investors should be mutually beneficial. The investments must create high-tech jobs, be aimed at the production of high quality products. At the same time, most of the jobs at the joint and foreign enterprises should be replaced by workers from the communities near which these enterprises are located. To execute the program of import substitution, a larger part of production will have to go to the domestic market. This is especially true in agriculture, where the share of regional or even domestic agricultural products on the market is too small (for example, in the production of solanaceous crops, cucumbers, tomatoes, dairy products group and beef);

2) Foreign investment should be sent not only in large enterprises but also to traditional farms. For the development of agriculture in the region it is necessary to strike a balance and interaction of different forms of management. Small power agribusiness must provide products to consumers living in the respective municipality or region. Meanwhile, some small farms in the Primorye Territory are often trying to occupy the niches abroad, because domestic demand for certain categories of agricultural products is provided by the major regional players. Big businesses are having the problem of "human starvation". They need to promote the full scope of social institutions to the rural areas: medical, educational, leisure etc., in order for the working population to remain in the territory, and contribute to the activities of agricultural enterprises. It should be noted that there in the Primorye Territory was formed, on the whole, a favorable structure of the agricultural economy – only about 40%

of production in the region is produced by big agricultural businesses. Here with only a very small proportion of production (peasant and individual farms) – a little more than 12% by the end of 2015 [7]. Almost 48% of agricultural products in the region is produced by the population for their own needs. It shows, firstly, the high level of agricultural production of the region's population (as the proportion of the rural population in Primorye is lower than in the whole country, 3%)¹² [8], and, secondly, the share of farms in agricultural sector of Primorye is insufficient to fully support the market of local products. However, the same can be said of large enterprises;

3) Cooperation in the agriculture sector, with countries in Asia-Pacific Region should be conducted not only in attracting investments but also in the exchange of experience, innovations and employment of qualified personnel, especially with partners from those countries which at the time solved the problem of food security with the sharp increase in the most populous areas (e.g., China, Taiwan, South Korea, Indonesia).

As noted earlier, for the formation of the trans-border territory it requires having not only infrastructural, economic, and political, but also mental conditions. In order to become a competitive segment in Asia Pacific Region, the Primorye agricultural industry should become an agricultural region at the level of expert and public perception. Clearly, the development of the Russian Far East (including the Primorye Territory as its integral part) taking into account its huge natural resource potential, as well as harsh climate conditions in most parts of the Territory cannot go along with the development of certain industries. In this very context, the cluster approach to the formation of priority development areas, developed by the Russian government, is worth being considered. Despite the fact that total revenue from the Primorye mineral or fish exports is several times higher than exports of agricultural products, in the future, agriculture could become the flagship industry of the Primorye economy for several reasons:

1) Growth of volume of agricultural production for the period of 2006-2015 up to 163%. During this period the annual value of manufactured products produced by the Primorye farms has quadrupled [9]. At the same time, a slight decrease in the rate of agricultural production during this period in the region was mentioned only three times: in 2012, 2013 and 2015 years. Short-term reduction in the rate of agricultural production was related to adverse weather conditions, such as typhoons and heavy rainfalls that led to flooding of fields during sowing and harvesting campaigns ahead. For example, in 2015, the Typhoon "Goni" resulted in submersion of 88.3 thousand hectares of cultivated land – about the fifth of the total agricultural land resources of the region.

2) Significant progress on several trends in the branch in recent years. For the period of 2005-2015 the pig population increased by 3.25 times, area under industrial crops and soybeans – 1.63%, the gross grain harvest – 2.5 times, rice 9.7 times, vegetables 1.5 times. The Primorye farmers have reached the rise of yield index (kg/ha) of grain by 2.6 times, rice and vegetables – by 1.5 times, and soya – by 1.4 times. The production of cattle and poultry for slaughter grew 1.4%, eggs – 1.3 times [9].

3) Infrastructure development of the agricultural sector in the region. There are 4 projects of livestock complexes (three in the Khanka area, one in Khorolsky area), and 11 projects of pig farms (mainly in the Ussuriysky urban district, Mikhailovsky and Spassky areas) implemented in the region. With the aim of accelerating the pace of import substitution in the region as well as the solution of food problems as the economic crisis bites, major Federal, interregional and foreign companies have been invited for the past three years by the regional authorities to implement investment projects such as, "Rusagro", "Mercy trade", "Jin Jun", and "New friendship". Some companies have intensively expanded their technical base and production. Some of these companies are: "Green Agro", "Khorol Agro Holding", "Agro Dasun Hank", "Golden Valley", "Green Star III" amongst others. For more than 10 years the agro-industrial group "Armada", "Mikhailovsky broiler", "Ussuriysk poultry farm" have expanded their production capacity in the Region [10, P. 7–11].

4) Positive changes have happened in the general public's perception of the region's agricultural sector. According to sociological research conducted by the Centre for social innovation "Black box" (Vladivostok) at the beginning of April 2016 held among 1890 residents of the Primorye, only one third believe the agricultural production as unviable. The share of those who believe that agriculture in the region has high potential increased up to 20% (see Fig. 1).

¹² For comparison, according to Rosstat, in 2015 the share of agricultural products produced by the population amounted to about 38%.

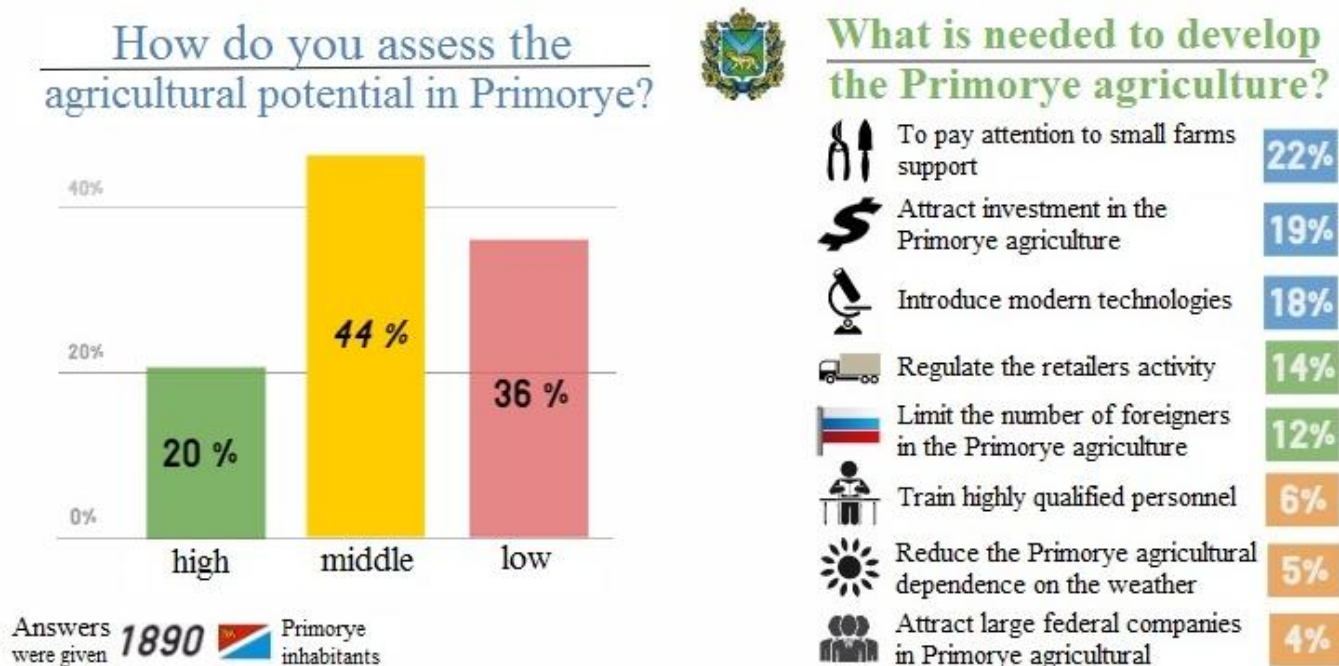

Fig. 1 – Indicators of public attitudes towards agriculture development in the Primorye Territory [12]

According to opinion polls conducted in the territory of the Primorye in the late 80's-early 90-ies, only about 10% of the population believed agriculture was promising [11, p. 20].

Answering the research question of 2016 "What is needed in order to develop agriculture in the Primorye Territory?" the majority of the Primorye citizens replied in the same key provisions, which were made by the author of this article, analyzing the degree of competitiveness of the agricultural industry of the Primorye in the Asia-Pacific Region and the modern character of player interaction in the coastal agribusiness. In our opinion, this testifies the high level of public awareness of the agricultural problems in the region associated, primarily, with the implementation of the Federal policy of import substitution in the region, as well as significant increase in food prices in recent years. Taken together, this suggests that at the moment the residents of the Primorye, associate solving of their problems in the food market by the development of the agricultural sector in the region. It is also noteworthy that in the same research, 71% of respondents said they tried not to buy imported food, but only local products in the agricultural areas, where it is possible.

An obstacle for the Primorye agricultural sector to become a competitive segment in Asia Pacific can be its "peripheral" character in the structure of Russian agriculture. As the region takes the 39th place [1, p. 643] by volume of the agricultural products, with the fact that the main agricultural potential of the Russian Federation due to climatic conditions and the particular historical development of the country, according to our estimates, is no more than in 70 subjects.

However, following the same logic, of the "peripheral" in the agricultural context are all the regions of the Far East and Eastern Siberia, which take places from third to nine decades accordingly in the structure of agricultural production of the Russia. Therefore, in the context of the marked backwardness of the Eastern regions of the country, including the Primorye region as compared to the Western regions, and also in the context of prospects of interaction of the Primorye farmers with partners from Asia Pacific it is necessary to consider the following factors:

First, the border status of the countries of the Asia-Pacific Region. The subjects of the southern Far East and Eastern Siberia – the only ones in the Russian Federation, bordering the Asia-Pacific Region (except, depressed in the agrarian relations of the Republic of Altai, which borders the backward Western China). The Primorye Territory of all these territorial entities has a better geopolitical and geographical position to develop contacts with the countries of the Asia-Pacific Region. The region has common land borders with China to the West and North Korea – in the South-West, in addition, has a common Maritime boundary with Japan. The Consul general's of 10 countries in Asia-Pacific Region are situated in Vladivostok, since 1991 the Administration of the Primorye Territory has signed 14 collaborating agreements with the regions of Japan, South Korea, China, Vietnam [13]. For many years, the region has a steady sales turnover with countries in the Asia-Pacific Region;

Second, the relatively low population in the Primorye Territory in particular, and in the regions of the Far East and Eastern Siberia in general. The population of the Primorye Territory is just over 1% of the total number of inhabitants in the country, the Far Eastern Federal District, before the formation of the Crimean Federal District, was the smallest administrative unit of this type. Low population in the Primorye and in the nearby regions in the Far East of the country makes the Primorye farmers search for new markets for sales, and the most profitable ones are located in the Asia Pacific Region.

Third, a high capacity index to provide the population with agricultural products in the region. When analyzing official statistics, it was established that currently the Primorye farmers annually produce, agricultural goods worth 20 thousand rubles per person living in the region; taking into account the Far Eastern Federal District as a whole, the figure is even higher at 24 thousand rubles per person; as a comparison, in traditionally agrarian Central Federal District the enterprises, being active members of the export program, produce goods up to 28 thousand, at the same time, some of them are in the area of cross-border trade. It is easy to calculate that with the implementation of the investment projects, already launched in the Primorye Territory, the Primorye and the Far Eastern A.I.C. (Agro-Industrial Complex) will certainly exceed the above values. Consequently, the coastal companies will have the opportunity not only to implement the program of import substitution, but

also to expand its export volumes and, in the short term, to increase their competitiveness in the burgeoning markets of Asia-Pacific countries.

However, the Primorye businesses and industry in the region as a whole should work on its level of competitiveness in the regions of East Asia. Nowadays the Asia-Pacific market is the largest trading platform in the world; the Asian agribusiness attracts investments and exporters from around the world. And the Primorye can take an advantage of its favorable geographical location. It is necessary to take a course for mutual beneficial cooperation with Asian investors, greatly increase production in underperforming industries in the Primorye A.I.C. (namely, production of beef, vegetables, dairy products, etc.), to learn from their Asian counterparts their invaluable experience and innovations in the agricultural sector.

Russia should implement marketing programs in the Asia Pacific Region. The most effective and appropriate for the Primorye Territory investments are not portfolio ones, but by the creation of joint ventures. For sustainable development of the sector it is required to develop infrastructure so that in the future it will become a competitive advantage in attracting portfolio investments. It is necessary to learn from the experience of the Central regions of Russia, and create special services of legal and technical support for investors. The state government and the region authorities should establish a bilateral (interregional) relation in the field of supplies of agricultural products from those countries whose economy is not built entirely on market principles. China with its mixed economy, North Korea which has a centralized economy, and Indonesia, with its market-planned economy.

Besides, the regional authorities, the business community, higher and secondary vocational institutions should work on the image of the Primorye agriculture in the region and greatly promote the profession of a farmer. Finally, the region should also increase the economic potential of the industry. In a market economy for its further progressive development it is unacceptable that half of all agricultural goods are produced by the population itself. Therefore in conclusion, it is necessary to increase the number of agricultural organizations as well as farms in the region, to adopt programs of farmer promotion and support them at both the Regional and Federal levels. After taking these measures, the position of the Primorye agricultural products market in Asia-Pacific countries and demand in the region will be sustainable. The agricultural sector will then be competitive, dominant and financially profitable in Asia-Pacific trade.

Список литературы / References

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М. – 2015. – 1266 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Р32 Стат. сб. / Гомкомстат России. – М. – 2002. – 863 с.
3. Регионы РФ в контексте "импортозамещение" – 2015 [Электронный ресурс] // Сайт информационно-аналитической системы «Медialogия». – 2016. – URL: <http://www.mlg.ru/company/pr/3986/> (дата обращения: 05.06.2016)
4. Пискунов С. А. Реализация политики аграрного переселения на Дальнем Востоке СССР в 1960-е – середине 1980-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – № 1 (198). – Том 33. – 2015. – С. 144 - 150.
5. Цзян Вэй. Исследование распределения доходов населения в Китае / Современные тенденции развития экономики и распределения доходов [Текст]: материалы российско-китайского научно-практического семинара, г. Вологда, 28 – 29 сентября 2012 г. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 188 с.
6. Перечень предприятий Приморского края, заинтересованных в экспорте товаров и услуг (Экспортный потенциал Приморского края) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. – 2014. – URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-trade/index.php> (дата обращения: 05.06.2016)
7. Объем производства сельскохозяйственной продукции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. – 2016. – URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/595584004f34207d9e8ede3a99b5ae2d/Объем++производства+сельскохозяйственной+продукции.htm (дата обращения: 05.06.2016)
8. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – 2016. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sell.htm (дата обращения: 05.06.2016)
9. Официальная статистика. Предпринимательство. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2016. URL: <https://goo.gl/AZdCFw> (дата обращения: 06.06.2016)
10. Отчет о ходе реализации и оценки эффективности государственной программы Приморского края «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Повышение уровня жизни сельского населения Приморского края» на 2013-2020 годы за 2015 год: департамент сельского хозяйства и продовольствия Приморского края [Электронный ресурс] // Официальный сайт Департамента сельского хозяйства и продовольствия Приморского края. – 2016. – URL: <http://www.agrodev.ru/content/otchet-za-2015-god>. – С. 7-11. (дата обращения: 06.06.2016)
11. Ян Лимин. Сравнительный анализ структуры товарного сельскохозяйственного производства Приморского края и провинции Хэйлунцзян [Электронный ресурс] // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2006. – № 1. – С. 19 - 30.
12. Потенциал сельского хозяйства в Приморском крае (06.04.2016) [Электронный ресурс] // Центр социальных инноваций «Чёрный куб». URL: <http://blackcub.ru/2016/04/06/потенциал-сельского-хозяйства-в-прим/> (дата обращения: 06.06.2016)
13. Перечень меморандумов и соглашений, заключенных между Приморским краем и административно-территориальными образованиями зарубежных стран [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации

Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. – URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/agreements.php> (дата обращения: 06.06.2016)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2015: R32 [The Regions Of Russia. Socio-economic indicators 2015: P32] Stat. sb. / Rosstat. – M. – 2015. 1266 p. [in Russian]
2. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2002: R32 [The Regions Of Russia. Socio-economic indicators 2015: P32] Stat. sb. / Rosstat. – M.: Gomkomstat Rossii. – 2002. – 863 p. [in Russian]
3. Regiony RF v kontekste "importozameshhenie" – 2015 [The regions of the Russian Federation in the context of "import substitution"] [Electronic resource] // Sajt informacionno-analiticheskoy sistemy «Medialogija» [The website of information-analytical system "Medialogia"] – 2016. – URL: <http://www.mlg.ru/company/pr/3986/> (accessed: 05.06.2016) [in Russian]
4. Piskunov S. A. Realizacija politiki agrarnogo pereselenija na Dal'nem Vostoke SSSR v 1960-e – seredine 1980-h gg. [Implementation of the policy of agricultural resettlement in the far East of the USSR in the 1960s – mid-1980s.] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija [Bulletin of Belgorod state University. Series: History. Political science]. – № 1 (198). – Part 33. – 2015. – P. 144 - 150. [in Russian]
5. Jiang Wei. Issledovanie raspredelenija dohodov naselenija v Kitae [Research on Current Income Distribution in China] / Sovremennye tendencii razvitiya jekonomiki i raspredelenija dohodov: materialy rossijsko-kitajskogo nauchno-prakticheskogo seminar, g. Vologda, 28 – 29 sentjabrja 2012 g. [Modern trends in economic development and income distribution Materials of the Russian-Chinese scientific and practical seminar (Vologda, September 28 – 29, 2012)] / Jiang Wei – Vologda: ISJeRT RAN, 2013. – 188 p. [in Russian]
6. Perechen' predpriyatij Primorskogo kraja, zainteresovannyh v jeksporte tovarov i uslug (Jeksportnyj potencial Primorskogo kraja) [The list of companies in Primorsky region, interested in export of goods and services (Export potential of Primorsky Krai)] [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Administracii Primorskogo kraja i organov ispolnitel'noj vlasti Primorskogo kraja [Official website of the Primorsky territory Administration and the Executive authorities of Primorsky Krai]. – 2014. – URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-trade/index.php> (accessed: 05.06.2016) [in Russian]
7. Ob'em proizvodstva sel'skohozjajstvennoj produkcii [The volume of agricultural production] [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu kraju [Official website of Territorial agency of Federal state statistics service in Primorsky Krai]. – 2016. – URL: <https://goo.gl/y4l8d5> (accessed: 05.06.2016) [in Russian]
8. Produkcija sel'skogo hozjajstva po kategorijam hozjajstv [Agricultural production by categories of farms] [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Official website of Federal state statistics service]. – 2016. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm (accessed: 05.06.2016) [in Russian]
9. Oficial'naja statistika. Predprinimatel'stvo. Sel'skoe hozjajstvo, ohota i lesnoe hozjajstvo [Official statistics. Entrepreneurship. Agriculture, hunting and forestry] [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu kraju [Official website of Territorial agency of Federal state statistics service in Primorsky Krai]. – URL: <https://goo.gl/AZdCFw> (accessed: 06.06.2016) [in Russian]
10. Otchet o hode realizacii i ocenki jeffektivnosti gosudarstvennoj programmy Primorskogo kraja «Razvitie sel'skogo hozjajstva i regulirovanija rynka sel'skohozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stviya. Povyshenie urovnja zhizni sel'skogo naselenija Primorskogo kraja» na 2013-2020 gody za 2015 god: departament sel'skogo hozjajstva i prodovol'stviya Primorskogo kraja [Progress report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program of Primorsky Krai "Development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food. Raising the standard of living of the rural population in Primorsky region" for 2013-2020 for 2015: Department of agriculture and food of Primorsky Krai] [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Departamenta sel'skogo hozjajstva i prodovol'stviya Primorskogo kraja [Official website of the Department of agriculture and food of Primorsky Krai]. – 2016. – URL: <http://www.agrosv.ru/content/otchet-za-2015-god> (accessed: 06.06.2016) [in Russian]
11. Yang Limin. Sravnitel'nyj analiz struktury tovarnogo sel'skohozjajstvennogo proizvodstva Primorskogo kraja i provincii Heilongjiang [Comparative analysis of the structure of agricultural production in Primorsky Krai and Heilongjiang province] [Electronic resource] / Yang Limin // Izvestija Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Jekonomika i upravlenie [Bulletin of the far Eastern Federal University. Economy and management]. – 2006. – № 1. – P. 19 – 30. [in Russian]
12. Potencial sel'skogo hozjajstva v Primorskom krae [The potential of agriculture in Primorsky region] (06.04.2016) [Electronic resource] // Centr social'nyh innovacij «Chjornyj kub» [Centre for social innovation "Black box"]. – URL: <http://blackcub.ru/2016/04/06/потенциал-сельского-хозяйства-в-прим/> (accessed: 06.06.2016) [in Russian]
13. Perechen' memorandumov i soglashenij, zakljuchennyh mezdu Primorskim kraem i administrativno-territorial'nymi obrazovanijami zarubezhnyh stran [A list of memorandums and agreements between the Primorsky territory and administrative-territorial formations of foreign countries] [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Administracii Primorskogo kraja i organov ispolnitel'noj vlasti Primorskogo kraja [Official website of the Primorsky territory Administration and the Executive authorities of Primorsky Krai]. – URL: <http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/agreements.php> (accessed: 06.06.2016) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.086>

Порфирьева И.Д.

ORCID: 0000-0001-9692-3878,

Аспирант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**Аннотация**

Данная статья посвящена мониторингу освещения экологической политики в средствах массовой информации. В качестве объекта исследования выступает Российская Федерация. В статье раскрывается сущность понятий «экологическая информация», «экологическая политика», «экологический стресс». В работе проведено исследование важных проблем страны: проблемы атмосферы, водного пространства, почвы и уязвимости полигонов. В статье предлагаются способы защиты от негативного воздействия в каждой предлагаемой сфере.

Ключевые слова: экологическая политика, охрана окружающей среды, экологические проблемы, средства массовой информации, экологическая информация.

Porfireva I.D.

ORCID: 0000-0001-9692-3878,

Postgraduate student,

Kazan (Volga region) Federal University

NEWS COVERAGE OF ENVIRONMENTAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION**Annotation**

The paper considers the monitoring of the news coverage of environmental policy in the media. Here the Russian Federation acts as the object of research. The article presents the essence of the concepts of "environmental information", "environmental policy", "environmental stress". The author studied the important problems of the country: the problem of atmosphere, water areas, soil and landfill vulnerability. The ways to protect a particular area against the negative impact are proposed in the paper.

Keywords: environmental policy, environmental protection, environmental issues, media, environmental information.

Глобальный экологический кризис занимает особое место в ряду современных глобальных проблем человечества, его острота обусловлена противоречием между безграничными потребностями и возможностями человека, и конечностью природных ресурсов [1]. Актуальность данной работы связана с тем, что Россия является страной с огромными природными ресурсами, что напрямую зависит от размера ее территории.

В последнюю четверть века экологическая политика в Российской Федерации существенно менялась. После распада СССР практически не происходило создание новых мощных промышленных гигантов, были свернуты проекты по созданию новых водохранилищ - плотин ГЭС, замерли проекты по созданию новых АЭС. Тем не менее, территорию РФ нельзя рассматривать (с экологической точки зрения), как оторванную часть нашей планеты. Это связано с тем, что бурное развитие промышленности в сопредельных странах (например, Китай) оказывает влияние на приграничные территории нашей страны, через атмосферу и бассейны рек.

Чтобы исследовать процесс изменения в освещении экологической политики, необходимо включать в исследование анализ роли политики, предпринимателей и действия средств массовой информации. Освещение проблем в СМИ помогает выделить наиболее острые проблемы в обществе. Средства массовой информации, как «четвертая ветвь» власти, непосредственно влияют на политику и политические процессы государства, но данное влияние редко анализируется в экополитической практике, как основной инструмент.

На макроуровне, в сфере защиты окружающей среды, существует целый ряд инструментов, таких как экологические исследования, экологический мониторинг, создание охраняемых территорий и экологического планирования, а также ряд корректирующих инструментов политики, таких, как перемещение отраслей промышленности и своевременная замена старых технологий новыми и экологически чистыми. СМИ играют влиятельную роль как в качестве инструмента для своевременного предупреждения потенциальных угроз окружающей среды и, в то же время, рекомендуют корректирующие решения, а также являются инструментом эффективного мониторинга.

На данный момент в Российской Федерации существуют многочисленные экологические проблемы. Многие из них, это последствия ведения неправильной политики во времена Советского Союза, то время, когда чиновники чувствовали, что контроль за загрязнением был ненужным препятствием на пути экономического развития и индустриализации. В результате, 40% территории России начали демонстрировать признаки экологического стресса, во многом благодаря разнообразным рядом экологических проблем, включая вырубку леса, загрязнение окружающей среды и ядерных отходов. По данным российского Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, в настоящее время в России процесс потепления протекает в 2,5 раза быстрее, чем в остальной части земного шара.

Россия имеет много охраняемых территорий, таких как заповедники и природные парки, которые сделаны, чтобы защитить естественное состояние окружающей среды. На данный момент на территории Российской Федерации 101 заповедник, в общей сложности с площадью более 33,5 млн га.

Несмотря на усилия российских властей по сохранению лесов с использованием природных заповедников и парков, значительно снизилось финансирование для обслуживания охраняемых территорий, что существенно сузило охраняемую площадь защиты лесов. Незаконная рубка леса также широко распространена, особенно на северо-западных и дальневосточных регионах Российской Федерации. По оценкам мониторинга, из-за незаконной рубки леса Россия ежегодно теряет 1 млрд долларов. По данным Центра экологической политики России, 16 миллионов гектаров леса ежегодно уничтожаются по следующим причинам: нелегальные лесозаготовки, ухудшение качества

окружающей среды и пожары. Неэффективные лесозаготовительные работы и бесконтрольная вырубка леса приводят тому, что 40% заготовленных деревьев никогда не используются, а меры по защите лесов осуществляются очень медленно.

Неэффективное использование энергии и ископаемого топлива является еще одной острой экологической проблемой Российской Федерации. Министерство энергетики заявило, что своевременная модернизация оборудования энергетического сектора может сократить выбросы углекислого газа на 25%, а в Институте энергетических исследований были сделаны расчеты, показывающие, что данные меры могут сократить расходы топлива на 1 млрд. долларов в год.

Ядерная энергия широко используется в России, и в настоящее время на территории страны насчитывается 31 действующий ядерный реактор. Тем не менее, некоторые из них, такие, как Кольская АЭС, имеют очень высокую вероятность ядерных аварий. Вместо того чтобы вывести данные АЭС из эксплуатации, они до сих пор используются. Захоронения ядерных отходов также являются острой проблемой, из-за отсутствия финансирования.

Загрязнение воды является серьезной проблемой для РФ. Данные мониторинга показывают, что 75% поверхностных вод и 50% общего объема воды загрязнены. Это вызвало проблемы со здоровьем во многих городах, это связано с тем, что только 8% сточных вод полностью проходят цикл очистки. Устаревшие и неэффективные средства очистки воды, а также отсутствие финансирования, вызывают сильное загрязнение, а также могут приводить к распространению болезней. Озеро Байкал ранее был объектом загрязнения окружающей среды от Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, но усилия по очистке с тех пор снизили экологическую нагрузку на озеро.

Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и Волгоград, а также другие крупные промышленные и населенные пункты, имеют высокие показатели загрязнения воздуха. В целом, более 200 городов России превышают пределы загрязнения, и это растет из-за увеличения транспортных средств на дорогах.

Интернет - издание "Комсомольская правда "

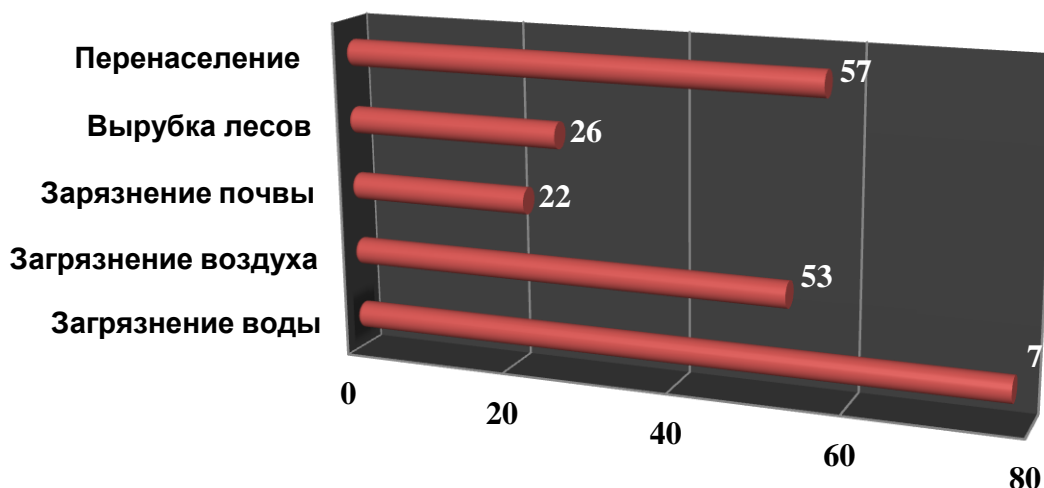

Рис. 1 – Количество публикаций на экологическую тематику в Интернет-газете «Комсомольская правда»

С целью изучения освещения экологических проблем в РФ на страницах Интернет-изданий было проанализировано: Сетевое издание Интернет-газеты «Комсомольская правда». За обозначенный в данной работе период (2010-2016 гг.) было опубликовано 236 материалов, затрагивающих проблемы окружающей среды (рис. 1). Из них 57 материалов были посвящены проблеме перенаселения, 26 материалов освещали вырубку лесов, 22 публикации-загрязнение почвы, 53-загрязнение воздуха и 78 материалов посвящены проблеме загрязнения воды. Данные результаты показывают «волновой» интерес средств массовой информации к вопросам окружающей среды.

Большую группу публикаций составляют материалы, информирующие читателей о разнообразных акциях, направленных на охрану и благоустройство окружающей среды: В Казани вандалы подпортили старт проекта «Зеленый рекорд» (12.10.2012); Казанский вертолетный завод поддержал акцию «Зеленый рекорд» (24.10.2012); «Зеленый рекорд» и «Цветущая Казань» продолжают облагораживать дворы (22.07.2014) [2]. Подобные публикации не только выполняют организаторскую функцию, побуждая людей присоединиться к действиям по охране окружающей среды, но и способствуют экологизации населения, а также формированию положительного имиджа данных акций у внутригородской аудитории.

В перспективе, возможна дальнейшая разработка темы, основанная на исследовании своеобразия других видов экологических СМИ, а также детальном анализе примеров «волнового» интереса к вопросам окружающей среды со стороны журналистов.

В итоге можно констатировать, что чаще всего СМИ выполняют функции регулирования восприятия населением экологической проблематики, соответствующей целям и задачам, которые транслируют органы власти на том или ином этапе развития экологической политики и управления.

Список литературы / References

1. Ермолов Н. Г. Экологическая политика в современной России: состояние и тенденции развития : дис. ... канд. пол. наук : 23.00.02 : защищена 6.12.14 / Ермолов Николай Георгиевич. - А., 2014. - 213 с.
2. Официальный сайт Интернет - издания «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]: - URL: <http://www.kp.ru/> (дата обращения: 16.02.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ermolov N. G. Jekologicheskaja politika v sovremennoj Rossii: sostojanie i tendencii razvitija 02 [Environmental policy in modern Russia: state and development trends: the dissertation the candidate of political sciences] : dis. ... of PhD in political sciences: 23.00.02 : defense of the thesis 6.12.14 / Ermolov Nikolaj Georgievich. - A., 2014. - 213 p. [in Russian]
2. Oficial'nyj sajt Internet - izdanija «Komsomol'skaja pravda» [Official website of the Internet - newspaper "Komsomolskaya Pravda"] [Electronic resource] : - URL: <http://www.kp.ru/> (accessed: 16.02.2017). [in Russian]

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.019>**Аксютин Ю.М.**

ORCID: 0000-0001-5996-3686, Кандидат философских наук,

ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

*Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ (МК-587.2017.6).***ОЦЕНКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ****Аннотация**

В статье представлены результаты анализа и оценки эффективности реализации в регионах постсоветской России конструктивистской концепции российской гражданской нации. Автор, на основе анализа данных социологических опросов, эксплицирует сущность и социальную эффективность процесса реализации концепции гражданской нации в полиэтнокультурном регионе Южной Сибири (Хакасия, Алтай и Тыва). Констатируется, что эффективность реализации концепции гражданской нации в регионах России характеризуется значительными ограничениями.

Ключевые слова: этнос, гражданская нация, региональный социум.

Aksutin Yu.M.

ORCID: 0000-0001-5996-3686, PhD in Philosophy, Khakas State University named after N. F. Katanov

*The study was performed within the framework of the Grant of the President of the Russian Federation (MK-587.2017.6)***THE EVALUATION OF RUSSIAN CIVIL NATION SOCIAL AND CULTURAL FUNCTIONING EFFECTIVENESS IN THE REGIONAL SOCIETY****Abstract**

This article represents results of analysis and evaluation of social effectiveness of civil nation which is realized in post-Soviet Russia. The results are in the fact: the author based on the sociological researches tries to explicate essence and social and cultural effectiveness of civil nation functioning in Tuva, Khakassia, Altay. Author states that civil nation is in process of forming that is an explanation for limitation of social and cultural effectiveness of its functioning.

Keywords: ethnos, civil nation, regional society.

Проблемы оценки эффективности формирования и функционирования конструируемой уже на протяжении четверти века российской нации, призванной консолидировать постсоветский социум, остаются в числе наиболее актуальных вопросов научного и общественного дискурса [2, С. 70]. Формирование надэтнической гражданской нации – непереносимое условие гармонизации отношений между представителями гетерогенных этнокультурных групп современной России. В то же время в научном знании устоялась ситуация неопределенности сущностного содержания понятия «нация», а также методов оценки эффективности ее функционирования, что позволяет разным авторам на основании одних и тех же данных делать противоположные выводы, а заинтересованным сторонам получать лишние доводы для взаимных обид. Отметим и тот факт, что исследования региональных особенностей функционирования российской гражданской нации остаются высоко дефицитными.

В таком контексте основная цель статьи – опираясь на конкретику данных социологических исследований, проведенных в Южной Сибири, осуществить оценку эффективности функционирования (социокультурный аспект) концепции гражданской нации в регионах постсоветской России.

Прежде чем анализировать данные проведенного в регионе социологического исследования, обратимся к некоторым методологическим аспектам обозначенной проблемы. Следует отметить, что общепризнанное определение «нации» фактически отсутствует. Например, с позиции примордиального подхода нация понимается как формирующаяся в примордиальной парадигме (территория, язык, тип хозяйствования и т.д.) социобиологическая система. В рамках конструктивистского подхода, напротив, нация интерпретируется как политический и социокультурный проект, не имеющий объективной основы. Конструктивисты утверждают, что гражданско-политическая нация и этно-нация – по своей сути разные феномены и исторически следуют друг за другом [3, С. 150].

Как бы ни трактовалось содержание понятия и «природа» нации, исследование процессов ее функционирования делает необходимым обращение к частичной конвергенции имеющихся подходов, поскольку существование нации – это сочетание объективных, естественно-исторических процессов с социально-политическим конструированием. В

таким контексте конструктивистское понимание природы нации более релевантно задачам анализа процессов институционализации российской гражданской нации [1, С. 21]. Напротив, примордиальный подход более соответствует задачам оценки социокультурной эффективности функционирования концепции гражданской нации, эмпирическими индикаторами которой являются: во-первых, актуальная позиция российской идентичности в структуре идентичностей населения (жителей исследуемого региона); во-вторых, природа российской идентичности (гражданская или этнокультурная); в-третьих, степень комплементарности этнокультурных субъектов (этносов) региона.

Ориентируясь на выделенные критерии, обратимся к анализу структуры идентичности и степени развитости гражданского самосознания жителей региона. Результаты социологического исследования свидетельствуют, что в структуре идентичностей жителей Хакасии, Тывы и Алтая первая позиция принадлежит российской идентичности (36,5%). Вторую строчку занимала республиканская (24%), третью – поселенческая (13,1%), а четвертую – сибирская региональная идентичность (10,9%). Этническая идентичность занимала пятую позицию (8,9%), а космополитическая – шестую (5,4%). Безусловный приоритет российской идентичности был отмечен у этнически русских жителей региона, тогда как для 45,6% хакасов, 56% алтайцев и 32,7% тувинцев характерно преобладание республиканской идентичности [4]. Иными словами, российская идентичность занимает первую позицию в структуре идентичностей жителей региона (порядка 30%). В таком контексте важным представляется ответить на вопрос о природе оснований национальной идентичности. Для решения этой задачи респондентам задавались вопросы, касающиеся критериев «русскости». В ходе анализа результатов опроса было установлено, что 30,7% респондентов придерживается широкого понимания российской идентичности, апеллирующего как к осознанному выбору человека, так и к основанной на воспитании нерелективной традиции. Российское самосознание как главный фактор идентификации с россиянами отметили 15,4% опрошенных. В целом доля респондентов, отметивших приоритет скорее традиционалистских (тот, кто любит Россию – 18,3%, знает русский язык – 1,1%, православный – 1,5%) или социобиологических оснований идентификации («родители россияне» – 4,5%), составляет порядка 25% от числа опрошенных. Следовательно, данные опроса свидетельствуют в пользу складывания российской идентичности с конструктивистской природой.

Решение задачи диагностики степени комплементарности этнокультурных субъектов требует обращения к анализу ценностных ориентаций и распространенности обладающих наибольшим конфликтогенным потенциалом модернистских и традиционалистских ценностно-мировоззренческих установок жителей исследуемого региона. Индикатором распространенности этих установок выступает отношение социума к идее «всевластия» государства и свободе личности. Модернисты отчетливо тяготеют к идеям правового государства, где гарантированы свободы личности, а власть государства ограничена, тогда как традиционалисты, напротив, ориентированы на коллективизм и взаимопомощь. Идею сильного государства поддерживает 62,4 % опрошенных. За расширение личных свобод, экономическую независимость и ограничение роли государства высказались 19,4 % респондентов. Идеи коллективизма и взаимопомощи поддержали также большинство респондентов – 53 % против 28,4 %, ориентированных на ценности свободы личности и индивидуализма. Иными словами, группа носителей модернизационного типа сознания только начинает формироваться и численно еще значительно уступает традиционалистам. В то же время значительный процент не определившихся (18 %) свидетельствует о наличии среди опрошенных приверженцев разных моделей развития регионального социума, нежели о конфликте жестко различающихся мировоззренческих типов. В плане анализа ценностных ориентаций отметим, что представители крупнейших этносов оказались солидарны в выборе ценностей, имеющих наибольшее значение: семья (90,5%), здоровье (75,8%), профессиональная занятость (33,5%), материальное благополучие (30,2%), любовь (26,3%), свобода (23,2%), личное достоинство (19,5%), карьера (16,2%), этничность (9,8%).

В заключение отметим, что концепция гражданской нации в регионах постсоветской России переживает «детские болезни» роста, чем объясняется, по нашему мнению, ограниченность социокультурной эффективности ее функционирования. В то же время позиции российской идентичности в региональном социуме сегодня достаточно сильны, а традиционные и локальные идентичности для высоко комплементарных этносов региона не являются приоритетными. Иными словами, социокультурная идентичность бывших советских граждан обладает конструктивистскими характеристиками, способствующими становлению гражданской идентичности и складыванию в перспективе гражданской нации.

Список литературы / References

1. Aksyutin Yu.M. Russian post-soviet identity of Southern Siberia inhabitants // *Juvenis scientia*. 2016. № 5. С. 20-22.
2. Аксютин Ю.М. Природа и основания российской нации с позиции «официального разума» и «массового сознания» // *Инновационная наука*. 2016. № 10-3. С. 69-70.
3. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм*. М.: Праксис. 2002. 416 с.
4. Социологическое исследование (2016 г.) в рамках Гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290, Хакасия – 520, Алтай – 190).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aksyutin Yu.M. Russian post-soviet identity of Southern Siberia inhabitants // *Juvenis scientia*. 2016. № 5. С. 20-22. [in English]
2. Aksyutin Yu. M. Priroda i osnovaniya rossiyskoy natsii s pozitsii «ofitsial'nogo razuma» i «massovogo soznaniya» [The grounds of the Russian nation from a position of "official reason" and "mass consciousness"] // *Innovacionnaya nauka* [Innovative science] 2016. № 10-3. P. 69-70. [in Russian]
3. Gellner E. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [The advent of nationalism. The myths of nation and class] // *Natsii i natsionalizm* [Nation and Nationalism]. Moscow: Izdatelstvo Praksis. 2002. 416 p. [in Russian]
4. Sotsiologicheskoe issledovanie (2016) v ramkakh granta Prezidenta RF (Proekt № МК-6746.2015.6). Vyborochnaya sovokupnost' – 1000 chel. (Tyva – 290, Khakasiya – 520, Altay – 190). [Case Study. The aggregate sample - 1,000 people. (Tuva - 290, Khakassia - 520, Altai - 190)]. 2015. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.126>

Гаршин Н.А.

Магистрант,

Воронежский Государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ФЕНОМЕНА ПОСТИДЕОЛОГИИ**Аннотация**

Целью данной работы является прояснение статуса феномена постидеологии в современных социокультурных реалиях. Важно понимать, что представляет собой современная эпоха с точки зрения философии. В рамках данной статьи мы укажем основные точки зрения на постидеологию, ее статус, связь с другими социокультурными феноменами, такими как кризис символического, кризис идеологии, эпоха постмодерна в целом. В рамках достижения поставленной цели мы решим следующие задачи: проанализируем теоретические основания постидеологии, выполним системный анализ современной эпохи, историко-философский анализ точек зрения на феномен постидеологии. Данная работа имеет как научную актуальность, состоящую в том, что для отечественной литературы постидеология является новым феноменом и наше исследование может открыть ее новые аспекты, так и общественную, поскольку нам необходимо организовать свою жизнь в условиях постидеологического социального пространства.

Ключевые слова: постидеология, идеология, кризис идеологии.

Garhin N.A.

Undergraduate student,

Voronezh State University

ON THE QUESTION OF THE ONTOLOGICAL STATUS OF THE PHENOMENON OF POST IDEOLOGY**Abstract**

The purpose of this paper is to clarify the status of the phenomenon of post ideology in modern socio-cultural realities. It is important to understand what constitutes the modern era in terms of philosophy. In this article we give the main point of the post ideology, its status, relationship with other socio-cultural phenomena, such as the crisis of the symbolic, ideological crisis, the era of postmodernism in general. As part of achieving this goal, we will solve the following tasks: analyze the theoretical foundations of the post of ideology, perform a systematic analysis of the modern era, the historical and philosophical analysis of points of view on the phenomenon of post ideology. This work has as a scientific relevance, which consists in the fact that, for the post of Russian literature ideology is a new phenomenon, and our research may open new aspects of it, and the public, because we need to organize your life in a post-ideological social space.

Keywords: post ideology, ideology, ideology of the crisis.

Постидеология являет собой сравнительно новый феномен, по сути своей еще даже не сложившейся в полной мере. На сегодняшний день мы как философы и исследователи социальной реальности, то есть особого, специфического вида бытия, не сводимого ни к физическому, ни к биологическому миру и потому обладающего собственными законами, принципами и порядками, не имеем ни как ученые, ни как граждане даже обыденного жизненного опыта существования в реальном, а не теоретически открытом постидеологическом обществе. Здесь следует прояснить определенную теоретическую и терминологическую деталь или особенность, которая представляется нам важной и влияющей на ход исследования и его последующую интерпретацию. Дело в том, что под разного рода феноменами с приставкой «пост» (постидеология, постполитика, постчеловек, постправда) в философской литературе, в социальных и политических учениях понимаются как самостоятельные феномены, постоянно и субстанциально существующие, и потому равновеликие по своему статусу предшествующим классическим социальным феноменам (идеологии, политике), так и переходные этапы в развитии того или иного социального феномена. При таком понимании постидеология будет пониматься не как самостоятельный и постоянный феномен, а как переход, например, от идеологии к чему-то новому (религии, идеям общественных движений, новой форме идеологии). Мы в основном будем использовать первое понимание, хотя в конце данной статьи отметим те или иные плюсы и минусы второго подхода, ибо как знать, какой из них окажется правильнее. С этим же категориальным вопросом возникает и вопрос социально-онтологический: если мы принимаем второй подход к постидеологии, то оказывается, что мы уже живем в ней, ибо наблюдаем ослабление идеологических позиций, отход на задний план классических, всеохватывающих и громоздких идеологий, таких как социализм, либерализм, консерватизм, национализм. Однако, ввиду того, что мы не до конца понимаем, к чему именно мы переходим, будет логично, на наш взгляд, сначала проанализировать постидеологию как возможный финал пути трансформации идеологии. Затем проанализировать этот путь или маршрут, зная точку отправления – классические идеологии и спрогнозировав финальную точку и ее атрибуты – и рассмотреть постидеологию как полноценный феномен социального бытия.

Кроме вышеназванных теоретически-концептуальных сложностей имеет место быть ситуация, в которой мы как исследователи вынуждены заниматься не только анализом, формированием концепций и прочими классическими философскими штудиями, но и социальным прогнозированием. В свою очередь это сопряжено не только с ответственностью, связанной с теоретическими моментами, но и с ответственностью перед будущими поколениями, которым, видимо, придется жить в постидеологическую эпоху, что, несомненно, накладывает на ученых определенные этические обязательства. Вообще социальное прогнозирование, как показывают и итоги выборов в США, и многие другие ситуации, связанные с неудачами социологов и политологов, является на сегодня весьма сложной, комплексной и, как правило, неблагоприятной задачей. Однако в рамках нашего исследования мы постараемся быть максимально объективными и честными как по отношению к читателям, так и по отношению к самой философии как науке.

Целью данной работы является анализ основных точек зрения на постидеологию и идеологию в контексте информационного общества. Данная цель предполагает решение следующих задач: анализ современной социокультурной ситуации в России и мире, анализ работ авторов, занимающихся идеологической трансформацией, прояснение роли символического кризиса для кризиса идеологии. Данный набор задач позволит, на наш взгляд, наиболее полно реализовать поставленную цель.

Основными методологическими приемами будут системный анализ, принцип историзма и компаративистский анализ.

Исходя из вышесказанного, мы можем указать, что данная тема имеет как научную, так и общественно-политическую новизну и актуальность. Научная новизна заключается в том, что постидеология, являясь сравнительно молодым социальным феноменом, еще практически не изучена, а значит, всякая научная точка зрения способна открыть прежде незамеченные грани изучаемого предмета. Для нас как для исследователей важно прояснить онтологический статус постидеологии в современном мире, ее основные признаки и отличительные черты по отношению к идеологии. Кроме того, необходимо особо подчеркнуть взаимосвязь постидеологии с такими социокультурными парадигмами постмодерна, как смерть автора, символический кризис, вольность в процедуре интерпретации. Особенно важен символический кризис, так как именно символ лежит в основе идеологии как особой системы ценностей, взглядов и норм, способной мотивировать людей на должное поведение и культивацию определенных ценностей.

Общественно-политическая новизна состоит в том, что современное общество со своими ценностями, взглядами, нормами, а также социальными институтами и нормативно-правовыми актами было сформировано в эпоху идеологий, не зря XX век был назван веком идеологий. Таким образом, все социальные образования испытывают определенный дискомфорт и сложности, связанные с необходимостью быстрой трансформации в новых социальных реалиях. В процессе глобализации и компьютеризации скорость коммуникации многократно возросла, и это в свою очередь стало еще одной причиной кризиса классических идеологий, которые чрезмерно «неповоротливы» для нового мира и новых скоростей.

Проблема исследования постидеологии в России также осложнена отсутствием источников на русском языке по данной тематике, вследствие этого нам приходится в определенных моментах брать ответственность на себя или опираться на данные исследований и учений наших зарубежных коллег, поскольку практически никаких классических работ в отечественной философии по данному направлению нет.

При анализе подходов к постидеологии можно выделить три основные точки зрения. Проанализируем каждую из них.

Первая точка зрения, назовем ее условно «оптимистической» (приход постидеологии признается логичным и необходимым), утверждает, что наступает, если можно так выразиться, эра постидеологии. При всем единстве в отношении неизбежности эпохи постидеологического социального пространства в рамках данного дискурса имеются различные оценки феномена постидеологии: от самых позитивных, как у Жижека, одного из главных сторонников и идеологов постидеологии, до довольно сдержанных, если не сказать скептических, оценок, в частности, у Валлерстайна, в контексте его мир-системного анализа. Жижек, поддерживая трансформацию, или качественный скачок идеологии в постидеологию, отмечает, что: «Сегодня общество провозглашает себя в качестве (духовного) гегемона. «Будьте верны себе и т.д.». Это ложная гегемония» [1, С. 4]. Таким образом, переход к постидеологии, по мнению философа, некоторым образом освободит человека, выбьет почву из-под ног тотализирующего момента социального бытия человека, уберет лишнюю детерминацию, открыв для человека возможность быть самим собой.

На наш взгляд, такая позиция несколько сужает понимание идеологии, сводя его сугубо к политической сфере. Несомненно, идеология утратила и продолжает утрачивать свое влияние на жизнь общества, однако мы не можем не замечать тех изменений, которые с ней происходят и еще могут происходить, поскольку мы живем лишь в начале стадии постидеологии. Однако значимым в оптимистической точке зрения для нас является то, что авторы указывают нам на точки разрыва в структуре классической идеологии, что может быть нам полезно при социальном проектировании и прогнозировании.

Согласно второй точки зрения, обозначим ее как «пессимистическую», постидеология есть образование искусственное, взятое не из жизни, социальных и политических реалий, а рожденное, образно говоря, в лаборатории философа. Данный взгляд на проблему постидеологии в своей сущности обвиняет философию и философов во лжи и искажении фактов. В частности, Микаэль Фриден отмечает: «Понятие «постидеологической» эпохи – это такое маскирующее устройство, это экран маскирующий, который построен теми, кто намерен жестко распрощаться с макроидеологиями, которые могли бы жить своей собственной жизнью и тем самым угрожать агентски богатым концепциям человеческой инициативы и контроля; теми, кто желает скрытно перейти в эту показную пустоту для того, чтобы создать свой собственный антиутопичный, но в то же время недостижимый образ гегемонии; а также те, кто до сих пор придерживаются сильного антиинтеллектуализма, в котором идеи являются маргинальными эпифеноменами. Может быть, мы просто не смотрим на мир и общество достаточно тщательно; возможно, мы не настроены наблюдать мимолетные и хрупкие проявления нынешних идеологий; может быть, даже их эфемерность отражает запутанную и тревожную ситуацию перехода из традиционно сдерживающих форм языка и обычаев, по крайней мере, так это выглядит на поверхности» [2, С. 12]. В рамках данной точки зрения утверждается, что необходимо отказаться от постидеологии как специфического термина и объекта исследования. По мнению авторов, стоящих на данной позиции, мы имеем дело не с самостоятельным феноменом, а с трансформацией старой доброй идеологии, которая под влиянием масс-медиа, глобализации, унификации лишь претерпела определенные изменения, но при этом осталась собой.

Здесь мы тоже не можем быть полностью согласны с философами, придерживающихся подобных взглядов. Постидеология значительно отличается от идеологии и прежде всего тем, что она уже перестала быть идеологией в классическом смысле слова. Идеология начала сдавать свои позиции, и как следствие, особенно в политическом аспекте, является уже постидеологией, хотя бы в том смысле, что являет собой переход к новому качеству старого

термина. При этом сторонники данной точки зрения правы в том, что полностью идеология не исчезнет, оставшись, на наш взгляд, в форме научной, экономической, профессиональной и иных формах, пусть и в несколько локализованном виде, но продолжая спланировать и мотивировать своих сторонников.

Наконец, третья точка зрения, как это часто бывает в философии, является синтезом первых двух. Данный взгляд является, пожалуй, самым сложным и многогранным. Суть его состоит в том, что идеология в процессе трансформации перестанет быть идеологией в классическом, привычном для нас смысле слова, однако останется в политическом и социальном дискурсе в качестве более подвижного и гибкого регулятора социальных и культурных феноменов, настроения и ценностей граждан государства, условием генерирования новых идей, смыслов и систем ценностей. Говоря более философским языком, будет иметь место странная картина: идеология, изменившись субстанциально, уйдя от своих классических форм, сменив свой привычный облик и при этом став более гибкой, подвижной, перейдя к более локальной, фрагментированной, частной, партикулярной, не перестанет выполнять своих функций. На акцидентальном уровне изменения будут куда менее заметны, что является, с нашей точки зрения, весьма уникальной ситуацией не только для социальной философии, но и для философии. По-видимому, будет иметь место переход к некоей замене подлинной идеологии к ее симулякру, имитации идеологии, причем подмена и локализация идеологии будут заметны лишь для специалистов в области философии, политологии, социологии и других социальных наук, да и то не для всех. Однако мы должны понимать, что, утратив свои имманентные, субстанциальные признаки, идеология перестает быть собой, превращаясь в инобытие самой себя, которое может быть названо постидеологией. К данной точке зрения может быть отнесена позиция Шварцмантеля, который отмечает, что «период идеологической мобилизации граждан прошел, наступила эпоха более свободной политической жизни. Источником такой трансформации, вероятно, стали не только изменения социальной структуры, породившие к жизни более фрагментированную и разрозненную форму общественной жизни, но и знание обо всех ужасах идеологической политики, которые продемонстрировали в XX веке ее радикальные формы» [3, С. 279].

Нам представляется, что данная точка зрения является наиболее адекватным отражением современных социальных реалий. Она указывает как на трансформацию существенных признаков идеологии, так и на сохранение идеологией или феноменом, ее заменившим, роли в обществе, пусть и не такой обширной, как раньше, но по-прежнему значимой для определенных стран (поскольку разные части света находятся на разном уровне общественного развития) и социальных групп.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: идеология претерпела значительные изменения в своих основах. Причиной этого стали общие культурные и социальные изменения, такие как глобализация и информатизация, символический кризис, смерть автора, эпоха постмодерна в целом. При этом, по мнению автора, идеология не канет в лету, а претерпев серьезные изменения, подобно фениксу переродится в новом облике, сократив свой функционал, изменив социальные институты, став более гибкой и мобильной, что совершенно необходимо в условиях новых социальных реалий. Полностью же она не уйдет потому, что человек основывается на тех или иных ценностях, и именно идеология зачастую способна дать их человеку. Даже не протестуя против идеологии, человек использует ее в качестве некоей точки отсчета.

Список литературы / References

1. Slavoj Zizek – Ideology in a post-ideological era // Notater från föredraget – 2009. – 22 p.
2. Michael Freeden. Confronting the chimera of a 'post-ideological' age / Michael Freeden. – Oxford : Centre for Political Ideologies Department of Politics and International Relations University of Oxford, 2004. – 36 p.
3. Шварцмантель Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков : Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология 21в. / И. Валлерстайн – М. : Логос, 2003. – 368с.
5. Кравец А.С. Смыслы и ценности / А.С. Кравец // Вестник МГУ, Серия «Философия». – 2007. – № 6. – С. 21–29.
6. Макаренко В. Главные идеологии современности / В. Макаренко. – Ростов: Феникс, – 2000 – 476 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Slavoj Zizek – Ideology in a post-ideological era // Notater från föredraget. – 2009. – 22 p.
2. Michael Freeden Confronting the chimera of a 'post-ideological' age / Michael Freeden. – Oxford: Centre for Political Ideologies Department of Politics and International Relations University of Oxford, 2004. – 36 p.
3. Shvartsmantel J. Ideologia I politica [Ideology and Politics] / J. Shvartsmantel. – Kharkov : Humanitarnui tsentr [Humanitarian Center], 2009. – 312p. [in Russian]
4. Wallerstein I. Konets znakomogo mira: sotsiologia 21 v. [End to the familiar world: sociology of 21 c.]. / I. Wallerstein. – М. : Logos, 2003. – 368p. [in Russian]
5. Kravets A.S. Smusly I tsennosti [Meanings and values] / A. Kravets // Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo universiteta, seria philosophia [Bulletin of Moscow State University, "Philosophy" series]. – 2007. – № 6. – P. 21–29. [in Russian]
6. Makarenko V. Glavnue ideologii sovremennosti [The main ideology of modernity] / V. Makarenko. – Rostov: Phenics, 2000 – 476 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.114>Коломиец Н.В.¹, Мозговая Т.И.²¹ORCID: 0000-0001-5543-4154, Доктор философских наук, профессор,²ORCID: 0000-0002-0668-3565, Кандидат философских наук, доцент,

Донской государственный технический университет

КАТЕГОРИАЛЬНО-КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ**Аннотация**

В статье рассмотрено: Анализ проблемы идентичности личности рационально предполагает формирование оснований методологических предпосылок рассмотрения личности в рамках историко-философской традиции. Кроме того, попытки научного анализа личности также имеют методологическую традицию. Изначально следует дифференцировать личность как понятие и личность как феномен. Поэтому методологическая логика понятия личности выстраивается по трем основным направлениям: во-первых, категориально-конвенциональный анализ личности, во-вторых, концептуально-исторический анализ личности и, в-третьих, феноменологический анализ личности. В категориально-конвенциональный анализ следует включить конвенцию понятий, близких по семантике категории «личность», подходы к пониманию понятия личности в концепциях философии и истории философии.

Ключевые слова: личность, идентичность личности, категориально-конвенционный анализ, феноменологический анализ.

Kolomiets N.V.¹, Mozgovaya T.I.²¹ORCID: 0000-0001-5543-4154, PhD in Philosophy, Professor,²ORCID: 0000-0002-0668-3565, PhD in Philosophy, associate Professor,

Don State Technical University

CATEGORICAL, CONVENTIONAL AND PHENOMENOLOGICAL PROBLEM ANALYSIS OF PERSON IDENTITY

The article considers the problem analysis of the person identity rationally, it intends the formation of the background for the methodological basis for the examination of a person within the framework of the historical and philosophical tradition. Besides the attempts of scientific analysis of a person also have a methodological tradition. Initially, it is necessary to differentiate the person as a concept and personality as a phenomenon. Therefore, the methodological logic of the concept of person is built around three main areas: first, categorical and conventional analysis of a person; second, conceptual and historical analysis of a person; and, third, a phenomenological analysis of a person. The categorically conventional analysis should include a convention of concepts similar in semantics to a category of person, approaches to understanding the concept of the individual in the concepts of philosophy and the history of philosophy.

Keywords: person, person identity, categorical and conventional analysis, phenomenological analysis.

Очевидной мировоззренческой аксиомой является то, что понятие личности является одним из центральных в философии в целом, а также для истории философии. Феномен личности имманентен только для человека. Личность выступает индикатором индивидуального уникального различия людей, формируя и особое антропологическое бытие, кардинально отличающееся от мира природы.

«Философское познание человека есть по самой своей сути самосознание человека, а человек может осознавать себя лишь при условии, что познающая личность, т.е. философ... осознает себя как личность. Принцип индивидуализации – основополагающий факт бесконечного многообразия человеческих личностей, каждая из которых выходит только такой, а не иной» [1]. Концептуально-исторический анализ предполагает рассмотрение концепций и подходов к пониманию личности в рамках истории философии. Обычно в философском дискурсе представлен повествовательный анализ концепций и теорий авторов в исторической и хронологической последовательности. Однако наша задача состоит в систематике историко-философской рефлексии личности и ее идентичности.

В каждой культурно-исторической эпохе выпестован свой идеал отдельного человека, его отношения к миру. По этой причине наблюдается несовпадение точки зрения философов на генезис личности, характер ее становления и развития, на ее специфические черты. «Мы даже лучше знаем все то, что не есть мы сами, – быть может, человеку менее ясно, что он есть, чем то, что ему встречается. Он остается величайшей тайной для самого себя, ощущая, что в его конечности его возможности как будто начинают простираться в бесконечность» [2]. Ряд исследователей усматривает собственно проблематику личности уже у истоков древней философии, другие считают началом формирования проблемы личности западноевропейское средневековье, третьи – относят генезис искомой проблематики к периоду возникновения социально-гуманитарных и психологических наук. Также многие исследователи сетуют на то, что философия личности как историко-философский очерк пока не существует. Причем, выясняется, что все исследователи останавливаются перед наиболее плодотворной областью постижения личности и ее идентичности – русской критической философией XIX-XX веков. Безусловно, философский поиск сущности понимания личности не утрачивает своей актуальности во все исторические и культурные эпохи. Иначе говоря, рост личностного самосознания и рефлексии прогрессивен и актуален, особенно это заметно в узловых моментах истории человечества, когда проблема личности становится метафизическим ядром поиска сущностных смыслов бытия. «Я никак не воспринималось само по себе, но лишь в контексте некой причастности. Альфой всякого индивида и его омегой была социальная и метафизическая общность, из нее и выводилось и к ней возвращалось – к надличной, авторитарной и абсолютной инстанции – всякое выделение из толпы» [3, С. 140].

Феноменологический анализ требует рассмотрения личности в духе Э. Гуссерля, утверждающего, что «феноменология должна иметь дело с "чистым" сознанием, т. е. с сознанием в феноменологической установке» [4, 140]. Именно систематическая феноменология, согласно Э. Гуссерлю, развертывает свою методологию при изучении личности, не как неких отдельных актов сознания, его рефлексии или эмпирических фиксаций, а пытается проникнуть в сущность одного из самых запутанных и сложных сущностных характеристик человека: «Чистая феноменология как наука, пока она самостна и чужда пользованию экзистенциального положения природы, может быть только исследованием сущности, а не исследованием существования» [4, С. 154]. Важно понимать, неоднократно указывает Э. Гуссерль, что феноменологический анализ – это ни в коем случае не экзистенциальная философия и методология. Личность как реальный феномен может быть познана только в своей сущности. Именно поэтому феноменологический анализ личности направлен на постижение чистого сознания, и, так называемых, «Wesenheiten», т.е. сущностей.

Также в рамках данного исследования предлагается типологический подход к анализу проблемы личности. В основании историко-философской типологии следует положить принцип анализа личности через ее сущностные характеристики жизнедеятельности и самосознания.

Согласно данному критерию в исследовании выделяются две историко-философские эпохи анализа проблемы личности: «эпоха доличностная» и «эпоха личности». «Доличностная эпоха» характеризуется как мировоззренческая предтеча формирования целостной научной концепции личности. В указанную эпоху создается определенная система понятий, которая в дальнейшем будет интегрироваться в категорию личности: это понятия «индивид», «человек», «субъект», индивидуальность. Потому одним из важнейших методологических ходов следует назвать четкое различение понятий индивид, индивидуум, индивидуальность, субъект, человек, личность.

Историко-философский дискурс, выстроенный в логике перехода от доличностной эпохи к личностной эпохе, в рамках данной части работы завершается личностной концепцией Г.В.Ф. Гегеля, утверждающего нравственную субстанциональность личности как значимую самостоятельность сознания» [5, С. 257]. На наш взгляд, немецкое Просвещение окончательно оформляет мировоззренческую парадигму «либерализма личности». В рамках диссертационного исследования намерено вводится данное понятие, которое семантически объединяет и феноменологически выделяет сущность одной из фундаментальных тенденций понимания личности посредством *libertatem* (лат.) – свободы. Это не либерализм в социально-политической и политэкономической трактовке Дж. Локка, И. Бентама, Дж. Милля, А. Смита, а **либертализм** человека и личности в субстанциональном понимании Сократа, римских стоиков, представителей немецкого Просвещения И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля. Например, либертализм личности у Гегеля проистекает из абсолютной свободы духа как знание абсолютного разума о самом себе как чистой личности. «Эта нераздельная субстанция абсолютной свободы возводится на мировой престол, и никакая сила не в состоянии оказать ей сопротивления. В самом деле, так как одно лишь сознание есть поистине стихия, в которой духовные сущности или силы имеют свою субстанцию, то вся их система, которая организовалась и поддерживалась делением на массы, рухнула, когда единичное сознание понимает предмет таким образом, что у него нет никакой иной сущности, кроме самого самосознания, или что он есть понятие абсолютно» [5, С. 315]. Понятие личности является чистым самосознанием, абсолютным понятием свободы. «Я есть само чистое понятие, которое как понятие достигло наличного бытия» [6, С. 16]. Личность представляет собой чистое единство, которое соотносится только с собой, абстрагируясь от соотношения с чем-либо, выступает как беспредельное совпадение с собой, «абсолютная определенность» как индивидуализация (*Vereinzelung*). «Самое высшее, самое заостренное – это чистая личность, которая единственно лишь через абсолютную диалектику, составляющую ее природу, точно так же все охватывает и держит внутри себя, потому что она делает себя тем, что всего свободнее, - простотой, которая есть первая непосредственность и всеобщность» [6, С. 307]. Только благодаря мышлению человек обретает свободу, осознает себя личностью, постигает природу всеобщего, бесконечного в себе [7, С. 118].

В соответствии с историко-философской методологической логикой трактовки личности, в результате категориального, концептуального и феноменологического анализа, определен когнитивный объем понятия личности как антропологической и социокультурной меры единства и целостности, тождества сознания с самим собой в поиске индивидуальности, индивидуального воплощения либертально становящейся целостности посредством механизма идентичности.

Список литературы / References

1. Бубер М. Проблема человека. М.: Изд-во «Ника-Центр, Вист-С. 1998. С. 162.
2. Ясперс К. Философская вера. М., 1991. С. 30.
3. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С.4.
4. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. - Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994.
5. Гегель Г. Феноменология духа, М., Наука. 2000.
6. Гегель Г. Наука логики, в 3-х тт. Т.1. - Москва: Мысль, 1970.
7. Гегель Г. Лекции по философии истории. Издательство: Наука, 2005.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Buber M. Problema cheloveka [The human problem] / M. Buber - M.: Izd-vo «Nika-Centr», Vist-S. 1998. P. 162 [in Russian]
2. Jaspers K. Filosofskaja vera [The philosophical belief] / K. Jaspers - M., 1991. P. 30 [in Russian]
3. Batkin L.M. Ital'janskoe Vozrozhdenie v poiskah individual'nosti [The Italian Renaissance in the search for identity] / L.M. Batkin - M., 1989. P.4 [in Russian]
4. Gusserl' Je. Filosofija kak strogaja nauka [Philosophy as a rigorous science] / E. Husserl - Novocherkassk: Agentstvo Saguna, 1994 [in Russian]
5. Gegel' G. Fenomenologija duha [Phenomenology of Spirit] / G. Hegel - M., Nauka. 2000 [in Russian]
6. Gegel' G. Nauka logiki, v 3-h tt. T.1 [Science of Logic, in 3 vols. V.1.] / G. Hegel - Moskva: Mysl', 1970 [in Russian]
7. Gegel' G. Lekcii po filosofiji istorii [Lectures on the Philosophy of History] / G. Hegel Izdatel'stvo: Nauka, 2005 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.115>Коломиец Н.В.¹, Мозговая Т.И.²¹ORCID: 0000-0001-5543-4154, Доктор философских наук, профессор,²ORCID: 0000-0002-0668-3565, Кандидат философских наук, доцент,

Донской государственной технической университет

КРИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО РАДИКАЛИЗМА, ТЕОРИЯ ЭЛИТАРИЗМА И ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю.ЭВОЛЫ**Аннотация**

В статье рассмотрено: проблема революционного радикализма, культивирующего неонационалистические тенденции в современном научно-философском, политическом и социально-культурном контекстах. Теория элитаризма, предложенная итальянским мыслителем-традиционалистом Юлиусом Эволой, становится все более привлекательной в свете сложных и неоднозначных геополитических процессов начала XXI века (кризис идеи мультикультурализма, новой миграционной волны, острых мировых военных конфликтов и т.п.). Призывы Ю. Эволы к новой радикальной переоценке ценностей, которые могут привести к эскалации идей расовой и национальной исключительности, следует также подвергнуть серьезной философской критике.

Ключевые слова: революционный радикализм, теория элитаризма, переоценка ценностей, концепция Ю. Эволы, критика революционного радикализма.

Kolomiets N.V.¹, Mozgovaya T.I.²¹ORCID: 0000-0001-5543-4154, PhD in Philosophy, Professor,²ORCID: 0000-0002-0668-3565, PhD in Philosophy, associate Professor,

Don State Technical University

CRITICISM OF REVOLUTIONARY RADICALISM, THEORY OF ELITARISM AND RE-VALUATION OF VALUES IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF YU. EVOLA**Abstract**

The paper considers the problem of revolutionary radicalism, and cultivation of neo-nationalist tendencies in the modern scientific, philosophical, political, social and cultural contexts. The theory of elitism, proposed by the Italian thinker-traditionalist Julius Evola, becomes more attractive in the light of the complex and ambiguous geopolitical processes at the beginning of the 21st century (the crisis of the idea of multiculturalism, a new wave of migration, acute world military conflicts, etc.). Yu. Evola's appeals for a new radical reassessment of values that could lead to an escalation of ideas of racial and national exclusivity should also be subjected to serious philosophical criticism.

Keywords: revolutionary radicalism, theory of elitism, revaluation of values, the concept of Yu. Evola, criticism of revolutionary radicalism.

Критика революционного радикализма проецируется в ряде научных проблем либерального толкования элитаризма и нигилизма, констатирующих современные тенденции развития неонационалистических и, откровенно фашистских, идеологических устремлений [1]. Индикационно показательным в этом контекстуальном пространстве является концепция известного итальянского мыслителя-традиционалиста Юлиуса Эволы. Теория, которую выстраивает Эвола в рамках концепции революционного консерватизма, зиждется на системе так называемых «высших ценностей». Аксиологическую систему при этом следует охарактеризовать как обладающая «вечной актуальностью». Концепт «высший принципов» позволят обеспечить в революционный период сохранение преемственности фундаментальных оснований релятивных социально-исторических и культурно-экономических факторов. Эвола констатирует не только проблему переоценки ценностей, как это делает, к примеру, Ф. Ницше, но факт уничтожения всех существующих ныне социальных структур и институтов, т.к. социальные структуры и в современных контекстах требует особого к себе внимания и мер по их сохранению и развитию [2, С. 7]. На самом деле, идея высших ценностей является главной в работах Ф. Ницше, который также не конструирует всю систему ценностей на классовых или национальных различиях. Все ценности в своей основе имеют у Ницше «Wille zur Macht», то есть волю к власти как воплощенную волю в жизни. «Огромные силы освобождаются от оков: но они находятся в противоречии друг к другу; раскованные силы взаимно уничтожают себя. В демократическом строе общества, где всякий – специалист, нет места для “зачем?”, “для кого?”. Нет сословия, в существовании которого многообразные формы страдания и гибели всех отдельных находили бы свой смысл» [3, С. 25]. Радикальная переоценка ценностей в трактовке Эволы, возможна только того, что действительно исторически недействительно, отжило свой век. Бессмысленно в кризисную эпоху судорожно искать новые идеи, которые легко могут привести к авантюрам и еще большим проблемам. «В этом суть подлинного консерватизма, где охранительный и традиционный дух сливаются воедино» [2, С. 9].

Таким образом, сущность революционного консерватизма тесно связана с проблемой переоценки ценностей, создания системы «высших ценностей». При этом для высших ценностей, к которым следует отнести принципы истинного Государства, *imperiū* (*imperiū* – лат. империя, правительство) [4] и *auctoritas* (*auctoritas* – лат. власти) [5], иерархии, справедливости; функциональных классов и категорий ценностей; политического уровня как порядка, превосходящего общественно-экономический уровень, и т.п., не существует перемен, становления и развития. Вечные ценности имеют нормативный, а не исторический характер. В основной философской концепции Эвола выстраивает радикально критический метод, манифестируя крайне правую социально-политическую позицию [8]. Он объявляет себя не революционером, а реакционером, так как термин «революция», считает он, идеологически привязывается к коммунизму [10]. Итальянский традиционалист формулирует основную проблему – поиск человека, способного отграничиться от идеологии либерализма, демократии, коммунизма, то есть от любых тенденций социального гуманизма [2, С. 5]. Какова главная политическая цель? Таковой является создание непримиримой

реакционной оппозиции: «Чёткое деление на друзей и противников... Будущее принадлежит тому, кто имеет мужество занять радикальную позицию – позицию “абсолютных отрицаний” и “высших утверждений”» [2, С. 6].

Сама реакционность рассматривается Эволой в положительном контексте как антагонизм коммунистической революции [11]. Реакция – это не анархия, не беззаконие, бесчестие или позор [2, С. 6]. Эвола оправдывая реакционизм, формулирует апологетику национализма и призывает к активным действиям, утверждая, что на националистическую болезнь следует реагировать заранее, купирова очаги этой болезни, прижигая язвы, тогда можно было бы говорить о возможности избежать общеевропейские и мировые бедствия [2, С. 6].

Само понятие реакции Эвола связывает с идеей консервативной революции как возврату к отправной точке как обновляющей силы [2, С.7]. Эвола делит консерваторов на истинных и ложных [12]. Истинные консерваторы, по мнению автора, должны отстаивать высшие образцы нравственности, права, традиций, общенациональных идей и принципов [2, С.8]. В отличие от марксистской теории классовой борьбы и классовой идеологии, Эвола отрицает любую привязку консервативной идеологии к какому-либо классу (в частности к буржуазии как экономическому классу). Необходима некая общая концепция сохранения современной цивилизации, которая будет опираться на высшие ценности и интересы [2, С. 8-9].

Новая консервативная идеология, предлагает Эвола, должна основываться на надклассовой системе ценностей, «высших ценностях». Согласно концепции революционного консерватизма, ложный консерватизм преследует и ложные цели, опираясь на поддержку экономических классов [9].

Проблему бесплодности ложного консерватизма следует решать, считает Эвола, незамедлительно. Как К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о том, что классовые отношения изжили себя, также и Эвола отмечает, что частные формы продления жизни исчерпали свою жизнеспособность и отжили свой век [2, С. 9].

Таким образом, Эвола создает концепцию революционного консерватизма. «Для истинного революционного консерватора вопрос состоит в сохранении верности принципам, а не тем учреждениям и институтам прошлого, которые являются лишь частными формами выражения этих принципов, пригодными в конкретное время для конкретной страны» [2, С. 9].

Давайте далее более подробно рассмотрим саму теорию элитаризма. Элитаризм Эвола рассматривает в отношении с бонапартизмом и макиавеллизмом. При этом он подробно ссылается на идеи немецкого мыслителя Роберта Михельса. Михельс в своей работе «Политические партии. Социологический анализ олигархии. Тенденции современной демократии» [6, С. 7] отмечает, что «Democracy leads to oligarchy, and necessarily contains an oligarchical nucleus» [6]. В первую очередь Михельс говорит о партийной олигархии, ее неизбежности «в жизни партии, в связи с ростом этой олигархии на пути демократии возникают проблемы, которые наглядно проявляются в политической жизни всех ведущих воюющих наций» [6, С. 6]. Анализируя в пятой главе своей работы «Люди и руины» элитаризм, Эвола показывает его неразрывную связь с бонапартизмом, и макиавеллизмом, причем все эти формы, считает он, проявляются и в современных политических условиях [7].

Попытки толкования элитаризма всё чаще приводят к тому, что мы признаем некую исключительность политического лидера, его гениальные и высшие личностные качества. Однако эта позиция не принимается Эволой, который считает, что мы «не способны признать их (лидерские политические качества) за тем, кто выражает собой традицию и особую «духовную расу» и чье величие, в отличие от первого, зиждется на принципе, идее, на высшей безличности» [2, С. 72]. Таким образом, и бонапартизм, и макиавеллизм, и элитаризм – все они останавливаются на уровне индивидуализма, не могут поднять до уровня «высшей безличности», за которую ратует Эвола, по этой причине элитаризм основывается, прежде всего, на общечеловеческих ценностях, а не на личных интересах и гениальности конкретного правителя.

Список литературы / References

1. Юдин К.А. Традиционализм барона Юлиуса Эволы: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. — 2014. — № 7. — С. 113-128.
2. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. – М.: АСТ:АСТ Москва:Хранитель, 2007. С. 5.
3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: «REFL-book», 1994. С. 25.
4. Хансен Х.Т. Политические устремления Юлиуса Эволы. — Москва-Воронеж: TERRA FOLIATA, 2010. — 176 с.
5. Mark Sedgwick. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. — New York: Oxford University Press, 2004.
6. Michels Robert Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical. Tendencies of Modern Democracy/ Batoche Books, Ontario. Canada. 2001. P. 6.
7. Котов С.В. Творчество Юлиуса Эволы и актуальные концепты фашизма // северо-восточный научный журнал. — 2007. — № 1. — С. 17-19.
8. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эволы и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. — 2015. — № 1(17). — С. 52-62.
9. Юлиус Эвола, Рене Генон, Фридрих Шюон. Касты и расы. — Тамбов: Ex Nord Lux, 2010. — 168 с.
10. Эвола Ю. Традиция и Европа. — Тамбов: Ex Nord Lux, 2009. С. 48.
11. Эвола Ю. Традиция и раса. — Новгород: Толерантность, 2007. С.25-26 .
12. Эвола Ю. Фашизм: критика справа. — М.: Реванш, 2005. С. 61 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Judin K.A. Tradicionalism barona Juliusa Jevoly: ob idejnyh is-kanijah konservativnogo revoljucionera [Traditionalism Baron Julius Evola: an ideological quest conservative revolutionary] / K.A. Judin // Filosofskie nauki [Philosophical sciences]. - 2014. - № 7. - P. 113-128. [in Russian]

2. Jevola Ju. Ljudi i ruiny. Kritika fashizma: vzgljad sprava [People and ruins. Criticism of Fascism: a view from the right.] / J. Evola Per. s isp. V.V. Vanjushkinoj [Trans. with Spanish. V.V. Vanyushkina.] - M.: AST:AST Moskva: Hranitel', 2007. P. 5.
3. Nicshe F. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [Will to power. Experience the revaluation of all values] / F. Nietzsche - M.: «REFL-book», 1994. P. 25 [in Russian]
4. Hansen H.T. Politicheskie ustremleniya Juliusa Jevoly [The political aspirations of Julius Evola] / H.T. Hansen - Moskva-Voronezh: TERRA FOLIATA, 2010. - 176 p. [in Russian]
5. Mark Sedgwick. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century - New York: Oxford University Press, 2004.
6. Michels Robert Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy/ Batoche Books, Ontario, Canada. 2001. P. 6.
7. Kotov S.V. Tvorchestvo Juliusa Jevoly i aktual'nye koncepty fa-shizma [Creativity Julius Evola and current concepts of fascism] / S.V. Kotov // Severo-vostochnyj nauchnyj zhurnal [Northeast scientific journal] - 2007. - № 1. - P. 17-19. [in Russian]
8. Judin K.A. Nacional-socializm, fashizm vo vzgljadah Juliusa Jevoly i nekotorye teoreticheskie problemy konservatizma [National socialism, fascism in the views of Julius Evola and some theoretical problems of conservatism] / K.A. Yudin // Na puti k grazhdan-skomu obshchestvu [On the way to a civil society] - 2015. - № 1(17). - P. 52-62. [in Russian]
9. Julius Jevola, Rene Genon, Frit'of Shuon. Kasty i rasy [Julius Evola, Rene Guenon, Frithjof Schuon. Caste and race] - Tambov: Ex Nord Lux, 2010. - 168 p. [in Russian]
10. Jevola Ju. Tradicija i Evropa [Tradition and Europe] / J. Evola - Tambov: Ex Nord Lux, 2009. P. 48. [in Russian]
11. Jevola Ju. Tradicija i rasa [Tradition and race] / J. Evola — Novgorod: Tolerantnost', 2007. P.25-26. [in Russian]
12. Jevola Ju. Fashizm: kritika sprava [Fascism: the criticism from the right] / J. Evola - M.: Revansh, 2005. P. 6. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.009>

Корниенко Н.В.

Учитель английского языка,

ГБОУ СОШ №257 Пушкинского района, Санкт-Петербург

РЕКЛАМА И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ РАСПАДА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Аннотация

В данной статье рассмотрены понятия мультикультурализма и рекламы, как двух философских феноменов, возникших в результате распада онтологической нормы. Онтологическую норму мы трактуем как понятие символа, которое является центральным в философии имяславия П. Флоренского. В основу исследования положена «конкретная» метафизика П. Флоренского получившая развитие у его последователей – А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, а также современными учеными - В.А. Фриауфом, В.В. Канафьевой. Предприняты попытки дать философское осмысление явлений рекламы и взаимодействие ее в современном мультикультурном обществе.

Ключевые слова: язык-знак, язык-символ, мультикультурализм, реклама, онтологическая норма, «конкретная метафизика» П. Флоренского.

Kornienko N.V.

Teacher of English,

State Budget Educational Organization "Secondary School № 257", St. Petersburg, Pushkin

ADVERTISEMENT AND MULTICULTURALISM AS RESULT OF DISSOLUTION OF THE ONTOLOGICAL NORM

Abstract

This article is devoted to the conception of multiculturalism and advertisement as two philosophical phenomena resulting from the dissolution of the ontological norm. We understand the ontological norm, as a concept of the symbol, which is of the central position in the Philosophy of Name by P. Florensky. The basic underlying cause of the research is "Concrete" metaphysics of P. Florensky which has been developed by his followers – A. F Losev, S.N. Bulgakov and modern philosophers – V.A. Friauf, V.V. Kanafyeva. Certain attempts have been made to give a philosophical understanding of the phenomena of advertising and its interaction in a modern multicultural society.

Keywords: sign-language, symbol-language, multiculturalism, advertising, ontological norm, "Concrete" metaphysics by P. Florensky.

В настоящее время как отечественными, так и зарубежными учеными широко изучены экономические, социологические, культурологические, а также лингвистические аспекты рекламы как вида языкового сообщения, определяющего модель поведения общества потребления в условиях современного мультикультурного пространства. Но, несмотря на многолетнюю и плодотворную исследовательскую работу, наблюдается отсутствие фундаментального системного исследования мультикультурного дискурса в рекламе, в частности в рамках философских традиций.

Философское осмысление феномена рекламы и ее функция в современном мультикультурном обществе всегда требовали подробного изучения. Будучи явлением как философским, так и социокультурным, мультикультурализм проник в жизнь современного общества прочно и основательно, сформировав свою уникальную систему взаимодействия человека и вещей, в которой функции рекламы определена одна из основополагающих ролей.

Впервые термин «мультикультурализм» был введен в Швейцарии в 1957 г. и в дальнейшем получил распространение в Канаде в 60-х годах XX века с целью обозначить наличие факта культурных различий в обществе, в противопоставление употреблявшемуся на тот момент термину «бикультурализм». Впоследствии термин приобрел понятие как «как политика, нацеленная на защиту этнокультурного многообразия» [1]. Сегодня мультикультурализм трактуется двумя путями: как семантическое понятие, определяющее общество, в котором наблюдается сосуществование многообразия различных культур; как реакция общественности на культурное многообразие, подразумевающая под собой некую политику противодействия различным негативным явлениям, как этнические конфликты, нетерпимость, создание федеральных автономий и т.д.

Понятие "реклама" происходит от латинского слова "reclamare" - выкрикивать. В то же время, наблюдается другое заимствование для определения этого понятия из того же латинского языка - ad vertere, что означает «повернуться лицом». Понятие рекламы в его современном варианте впервые определила Американская маркетинговая ассоциация в конце 19 века: «реклама — любая платная форма неличного представления и продвижения идеи или услуг от имени известного спонсора» [2]. Потребность в обозначении процесса убеждать потребителей приобретать больше термином была обусловлена стремительным ростом товаров и услуг вследствие внедрения в производство механизации.

Существует несколько определений рекламы, данных с различных точек зрения. По мнению С. Зимена, основателя и владельца «Zuman Marketing Group» и выдающегося специалиста по рекламе XX столетия, реклама - это все, связанное с распространением в обществе информации о товарах и услугах с использованием всех имеющихся на тот момент средств коммуникации [3, С. 32]. По Ф. Котлеру, реклама представляет собой неличные формы коммуникации, осуществляемые посредством платных средств распространения информации, с четко указанным источником финансирования [4, С. 523]. Среди отечественных исследователей наиболее распространенное определение рекламы было дано И. Я. Рожковым. Он определяет рекламу как некий вид деятельности, а также продукцию, которая произведена в результате этой деятельности. При этом цель рекламы заключается в реализации сбытовых и других задач компаний различного профиля путем распространения ими информации, которая оплачена компаниями и направлена на оказание усиленного воздействия на сознание потребителя, и которая должна вызывать определенную реакцию конкретной целевой аудитории [5].

Как мы видим, понятия рекламы, которые известны на сегодня, как правило, сведены к тому, чтобы охарактеризовать рекламу как вид сообщения с целью позиционирования товара или услуги относительно аналогичных товаров, и даются в основном исходя из маркетинговых категорий. Анализ самого феномена рекламы как объекта философского учения, а также ее влиянию в мультикультурном обществе, уделялось недостаточно внимания со стороны мыслителей в первую очередь по той причине, что философия - наука древняя, в то время как реклама в ее современном понимании - явление новое и, вследствие этого, не до конца сформировавшееся как философская категория. Тем не менее, попытки описать феномен рекламы предпринимались с древних времен. Хотя на тот момент дефиниций, определяющих рекламную деятельность, как таковых, отсутствовало, первые шаги охарактеризовать процесс донесения информации о вещи, предмете или явлении наблюдаются в сочинении Платона «Мир идей и мир вещей».

Проблему философского феномена рекламы и ее взаимодействия в мультикультурном мире попытались отразить в своих работах философы - представители постмодернистской эпохи Ж. Бодрийяр, У. Эко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Мосс.

На рубеже 19-20 вв. возникает явление, при котором трудно идентифицировать вещь с ее смыслом. Это явление озаменовано резким скачком общества индустриального в общество постиндустриальное. В это время знак начинает сам себя копировать, происходит тиражирование знака в результате массового производства вещей. На этой же стадии развития общества происходит нарушение так называемой онтологической нормы, в которой присутствует язык - символ, отражающий полноту парадигматических установок. В процессе нарушения онтологической нормы кроме языка-символа при расколе появляется язык-знак, и возникают две традиции: традиция имени и традиция числа, причем каждая традиция говорит на своем языке. Само собой начинается зарождение феномена рекламы - детища языка-знака. В современной знаковой интерпретации мы определяем феномен рекламы как результат симуляции символической реальности знаковой, когда знак не только симулирует символ, но и претендует на первое место, активно вытесняя символ. Сегодня реклама, исходя из ее знаковой конструкции - это своеобразная «метка» вещи, но по «явленной» составляющей реклама есть не что иное как «метка» симулякра, а не самой вещи. Ей важно отражать не суть вещи, а показать массовость, таким образом, запуская процесс поверхностного восприятия вещей. Происходит определенный процесс гиперболизации в условиях гиперреальности. Реклама, не давая возможности до конца осмыслить суть и предназначение одного товара, навязывает другой, с теми же функциями и тем же предназначением. Явление мультикультурализма — это также продукт распада онтологической нормы на язык-символ и язык-знак.

Таким образом, на протяжении всей истории развития общества идет борьба между языком - символом и языком-знаком. В рекламе сознательно и бессознательно присутствуют присущие ей составляющие символа. И, если не отклоняться от пути языка-символа, пытаясь сохранять изначальный смысл рекламируемой вещи, то, несмотря на процессы гиперреальности, реклама, как информационный контент, может стать понятной для всех традиций, обществ в условиях мультикультурной реальности.

В связи с этим и возникает потребность изучить межкультурный аспект в рекламе через призму языка-символа и языка-знака, описать развитие рекламы как языкового сообщения в процессе трех стадий развития семиозиса.

В основе семиозиса лежит теория Ч. Пирса о триадической природе знакового отношения объект — знак — интерпретанта. Согласно этой теории, знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой [6]. Знак - носитель, который сообщает уму что-то извне. При этом объектом является то, что он обозначает, а значение - то, что он сообщает. Пирс определяет интерпретанту как идею, которую вызывает знак. Из этого следует,

что знак, чтобы быть знаком, должен быть интерпретирован, т.е. иметь интерпретанту, иными словами, быть истолкован.

Впоследствии теорию семиозиса развил Э. Кассирер, выделив три этапа развития знака [7]. Дополнив идеи семиозиса Кассирера идеями симулякров Бодрийяра, и используя авторский подход на основе философии имяславия (П. А. Флоренский, А.Ф.Лосев, В.А. Фриауф, В.В. Канафьева) можно говорить о процессе развития языка, проходящего три стадии семиозиса:

Первая стадия - стадия языка-символа, или «репрезентации сакральной вещи». Э. Кассирер называет эту стадию «мимической» - знак порождается точным воспроизведением означаемого. Смысл и явление дополняют друг друга,

Вторая стадия – «стадия аналогии» (по Кассиреру). На этом этапе в результате топологического смещения символ распадается на смысл и явление, сакральность (духовность) вещи уходит на второй план, ее заменяет пустота, которая начинает заполняться иными смыслами. Тем не менее, связь означаемого и означающего продолжает какое-то время сохраняться.

Третья стадия – пустоты, наполнившись собственными смыслами, начинают отделяться от символа и сами себя размножать. На этом этапе наблюдается господство знака, который пытается симулировать символ, имитировать его через процессы мышления. В результате логических процессов возникает язык-знак. Язык-знак представляет собой подделку, иными словами, симуляцию языка-символа.

Несмотря на многолетнюю и плодотворную исследовательскую работу, наблюдается отсутствие фундаментального системного исследования мультикультурного дискурса в рекламе, в частности в рамках философских традиций.

Соответственно, для полного осмысления философского феномена мультикультурализма в рекламе остаются недостаточно исследованными следующие аспекты:

- во-первых, недостаточно проведен анализ философской мысли рекламы;
- во-вторых, не проанализирован генезис феномена рекламы в процессе семиозиса языка;
- в-третьих, место рекламы в рамках гиперболизации смысла, которое несет рекламное сообщение, не определено;
- в-четвертых, отсутствует обоснование факта сущностного изменения смысла рекламы в процессе прохождения стадий семиозиса.

Проведя анализ различных подходов к изучению рекламы как межкультурного феномена, мы наблюдаем, что с позиции как отечественных, так и зарубежных исследователей, большее внимание уделяется феномену мультикультурализма в рекламе, как явлению социокультурному. Соответственно, для полного осмысления философского феномена мультикультурализма в рекламе необходимо исследовать следующие аспекты:

- во-первых, провести анализ философской мысли рекламы;
- во-вторых, проанализировать генезис феномена рекламы в процессе семиозиса языка;
- в-третьих, определить место рекламы в рамках гиперболизации смысла, которое несет рекламное сообщение, не определено;
- в-четвертых, найти обоснование факта сущностного изменения смысла рекламы в процессе прохождения стадий семиозиса.

Список литературы / References

1. Luís Cordeiro Rodrigues. Multiculturalism.// Internet Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.iep.utm.edu/multicul/> (дата посещения: 01.09.2016).
2. Commercial advertisement. //University of Washington. [Электронный ресурс] URL: <http://depts.washington.edu/chinaciv/graph/tcommmain.htm> (дата посещения: 01.09.2016).
3. Зимен С., Бротт А. Бархатная революция в рекламе. / С. Зимен, А. Бротт. – М.: Эксмо, 2003. 288 с.
4. Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Д., Вонг В. Основы маркетинга/ Пер. с англ. 2-е Европ. Изд. – М.; СПб., Киев: Издательский дом «Вильямс», 2002. 813 с.
5. Рожков И. Я., Международное рекламное дело. – М.; "Банки и биржи". 1994.
6. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Перевод с английского В.В. Кирюшенко, М.В.Колопотина СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского ф-та СПбГУ; Алетейя, 2000. –352 с.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Luís Cordeiro Rodrigues. Multiculturalism.// Internet Encyclopedia of Philosophy. [Electronic resource] – URL: <http://www.iep.utm.edu/multicul/> (accessed: 01.09.2016).
2. Commercial advertisement. // University of Washington. [Electronic resource] URL: <http://depts.washington.edu/chinaciv/graph/tcommmain.htm> - (accessed: 09/01/2016).
3. Zimen S., Brott A. Barkhatnaya revoljutsija v reklame. [The Velvet revolution in advertising] / S. Zyman, A. Brott //– М.: Eksmo, 2003. 288 p. [in Russian].
4. Kotler F., Armstrong G., Sonders D., Wong W. Osnovy Marketinga. [Basic marketing]/ F. Kotler, G. Armstrong, D. Sonders, W. Wong//Translated from English, 2nd European Edition – М.; SPb., Kiiv: Willams Publishers, 2002. 813 p. [in Russian].
5. Rozhkov I.J., Mezhdunarodnoje reklamnoje delo. [International advertising business] I. Y. Rozhkov. – М.; " Banks and Stocks". 1994. [in Russian].
6. Pirs C. S. Logicheskiye osnovanija teorii znakov. [Logic grounds of signs' theory] Pierce C.S. / Translated from English by V.V. Kiryushenko, M.V. Klopotin – SPb.: Laboratory of metaphysic research, Faculty of Philosophy SPbSU; Aleteya, 2000. –352 p. [in Russian].
7. Kassirer E. Filosofija simvolicheskikh form. Tom 2. Myfologicheskoe myshlenije. [Philosophy of symbolic forms. V. 2. Mythological thinking].E. Kassirer — М.; SPb.: University book, 2001. 280 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.117>Мингулов Х.И.¹, Филатов Т.В.², Ходыкин В.В.³¹Кандидат физико-математических наук, Самарский государственный экономический университет²Доктор философских наук, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики³Кандидат философских наук,

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БАЗЫ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**Аннотация**

В предлагаемой всеобщему вниманию статье, главным образом, поднимается вопрос о роли такого широко известного направления классической мысли как эмпиризм в формировании нового рационального восприятия окружающей нас действительности в рефлексивной и когнитивной практике. В данном исследовании речь идет также о самой активной роли эксперимента, наблюдения и их анализа в получении готового знания, необходимой проверке его на соответствие исследуемой действительности, другими словами, на истинность. Весьма значительное внимание уделяется ведущей роли классической мысли в целом и эмпиризма в частности, а также зарождающейся в то время науки фактически в современном ее понимании в построении сложно структурированной и логически тесно взаимосвязанной картины мира.

Ключевые слова: эмпиризм, познание, язык, опыт, метод, наука, эксперимент, наблюдение, факт, разум, рациональность.

Mingulov K.I.¹, Philatov T.V.², Khodykin V.V.³¹PhD in Physics and Mathematics, Samara State economic university,²PhD in Philosophy, Volga State university of telecommunications and informatics³PhD in Philosophy, Samara national research university named after academician S. P. Korolev**FORMATION OF FUNDAMENTAL BASIS OF RATIONAL THINKING: PROBLEM STATEMENT****Abstract**

The present paper considers mainly the issue of the role of such a well-known area of classical thought as empiricism in the formation of a new rational perception of the reality around us in a reflexive and cognitive practice. This study is also devoted to the most active role of experiment, observation and analysis in obtaining a ready-made knowledge, a necessary conformity check with the test of reality, in other words, a reality test. Much attention is given to the leading role of classical thought in general, and empiricism, in particular, as well as science emerging in its modern sense at that time in building of a highly structured and logically closely interrelated picture of the world.

Keywords: empiricism, knowledge, language, experience, method, science, experiment, observation, fact, reason, rationality.

Зарождение нового типа рационального мышления в XVII-XVIII столетиях на базе традиционной античной и средневековой метафизики в существенной степени было связано с возникновением такого важного типа освоения окружающего мира, как научное познание в его классическом варианте. Этот тип рационального мышления несет с собой свое содержание, методологические принципы и установки, а также фокусирует внимание на специфических проблемах, главным образом, ориентированных на формирование необходимых для зарождающейся классической науки методов познания. Подобного рода явления, прежде всего, связаны с появлением близкого нашему современному восприятию нового типа экспериментального естествознания. В частности, в рамках сформировавшихся исходных исторических предпосылок возникают благоприятные условия для активного проведения экспериментов и наблюдений в области классического естествознания, которое довольно скоро подвергнется известной структуризации с образованием широко известных в настоящее время отраслей науки: физики, механики, химии, биологии, астрономии. Получаемые в зарождающейся классической науке знания стало необходимым подвергать проверке на истинность посредством опыта непосредственного взаимодействия исследователя с изучаемой действительностью. Прежде всего, это дало импульс к зарождению эмпирической исследовательской традиции как одного из важнейших направлений в философии Нового времени.

Пожалуй, наиболее яркий представитель эмпиризма на исходе Ренессанса и на заре Нового времени или, как еще можно его назвать, Просвещения Френсис Бэкон отчетливо предвосхищает мир новой классической философии и науки, методологию фундаментальных исследований. При этом мыслитель в значительной степени сохраняет тесную связь с классическим схоластическим средневековым мирозерцанием, безусловно, будучи одним из самых известных его наследников.

Само собой, подход к новому рациональному исследованию окружающей действительности приобретает все более и более специфические черты на фоне предшествующих исторических эпох. Более того, надо говорить, что одной из центральных проблем здесь выступает проблема поиска знания об окружающей действительности, а также научного метода познания, основанных исключительно на рациональном восприятии мира. В тоже время считалось, что в научном исследовании следует руководствоваться исключительно фактами наблюдений, экспериментов, детального анализа и расчетов. А фундаментом различных областей науки должна стать философия с соответствующим научным методом. Это, пожалуй, в большей степени и породило тот когнитивный феномен, что нами привычно называться рациональностью в классическом смысле этого слова.

В истории философии Ф. Бэкон выступил как провозвестник опытного естествознания и научного метода. Ему удалось создать образ новой науки, отправляясь от твердо принятых и продуманных представлений о значении знания в обществе и человеческой жизни. Главным делом философа становится разработка и обоснование нового метода

познания. Такой метод для Бэкона должен оказаться одним из важнейших в инструментарии рефлексивной и когнитивной деятельности как на эмпирическом, так и на теоретическом ее уровнях.

В этой связи широко известная фраза философа «Знание – сила», можно сказать, стала путеводной звездой в прояснении задач и целей новой классической философии и зарождающегося научного знания в современном его понимании. Бэкон полагал, что «человек как исследователь Природы, настолько понимает ее, насколько он осознает ее устройство» [2, С. 12]. Мысль Ф. Бэкона в этой связи очевидным образом направляется на решение весьма важной для того времени задачи по критическому анализу всевозможных источников заблуждения традиционной философии, а также поиску наиболее оптимальных методов познания. В результате, критическая часть программы Бэкона, если так можно выразиться, становится ответственной за формирование методической дисциплины научного разума.

Мыслитель считал необходимым очистить познающий разум от разного рода «предрассудков», а также сформировать так называемую единую систему наук. «Первая философия» выступает в данном случае неким выражением целостности природы, «это собрание постулатов, которые будут универсальными в различных отраслях науки» [1, С. 212]. Своего рода освобождение исследовательского разума продиктовано, на взгляд Бэкона, господством над сознанием людей так называемых «идолов», или призраков. Идолами философ называет заблуждения разума, искажающие познание. Заблуждения, согласно его мнению, бывают индивидуальные и присущие человеческому познанию в целом. Как известно, мыслитель выделяет четыре их основных вида: идолы рода, пещеры, рынка и театра [2, С. 18]. Но, по сути, это весьма аллегорическая форма демонстрации важнейших источников заблуждений нашего разума в процессе познания и рефлексии.

Сила разума, по убеждению Ф. Бэкона, демонстрируется в организации наблюдения и эксперимента, что дает возможность услышать голос самой природы и интерпретировать сказанное ею истинным образом. «Важно надеяться на тесную взаимосвязь опыта и рассудка» [2, С. 59]. Таким образом, философ видит ценность разума в его способности получения истины из опыта, в котором она как раз и заключена. Разум как таковой не содержит в себе истин бытия и, будучи отрешен от опыта, неспособен к их открытию. Бэкон предлагает рассматривать разум через опыт посредством извлечения истины из него. При этом, опыт в своем рассмотрении не нуждается в ссылках на разум. Опыт может позиционироваться как независимая от разума категория. В частности, известный современный мыслитель Б. Рассел по этому поводу писал, что Ф. Бэкон имеет «колоссальное значение для формирования индуктивного метода и логической систематизации научного познания» [5, С. 53].

Томас Гоббс продолжает линию эмпиризма и развивает сенсуализм. Правда, в отличие от Бэкона Гоббс уделяет больше внимания системности своей мысли. В трактате «О теле» философ строит теорию познания, где пытается выяснить, познаваем ли мир, в каких границах, в чем критерий истинности человеческого разума. «... Страх, сопровождающий всех людей благодаря незнанию причин, должен иметь какой-нибудь объект» [3, С. 82]. Гоббс утверждает, что все знание происходит из ощущений. При этом чувства не ограничивают разум в его деятельности, так как разум, получая данные от органов чувств, начинает оперировать ими и добывать новое знание. Это привело мыслителя к заключению о наличии двух видов познания: чувственного и рационального. Фундаментально обоснованное знание постигается в процессе рационального освоения мира. Любопытно то, что отдельно взятое чувственное познание по своим итогам не предоставляет окончательно обоснованной картины изучаемой действительности. Таким образом, рациональное познание по окончательным итогам предоставляет искомое полностью достоверное знание, что можно констатировать как признанный учеными определенного профиля научный факт.

В ощущениях Гоббс выделяет два основных элемента: реальный и воображаемый. Реальный элемент заключается в физиологической реакции тела на раздражение. Воображаемый элемент представляется в большей степени в сознании, а также в сфере бессознательного, в снах, галлюцинациях и других кажущихся восприятиях. По этому поводу философ утверждает, что «человеческое превосходство связано с привилегией абсурдов, которым не подвержено никакое другое существо» [3, С. 33]. Так как воображаемого элемента на самом деле не существует, то подлинным источником познания выступают реальные ощущения посредством взаимодействия органов чувств и их раздражителей, то есть объектов окружающего нас мира. В результате взаимодействия ощущений в разуме возникают представления, то есть угасшие ощущения, которые производят определенный отпечаток в душе, имеющий возможность некоторое время сохраняться, при этом постепенно теряя свою актуальность.

Готовые знания оформляются, как известно, в языковой форме, то есть в связи между словами, высказываниями, предложениями, суждениями, умозаключениями. В данном контексте важным критерием истинности в опоре на разум Гоббс рассматривает непротиворечивость суждения, а также согласованность или соответствие знания действительности. В этой связи все важнейшие положения исследовательской теории полагаются на известные логические законы. Разного рода предположения в данном контексте подчиняются имеющимся причинно-следственным связям.

Похожей линии в своих рефлексивных изысканиях придерживается и другой мыслитель рассматриваемой традиции, Джон Локк. Его интересует проблема происхождения знания вообще, а также возможности и пределы человеческого познания в частности. В случае, если познающий субъект упустит из виду то, что он может знать, вполне реально угроза сползания в сферу излишнего традиционализма и неуверенности в своих эвристических поисках. Все это, как известно из длительной истории интеллектуального развития человечества, способно весьма ощутимым образом замедлить наши исследования. По этой причине для проведения подобного рода изысканий философ полагает необходимым и достаточным иметь четкое представление о способностях и границах применения человеческого разума. В противном случае, как предостерегает мыслитель, исследование как раз рискует оказаться в поле притяжения скептицизма или всевозможного рода догматических ошибок.

Локк убежден в том, что наглядная демонстрация процесса получения знания является своеобразным ключом к исследованию возможностей человеческого познания. По этой причине мыслитель проявляет интерес к вопросу о происхождении и об источниках познания. В данном контексте автор сразу оговаривает за собой возможность использовать термин «идея», под которым он понимал все то, чем занят разум в процессе мышления. Таким образом

Локк пытался избежать отождествления своих «идей» с их платоновским содержанием. Полемизируя с кембриджскими платониками, а также с рационалистами, прежде всего, Декартом, Локк в трактате «Опыт о человеческом разумении» говорил, что «люди посредством своих природных способностей, ..., могут обрести необходимое знание и обеспечить его достоверность» [4, С. 75–76]. Иначе говоря, идеи у мыслителя выступают результатом их взаимодействия с внешним миром, то есть они приобретенные. Стремясь обосновать тезис о том, что идеи не врожденны человеку, Локк приходит к мысли о достаточности всего лишь показать, откуда они происходят. Истоки убежденности во врожденности идей Локк усматривает в лености мышления. Так как человеческому разуму лень заниматься поисками подлинных источников познания, он и делает выводы о врожденности идей. Основным источником познания философ в сложившейся эмпирической традиции считает опыт. Он выделяет два основных вида опыта – внутренний и внешний. Поэтому Локк в данном случае полностью разделяет точку зрения сенсуализма, что все знание происходит из ощущений, при этом придерживаясь более широкой линии эмпиризма. Локк в рамках эмпирической традиции видит завершение познания в признании абстрагирующей роли теоретического познания. При этом данные ощущений, восприятий и представлений обобщаются и систематизируются на уровне понятийного мышления.

При рождении душа человека, согласно мысли античных стоиков, являет собой чистую доску. При помощи воздействия на органы чувств в душу входят идеи, поэтому в разуме есть только то, что приходит в него посредством наших чувств. Это привело Локка к известному выводу о том, что разум наполняется необходимым ему содержанием из данных чувств. Одни идеи приходят в душу посредством только одного чувства, другие – при помощи нескольких чувств. Есть простые идеи, которые приходят в душу посредством рефлексии. Таковы действия разума в отношении идей мышления, воли, то есть возникающих посредством внутреннего опыта. Также есть простые идеи, которые возникают посредством как ощущения, так и рефлексии, например, идеи удовольствия, страдания, существования, единства. Стараясь конкретизировать выдвигаемые в данном контексте принципы познания, Локк утверждал, что «идеи происходят от ощущения и рефлексии...» [4, С. 128]. В данной ситуации под рефлексией предлагается иметь в виду размышления, связанные с сомнениями, противоречиями, а также с анализом мыслей, переживаний, наблюдений собственного психического состояния.

В свете сказанного можно полагать, что идея возникает в результате обретения разумом данных от органов чувств. Локк обращается к разуму в классическом понимании, полагая, что идея возникает как отражение вещи в самой душе и поэтому это сложно логически обосновать. Правда, здравый смысл наводит на мысль, что истинным является положение, которое отражает действительное положение вещей. В результате истинными или ложными могут быть только связи между идеями и вещами. При этом у Гоббса, истинными или ложными могут быть только взаимоотношения между словами как знаками. Иначе говоря, идеи связаны как предметы, отражением которых являются идеи, связанные в действительности. Правда справедливости ради, нужно констатировать, что Локк, наоборот, заявляет о бессмысленности разговора о взаимодействии между идеями, поскольку истинной может быть только связь между идеями и вещами.

В результате, говоря о классической мысли в качестве ее важнейших заслуг, прежде всего, следует отметить вклад в формирование особого рационального теоретического и практического освоения мира в разрезе его самых различных компонентов. Это, в свою очередь, позволяет констатировать колоссальные заслуги классической мысли в целом и эмпиризма, в частности, а также зарождающейся в то время науки фактически в современном ее понимании в построении целостной логически взаимосвязанной картины мира. Таким образом, приведенные доводы дают нам возможность вполне обоснованно говорить о рождении новой (классической) рациональности в рефлексивной и когнитивной практике.

Резюмируя вышеизложенное, можно полагать, что рассматриваемые элементы новой рациональной в своей основе способствовали направлению в новое русло как философского дискурса, так и родившегося фактически в эту эпоху научного познания в современном его понимании с опорой на эксперимент, наблюдение, а, значит, и разум. Как часто можно слышать, в эпоху Просвещения философия фокусирует свое внимание, прежде всего, на разработке инструментария для развития нового рационального освоения окружающего мира. Как следствие, ключи к разрешению проблем, стоявших перед тогдашней философской рефлексией, в значительной степени следует искать в специфике формировавшегося нового типа рациональности. В свою очередь основы данного типа рациональности как раз и закладывались в рамках философии того времени. Иначе говоря, проблемы научного познания, рождение нового типа рациональности со всей неизбежностью находят свое отражение и в философском дискурсе. Как широко известно, философская рефлексия всегда была некоей квинтэссенцией эпохи.

Список литературы / References

1. Бэкон Ф. Сочинения. В двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. – С. 177-222.
2. Бэкон Ф. Сочинения. В двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – С. 10-82.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 29-119.
4. Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. – М.: Соцэкгиз, 1960. – С. 27-142.
5. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Т. 2. Кн. 3. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. – С. 43-78.
6. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3 От Возрождения до Канта. – СПб.: Пневма, 2002. – 880 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bacon F. Sochineniya: v 2 tomakh. T. 1. [Compositions: in 2 volumes. V. 1.] – М.: Mysl, 1971. – P. 177-222. [in Russian]
2. Bacon F. Sochineniya: v 2 tomakh. T. 2. [Compositions: in 2 volumes. V. 2.] – М.: Mysl, 1972. – P. 10-82. [in Russian]

3. Hobbes T. Leviathan ili materiya, phorma i vlast gosudarstva cerkovnogo i grajdanskogo // Sochineniya: v 2 tomakh. T. 2. [Leviathan or Matter, form and power of the state Church and civil // Compositions: in 2 volumes. V. 2.] – М.: Mysl, 1991. – P. 29-119. [in Russian]
4. Locke, John. Izbrannie philosophskie proizvedeniya: v 2 tomakh. T. 2. [Selected philosophical works: in 2 volumes. V. 1.] – М.: Sotsekgiz, 1960. – P. 27-142. [in Russian]
5. Russell B. Istoriya zapadnoy filosofii I ee svyazi s politicheskimi I socialnimi usloviyami ot antichnosti do nashikh dney. T. 2. Kn. 3. [History of Western philosophy and its connection with political and social context from antiquity to the present day. V. 2. B. 3.] – Novosibirsk: Isdatelstvo novosibirskogo universiteta, 1994. – P. 43-78. [in Russian]
6. Reale G, Antiseri D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. T. 3. [Western philosophy from the origins to the present day. V. 3. From Renaissance to Kant]. – SPb.: Pnema, 2002. – 880 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.084>Петров И.Ф.¹, Петрова С.И.²¹Доктор философских наук, профессор, Академия маркетинга и информационных технологий,²Кандидат культурологии, преподаватель, Академия маркетинга и информационных технологий**ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПОТРЕБНОСТЬ» В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ****Аннотация**

В статье рассматривается проблема человеческих потребностей, их природа и роль в человеческой жизни. Любые потребности всегда детерминированы общественными отношениями и, с этой точки зрения, они представляют собой социокультурное явление. Авторы обращаются к становлению категории «потребность» и в частности, к их толкованию философами Античности. И приходят к выводу, что изучение потребностей в Античности происходило, в том числе, в русле материалистических воззрений и было связано, в основном, с гедонизмом и эвдемонизмом.

Ключевые слова: античность, потребности, человек, нужда, общество.Petrov I.F.¹, Petrov S.I.²¹PhD in Philosophy, Professor, Academy of marketing and information technology,²PhD in Culture Studies, teacher, Academy of marketing and information technology**UNDERSTANDING THE CATEGORY OF NEED IN ANCIENT GREECE****Abstract**

The problem of human needs, their nature and role in life are considered in the paper. Any needs are always determined by social relations, and, from this point of view, they represent a social and cultural phenomenon. The authors refer to the formation of the "need" category and, in particular, to its interpretation by the philosophers of antiquity. The authors come to the conclusion that the study of needs in antiquity took place, among other things in the mainstream of materialistic views and was associated mainly with the hedonism and eudemonism.

Keywords: antiquity, needs, people need society.

Любые потребности всегда детерминированы общественными отношениями и, с этой точки зрения, они представляют собой социокультурное явление. История развития потребностей, их осмысление, есть история развития общества, писал К. Маркс: «...Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большей мере от культурного уровня страны...» [1].

Как же происходило становление категории «потребность»?

Интерес к потребностям человека отмечается уже у Античных философов. Рассматривая человеческую природу, они фиксировали ее социальную детерминацию.

Именно в эпоху Античности было отмечена роль потребностей в жизни человека и общества, а также произошло разделение потребностей на материальные и идеальные (духовные). Так, например, Гераклит Эфесский (544 – 483 гг. до н. э.), изучая социальное назначение золота, благодаря которому возможен обмен, то есть, сопоставляя потребности людей и общества, по сути, показывает, что вне потребностей невозможно познание основ бытия человека и его сущности. Хотя Гераклит в своих сочинениях и не говорит напрямую о потребностях, для нас интересно его представления о человеке. Гераклита волнует связь человека с мировым разумом. Все материальные превращения, считает философ, осуществляются «законсообразно», при этом часть людей следуют им, другие нет. В основании же отличий потребностей человека находятся его "грубые психеи" [2]. Всякое желание покупается ценой психеи, «поэтому злоупотребление вожделениями ведет к ее ослаблению». Умеренность в удовлетворении потребностей содействует развитию и совершенствованию интеллектуальных способностей человека. При этом Гераклит не придерживался мысли, что различие человеческих потребностей зависит от происхождения, богатства и иных особенностей. Рассматривая потребности человека, Гераклит считал, что они зависят от условий жизни, поэтому свиньи радуются грязи, ослы золоту предпочитают солому, птицы купаются в пыли и золе.

О потребностях писали Антифонт из Афин (V в. до н. э.), Демокрит Абдерский (460 – 370 гг. до н. э.), Эпикур (342 – 271 гг. до н. э.) [3, С. 321, 344]. Их изыскания происходили в русле материалистических воззрений и были связаны, в основном, с гедонизмом и эвдемонизмом, ядро которых составляло обоснование человеческого поведения стремлением к счастью и наслаждению.

Антифонт, например, утверждал, что все люди, по своей природе, равны, так как «...у всех людей нужды от природы одинаковы... И в самом деле, мы все одинаково дышим воздухом - через рот и нос - и едим мы все одинаково - при помощи рук» [3, С. 321].

Демокрит также сравнивал потребность с нуждой, считая, что последняя является побудительной силой действий человека: «Действительно, сама нужда служила людям учительницей во всем, наставляя их соответствующим образом в познании каждой вещи...» [4]. Он обращал внимание на отличие самой потребности от средств ее удовлетворения, говоря, что человек не знает границ удовлетворения своих потребностей.

Эпикур отождествляя потребности и желания попытался дать их классификацию, выделяя естественные и необходимые потребности: «одни - естественные, другие - пустые, и из числа естественных одни - необходимые, а другие - только естественные; а из числа необходимых одни необходимы для счастья, другие - для спокойствия тела, третьи - для самой жизни» [3, С. 357]. Таким образом, Эпикур обуславливал существование человека с обязательным удовлетворением своих необходимых потребностей: «Путь к счастью возможен тогда, когда человек, руководствуясь разумом и волей, удовлетворяет эти естественные и необходимые потребности» [5].

Кроме философов-материалистов потребности изучали и философы-идеалисты, делавшие основной акцент на разграничении животных и человеческих потребностей.

По Платону (428 – 348 до н. э.) носителем потребностей человека является не его тело, а душа. Поэтому их особенности объясняются жизнью души в прошлых существованиях. А так как существование души имеет телесную оболочку и при физической жизни имеет определенную свободу выбора, человек может приобрести дурные привычки, и, как следствие, сформировавшиеся в результате жизнедеятельности разнообразные потребности человека, оказывают опосредованное влияние на будущее существование души. Роль потребностей здесь проявляется в том смысле, что одних людей по жизни ведет материальный (телесный) интерес, других духовный (идеальный). Отсюда, душа не бывает полностью чистой и при своих следующих существованиях опосредуется определенными потребностями человека.

Под потребностью Платон понимал нужду. Потребностью (нуждой) каждого общества является стремление «к сожитию многих общников и помощников» [6, С. 369]. Сожитие есть потребность (нужда) - «когда, имея нужду во многом, мы располагаем к сожитию многих общников и помощников, тогда это сожитие получает у нас название города» [3, С. 396]. По Платону потребность была основой формирования государства. Государство «...возникает тогда, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности...» [7].

Исходя из того, что потребность есть нужда, Платон выводит базовые потребности, руководствуясь их возрастом: «Первая и самая большая потребность - это добыча пищи для существования и жизни; вторая потребность - жилье, третья - одежда и так далее» [7].

Аристотель (384 – 322 гг. до н. э.) выделил следующие потребности человека: государство, семья, взаимное сохранение и общение. Семья, по его мнению, это и есть «общение», служащее удовлетворению «повседневных надобностей». «А тот (человек), кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребностей ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством» [8, С. 379]. Таким образом, Аристотель обращает внимание на то, что одной из важнейших потребностей человека является принадлежность к обществу (государству).

По мнению философа, в качестве основы для социального деления общества выступают различия в способностях. А различие людей по способностям обусловлено развитием различных искусств для удовлетворения необходимых потребностей. Высшей потребностью человека является потребность в удовольствии и наслаждении, так как удовольствие ведет к добродетели [9, С. 351–357]. Стремление к счастью, одна из важнейших потребностей человека, а счастье, есть занятие в духе добродетели. Государство должно быть заинтересовано в том, чтобы человек становился добродетельным, ибо такой человек перенесет любые невзгоды [9, С. 613].

Аристотель отмечает, что все люди «от природы» равны между собой, а социальное неравенство возникает вследствие различной деятельности свободных граждан и рабов: «...жизнь - активная деятельность, а не продуктивная... чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, (что могут делать рабы), ...ведь раб по природе - тот, кто может принадлежать другому, ...(он) способен понимать ...приказания, но сам рассудком не обладает. Что же касается остальных живых существ, то они не способны к пониманию приказаний рассудка, но повинуются движениям чувств ...своими физическими силами оказывают помощь в удовлетворении наших насущных потребностей». И дальше: «...свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни... Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие - рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо» [9, С. 384].

Другой Античный философ Сократ (ок. 469 – 399 гг. до н. э.) говорил о необходимости соединения личных и социальных потребностей. Только разум, по его мнению, в состоянии анализировать потребности, преодолевать неразумное отношение к жизни и неразумным потребностям. Тем самым Сократ обосновал проблему разумных потребностей человека. Отождествляя добродетель и знание, он считал, что потребности обуславливаются требованиями сознательного разума. Мудрость, всеблагодать, справедливость, благочестие и добродетель должны составлять структуру нравственных принципов человека и, в конечном счете, стать его потребностью. Высшей потребностью по Сократу, является добродетель, как главная цель жизни человека, а ее основным источником является творческое начало нравственности [10, С. 31–40].

Нужно отметить, что проблема потребностей человека занимала умы и других древних философов. Таких, например, как Диоген Синопский (ок. 412 – 323 гг. до н. э.), Антисфен (444 – 370 гг. до н. э.), Протагор (490 – 420), Аристипп (435 – 355 гг. до н. э.), Тит Лукреций Кар (ок. 99 – 55 гг. до н. э.), Сенека Луций (4 до н. э. – 65 н. э.) и др. Все они, в основном, рассматривали потребности через нравственную призму поведения человека или через его отношение к миру.

Так, например, Лукреций считал, что в качестве движущей силы поведения человека лежит «нужда» и потребность. В своей книге «О природе вещей» Лукреций описывает первобытного человека более сильным, в сравнении с современником. Скромные потребности первобытных людей легко удовлетворялись, и не было необходимости в каких-то усовершенствованиях. Лукреций демонстрирует природные свойства человека, которые, по его мнению, приобретены благодаря цивилизации – изначально «природным» в человеке было только эгоистическое стремление к удовольствию. Лукреций показывает первобытного человека, как одиночку, не знающего никаких моральных норм, у которого отсутствуют социальные связи, стремящегося лишь к удовлетворению своих примитивных потребностей. Таким образом, Лукреций указывает на характер первичных свойств человека, лежащих в основе его поведения.

Понимание и становление категории «потребность» уходит своими корнями к самым началам философской рефлексии и берет свое начало в Античной, древнекитайской и восточной мысли. Однако именно в эпоху Античности была отмечена роль потребностей в жизни человека и общества, а также произошло разделение потребностей на материальные и идеальные. Уже тогда, рассматривая природу человека, философы обращали внимание на ее общественную обусловленность. Так, например, считалось, что потребности человека – это форма его зависимости от общества.

Изучение потребностей в Античности происходило, как в русле материалистических воззрений и было связано, в основном, с гедонизмом и эвдемонизмом, основу которых составляло обоснование человеческого поведения стремлением к счастью и наслаждению, так и в рамках философско-материалистических учений, делавших основной акцент на разграничении животных и человеческих потребностей.

Список литературы / References

1. Маркс К., Энгельс Ф. Превращение денег в капитал // Пол. Собр. соч. – Т. 23. – С. 182.
2. Материалисты древней Греции. М. 1955. – С. 51.
3. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1. Ч. I. – М.: Мысль, 1969. – 576с
4. Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. – С. 739.
5. Богомолов А.С. Античная философия. М.: Изд-во моск. ун-та, 1985. – С. 254.
6. Платон /Пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1971. – 687 с.
7. Платон. Государство // Соч. – Т. 3. Ч. 1. – С. 145.
8. Аристотель. Политика. – М., 1983. – С. 380.
9. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4 / Аристотель; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
10. Сократ. Платон /Е. Н. Орлов; Аристотель / Е. Ф. Литвинова; Сенека / П. Л. Краснов; Бруно / Ю.М. Антоновский: биогр. очерки. – СПб.: ЛИО Редактор, 1994. – 326 с.
11. Петров И. Ф., Петров Л. И. Личность в контексте культурных потребностей. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 150с.
12. Петрова С.И. Социальные потребности и культурные процессы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 151 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. K. Marx and F. Engels, *Prevrashcheniye deneg v kapital* [Conversion of Money into Capital] // Full. Coll. of works. – V. 23. – P. 182. [In Russian]
2. *Materialisty drevney Gretsii* [Materialists of Ancient Greece]. M., 1955. – P. 51. [In Russian]
3. *Antologiya mirovoy filosofii. V 4 t.* [Anthology of World Philosophy. in 4 v.] V.1. Part I. – M.: Misl, 1969. – 576p. [In Russian]
4. Lurie S.Y. *Demokrit. Teksty. Perevod. Issledovaniya.* [Democritus. Texts. Translation. Research.] L., 1970. – P. 739. [In Russian]
5. Bogomolov A.S. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. M.: Moscow University Press, 1985. – 254 pp. [In Russian]
6. Platon [Plato] / Translated from Ancient Greek. Ed. by A.F. Losev and V.F. Asmus. – M.: Misl, 1971. – 687 p. [In Russian]
7. Plato. *Gosudarstvo* [State] // Vol. – T. 3. Part 1. – P. 145. [In Russian]
8. Aristotle. *Politika* [Policy]. – M., 1983. – P. 380. [In Russian]
9. Aristotle. *Sochineniya* [Works]. In 4 vols, V. 4 / Aristotle.; Ed. by A.I. Dovatur. – M.: Misl, 1984. – 830 p. [In Russian]
10. Socrates. Platon [Plato] / E. Orlov; Aristotel [Aristotle] / E.F. Litvinova; Seneka [Seneca] / P.L. Krasnov; Bruno [Bruno] / Y.M. Antonovskii: biogr. essays. – SPb.: LIO redactor [LIO editor], 1994. – 326 p. [In Russian]
11. Petrov I.F., Petrov, L.I. *Lichnost v kontekste kulturnykh potrebnostey* [Personality in the Context of Cultural Needs]. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. – 150p. [In Russian]
12. Petrova S.I. *Sotsialnye potrebnosti i kulturnye protsessy* [Social Needs and Cultural Processes]. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. – 151 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.130>Покровская Е.М.¹, Рaitина М.Ю.¹, Горских О.В.²¹Кандидат философских наук, Доцент, ²Кандидат педагогических наук, Доцент,

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

**ИНТЕГРАЦИЯ КЛАСТЕРОВ «НАУКА-ОБРАЗОВАНИЕ-ПРОИЗВОДСТВО»: ПРОБЛЕМА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ****Аннотация**

В статье рассмотрены основные подходы к проблеме интеграции базовых социальных институтов: наука-образование-производство. Авторы предлагают решение данной проблемы в контексте методологии «тройной спирали», предполагающей институциональное взаимодействие через уровневый механизм формирования кластерной среды. Данный механизм включает в себя три базовых уровня: уровень управления, уровень предложения, уровень спроса и реализации. В основу управления кластерным взаимодействием положен принцип поддержания стабильной работы с постоянной адаптацией к имеющимся условиям (к актуальному состоянию окружающей среды). Практическая значимость работы заключается в универсальности внедрения для корреляции комплексного функционирования системы.

Ключевые слова: методология «тройной спирали», уровневый механизм, кластерная среда.

Pokrovskaya, E.M.¹, Raitina M.U.¹, Gorskiikh, O.V.²¹PhD in Philosophy, Associate professor, ²PhD in Pedagogy, Associate professor,

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,

**INTEGRATION OF SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND PRODUCTION CLUSTERS: THE PROBLEM OF
INTERACTION****Abstract**

The scientific problem of the article is concentrated on the search for new forms and ways of science-education-production clusters' interacting. The authors propose a mechanism for the integration of clusters including control level, supply level, demand and implementation level; triggering mechanism for ensuring the effective interaction is the set of minimum necessary management actions formulated (articulated) for each level. Scientific and practical novelty consists in the development and description of an ideal model of clusters' interaction management on the basis of the control deviation method.

Keywords: "triple helix" methodology, level mechanism, cluster's environment

Introduction

Engineering education is now considered as a priority in the country that determines the growth of production efficiency and economy in the whole. Last decade in Russia it has been actively discussed the integration of science, education, production and finding new forms of their potentials' connection. Scientific knowledge and experience on the issue that is needed to understand the processes of innovation and technological development, allow conceptualizing the model of science - education – production system interaction. Under cluster we understood a block of several objects, similar in functionality and assembled together for the convenience of access and increase performance. At present there is a large-scale network of cluster infrastructure. At the same time localization of its functioning is observed, including inadequate provision of general methodological and conceptual framework for cluster interaction support. For the successful formation of innovation infrastructure it is obligatory to make a set of scientific, organizational and theoretical activities, the main of which is the creation of innovation and technology centers, coordinating the cluster system functioning. It is noted that the topic of the clusters' systems' interaction in the context of transdisciplinarity, multidisciplinary, interdisciplinarity is relevant when searching for enhancing the effectiveness of various types of intellectual activity: education, fundamental research and solving engineering problems. According to H. Etzkowitz, new collaboration in the sphere of innovations among production (enterprises), education (universities) and science [4].

Subject and methods of research

Theoretical and methodological base of the research are the laws and principles of system analysis (integrity, complexity, unity, systemic), management theory, organization theory. As a basic research tool methods of system, strategic and expert analysis are used. To create a functional model of interaction management control deviation method is used. It suggests the presence of a system that continuously monitors the quality of training, scientific and technical activities and research results on the basis of foresight estimates and analysis of the demand for the different training fields. One of the basic characteristics of this method is the presence of feedback in the system, allowing to measure the system S_i at any particular time, compared to a given management vector, and to develop control actions in the right direction.

Survey results analysis

The world practice shows that the development of innovative infrastructure is becoming a major feature of modern clusters, because it determines the effective mechanism of their functioning. However, the need to adapt it to the Russian reality is obvious. As noted in the literature [1–4], mostly clusters are aimed at achieving the following objectives:

- improving the competitiveness of all cluster members through the introduction of new technologies;
- formation of technological breakthrough vectors;
- knowledge commercialization;
- improving the efficiency of knowledge-intensive services through synergies;
- advanced development of knowledge generation environment.

Cluster types are defined on the various bases, e.g. on institutional, geographical, sectoral orientation (innovation, industrial, regional, transnational, etc.).

Considering ideas and concepts of implementation in the Russian practice we articulate a number of difficulties, namely:

- there is no systematic institutional interaction between scientific, educational and industrial clusters, and no mechanism of clusters' systems' interaction;
- there is a problem of implementation of research results and innovative scientific development and further commercialization;
- there is no long-term forecasting of training for the real economy;
- there are insufficiently implemented social, geopolitical, economic regulation of integration processes;
- there are not established tradition of innovative entrepreneurial thinking in scientific discourse.

Based on the problems mentioned above, we represent the institutional system of the cluster interaction science - education - production.

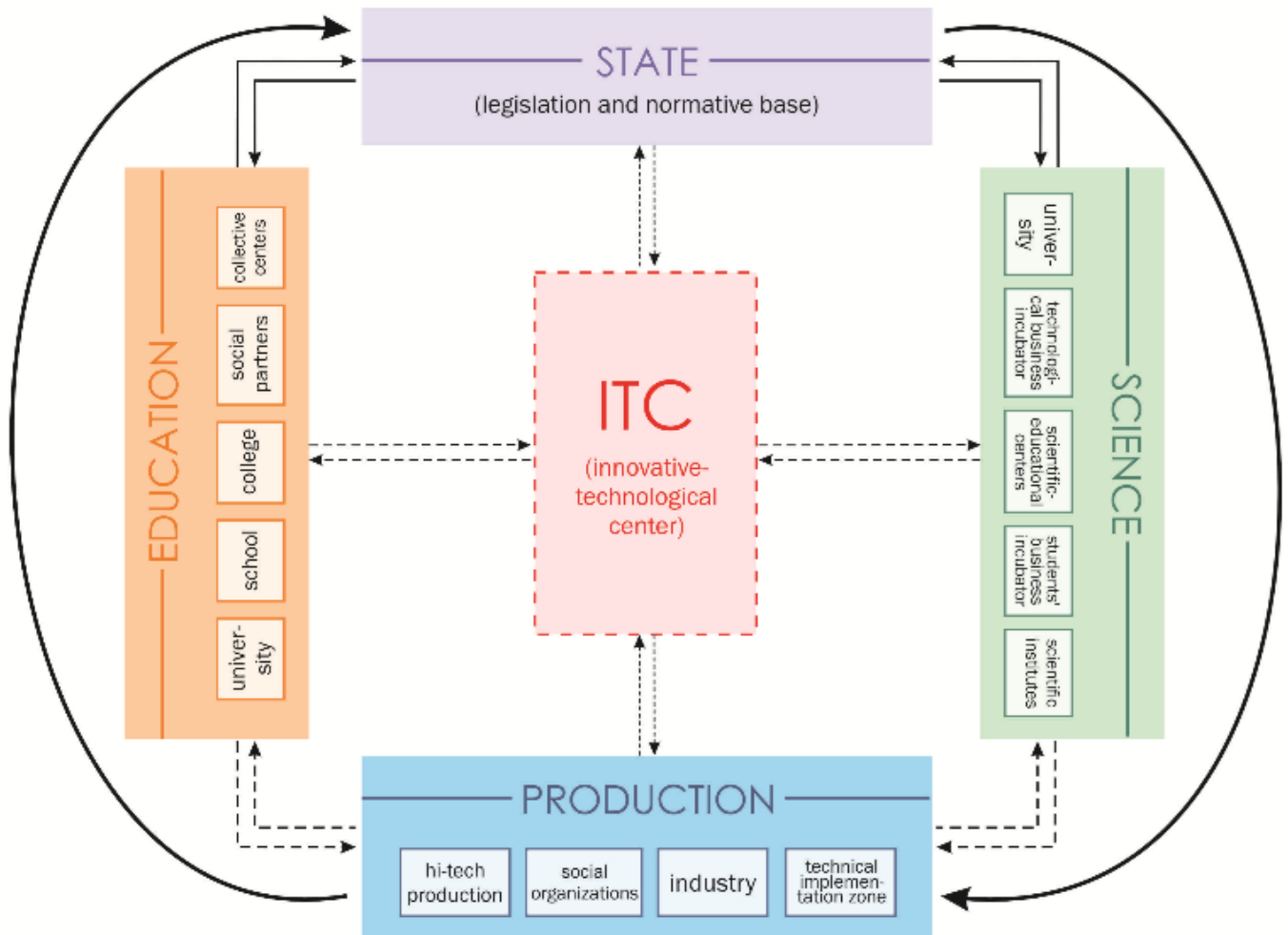

Fig. 1 – The cluster interaction system

Fig. 1 shows the functional elements' relation of the cluster system, where the leading role is given to innovation and technology centers, performing an integrative part. We also note the need to develop a new methodology for cluster management systems and new principles of the state support mechanisms for cluster initiatives and cluster organizations [2].

To create a general methodological and conceptual framework we formulate the concept of innovation and technology center in relation to this study. Innovation and Technology Center serves as the organizational and managerial mechanism in the form of institutional cluster initiated by the state, fixed at the federal, regional, legislative levels, and supported by all members of the cluster interaction.

Discussion

In order to answer the question "How is it successfully to do effective management of cluster interaction?" It represents an ideal model of management in Fig. 2.

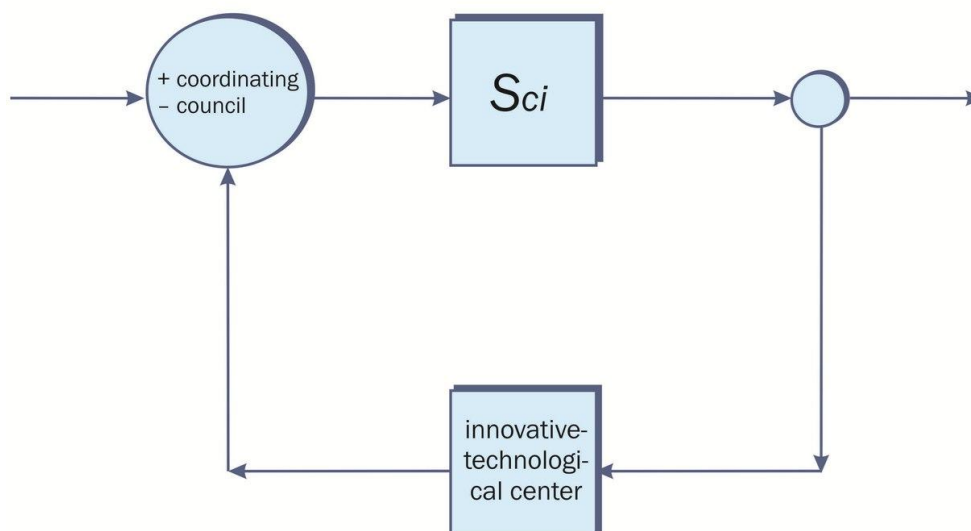

Fig. 2 – The ideal model of clusters' interaction management

The basis of the clusters' interaction management is the principle of maintaining stable functioning with constant adaptation to changing conditions (to the current state of the environment). The proposed mechanism provides the necessary precision, stability and control process quality. It is possible to calculate control algorithm of the effective clusters' interaction mathematically by using the methods of mathematical programming, statistical methods, cognitive modeling, cybernetic models such as "input-output" for the solution of management problems.

This model includes a control system of the cluster interactions (Sci), innovative-technological center (ITC) serving as an integrator, the Coordinating Council performing function of a control action.

Considering the mechanism of clusters' integration we highlight the basic structured levels that contain a set of minimum necessary actions to manage clusters. Objectives for each level are shown below.

Control level:

- to create a unified system of cluster interaction;
- to coordinate the demand of specialists of a certain level of qualification and offer appropriate jobs;
- to develop a systematic work on the development of innovation and entrepreneurial thinking society;
- to develop a strategic program for interaction in existing markets;
- to prepare the legal documentation, process interaction regulations;
- to carry out targeted intensive training with profiling students, the selection by the director of the company which holds the practice;
- to develop a system for evaluating the performance and interaction of clusters with a view to their timely reorganization in case of reduction or termination of their functionality.

Supply level:

- to increase participation in continuing education network sites: school-university-enterprise;
- To provide internship sites in the workplace;
- To ensure the employability of graduates;
- to extend the range and the area of innovation by disseminating scientific and educational and industrial cluster environment.

Demand and implementation level:

- to take into account the changing requirements of employers as the main customers of vocational education and its quality;
- to develop forecasts of skill requirements, to make predictive estimates;
- to build the database for target preparation;
- to accompany graduates, to provide consulting services for employment;
- to monitor the needs of the world market in the production/innovative scientific achievements;
- to expand requirements for the competence of workers in scientific and educational spheres.

Conclusion

The authors conclude:

- ✓ the proposed "ideal model" will help to build effective management of the cluster elements of the interaction on the basis of the control deflection method;
- ✓ developed by the authors, the mechanism of cluster interaction depending on the considered market may change the content of the estimates, spatial positioning, etc., using this "know-how" enables us to justify and build a successful integration system of science-education-production clusters with the aim of sustainable development of Russia's economy, the transfer of its innovative ideas and developments on the international market;
- ✓ it is necessary to carry out the monitoring and examination of existing successful interactions at specific local sites for the purpose of extrapolating them at regional, federal and international level;
- ✓ the main obstacle in the clusters' interaction is the lack of a methodological framework for the cluster systems' management in the context of innovative interdisciplinary projects.

Список литературы / References

1. Алексеев В. П. Системный анализ и методы научно-технического творчества / В. П. Алексеев, Д. В. Озеркин. – Томск : ТУСУР, 2012. – 183 с.
2. Суслова Т. И. Человек в мире – мир в человеке / Т. И. Суслова, Е. М. Покровская, М. Ю. Раитина. – Томск : ТУСУР, 2012. – 162 с.
3. Хайдуков Д. С. Применение кластерного анализа в государственном управлении. Философия математики: актуальные проблемы / Д. С. Хайдуков. – М. : МАКС Пресс, 2009. – 287 с.
4. Etzkowitz H. The Dynamics of Innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of University – Industry – Government Relations / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // J. Research Policy. – 2000. – № 29. – P. 109–123.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alekseev V. P. Sistemnyj analiz i metody nauchno-tehnicheskogo tvorchestva [System analysis and methods of scientific and technical creativity] / V. P. Alekseev, D. V. Ozerkin. – Tomsk : TUSUR, 2012. – 183 p. [in Russian]
2. Suslova T. I. Chelovek v mire – mir v cheloveke [A human in the world – the world in a human] / T. I. Suslova, E. M. Pokrovskaja, M. Ju. Raitina. – Tomsk : TUSUR, 2012. – 162 p. [in Russian]
3. Hajdukov D. S. Primenenie klasternogo analiza v gosudarstvennom upravlenii. Filosofija matematiki: aktual'nye problemy [Use cluster analysis in public administration. Philosophy of mathematics: actual problems] / D. S. Hajdukov – M. : MAKS Press, 2009. – 287 p. [in Russian]
4. Etzkowitz H. The Dynamics of Innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of University – Industry – Government Relations / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // J. Research Policy. – 2000. – № 29. – P. 109–123.